

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2024 Том 26 № 4

Политические смыслы, теория идентичности и история идей

Приглашенный редактор *А.А. Шириняц*

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал
Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашиар Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований.

Издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки и ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать международному научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНПИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор *И.Л. Панкратова*
Редактор англоязычных текстов *Д.Б. Казаринова*
Компьютерная верстка *И.А. Черновой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 936-85-28; e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 25.12.2024. Выход в свет 28.12.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 25,60. Тираж 500 экз. Заказ № 1721. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2024 VOLUME 26 No. 4

Political Meanings, Identity Theory and the History of Ideas

Guest editor *A.A. Shirinyants*

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Scientific Secretary of the Center “Religion in Modern Society” of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University)

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English.

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's

Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in Political Sciences (majors History and Theory of Politics, Political institutions, processes, technologies, Public administration and sectoral policies, International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Literary Editor *Irina L. Pankratova*
English Text Editor *Daria B. Kazarinova*
Computer Design *Irina A. Chernova*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board

RUDN Journal of Political Science:
10, bldg 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28; e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Казаринова Д.Б., Ширинянец А.А. Политические смыслы, теория идентичности и история идей: представляем номер 597

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Денильханов А.Х. Многополярный мир: современная политическая повестка..... 605

Белозёров В.К. Конституция как объект политологического анализа 619

Ромашкина А.Б., Киричук Д.А. Трансляция ценностно-смысловых нарративов в публичной цифровой коммуникации: возможности и ограничения 630

Беклямишев В.О. Функциональная роль исторических аналогий в российском и украинском президентских дискурсах о специальной военной операции..... 644

Стрелец И.Э. Авторитаризм и демократия как ключевое противоречие в подходах к изучению политического лидерства 658

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ

Авакян Д.А., Андерсон К.М., Тальская О.Д. У истоков чартизма: Джеймс О’Брайен 675

Чанышев А.А., Кузнецова В.А. Социология знания Карла Мангейма и методологические основания истории социально-политических идей 685

Кургинова Д.Ю., Ямамото К. У истоков азиатизма: манчжурская утопия Сугиямы Сигемары 700

Худайбергенов Г.Р. Лингвистический контекстуализм Кембриджской школы: проблема идеи как исторического действия..... 709

ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ

Назукина М.В. Этническая идентичность в переписях как инструмент институциональных изменений: теоретический аспект 720

Семенов И.С., Пантин В.И., Морозова Е.В. Кино как зеркало идентичности, идентичность в зеркале кино 733

Медушевский Н.А. Идентичность и социально-политическое самоопределение народности эве в Гане и Того 753

Мчедлова М.М. Российская цивилизационная идентичность как основа ценностной целостности и государственной политики 768

Почта Ю.М. «Москвич» — «немосквич»: от дихотомии противопоставления к поиску тождества 786

Туркин И.А. Позитивное развитие идентичностей в условиях перемен	807
Иохим А.Н. Стратегия государства по укреплению российской макрополитической идентичности в цифровом пространстве: динамика и перспективы	819
Шлыкова Д.Н. Социально-политические размежевания в российском обществе: восприятие молодежи	840

СТАТЬИ-РЕЦЕНЗИИ

Фадеева Л.А. Идеологическая аргументация внешнеполитической идентичности Соединенных Штатов Америки	853
Бухарин М.Д. Преодолевая традиционный комплекс неполноценности русской интеллигенции: рецензия на книгу: Русская политическая мысль: о государстве, о стране, о народе : учебник для вузов / под ред. Г.Т. Сардаряна, Т.А. Алексеевой. Москва : Аспект пресс, 2024. 807 с.	860
Гуторов В.А., Ширинянец А.А. Либеральный образ жизни как политико-философская проблема: размышления над книгой: Lefebvre A. Liberalism as a Way of Life. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2024. 285 p.....	871

CONTENTS

Kazarinova D.B., Shirinyants A.A. Political Meanings, Identity Theory and the History of Ideas: Introducing the Issue 597

THEORY AND PRACTICE

Denilkanov A.H. A Multipolar World: A Modern Political Agenda 605

Belozеров V.K. The Constitution as an Object of Political Analysis 619

Romashkina A.B., Kirichuk D.A. Translation of Value-Semantic Narratives in Public Digital Communication: Opportunities and Limitations 630

Bekliamishev V.O. The Functional Role of Historical Analogies in Russian and Ukrainian Presidential Discourses on the Special Military Operation 644

Strelets I.E. Authoritarianism vs Democracy as a Key Contradiction in Approaching the Study of Political Leadership 658

FROM THE HISTORY OF IDEAS

Avakyan D.A., Anderson K.M., Talskaya O.D. At the Origins of Chartism: James O'Brien 675

Chanyshev A.A., Kuznetsova V.A. The Sociology of Karl Mannheim's Knowledge and the Methodological Foundations of the History of Socio-Political Ideas 685

Kurginova D.Yu., Yamamoto K. At the Origins of Asiaticism: Sugiyama Shigemara's Manchurian Utopia 700

Khudaybergenov G.R. Linguistic Contextualism of the Cambridge School: The Problem of the Idea as Historical Action 709

IDENTITY AND SOCIO-POLITICAL DIVISIONS

Nazukina M.V. Ethnicity in Censuses as an Instrument of Institutional Change: Theoretical Aspect 720

Semenenko I.S., Pantin V.I., Morozova E.V. Cinema and Identity: Criss-Cross Reflections 733

Medushevskii N.A. Identity and Socio-Political Self-Determination of the Ewe People in Ghana and Togo 753

Mchedlova M.M. Russian Civilizational Identity as the Basis of Value Integrity and State Policy 768

Pochta Yu.M. "Moscovites" — "Non-Moscovites": from the dichotomy of opposition to the search for identity 786

Turkin I.A. Positive Development of Identities in the Context of Change 807

Iokhim A.N. The State’s Strategy to Strengthen the Russian Macropolitical Identity in the Digital Space: Dynamics and Prospects 819

Shlykova D.N. Socio-Political Divisions in Russian Society: The Perspective of Young People 840

BOOK REVIEWS

Fadeeva L.A. Ideological Argumentation of the United States’ Foreign Policy Identity 853

Bukharin M.D. Overcoming the Traditional Inferiority Complex of Russian Intelligence: Review of the Handbook: Sardaryan, G.T., & Alekseeva, T.A. (Eds.). (2024). Russian Political Thought: About the State, About the Country, About the People. Moscow: Aspect Press, 807 p. 860

Gutorov V.A., Shirinyants A.A. Liberal Way of Life as a Political Philosophical Problem: Review of the Book: Lefebvre, A. (2024). Liberalism as a Way of Life. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 285 p..... 871

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-597-604
EDN: VKUKNK

Редакционная статья / Editorial article

Политические смыслы, теория идентичности и история идей: представляем номер

Д.Б. Казаринова¹ , А.А. Ширинянц^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

 d.kazarinova@mail.ru

Аннотация. Очередной номер журнала посвящен широкому спектру вопросов, связанных с историей идей, проблемами идентичности, многополярностью мира, а также трансляцией ценностных смыслов и социокультурными размежеваниями. В статьях рассматриваются ключевые аспекты формирования и развития различных идеологических течений, их влияние на современные общественные процессы и культурные трансформации. Особое внимание уделено вопросам идентичности как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, анализу механизмов ее конструирования и роли в условиях глобализации. Также обсуждаются проблемы, связанные с многополярной структурой современного мира, где сосуществуют различные политические, экономические и культурные системы. Важное место занимают исследования по теме трансляции ценностно-смысловых нарративов, которые раскрывают механизмы передачи культурных ценностей через поколения и между различными социальными группами. Рассматриваются вопросы социокультурных размежеваний и ценностных расколов, что позволяет глубже понять причины конфликтов и напряженности в современном обществе. Материалы номера представляют интерес для исследователей в области философии и истории политики, специалистов в области идентитарных исследований, а также всех, кто стремится к более глубокому пониманию современных социальных процессов и вызовов.

Ключевые слова: идентичность, многополярный мир, ценностно-смысловые нарративы, социокультурные и политические размежевания, ценностный раскол

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки РФ и ЭИСИ, проект FSSF-2024-0060 «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к вариантам ценностного консенсуса».

© Казаринова Д.Б., Ширинянц А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Казаринова Д.Б., Ширинянц А.А. Политические смыслы, теория идентичности и история идей: представляем номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 597–604. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-597-604>

Political Meanings, Identity Theory and the History of Ideas: Introducing the Issue

Daria B. Kazarinova¹ , Aleksandr A. Shirinyants^{1,2}

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 d.kazarinova@mail.ru

Abstract. The issue of the journal is devoted to a wide range of issues related to the history of ideas, identity issues, the multipolarity of the world, as well as the translation of value meanings and socio-cultural divisions. The articles consider the key aspects of the formation and development of various ideological trends, their impact on modern social processes and cultural transformations. Special attention is paid to the issues of identity at both the individual and collective levels, the analysis of the mechanisms of its construction and its role in the context of globalization. The problems related to the multipolar structure of the modern world, where various political, economic and cultural systems coexist, are also discussed. An important place is occupied by research on the topic of translation of value-semantic narratives, which reveal the mechanisms of transmission of cultural values through generations and between different social groups. The issues of socio-cultural divisions and value splits are considered, which allows for a deeper understanding of the causes of conflicts and tension in modern society. The materials of the issue are of interest to researchers in the field of philosophy and history of politics, specialists in the field of identity studies, as well as for anyone who seeks a deeper understanding of modern social processes and challenges.

Keywords: multipolar world, value-semantic narratives, socio-cultural and political divisions, value split

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the EISI, project FSSF-2024-0060 «Identity as a resource for overcoming cleavages in Russia: from preserving the core of values to options for value consensus».

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Kazarinova, D.B., & Shirinyants, A.A. (2024). Political meanings, identity theory and the history of ideas: Introducing the issue. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 597–604. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-597-604>

Сверхтурбулентный и динамичный мир политики, каким мы его наблюдаем сейчас каждый день, обогащает наше представление о нем новыми политическими смыслами. Высокая динамика политических изменений, все ускоряющийся бег времени, мгновенное устаревание настоящего при крайне неопределенном и негарантированном будущем заставляет нас, как ни парадоксально, обращаться к изучению истории социально-политической мысли для понимания современного мира и осмысления текущих политических процессов.

Многие актуальные политические вопросы имеют глубокие исторические корни. Проблемы миграции, национализма, социального неравенства, социальных размежеваний не возникли внезапно — они развивались веками. Изучая историю социально-политической мысли, можно лучше понять причины и предпосылки текущих событий, что позволяет более эффективно решать эти проблемы. История социально-политической мысли демонстрирует, как разные идеи взаимодействуют друг с другом, что может привести к созданию более инклюзивных и справедливых обществ [Царегородцев, Ширинянц 2018].

Осознание цикличности исторических процессов позволяет воспринимать турбулентность современного мира более философски. История показывает, что многие события повторяются, в разных формах и вариациях. Понимание этого помогает избежать ошибок прошлого и прогнозировать возможные сценарии будущего. Знание истории политических идей способствует развитию критического мышления.

Оно учит анализировать источники информации, оценивать аргументы и выявлять скрытые мотивы. Особенно важно это в эпоху информационного изобилия, когда необходимо уметь отличать факты от мнений и пропаганды. Это касается и академического сообщества: в эпоху «массовой» и «быстрой» науки [Казаринова 2020] и «библиографического информационного шума» — десятках тысяч научных статей ежегодно — обращение к истории науки и истории идей придает исследованиям вневременной характер.

Сегодня политическая наука все больше связывает свое настоящее и будущее в нашей стране с гражданским образованием и воспитанием. Знание истории социально-политической мысли развивает гражданскую позицию и ответственность. Люди, понимающие, откуда берутся те или иные политические концепции и идеи, становятся более активными участниками общественной жизни, способными влиять на принятие решений. Без этого невозможно углубленное понимание современной политики и в управленческих кругах. Поскольку современные политические дебаты часто опираются на идеи, возникшие много веков назад, знание этих идей помогает лучше понимать контекст текущих дискуссий и принимать обоснованные решения.

История развития отечественной политической науки [Шутов, Соболев 2020] во многом отталкивалась от изучения наследия мировой политико-философской мысли, а также от изучения общественного сознания, общественных движений, которые позднее сложились в российскую школу исследований идентичности. Роль культуры в формировании политического сознания и дискурса, исследование того, как формируется национальная, этническая, культурная и социальная

идентичность, а также ее влияние на политические процессы, изучение роли СМИ и информационных технологий в создании и распространении политических смыслов — все это тематика, неизменно волнующая представителей российского академического сообщества.

Именно этой тематике посвящен этот номер Вестника, который во многом является логическим продолжением тома 25, № 1 за 2023 г. «Идеи, идеологии и общественное согласие» [Гуторов, Ширинянц, Казаринова 2023].

Завершающий номер года открывается рубрикой «Теория и практика». В нее вошли статьи представителей МГУ имени М.В. Ломоносова, МГЛУ, РУДН им. П. Лумумбы, ГАУГН, МГИМО МИД России. В статье *А.Х. Денильханова* (МГУ) намечается направление выработки наиболее приемлемых политических ориентиров в стремительно меняющемся глобализированном мире, основанных не только на экономических стратегиях государств, но и общих базовых ценностях культуры. Как показывает автор, в современных условиях мирового тренда на многополярность создаются союзы государств, ориентированные на сохранение самоидентичности и конструктивный диалог со всеми, кто признает эту идентичность. В этой связи для России — трансконтинентального государства, занимающего частично территории Европы и Азии, наиболее перспективным стратегическим направлением является парадигма евразийства, главной целью которой является гармонизация межрегиональных отношений.

В.К. Белозеров (МГЛУ) сосредоточивается на главных политических и правовых актах государств — конституциях, как объекте политологического анализа. Указывая на отсутствие конвенции научного сообщества по поводу самого понятия «конституция» и необходимость учета этого фактора в каждом конкретном случае, автор обращает внимание на важность содержательного анализа этого политического документа. Содержательность политологического анализа текстов конституций В.К. Белозеров связывает с выделением в этих текстах ключевых политических положений, а также признаков идентичности нации и устойчивой генетической связи настоящего с прошлым и будущим. При этом, как считает автор, необходимо учитывать декларативный характер положений документа, принимать во внимание контекст его создания и воздерживаться от упрощенного восприятия конституционных положений.

А.Б. Ромашкина и *Д.А. Киричук* (РУДН) в своей статье описывают возможности и ограничения трансляции ценностно-смысловых нарративов в публичной цифровой коммуникации, обращая внимание на то, что что интернет-коммуникация и цифровые алгоритмы способствуют формированию множества повесток и дискурсов, на которые влияет не только государство, но и новые субъекты политического коммуникации — «цифровые элиты», блогеры и иные пользователи, формирующие публичную цифровую коммуникацию, в том числе из-за рубежа. Традиционные агенты социализации не могут в полной мере формировать мировоззренческие ориентиры человека, а потому граждане могут в большей мере быть подвержены манипулятивным алгоритмическим инстру-

ментам цифровых платформ, на которых транслируются деструктивные нарративы, способствующие разрушению мировоззрения и ценностей общества. Таким образом, как верно считают авторы, для сохранения суверенитета государства и аксиологического пространства, необходимого для консолидации общества, следует обеспечивать информационную, технологическую и культурную безопасность.

В.О. Беклямишев (ГАУГН) изучает применение исторических аналогий в российском и украинском президентских дискурсах в условиях СВО. Цель его исследования — показать функциональную роль исторических аналогий и выявление онтологии конфликта. *И.Э. Стрелец* (МГИМО МИД РФ) подчеркивает важность отделения идеологических клише от дефиниций, обращаясь к проблематике авторитарной личности в контексте политического лидерства. Он обосновывает уход от неэвристичного оценивания лидера по модели «демократ vs автократ» в пользу разработки аналитико-ориентированного метода.

Блок работ, посвященный истории идей, включает четыре статьи авторов из МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО(у), АТиСО, и Университета префектуры Симанэ (Япония). В статье *Д.А. Авакян, К.М. Андерсона, О.Д. Тальской* рассматриваются вопросы, связанные с формированием чартистской идеологии в Англии XIX в. и его влиянием на последующее развитие европейской социально-политической мысли. Особое внимание уделено жизненному пути и творческому наследию Джеймса О’Брайена (1805–1864), одного из ярких чартистских лидеров, публициста, журналиста и реформатора, предпринявшего удачную попытку теоретико-идеологического обоснования чартистского движения. Работа *А.А. Чанышева и В.А. Кузнецовой* посвящена характеристике методологических принципов социологии знания К. Мангейма, которые, как представляется авторам, и поныне обладают фундаментальной значимостью для исследования истории идей (и в частности истории политических учений). По их мнению, эти принципы возможно дополнить историко-понятийным подходом Р. Козеллека, что обеспечит более основательную увязку социально-нормативной традиции с проблематикой конкретной теории. Статья *К. Ямамото и Д.Ю. Кургиновой* раскрывает малоизученные аспекты японской политической мысли конца XIX — начала XX в., связанные с деятельностью так называемых «азиатистов», в частности Сугиямы Сигэмару (1864–1935), которого считают «куромаку» (аналог «серого кардинала») японской политики довоенного времени. Статья молодого исследователя *Г.Р. Худайбергенова* посвящена критическому анализу лингвистического контекстуализма Кембриджской школы. Автор фокусирует внимание на работах Джона Покока и Квентина Скиннера, выявляет ограничения данного подхода в написании интеллектуальной истории и намечает перспективы последовательного критического синтеза продуктивных методологических подходов для более глубокого понимания взаимосвязи языка, мышления и социальной реальности.

Блок статей, посвященный идентитарной проблематике, представлен авторами, объединенными в исследовательский комитет РАПН и сетью по исследованиям идентичности. *М.В. Назукина* (ПФИЦ УРО РАН), изучая переписку

населения как инструмент конструирования этнических групп, предлагает рассматривать этнические категории в контексте концепта институционализации этничности, смысл которого заключается в укоренении этнических категорий в политическом процессе.

И.С. Семененко, В.И. Пантин (ИМЭМО РАН), *Е.В. Морозова* (КубГУ) предлагают необычный для политических исследований взгляд на кино как зеркало идентичности и идентичность в зеркале кино, изучая влияние кинематографа на формирование национальной, цивилизационной, политической идентичности, а также на утверждение гражданской идентичности как ресурса общественного развития.

Н.А. Медушевский (РГГУ, РУДН) изучает проблематику идентичности и социально-политического самоопределения в африканском контексте на примере народности эве. Для этой этнической группы характерно наличие культурной и языковой идентичности, но не политической общности. При этом этническая идентичность выступает эффективным инструментом политической спекуляции на тему региональной стабильности.

В этом же блоке представлены статьи целого блока исследователей из РУДН. *М.М. Мчедлова* фокусирует внимание на одном из ключевых аспектов политической рефлексии — поиске консенсуса среди различных групп населения. Разнообразие мнений и интересов требует создания платформы, на которой возможно достижение согласия относительно основных принципов государственного устройства и управления.

Молодой исследователь *И.А. Туркин*, занимаясь операционализацией социально-экономических и социокультурных размежеваний современного российского общества и поиском эффективных каналов по их преодолению, выделяет две основные тенденции, которые имеют структурный характер в контексте международных отношений: деконсолидация демократии и секьюритизация памяти. С «трибуны молодого ученого» в этом выпуске выступает и *Д.Н. Шлыкова*. В своей статье в рамках того же научного проекта занимается теми же размежеваниями в российском обществе, но показывает их через призму восприятия молодежи, базируясь на результатах большого эмпирического исследования. *Ю.М. Почта*, со своей стороны, рассматривает социально-экономические и социокультурные размежевания по линии «столица — провинция», возникающие в связи с проблемой распределения ресурсов между Москвой и регионами, разностью паттернов поведения и ограничениями в движении социальных лифтов.

А.Н. Иохим выявляет угрозы и риски устойчивости российской макрополитической идентичности в цифровом пространстве, обусловленные как самой спецификой функционирования цифровой среды, так и актуальными реалиями глобального информационно-когнитивного противостояния, в котором находится сегодня российское государство.

В состав номера включены три рецензии. Одна, принадлежащая перу академика РАН *М.Д. Бухарина* (ИВИ РАН), посвящена книге, вызвавшей большой резонанс в среде научной общественности. Это — учебник для вузов «Русская политическая мысль: о государстве, о стране, о народе...», подготовленный

коллективом авторов под руководством Г.Т. Сардаряна и Т.А. Алексеевой. По мнению М.Д. Бухарина, с которым невозможно не согласиться, учебник представляет собой уникальный труд, в котором предложена целостная и последовательно представленная история русской политической мысли. Для авторов, как подчеркивает М.Д. Бухарин, в фокусе внимания выступает Россия как национальное государство, в котором существовало несколько разных трактовок его интересов как целостной и внутренне консенсусной общности. Другими словами, учебник убедительно демонстрирует, что у России была своя оригинальная и очень богатая политическая философия. Но главное — эта книга преодолевает традиционный комплекс неполноценности русской интеллигенции, что наша политическая мысль была вторичной.

Вторая статья-рецензия, выполненная в жанре «интеллектуальной парадоксографии» представляет критические размышления профессоров В.А. Гуторова (СПбГУ) и А.А. Ширинянца (МГУ) по поводу новейшей книги австралийского профессора Александра Лефевра «Либерализм как образ жизни». Авторы приходят к парадоксальному выводу о том, что книга Лефевра отличается от многих апологетических сочинений, прежде всего, тем, что представленная в ней апология либерального образа жизни спонтанно приобретает откровенно консервативный оттенок.

Третья статья-рецензия Л.А. Фадеевой (ПГНИУ) представляет собой размышления над работами российского (И. Куриллы) и американского (Г. Киссинджер) авторов, которые анализируют представления о роли, месте и статусе США в контексте политического дискурса об американской идентичности.

Поступила в редакцию / Received: 29.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2024

Библиографический список

- Гуторов В.А., Ширинянц А.А., Казаринова Д.Б. Идеи, идеологии и общественное согласие: представляем номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 9–20. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-9-20>.
- Казаринова Д.Б. «Массовая наука» на конференции EPSA: опыт включенного наблюдения // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 163–169. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.12>
- Царегородцев С.С., Ширинянц А.А. В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. 2018. № 1 (59). С. 64–78.
- Шутов А.Ю., Соболев В.А. Становление политической науки в СССР: к 30-летию официального признания // Диалог со временем. 2020. Вып. 71. С. 28–38.

References

- Gutorov, V.A., Shirinyants, A.A., & Kazarinova, D.B. (2023). Ideas, ideologies and public consent: Introducing the issue. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 9–20. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-9-20>.

- Kazarinova, D.B. (2020). “Mass Science” at EPSA Conference: the Participant Observation Experience. *Polis. Political Studies*, 1, 163–169. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.12>
- Tsaregorodtsev, S.S., & Shirinyants, A.A. (2018). In search of meaning: ideas as a factor of policy. *Bulletin of Russian nation*, 1, 64–78.
- Shutov, A.Yu., & Sobolev, V.A. (2020). The formation of political science in the USSR: On the 30th anniversary of official recognition. *Dialogue with time*, 71, 28–38.

Сведения об авторах:

Казаринова Дарья Борисовна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: kazarinova-db@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-9416-5898)

Ширинянц Александр Андреевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: jants@jandex.ru) (ORCID: 0000-0002-6949-2256)

About the authors:

Daria B. Kazarinova — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: kazarinova-db@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-9416-5898)

Aleksandr A. Shirinyants — Dr.Sc. (Political Science), Professor, Head of the Department of History of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: jants@jandex.ru) (ORCID: 0000-0002-6949-2256)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА THEORY AND PRACTICE

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-605-618
EDN: VJDVKM

Научная статья / Research article

Многополярный мир: современная политическая повестка

А.Х. Денильханов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация
✉ aslanbekk@yandex.ru

Аннотация. Либеральные ценности, выработанные западной идеологией и политической наукой на протяжении трех столетий, составляли методологическую базу в политике многих стран, ориентированных на свободу и демократию, при решении сложных социально-политических и политико-философских проблем. На их основе коллективным Западом строился однополярный мир с безусловной гегемонией определенных идеологических установок. В силу исчерпанности этих установок сегодня и отсутствия новых, которые поддерживали бы доминирующее положение западных стран на международной арене, против стран, выбравших политический вектор, основанный на иной системе ценностей, ведется информационная война. В современных условиях мирового тренда на многополярность создаются союзы государств, ориентированные на сохранение самоидентичности и конструктивный диалог со всеми, кто признает ее. Объективные причины данного тренда обусловлены прежде всего глобализационными процессами, происходящими в мировой экономике. В связи с развитием логистических технологий естественно возникла необходимость выработки новых форм сотрудничества. Одним из способов такой регламентации отношений издавна было объединение в ассоциации, альянсы, союзы и т.п. В этой связи для России — трансконтинентального государства, занимающего частично территории Европы и Азии, наиболее перспективным стратегическим направлением является парадигма евразийства, имеющая уже столетнюю историю, главной целью которой является гармонизация межрегиональных отношений. В статье проводится параллель между мыслителями евразийства — мировоззренческого движения, возникшего в среде русской эмиграции начала прошлого века, — и современностью с целью

© Денильханов А.Х., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

выработки наиболее приемлемых политических ориентиров в стремительно меняющемся глобализованном мире, основанных не только на экономических стратегиях государств, но и общих базовых ценностях культуры.

Ключевые слова: евразийство, либерализм, идеология, идентичность, культура, цивилизация

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Денильханов А.Х. Многополярный мир: современная политическая повесть // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 605–618. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-605-618>

A Multipolar World: A Modern Political Agenda

Aslanbek H. Denilkhanov

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

✉ aslanbekk@yandex.ru

Abstract. Liberal values, developed by Western ideology and political science for three centuries, formed the methodological basis in the politics of many countries, which are focused on freedom and democracy, in solving complex socio-political and political-philosophical problems. On their basis, the collective West built a unipolar world with the unconditional hegemony of certain ideological attitudes. Due to the exhaustion of these attitudes today and the lack of new ones that could support the dominant position of Western countries in the international arena, an information war is being waged against countries that have chosen a political vector based on other value grounds, with all the ensuing consequences, up to armed clashes. In modern conditions of the global trend towards multipolarity, alliances of states are being created, focused on preserving self-identity and constructive dialogue with all those who recognize it. The objective reasons for this trend are primarily due to the globalization processes taking place in the global economy. Due to the development of logistics technologies, it naturally became necessary to develop new forms of cooperation. One of the ways of such regulation of relations has long been the unification into associations, alliances, unions, etc. In this regard, for Russia, a transcontinental state that partially occupies the territories of Europe and Asia, the most promising strategic direction is the paradigm of Eurasianism, which has a century-old history, the main goal of which is the harmonization of interregional relations. The article draws a parallel between the thinkers of Eurasianism — a worldview movement that arose among Russian emigration at the beginning of the last century — and modernity in order to develop the most acceptable political guidelines in a rapidly changing globalized world based not only on the economic strategies of states, but also on common basic cultural values.

Keywords: Eurasianism, liberalism, ideology, identity, culture, civilization

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Denilkhanov, A.H. (2024). A multipolar world: A modern political agenda. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 605–618. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-605-618>

Введение

Политическая картина мира сегодня расширилась, образно говоря, по горизонтали (в геополитическом пространстве появились новые страны и альянсы, которые оказывают влияние на мировую повестку) и по вертикали (актуализировались идеологические концепции, которые пересматривают базовые установки и ценности либерализма, заимствованные у стран Запада в ходе исторического развития [Царегородцев, Ширинянц 2018: 74–75]). Все это явилось следствием разрушения вектора единого геополитического поля из-за усилий, принимаемых незападными странами для обоснования и сохранения своей идентичности. По справедливому утверждению российского ученого, доктора философских наук Ю.М. Почты, «...не только в России, но и в мире в целом завершается период преклонения перед западной концепцией либеральной демократии и выработанными либеральной мыслью концепциями глобализации, прав человека, мягкой силы, гражданского общества, демократического транзита, терроризма, гибридных войн и др. Эти теории все менее воспринимаются в качестве нормативных, универсальных, чья реализация обязательно предполагает западное кураторство. Выработанные в ходе уникального исторического процесса в странах Запада, они никак не могут быть адекватно применимы для определения направленности развития незападных стран» [Почта 2024: 9; Гуторов, Ширинянц 2020; Гуторов, Ширинянц 2021].

Стремление сохранить базовую цивилизационную платформу в ситуации очевидного вторжения инонационального влияния обретает особый смысл при исследовании сегодняшних конфликтных идеологических столкновений, которые вступили в острую фазу, вплоть до вооруженного противостояния.

Одна из актуальных и приоритетных задач политической науки — пересмотреть и критически оценить международную повестку, поскольку «современные глобализационные процессы формируют новую онтологию мирового порядка, которая требует философского осмысления. Начинает формироваться второй этап теоретизирования по поводу глобализации: переход от фрагментарного междисциплинарного исследования глобализации на феноменальном уровне (в формах экономической, политической, социальной и др. глобализации), доминировавшего на первом этапе исследования, к философскому осмыслению сущностных, ноуменальных оснований процесса глобализации» [Коробейникова, Гиль 2018: 54]. Речь вовсе не идет о противостоянии новым мировым тенденциям или об отказе от классических либеральных ценностей, являющихся завоеваниями цивилизованных государств на пути к свободе и демократии. Это было бы деструктивно с точки зрения системного подхода к внутренней и внешней политике. Важно, чтобы общемировые тенденции в процессе интеграции усваивались разными народами и государствами через призму их базовых культурных ценностей и сохранялся их суверенитет.

Очевидно, что анализировать текущие политические либо экономические процессы как на глобальном уровне, так и на уровне отдельного государства сложно в силу их незавершенности, но постоянный мониторинг ситуации,

правильное расставление приоритетов в стратегии и тактике крайне важны для балансирования и устойчивого развития в стремительно меняющемся глобализованном мире.

Евразийство как перспектива развития континента: история и современность

В середине 80-х гг. XX в. в процессе перехода на рыночные рельсы в экономике в СССР — стране, которая занимала 40 % территории евразийского континента, — произошел распад, в результате которого появилось множество самостоятельных государств. Некоторые из них сохранили тесные связи с новым российским государством (Российской Федерацией), другие вектор международных отношений повернули в сторону Запада в духе постмодернизма. Распад Советского Союза продемонстрировал его негативные, а порой и трагические последствия, начиная с экономических показателей стран постсоветского пространства, и заканчивая духовными ценностями, агрессивно навязываемыми странами Запада, «маскируя» их под либеральные или неолиберальные, ориентированные на создание однополярного мира.

Начиная с середины 90-х гг. XX в. началось «отрезвление» от эйфории свободы, которая воспринималась политическими элитами того периода как вседозволенность и возможность без учета объективных обстоятельств принимать судьбоносные политические решения. При этом игнорировался один из главных элементов свободы — ответственность за последствия этих решений. Новые мировые реалии требовали соответствующего подхода к взаимоотношениям между странами и континентами. В этой связи в исследовании Т.М. Гришиной, посвященной данной проблематике, отмечается, что «уже в 1994 г. от лидера Республики Казахстан Н. Назарбаева поступила идея создания Евразийского экономического союза на новых, взаимовыгодных условиях для независимых государств, принципиально отличающихся от советской модели. Однако политическая конъюнктура, страх зависимости в политической сфере и желание полного суверенитета руководства постсоветских государств не позволили реализовать в должной мере эту идею» [Гришина 2023: 122]. Лишь в конце XX в. (10 октября 2000 г.) удалось претворить эту идею в жизнь — было учреждено на международной договорной основе Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС)¹ с целью региональной экономической интеграции и создания единой таможенной территории стран постсоветского пространства. В сообщество вошли Республика Казахстан, Российская Федерация, Республика Беларусь, Кыргызская Республика и Республика Таджикистан.

15 июня 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана была основана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), к которой в июне 2017 г. присоединились Индия и Пакистан,

¹ 29 мая 2014 г. в связи с созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС) — организации, обладающей международной правосубъектностью, Евразийское экономическое сообщество было упразднено.

в сентябре 2022 г. — Иран, а в июле 2024 г. — Белоруссия. По мнению Р.К. Алимова, занимавшего пост Генерального секретаря ШОС с 2016 по 2018 г., «государства — члены ШОС образуют ядро евразийского континента, их взаимоотношения и взаимодействия будут определять дальнейший вектор развития этой обширной территории на годы вперед» [Алимов 2018: 21].

Примерно 2/3 населения и территории материка приходится на страны Шанхайской организации сотрудничества. При этом развитие политических, деловых и торговых отношений потребовало расширения конструктивных союзов. В декабре 2015 г. в Послании Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации было выдвинуто предложение, сформулированное им еще в сентябре этого года на 70-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН как идея «интеграции интеграций», о создании Большого евразийского партнерства (БЕП). Идея заключалась в формировании экономического партнерства между государствами — членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в том числе государствами, которые присоединяются к ШОС². Для России такое партнерство имеет важное стратегическое значение. Поскольку «российская нация — это результат исторического синтеза различных мировоззрений, а российская идентичность постсоветского периода представляет собой эклектичное сочетание либерализма, советизма и консерватизма, именно Большая Евразия, как аксиологический проект, позволит преодолеть ключевые дилеммы и противоречия ценностной сферы России XXI века» [Коровникова 2018: 519].

Для понимания перспектив развития этой тенденции важно видеть внутренние мотивации внешнеполитических шагов тех или иных стран. Естественно предположить, что основанием для таких сближений помимо чисто экономических интересов является взаимная приязнь, которую советский и российский ученый, историк-этнолог Л.Н. Гумилев назвал комплиментарностью, подразумевая «ощущение подсознательной взаимной симпатии членов этнических коллективов, определяющее деление на „своих“ и „чужих“» [Гумилев 1993: 501]. При этом становится все очевиднее ослабление в России внутреннего притяжения к Европе и, напротив, усиление дружеских контактов с Юго-Востоком³. Этот вектор был намечен как конструктивный еще мыслителями евразийства — мировоззренческого движения, возникшего в среде русской эмиграции 1920–1930-х гг. Идеологической основой этого движения являлась историософская и культурологическая концепция России-Евразии как самобытной цивилизации, синтезировавшей в себе элементы Востока и Запада [Кошарный 2007: 516–517]. Сегодня

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189898/?ysclid=Izles4gbnr176028549/ (дата обращения: 30.08.2024).

³ Характерным жестом в рамках этой тенденции является переименование площади Европы в площадь Евразии согласно постановлению Правительства Москвы «О присвоении наименований линейным объектам города Москвы и изменении наименований транспортных объектов города Москвы» от 24 июля 2024 № 1689-ПП.

его можно рассматривать как перспективное направление внешней политики России. Существенным является то, что помимо чисто экономических интересов внешнеполитические шаги определяются и общими базовыми ценностями, которые находят емкое выражение в культуре. По мысли евразийцев, каждая культура, с одной стороны, ограничена конкретными рамками, а с другой — открыта для контактов с другими культурными организмами. Манифестация евразийской концепции осуществлена в сборнике с красноречивым названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», который объединил четырех авторов (П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Н.С. Трубецкого и Г.В. Флоровского). Сборник вышел в начале августа 1921 г. в Софии и ознаменовал собой начало движения евразийства. Концептуальное выражение позиции евразийцев можно найти в ранней работе Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», где он писал, что «...если европейская цивилизация ничем не выше всякой другой, если полное приобщение к чужой культуре невозможно, и если стремление к полной европеизации сулит всем не-романо-германским народам самую жалкую и трагическую участь, — то очевидно, что с европеизацией этим народам надо бороться изо всех сил» [Трубецкой 1920: 71].

Взгляд на культуру любого этнополитического образования как на отдельный организм, у которого выражены периоды рождения, расцвета и умирания, был сформулирован О. Шпенглером — немецким историософом и публицистом в книге «Закат Европы»⁴, который считал, что в молодых культурах формируются язык, мифология, затем творческий потенциал иссякает и приходит цивилизационная стадия, в которой постепенно угасает данный культурный организм. К органическим, т.е. самобытным, культурам О. Шпенглер относит китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную, византийско-арабскую, западную, культуру майя, а также «пробуждающуюся» русско-сибирскую. Особенности и неповторимость каждой культуры, по его мнению, обусловлены своеобразием ее «души»: в основе античной культуры лежит «аполлоновская» душа, арабской — «магическая», западной — «фаустовская». Каждая культура переживает периоды детства, юности, возмужалости и старости. В реальности культуры, соприкасаясь, отесняют и подавляют друг друга [Шпенглер 1993: 151, 165, 262, 265].

Для общественного сознания (как научного, так и обывательского) труды О. Шпенглера имели важные методологические последствия. Как отмечает российский философ, ученый и историк художественной культуры Н.А. Хренов: «Шпенглер разрушил фундамент научных представлений о мировой истории, господствовавших до появления его книги, о ее, если выразиться его языком, морфологии. Имеется в виду принцип европоцентризма, в свете которого до „Заката Европы“ воспринималась история вообще» [Хренов 2019: 136].

Внимание разных исследователей привлекло то, что идеи немецкого историософа коррелируют со взглядами русского культуролога и геополитика Н.Я. Данилевского, изложенными им в работе «Россия и Европа»

⁴ Два тома этого произведения были опубликованы в 1918 и 1922 гг., соответственно.

[Данилевский 2008], опубликованной в 1869 г. в виде серии статей в журнале «Заря»: «В XIX веке впервые выяснилось, что, продолжая оставаться прилежной ученицей Запада и представляя прозападной страной, Россия начала обнаруживать свою самостоятельность по отношению к Западу и даже открыто об этом заявляла, что, собственно, и сделано в известной книге Данилевского „Россия и Европа“» [Хренов 2019: 139]. В совместной статье, посвященной трактовке О. Шпенглером в 20-е гг. XX в. исторической судьбы России, И.А. Голосенко и К.В. Султанов также отмечают: «Хотя О. Шпенглер нигде открыто не ссылается на книгу Н. Данилевского... у него обнаруживаются не только общие темы, изложенные еще Н. Данилевским — отрицание мирового единства человечества и обоснование локальной дискретности культур, их контакты и гибель. Он даже мимоходом, несколько метафорично использовал слова „Россия и Европа“. Это не было простым совпадением» [Голосенко, Султанов 1998: 43]. К аналогичному выводу приходит и другой исследователь В.Ю. Катасонов: «Удивительным образом идеи Шпенглера о культурах и цивилизациях перекликались с учением о культурно-исторических типах русского мыслителя Н.Я. Данилевского, которое он изложил в книге „Россия и Европа“ (т.е. почти за полвека до выхода в свет первого тома «Заката Европы»)» [Катасонов 2021]. В определении культурно-исторического типа России Н.Я. Данилевский указывал на отличия от романо-германского типа, который, по общепринятому в его время мнению, являлся выразителем общечеловеческой цивилизации. По его убеждению, Россия не является Европой, демонстрируя иной культурно-исторический тип. Но в послепетровское время в России принято считать, что Европа — это прогресс, а Восток — отсталые регионы. Поэтому в обществе сформировался престиж европейца, и все стремились заявить о себе в этом качестве. При этом «европейскость» была во многом придуманным «мифологизированным» понятием. Существенно то, что именно «книга „Россия и Европа“ многими нитями через десятилетия связала русскую социологическую и философско-историческую мысль второй половины XIX в. с классическим евразийством 20–30 г. XX в.» [Кошарный 2021: 112].

Идеи Н.Я. Данилевского оказали огромное влияние на теоретические взгляды евразийцев. В этой связи М. Агурский отмечает, что, «...следуя учению Данилевского о культурно-исторических типах и исходя из его противопоставления славянской цивилизации — романо-германской, они (евразийцы. — *Прим. автора*) выдвигают представление о Евразии как отдельном культурно-историческом типе, совершенно чуждом европейской (романо-германской) цивилизации». Евразийцы, по его мнению, лишь расширяют границы русского культурно-исторического типа, включая в него все народы, проживающие на российской территории. «Россия — это православно-мусульманско-буддийская страна» [Агурский 1980: 98–99]. По оценке французского историка А. Рачинского, «...историческая Русь (Великая, Белая, Малая) на протяжении тысячи лет предстает органическим целым. В то время как Западная Европа резко различается по этническим и языковым группам (германской, романской, славянской, кельтской, финно-угорской с добавкой из басков, албанцев,

греков). Европа никогда не знала единой цивилизации, единой религии... с VIII по XV век Испания и Португалия, частично Южная Франция и Южная Италия жили под влиянием ислама. Балканские страны, включая Венгрию, с XIV по XVII век находились под влиянием Османской империи» [Рачинский 2015]. Российский философ и исследователь геополитики В. Цымбурский предлагает конкретное определение этой целостности. Он считает, что «конституирует российскую геополитическую идентичность прежде всего паттерн „острова“ <...> „Островитянство“ России выразилось в основном в типах войн, которые ей доводилось вести против государств соседних этноцивилизационных платформ» [Цымбурский 2024: 14–15]. «Остров» Россия окружают территории, проливы, названные Великим лимитрофом. «Островитянские» позиции были отчетливо проявлены до XVII века. Позднее «официальное западничество, разделяемое большинством императоров, обязывало Россию неустанно присутствовать в Европе... ради баланса и спокойствия последней (!!!)» [Цымбурский 2024: 22].

Согласно идее классического евразийства Россия — это особая цивилизация, развивающаяся в ареале соединения границ леса и степи. Этот регион английский географ и геополитик Х.Дж. Маккиндер определил как Хартленд — срединная земля или сердцеви́на земли. Идея впервые высказана им в 1904 г. в докладе «Географическая ось истории», в котором он стремился «показать историю человечества как часть жизни мирового организма <...> Понятие Евро-Азии, которое мы таким образом получаем, — по его мнению, — подразумевает протяженные земли, окаймленные льдами на севере, пронизанные повсюду реками... более чем в два раза превосходящие Северную Америку... и более чем в два раза территорию Европы» [Маккиндер 1995: 164]. Особая стратегическая значимость территории, названной Хартлендом, становится наглядной, если учесть, что поверхность Земли — сфера. Тогда очевидно, что Россия является местом пересечения крупнейших, наиболее коротких и потому практичных авиационных транспортных маршрутов, что, безусловно, имеет важнейшее стратегическое значение. *«Поэтому только в XX веке — после следующего провального тура нашей игры в Европе — обстоятельства Версальской системы (см. [Виммер, Сосновский 2024]), оградившейся от России балтийско-балканскими кордонами, побудили Н. Трубецкого, П. Савицкого и их товарищей сформулировать понимание России как страны, способной последовательно рассматриваться вне европейских структур и проблем»* [Цымбурский 1998: 7]. *Необходимо было осмыслить единство исторического развития Руси, ее постепенного превращения в Россию, а затем осуществляющееся на глазах этих мыслителей становление социально нового, даже экспериментального общественного социалистического строя. С этой точки зрения был возможен только один вариант: рассматривать Евразию как «месторазвитие» населяющих ее народов, учитывая именно «островное», срединное ее положение между Европой и Азией, цельность этой сложной этногеографической системы с ее разнообразными природными и климатическими особенностями, но именно в силу этих особенностей возникновение единого хозяйственного и политического развития живущих здесь народов. Нужно было учесть опыт Московского улуса, который строился*

на политических идеях Чингисхана, по мнению евразийцев, заложившего основы единого национального государства, объединившего народы с разными языковыми и религиозными традициями [Савицкий 2003].

Классическое эмигрантское евразийство было по естественным историческим причинам ограничено и практически не оказывало влияния на общественно-научную жизнь в СССР, за исключением трудов Л.Н. Гумилева, которого можно считать евразийцем — сторонником русско-тюрко-монгольского братства, и который доказывал, что Русь — это продолжение Орды, говорил о неизученном богатстве азиатской духовности. О глубине духа азиатской культуры писал также сторонник евразийства историк и политический публицист Эреджен Хара-Даван: «Колыбель бесчисленных народов и племен, родина кровавых завоевателей, источник мифов и легенд, мать всех религий, почва, питающая около миллиарда человеческих существ, — такова Азия. На протяжении многих веков она оставалась погруженной в нечто вроде мистического оцепенения, презирала действие, относилась безразлично к прогрессу в тех материальных формах, как мы его понимаем, уделяя внимание только работе ума и философским построениям» [Эреджен 2002: 12]. И эта Азия оказывается частью внутренней структуры России. В.И. Ламанский — русский историк и славист, «евразиец до евразийства» [Ширинянц 2017: 7–17], одним из первых рассмотревший эту проблему, делает следующие выводы: «три главных отдела Азийско-Европейского материка ограничиваются следующими терминами: 1) собственная Европа, 2) собственная Азия и 3) Средний мир, т.е. ненастоящая Европа и ненастоящая Азия» [Ламанский 1892: 3]. Особенность этой территории состоит в том, что русские и азиатские народы живут здесь бок о бок, влияя друг на друга, но не посягая насильственно на своеобразие своих близких соседей. «Средний мир и в этнологическом, и в историко-культурном отношении при всех своих отличиях от собственно Европы и собственно Азии находится в гораздо более близком внутреннем средстве с первой, чем с последней. Это мир арийский, индоевропейский и христианский по преимуществу» [Ламанский 1892: 47]. Евразийцы тянули последовательность «собираания земель», в которую включали Золотую Орду, Московское царство, Российскую империю, СССР. Их народонаселение объединяет не родство по крови, но «месторазвитие», «островитянство», явившее условия для длительного приспособления к совместному проживанию непохожих друг на друга народов. Эти народы также выполняют историческую миссию как полноценные члены евразийства. Гармонизация отношений между ними необходима для устойчивости евразийской государственности.

Известную объединительную роль между Европой и Азией играли кочевые народы, органично освоившие пространство Великой степи и невольно решавшие задачи межцивилизационных контактов, поскольку географически выполняли роль соединения гигантских пространств. Здесь сталкивались представители разных цивилизаций, возникала возможность для диалога: притяжения или отталкивания. И до настоящего времени — это

коммуникативная ось континента. Но коммуникации не ограничиваются политэкономическими задачами. После распада СССР, идеологически жестко объединявшего государственное пространство, идеи евразийства, во многом интуитивные, обрели практическую значимость. Возникла необходимость в действенной методологии, применимой к реальной политике. По мнению российского ученого и общественного деятеля А.Г. Дугина, «отцы-основатели евразийства исходили из гениальных догадок и интуиций. Благодаря геополитике их наработки приобрели научный характер. Научное изложение евразийской геополитики изменило статус евразийского мировоззрения. Теперь это не только философская идея, а еще и инструмент стратегического планирования» [Дугин 2002: 19]. В гуманитарном смысле евразийство есть непринудительное содружество и способность к совместному проживанию на соседних или даже на одной территории разных этносов. На этих идеях строилась философия всеединства В.С. Соловьева, Е.Н. и С.Н. Трубецких, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Л.П. Карсавина, В.Ф. Эрн.

Сегодня «ввиду целого ряда негативных факторов... партнерство цивилизаций и культур представляется не только высшей формой сотрудничества, но и насущной необходимостью при решении глобальных проблем в контексте современности. Кроме того, на этапе мировоззренческих перемен глобализирующегося универсума именно евразийские ценности могут стать жизнеспособной основой кросс-цивилизационного взаимодействия в противовес стагнирующим пролиберальным идеям потребительского общества...» [Коровникова 2018: 517]. Специфика заключается в их автономности, основанной на традиционных ценностях локальных цивилизаций, в противовес западным, которые всегда претендовали и претендуют на всеобъемлющий и универсальный характер.

Заключение

В современном мире, в котором формируются принципы многополярности, становится особенно важна объединительная идея. «Из этой ситуации есть один выход — евразийская идея. Она дает возможность России представлять себя не просто как оплот борьбы с глобализацией и однополярным миром, не просто как авангард многополярности, но и как носительницу универсальной миссии, „континентализма“, особой культуры, сочетающей западные и восточные черты» [Дугин 2007: 147].

Современное евразийское движение было официально создано на учредительном съезде в Москве 20 ноября 2003 г., но не получило широкой общественной поддержки: его влияние было ограничено интеллектуальными кругами. Тем не менее Большая Евразия в геополитике играет значительную роль. В настоящее время на этом пространстве взаимодействуют восемь локальных цивилизаций: Западноевропейская, Восточноевропейская, Евразийская, Китайская, Индийская, Японская, Буддистская, Мусульманская

и девять цивилизационных объединений: Евросоюз, ЕАЭС, СНГ, ШОС, АСЕАН, Организация исламского сотрудничества, Лига арабских государств, Организация черноморского экономического сотрудничества, Союз для Средиземноморья⁵. «В контексте беспрецедентного количества неправомερных ограничений по отношению к Российской Федерации, введенных со стороны недружественных стран объединенного Запада, наиболее остро стоят вопросы приоритетности евразийской интеграции для государств — членов ЕАЭС и иных интеграционных объединений Евразии. С учетом экономической и политической турбулентности государства постсоветского пространства должны полагаться на собственные силы, развивать, традиционные в советском прошлом взаимосвязи, а также находить новые векторы взаимодействия в исторической перспективе» [Гришина 2023: 122]. Это новая парадигма человеческой истории, где старому однополярному миру бросили вызов государства с самобытной культурой, объединяясь в альянсы на основе общей системы материальных и духовных ценностей.

Поступила в редакцию / Received: 24.10.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2024

Библиографический список

- Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж : Умса-Press, 1980.
- Алимов Р.К. Шанхайская организация сотрудничества и Большая Евразия // Вестник международных организаций. Т. 13 №3. 2018. С. 19–32. <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-03-01>.
- Виммер В., Сосновский А. Версаль: Желанный мир или план будущей войны? / пер.: О. Шилова. Питер, 2024. 224 с.
- Голосенко И.А., Султанов К.В. Культурная морфология О. Шпенглера о «Ликах России» // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 3. С. 43–54.
- Гришина Т.М. Эволюция евразийской интеграции: особенности этапов становления и развития // Человеческий капитал: научно-практический журнал. 2023. № 6 (174). С. 116–124. <http://doi.org/10.25629/НС.2023.06.13>.
- Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. Москва : Прогресс : Изд. фирма «Пангея», 1993. 544 с.
- Гуторов В.А., Шириняц А.А. Либеральная традиция и современный антилиберализм // Весник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2020. Т. 12, № 3. С. 120–126.
- Гуторов В.А., Шириняц А.А. О новом историческом прочтении либеральной традиции // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 398–406. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.028>
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому / сост. и коммент. Ю.А. Белова / отв. ред. О. Платонов. Москва : Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

⁵ См.: Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений : научный доклад. Москва : МИСК, 2017. С. 12–13.

- Дугин А.Г. Доклад на учредительном съезде ОПОД «Евразия» (21 апреля 2001 г.). // Основы Евразийства. Москва : Арктогея Центр, 2002. С 16–26.
- Дугин А.Г. Геополитика постмодерна: времена новых империй: очерки геополитики XX века. Санкт-Петербург : Амфора, 2007. 382 с.
- Катасонов В.Ю. Освальд Шпенглер и Россия. Часть I // Камертон. Сетевой литературный и исторический журнал. 14 августа 2021 г. URL: <https://webkamerton.ru/2021/09/osvald-shpengler-i-grossiya-chast-i> (дата обращения: 30.08.2024).
- Коробейникова Л.А., Гиль А.Ю. Глобализационные процессы: анализ и концепции // Вестник Томского государственного университета. 2018. №431. С. 54–61. <http://doi.org/10.17223/15617793/431/7>.
- Коровникова Н.А. Большая Евразия: аксиологические основания // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Изд-во: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук» 2018. № 1. С. 517–519.
- Кошарный В.П. Евразийство // Динамика атмосферы — Железнодорожный узел [Электронный ресурс]. 2007. 767 с. (Большая российская энциклопедия: [в 35 томах] / гл. ред. Ю.С. Осипов; 2004–2017, т. 9).
- Кошарный В.П. Предъевразийские мотивы в социологии Н.Я. Данилевского // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 2. С. 110–116. <http://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-2-11>.
- Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка / [Соч.] В. Ламанского. Санкт-Петербург : типо-хромолит. А. Траншель, 1892. 132 с.
- Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162–169.
- Почта Ю.М. Необходимость преодоления культурного гегемонизма Запада в политологической науке на примере проблемы современного исламистского терроризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 7–17. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-7-17>.
- Рачинский А. Россия и Европа. Заметки к истории вопроса. 2015. URL: <http://pravkrug.ru/ob-obshchestve/tserkov-i-mir/item/346> (дата обращения: 30.08.2024).
- Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Русский мир: Геополитические заметки по русской истории. Москва : Эксмо, 2003. С. 799–809.
- Трубецкой Н.С. Европа и человечество: библиотека первоисточников евразийцев: 20–30-е годы. София : Болгарско-Российское книгоиздательство, 1920. VI с, 82 с.
- Хренов Н.А. Незавершенный диалог: отношения России и Запада, какими они казались О. Шпенглеру в начале XX века // Научно-электронный журнал. Философические письма. Русско-европейский диалог. Т. (2) № 1, 2019. С. 134–164.
- Царегородцев С.С., Шириняц А.А. В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. 2018. № 1 (59). С. 64–78.
- Цымбурский В. Возвращение на «Остров Россия». Москва : Родина, 2024.
- Цымбурский В. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1998. № 1–2 (4–5). С. 6–31.
- Шириняц А.А. В.И. Ламанский — евразиец до евразийства // Евразийская идея и интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Кокшетау : Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, 2017. С. 7–17.
- Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. Москва : Мысль, 1993. 664 с.
- Эреджен Хара-Даван. Русь монгольская : Чингисхан и монголосфера / Эренджен Хара-Даван. Москва : Аграф, 2002. 302 с.
- Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений: научный доклад. Москва : МИСК, 2017. С. 12–13.

References

- Agursky, M. (1980). *Ideology of National Bolshevism*. Paris: Umsa-Press. (In Russian).
- Alimov, R.K. (2018). Shanghai Cooperation Organization and Greater Eurasia. *Bulletin of International Organizations*, 13(3), 19–32. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-03-01>. (In Russian and English).
- Danilevsky, N.Ya. (2008). *Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance*. Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russian).
- Dugin, A.G. (2007). *Postmodern geopolitics: the times of new empires, essays on geopolitics of the XX century*. St. Petersburg: Amphora. (In Russian).
- Dugin, A.G. (2002). Report at the founding congress of the OPOD «Eurasia» (April 21, 2001). In *Fundamentals of Eurasianism* (pp. 16–26), Moscow: Arctogea Center (In Russian).
- Hara-Davan, E. (2002). *Mongolian Russia: Genghis Khan and the Mongol Sphere*. Moscow: Agraf. (In Russian).
- Golosenko, I.A., & Sultanov, K.V. (1998). O. Spengler's cultural morphology on the «Faces of Russia». *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1(3), 43–54. (In Russian).
- Grishina, T.M. (2023). Evolution of Eurasian integration: features of the stages of formation and development. *Human capital: Scientific and practical journal*, 6, 116–124. <https://doi.org/10.25629/HC.2023.06.13>. (In Russian).
- Gumilev, L.N. (1993). *Ethnosphere: The history of people and the history of nature*. Moscow: Progres Press: Pangea Publishing house. (In Russian).
- Gutorov, V.A., & Shirinyants, A.A. (2020). Liberal tradition and modern anti-liberalism. *Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University. Series I. History and Archaeology. Philosophy. Political science*, 12(3), 120–126. (In Russian).
- Gutorov, V.A., & Shirinyants, A.A. (2021). On a new historical interpretation of the liberal tradition. *Dialogue with time*, (74), 398–406. (In Russian). <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.028>
- Katasonov, V.Yu. (2021, August 14). Oswald Spengler and Russia. Part I. *Tuning fork. Online literary and historical magazine*. Retrieved August 30, 2024, from <https://webkamerton.ru/2021/09/oswald-shpengler-i-rossiya-chast-i> (In Russian)
- Khrenov, N.A. (2019). Unfinished dialogue: Relations between Russia and the West, as they seemed to O. Spengler at the beginning of the twentieth century. *Scientific Electronic Journal. Philosophical letters. Russian-European Dialogue*, 2(1), 134–164. (In Russian).
- Korobeynikova, L.A., & Gil, A.Y. (2018). Globalization processes: Analysis and concepts. *Tomsk State University Journal*, (431), 54–61. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/431/7>
- Korovnikova, N.A. (2018). Greater Eurasia: Axiological foundations. *Greater Eurasia: development, security, cooperation*, (1), 517–519. (In Russian).
- Kosharny, V.P. (2007). Eurasianism. In *The Great Russian Encyclopedia: 2004–2017*, (9). (In Russian).
- Kosharny, V.P. (2021). Pre-Eurasian motives in sociology by N.Ya. Danilevsky. *University proceedings. Volga region. Social sciences*, (2), 110–116. (In Russian). <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-2-11>
- Lamansky, V.I. (1892). *Three worlds of the Asian-European continent*. St. Petersburg: Tipochromo-lit. A. Tranchel. (In Russian).
- Mackinder, H.J. (1995). Geographical axis of history. *Polis. Political Studies*, (4), 162–169. (In Russian).
- Pochta, Yu.M. (2024). The need to overcome the cultural hegemony of the Reserve in political science on the example of the problem of modern Islamist terrorism. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 7–17. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-7-17>. (In Russian).

- Rachinsky, A. (2015). *Russia and Europe. Notes on the history of the issue*. Retrieved April, 28, 2024 from: <http://pravkrug.ru/obobshchestve/tserkov-i-mir/item/346> (In Russian).
- Savitsky, P.N. (2003). Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism. In *Russkiy mir: Geopolitical notes on Russian history* (pp. 799–809). Moscow: Eksmo (In Russian).
- Shirinyants, A.A. (2017). V.I. Lamansky — the Eurasian before Eurasianism. In *The Eurasian idea and integration processes in the post-Soviet space* (pp. 7–17). Kokshetau: Kokshetau State University named after Sh. Ualikhanov (In Russian).
- Spengler, O. (1993). *The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. I. Gestalt and reality*. Moscow: Mysl. (In Russian).
- Trubetskoy, N.S. (1920). *Europe and humanity: Library of primary sources of Eurasians: the 20–30ths*. Sofia: Bulgarian-Russian publishing House. (In Russian).
- Tsaregorodtsev, S.S., & Shirinyants, A.A. (2018). In search of meaning: Ideas as a factor of politics. *Bulletin of Russian Nation*, 1(59), 64–78. (In Russian).
- Tsymbursky, V. (2024). *Return to the «Island of Russia»*. Moscow: Rodina. (In Russian).
- Tsymbursky, V. (1998). Two Eurasias: Homonymy as the key to the ideology of early Eurasianism. *Bulletin of Eurasia*, 1–2 (4–5), 6–31. (In Russian).
- Wimmer, V., & Sosnovsky, A. (2024). *Versailles: A desired world or a plan for a future war?* St. Petersburg. (In Russian).

Сведения об авторе:

Денильханов Асланбек Хаважович — кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aslanbekk@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-5593-2695)

About the author:

Aslanbek H. Denilkhanov — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Philosophy of Politics and Law of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (e-mail: aslanbekk@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-5593-2695)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-619-629
EDN: VGYHPU

Научная статья / Research article

Конституция как объект политологического анализа

В.К. Белозёров

Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Российская Федерация

✉ vk_belozerov@mail.ru

Аннотация. Конституция выступает, как правило, главным политическим и правовым актом государства и является объектом познания представителей различных отраслей научного знания, в основном права. Внимание политологического сообщества к документу остается ограниченным. Между тем конституция — важный источник сведений, работая с которыми посредством правильно определенного метода, можно составить объективное представление о государстве, генезисе, состоянии и перспективах его политического курса внутри страны и на международной арене. Названные обстоятельства указывают на то, что данный документ является важным объектом политологического анализа. При этом конституция представляет собой доступный и открытый документ, в связи с чем возникает риск ее шаблонного, поверхностного и стереотипного восприятия вследствие игнорирования ряда обстоятельств и процессов, обусловленных учетом условий, в которых она появилась и реализуется. Автор обращает внимание на то, что в общественно-политическом и научном дискурсе в России и за рубежом сложились и функционируют различные трактовки понятия «конституция». Существуют и альтернативные конституции государства представления и концепции относительно ее как документа и понятия. Посредством конституции происходит легализация и легитимизация политического порядка, особенно в чрезвычайных условиях, вызванных сменой власти. В этой связи возникает необходимость выделения в конституциях государств ключевых политических положений. По ряду формулировок документа разворачивается острая борьба между оппонентами, которые представляют обществу и отстаивают свое видение устройства страны. Важным для понимания политического значения конституции является и возможность обнаружения в ней признаков идентичности нации и устойчивой генетической связи настоящего с прошлым и будущим. При соотнесении заложенных в конституцию идеалов и чувственных образов с политической практикой важно считаться с декларативным характером положений документа, их футуристической ориентацией на созидание будущего. При анализе конституции государства следует учитывать широкий событийный, хронологический и иной контекст, воздерживаясь от упрощенного восприятия ее положений.

© Белозёров В.К., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: дискурс-анализ, государство, идентичность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Белозёров В.К. Конституция как объект политологического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 619–629. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-619-629>

The Constitution as an Object of Political Analysis

Vasily K. Belozеров

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

✉ vk_belozеров@mail.ru

Abstract. The constitution is typically the primary political and legal act of the state and is a subject of study for representatives of a variety of scientific disciplines. The political science community's attention to the document remains minimal. Meanwhile, the constitution serves as a valuable source of information. Working with the constitution, one can develop an objective understanding of the state, its origins, current situation, and possibilities for its political course within the country and on the international stage. These circumstances indicate that the constitution is a crucial subject for political science analysis. At the same time, the constitution is an accessible and open document; as a result, there is a risk of its superficial perception due to ignoring several circumstances. This article highlights the fact that numerous interpretations of the term “constitution” have emerged in Russian and international sociopolitical and scientific discourse. There are also alternative state constitutions. The constitution serves to legalize and legitimize the political order, particularly in emergency situations resulting from a change of power. In this regard, it is important to identify essential political clauses of state constitutions. The possibility of discovering evidence of the nation's identity in the constitution, as well as a solid genetic relationship between the present and the past and future, is critical to comprehending its political relevance. When connecting the principles enshrined in the constitution, it is vital to consider the declarative nature of the document's provisions as well as their futuristic orientation toward the development of the future. When examining the state constitution, it is essential to consider the broad event, chronological, and other contexts, rather than a simplistic interpretation of its contents.

Keywords: discourse analysis, state, identity

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Belozеров, V.K. (2024). The constitution as an object of political analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 619–629. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-619-629>

Введение

Конституция государства, являясь, как правило, его главным политическим и правовым актом, чаще всего выступает объектом исследования представителей юридической науки. Кроме того, на содержание данного документа

обращают внимание и представители других отраслей научного знания, например лингвисты [Таева 2019; Фролова 2018].

Конституция выступает и важным источником информации, работа с которой, при правильно определенном методе, позволяет составить объективное представление о государстве, его генезисе, состоянии и намерениях. Отсюда правомерно утверждать, что данный документ является объектом и политологического анализа. Диагностика же и прогноз политического курса той или иной страны в большинстве своем являются сложной теоретической и прикладной задачей. Политическая наука в настоящее время располагает значительным познавательным потенциалом, позволяющим так или иначе решать ее. В ее рамках формируются продуктивные подходы, позволяющие работать с текстами, сосредоточиваясь на их политическом содержании (прежде всего в МГУ имени М.В. Ломоносова) [Ширинянц 2019].

Сама по себе конституция является максимально доступным и открытым документом, в связи с чем возникает соблазн шаблонного и поверхностного ее понимания. Всесторонняя же оценка конституции с политологической точки зрения требует фокусирования внимания на целом ряде обстоятельств, в том числе и тех, которые способны ускользнуть от внимания исследователей.

Множественность конституций

Принято считать, что конституция является главным политико-правовым актом государства. Между тем само понятие распространено в различных сферах и в науке, например, в биологии, медицине и антропологии, для обозначения определенных феноменов (например, строения человеческого тела). Применительно к общественно-политической сфере (лат. *constitutio* — установление, определение) посредством него характеризуется устройство, организация политического пространства, его обоснование и закрепление, декларация такого устройства. В условиях различных культур и исторических эпох в понимании обществом конституции, в отношении к ней складываются свои оценки, представления и трактовки конституции [Ильин 1997: 310–316].

Вместе с тем и в рамках социально-политической сферы можно обнаружить примеры обращения к понятию «конституция», посредством которых выделяются конкретные сегменты жизни общества и обозначение их внутреннего устройства.

Так, в связи с периодически активизирующимся обсуждением необходимости и возможности урегулирования повседневно важных для всего общества экономических вопросов и их концептуализации предпринимаются — в России и за рубежом — усилия по разработке экономической конституции [Концепция... 2008]. Причем сам термин «экономическая конституция» уже более двух столетий присутствует в общественно-политическом и научном дискурсе. Обсуждение происходит в основном в связи с определением необходимости и пределов вмешательства государства в экономическую жизнь. Предпринимались в некоторых странах и попытки принятия самостоятельных

правовых актов с соответствующим названием, призванных выступать в качестве альтернативы конституции государства [Шмитт 2013: 144–148].

С учетом особой значимости в жизни общества вопросов обороны, организации и применения военной силы рядом авторов в прежнее время и теперь ставится вопрос о создании военной конституции. О необходимости военной конституции для своей страны писал прусский военный теоретик Клаузевиц. Причем речь шла о военном порядке, устройстве Пруссии, военных основах государства.

Регламентации и проектированию военного устройства государства значительное внимание было уделено молодым Гегелем в неоконченной рукописи о конституции Германии, которая не была опубликована при его жизни [Гегель 1978: 88–93]. Причем оба авторитетных немецких мыслителя размышляли о конституировании военного устройства страны фактически одновременно. На данное обстоятельство обратил внимание отечественный военный теоретик А.А. Свечин: «...Мы не можем категорически полностью отбросить и теорию случайного совпадения мыслей Клаузевица и Гегеля, как двух попутчиков. Исторические выводы-заметки, сделанные Клаузевицем в 1803–1805 годах после чтения трудов Малэ-дю-Пана, Робертсона, Ансильона, Иоганна фон-Мюллера — лучших историков того времени — о Ришелье, о Макиавелли, о раздроблении Италии и Германии, об образовании европейских государств, о Густаве-Адольфе — как две капли воды напоминают труд Гегеля 1802 г. „Германская конституция“, написанный, очевидно, под влиянием тех же исторических трудов. Эти работы Клаузевица и Гегеля, отражавшие в основном тягу к объединению Германии, были напечатаны лишь через много лет после смерти обоих авторов. Ум Клаузевица, несомненно, являлся родственным уму Гегеля» [Свечин 1935: 138–139].

Спустя несколько лет, уже будучи зрелым и опытным и находясь под впечатлением национального подъема в немецких государствах в период борьбы против французского владычества, прусский философ войны, используя слово «конституция» (нем. — *Verfassung*) в работе, написанной в 1819 г., настаивал именно на таком военном устройстве страны, в основе которого лежит воинская повинность [Clausewitz 1858]. Тем самым им был поставлен вопрос о политико-правовой регламентации участия народных масс в обороне страны. Как отмечал А.А. Свечин, «в весьма умеренных взглядах Клаузевица, конституционного монархиста, политические и военные вопросы тесно связывались, и, защищая ландвер, Клаузевиц требовал и конституции» [Свечин 1935: 224].

В постсоветской России представителями военного руководства высказывалась позиция о том, что военно-доктринальные документы государств по своему статусу приближаются к конституционным установлениям. В этой связи заслуживает внимания утверждение И.Н. Родионова, занимавшего пост министра обороны России (17 июля 1996 г. — 22 мая 1997 г.) о том, что «военная доктрина — это своего рода военная конституция государства,

положения которой должны быть известны всем»¹. При оценке видения такого статуса военной доктрины следует учитывать, что фактически посредством нее провозглашается, для чего страна готовит свою армию, что для нее неприемлемо и что потребует военного реагирования, при каких условиях она может обратиться к применению военной силы, каковы пределы такого применения.

Уместно обратить внимание на то обстоятельство, что теоретические конструкции, возникающие в результате рассуждений о возможности или о необходимости экономической и военной конституции, исходят из признания того, что именно указанные сферы жизни общества носят экзистенциальный характер, поэтому они и нуждаются в фундаментальной политико-правовой регламентации. Ведь речь идет о жизнеспособности и самой возможности существования народа, на который ложится все бремя расходов и жертв.

Приведенные примеры конституционной «фрагментации» скорее свидетельствуют о важности, первостепенности решения конкретных животрепещущих вопросов устройства общества, которые становятся актуальными при определенных условиях, особенно в экстремальной обстановке. Поэтому в конституциях многих государств немало внимания уделено вопросам устройства экономической жизни и военной силы. Случается, что в документе актуализируются и другие установления. В этой связи объяснимо стремление исследователей вычленить при анализе конституций их сердцевинную часть, ключевые положения.

Конституирование политического порядка

Как обоснованно определяется правоведами, конституция представляет собой основной закон государства, выражающий волю и интересы народа в целом либо отдельных социальных слоев (групп) общества и закрепляющий для реализации их интересов важнейшие начала общественного строя и государственной организации страны². Предназначение конституции — как главного политического и правового документа, определяющего жизнь страны, — раскрывается в ее функциях, к которым относят обычно учредительную, организаторскую, внешнеполитическую, идеологическую и юридическую.

Наиболее же рельефно предназначение конституции проявляется тогда, когда на мировой арене появляется новое политическое образование и оно во всеуслышание заявляет о себе. Поэтому в конституции государства, возникшего, например, в результате социальной революции, фиксируется и декларируется новый статус-кво. Он отражает установившийся политический и правовой порядок, соответствующий интересам и представлениям об устройстве общества

¹ Родионов И.Н. Какая оборона нужна России? // Независимое военное обозрение. 1996. № 22.

² Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. Сашко, 2000. URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/modern/1776651/chapter/89300effb84a59912210b23abe10a68f/>

и о будущем страны группировки, которая пришла к власти, одержав победу в борьбе над своими противниками. Принятие в этих условиях конституции представляет собой легитимизацию и легализацию новой власти, создание и провозглашение порядка и правил, на основе которых в стране будут происходить выстраивание новых отношений и созидание будущего. Как подчеркивал в этой связи индийский политолог П. Шаран, «институционализация политической власти осуществляется главным образом через конституции, которые представляют собой нечто большее, чем просто документы. Фактически это сложные образцы институтов, законов и практики, которые регулируют и упорядочивают политическую систему» [Шаран 1992: 24].

Учреждением новой власти роль конституции не исчерпывается. Как показывает история, она порой становится объектом политической борьбы. Следует отметить, что периодически обостряющаяся борьба различных группировок за изменение тех или иных положений действующей в стране конституции или же за принятие новой свидетельствует о политическом значении этого документа. Данным обстоятельством следует объяснить, например, появление в постсоветской России конституционных проектов. Они готовятся политическими силами, исповедующими различные идеологии и представляющими публично собственное видение документа в целом или же отдельных его положений [Конституции и доктрины... 2009; Проект Конституции России 2012]. Подобным образом обосновываются и предлагаются изменения в общественно-политическом устройстве страны согласно представлениям о ее будущем. Правда, инициативы о необходимости новой конституции выдвигались в период до 2020 г. Представители же действующей власти обычно выступают за неизменность всего документа или незыблемость ключевых положений конституции во имя устойчивого и стабильного развития страны [Медведев 2018].

Поэтому даже с учетом безусловного признания конституции в целом как политического документа, в ней можно выделить более явно выраженные ключевые установления, образующие ее ядро и отражающие суть и основы властных отношений. К таким положениям, подлежащим констатации в связи с провозглашением сущности возникшего нового властного статус-кво, относятся национальные ценности, статус личности, распределение и ограничение властных полномочий, понимание насилия в политике, отношения собственности и др. В этой связи немецкий политический философ и юрист Карл Шмитт обоснованно обратил внимание на то обстоятельство («Учение о конституции», 1928 год), что в конституции любого правового государства, наряду с изложением конкретных способов организации и устройства власти, всегда содержится и более общая часть, «содержащая принципы политической формы» [Шмитт 2010: 33]. Причем вовсе не обязательно, чтобы соответствующие положения документа выделялись в нем в самостоятельный раздел или главу.

В связи с необходимостью фокусирования на политической проблематике заслуживает внимания утверждение в ряде стран практики разработки так называемых политических конституций. Такой подход реализуется, в частности, в ряде государств Латинской Америки (исп. *constitución* — устройство,

constitución política — политическое устройство). Например, главный политико-правовой акт современной Боливии носит название «Constitución política del estado» («Политическое устройство государства»)³. Политические конституции действуют в Колумбии⁴, Коста-Рике⁵, Мексике⁶, Перу⁷.

Идентичность и генетическая связь с прошлым

Конституция представляет собой манифест идентичности нации, особенно если в ней провозглашено новое политическое учреждение страны. При этом вполне можно убедиться в том, что практически в любой конституции государства содержатся пафосные формулировки, используется возвышенный стиль, лозунги и призывы, призванные демонстрировать общественности в стране и за ее пределами высокие идеалы, порождать чувственные образы, в том числе показывать образ светлого будущего, которое государство созидает. То есть в известном смысле практически все конституции содержат признаки романтизма.

Отсюда неправомерно воспринимать конституцию и ее содержание как безусловную демонстрацию полного отказа страны от своего прошлого. Поэтому неверно исходить из обязательного взаимоисключения установившегося политического статуса-кво, с одной стороны, и предшествующего исторического развития социума — с другой. Особенно, если речь идет о таких сложных социальных духовных феноменах, как обстоятельства антропологической природы и/или историческая память народа.

В той или иной мере посредством конституции для самих граждан и для окружающего мира декларируются исторически сложившийся в конкретной стране жизненный уклад, традиции и обычаи народа, его отношение к религии, другие культурно-ценностные властно значимые феномены. Характерно, что реализовавшийся в советское — официально атеистическое — время тезис «кто не работает, тот не ест», нашедший закрепление в конституциях 1918 и 1936 гг. и в моральном кодексе строителя коммунизма (1961 год), совпадает (т.е. фактически заимствован) с библейской заповедью, содержащейся во Втором Послании апостола Павла к Фессалоникийцам (Солуньянам): «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3:10). Вообще реализация советского проекта мироустройства в той или иной мере предполагала обращение к накопленному человечеством опыту борьбы за социальную справедливость. Характерно, что

³ Bamco Central de Bolivia. URL: https://www.bcb.gob.bo/webdocs/NUEVA_CONSTITUCION_POLITICA_DEL_ESTADO.pdf

⁴ Constitucion Política de Colombia. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/inicio/Constitucion%20politica%20de%20Colombia%20-%202015.pdf>

⁵ Во введении к Конституции Коста-Рики указано, что документ является политической конституцией. URL: https://www.corteidh.or.cr/tablas/17808_2.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

⁶ Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos. URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/646405/CPEUM_28-05-21.pdf (accessed: 20.10.2024).

⁷ Constitucion Política Del Peru. URL: https://www.oas.org/juridico/spanish/per_res17.pdf (accessed: 20.10.2024)

философ Николай Бердяев, объясняя природу советской власти в России, стремился обнаружить ее связь с русской духовностью («Истоки и смысл русского коммунизма»).

Можно привести и другие примеры того, что в конституции, даже в случае радикального провозглашения в ней разрыва с предыдущим укладом, в том или ином виде обнаруживаются следы прошлого, присутствуют и проявляются ценности и идеалы, которые сложились в народе в ходе предшествующего исторического развития. В этой связи Гегель, которому конституция Германии представлялась как организация тела страны („Die Organisation dieses Körpers, welche die deutsche Staatsverfassung heißt...“), подчеркивая наличие в ней генетической связи с прошлым, возвышенно писал: «В формах этого организма выражены справедливость и власть, мудрость и храбрость давно прошедших времен, честь и кровь, благополучие и нужда давно истлевших поколений, исчезнувших вместе с ними нравов и отношений» [Гегель 1978: 68].

Соглашаясь с оценкой немецкого философа, который обратил внимание на присутствие в конституциях проявлений самобытности народа, присущих ему предпочтений и стереотипов, национальных мифов, нельзя согласиться с представлением М.В. Ильина о содержании, функциональности и причинах появления конституций в нашей стране, полагая их прежде всего персонифицированным продуктом конкретного государственного руководителя: «Реальные политический смысл и ценность данных текстов невелики. Самое полезное в них — оттачивание стиля и тренировка политической фантазии соответствующих деятелей» [Ильин 1997: 316].

Приведенная оценка является фрагментарной, в известной степени пренебрежительной и поверхностной. Например, для понимания государственного и общественного устройства России, нашедшего свое отражение в конституции, нельзя не учитывать, в частности, укоренившегося в народном сознании в течение многих веков синтетического понимания своей страны. Например, как установил академик Д.С. Лихачев, издревле под Русской землей в нашем народе понималась не только Русская страна, но и русский народ и русское войско [Лихачев 1987: 3]. В этой связи более взвешенной представляется позиция тех российских авторов, которые рассматривают историческую преемственность как конституционную категорию [Основной закон... 2021: 70–82]. Тем самым обеспечивается разумный отход от привязки к политическому режиму (который может оцениваться извне как «хороший» или «плохой»), и, наоборот, создаются возможности для поддержания идентичности нации и ее консолидации посредством целостного восприятия исторического генезиса России.

Конституционные идеалы и политическая практика

Обстоятельствами социально-психологической и культурно-ментальной природы и, разумеется, отнюдь не только ими можно объяснить то, что в реальной жизни установки конституции не всегда соблюдаются буквально и строго, реализуются немедленно и неукоснительно. То есть самой по себе фиксации

в высшем правовом акте страны ценностей, норм и образцов поведения все же недостаточно для их реализации. На самом деле наличие их в конституции представляет собой необходимое, но не достаточное условие для их имплементации и реализации в практической жизни.

В действительности политические ценности и идеалы закрепляются в конституции, исходя из принципа долженствования, обозначения желаемого состояния, к достижению которого страна и общество стремятся. Поэтому в социально-политической практике любой без исключения страны, провозгласившей себя демократической, можно обнаружить признаки, порой весьма зримые, свидетельствующие о несоответствии их характеристикам и общепринятому пониманию указанного режима. В данном отношении прав немецкий исследователь Ральф Дарендорф, обративший внимание на то, что «самые лучшие институты никогда не бывают точно такими, как на бумаге. ...Реальная конституция всегда должна считаться с историей, культурой и другими своеобразными условиями определенных обществ. Поэтому ее трудно перенести из одной страны в другую» [Дарендорф 2002: 100].

Осмысление отечественного и зарубежного опыта, в том числе и ошибок, заблуждений и иллюзий, ожиданий, отражающихся в конституциях, побуждает задуматься над необходимостью целеуказания для общественного развития и определения образа будущего посредством изложения соответствующих установлений. Так, размышляя о конституции нашей страны в связи с тридцатилетием ее принятия, председатель Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин видит ее жизнеспособность в том, что в ней должен отражаться образ будущего нашей страны. Между тем, как констатировал В.Д. Зорькин, «в настоящее время при всем обилии программных документов и стратегий развития различных сфер экономической и общественной жизни нам явно не хватает ясного, целостного, стратегического в подлинном смысле этого слова, образа будущего, который мог бы объединить различные слои общества и стать основой общественного согласия. Чтобы разрабатывать стратегию какой-то отдельной области государственной и общественной жизни, надо иметь общий образ будущего и видеть, как развитие соответствующих отношений вписывается в этот желаемый образ»⁸.

Можно выявить и другие проявления в конституциях самобытных идеалов и представлений о мироустройстве. Так, при изучении этих главных правовых актов государств можно обнаружить признаки приверженности того или иного политического субъекта определенным традициям и способам защиты страны, организации ее обороны, получить представление о своеобразном восприятии предназначения и устройства военной силы.

Выделению сложившихся отличий в социально-психологических и культурно-ментальных установках социумов способствует и понимание разницы в приемлемости, содержании и пределах применения насилия,

⁸ Зорькин В.Д. Под знаком Конституции. 12 декабря исполняется 30 лет Основному закону страны // Российская газета. 2023. 11 декабря.

в том числе вооруженного, как внутри страны, так и за ее пределами для решения политических задач. В ряде случаев эти особенности вполне предметно отражаются в положениях главных правовых актов государств. Так, отнесение Конституцией США к полномочиям конгресса (раздел 8 статьи 1) права определять и карать акты пиратства, выдавать свидетельства (т.е., разрешения) на каперство и репрессалии вполне убедительно свидетельствует об изначально сложившемся у американской нации своеобразном понимании войны, средств и способов ее ведения. Закрепленный и легитимизированный в Конституции США подход предполагает готовность и способность вести борьбу с внешнеполитическими оппонентами посредством привлечения даже криминальных структур, без установления для них ограничений, без использования своей государственной военной организации, армии. Если в России действия подобным образом все еще встречают удивление или непонимание, то в рамках англосаксонской политической культуры они считаются вполне естественными и повседневно применяются на практике. На приведенном и иных подобных примерах можно вполне убедиться в обоснованности утверждения Гегеля относительно того, что «оружие есть не что иное, как сущность самих борющихся» [Гегель 2000: 195].

Заключение

Изложенные обстоятельства указывают на обоснованность отношения к конституции как к важному и многоаспектному познавательному объекту политологического анализа. Вполне правомерно соотнесение главного политического и правового документа государства с более широким событийным, хронологическим и иным конкретизированным контекстом, нежели простое и буквальное прочтение и восприятие его положений.

Вместе с тем автор не претендует на проведение полной и всесторонней проработки вопроса, признавая фрагментарность и дискретность состоявшегося анализа и ограничиваясь во многом лишь постановкой вопроса. Несомненно, необходимы дальнейшие исследования, которые, думается, обязательно последуют.

Поступила в редакцию / Received: 06.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2024

Библиографический список

Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. Москва : Наука, 1978.

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Москва : Наука, 2000.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: очерк политики свободы. Москва : РОССПЭН, 2002.

- Ильин М.В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997.
- Конституция и доктрины России современным взглядом: материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 17 марта 2009 г.). Москва : Научный эксперт, 2009.
- Концепция «экономической конституции»: современные исследования: сб. научн. тр. / под ред. Г.Н. Андреевой Москва : ИНИОН РАН, 2008.
- Лихачев Д.С. Золотое слово русской литературы / Слово о полку Игореве. Москва : Худож. лит., 1987. С. 3–20.
- Медведев Д.А. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью // Закон. 2018. № 12. С. 8–16.
- Основной закон России: величие страны и достоинство граждан / под ред. Ф.З. Алиева, Б.В. Межуева, А.Б. Рудакова. Рыбинск : Медиарост, 2021.
- Проект Конституции России / отв. ред. М.А. Краснов. Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2012.
- Свечин А.А. Клаузевиц. Москва : Журнально-газетное объединение, 1935.
- Сулакшин С.С. и др. Проект Конституции России / Центр научной политической мысли и идеологии. Москва : Концептуал, 2016.
- Таева Н.Е. Язык и стиль советских конституций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 9. С. 87–96. <http://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.61.9.087-096>.
- Фролова О.Е. Конституция РСФСР 1918 г.: лингвистический портрет текста // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 27–43. <https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.3.043>
- Шаран П. Сравнительная политология. Москва : Б. и., 1992.
- Шириняц А.А. Политическая текстология в Московском университете // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2019. Т. 11. № 1. С. 145–150.
- Шмитт К. Государство и политическая форма. Москва : Изд. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2010.
- Шмитт К. Государство: право и политика. Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2013.
- Clausewitz C. Unsere Kriegsverfassung // Zeitschrift für Kunst, Wissenschaft und Geschichte des Krieges. 1858. Bd. 104. 7. Heft. S. 41–67.

Сведения об авторе:

Белозёров Василий Клавдиевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Московский государственный лингвистический университет (e-mail: vk_belozerov@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4875-5878)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-630-643

EDN: VGXJEQ

Научная статья / Research article

Трансляция ценностно-смысловых нарративов в публичной цифровой коммуникации: возможности и ограничения

А.Б. Ромашкина , Д.А. Киричук

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 albrom@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению роли публичной цифровой коммуникации в процессах формирования и трансляции ценностно-смысловых нарративов в современной политической коммуникации. Авторы рассматривают значение аксиологического пространства государства в управлении общественным и индивидуальным сознанием. Определено, что интернет-коммуникация и цифровые алгоритмы способствуют формированию множества повесток и дискурсов, на которые влияет не только государство, но и новые субъекты политической коммуникации — «цифровые элиты», блогеры и иные пользователи, формирующие публичную цифровую коммуникацию, в том числе из-за рубежа. Традиционные агенты социализации не могут в полной мере формировать мировоззренческие ориентиры человека, а потому граждане могут в большей мере быть подвержены манипулятивным алгоритмическим инструментам цифровых платформ, на которых транслируются деструктивные нарративы, способствующие разрушению мировоззрения и ценностей общества. А потому для сохранения суверенитета государства и противостояния колониализму нового типа, основанному на технологических преимуществах западных стран, необходимо обеспечивать информационную, технологическую и культурную безопасность, что также защитит и целостное аксиологическое пространство, необходимое для консолидации общества.

Ключевые слова: аксиологическое пространство государства, информационная безопасность, колониализм нового типа, цифровые элиты

Благодарности. Исследование подготовлено при финансовой поддержке ЭИСИ, Министерства науки и высшего образования РФ, РАН в рамках научного проекта FSSF-2024–0057 «Технологии цифровых коммуникаций государства и общества как механизм укрепления макрополитической идентичности».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Ромашкина А.Б., Киричук Д.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Ромашкина А.Б., Киричук Д.А. Трансляция ценностно-смысловых нарративов в публичной цифровой коммуникации: возможности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 630–643. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-630-643>

Translation of Value-Semantic Narratives in Public Digital Communication: Opportunities and Limitations

Albina B. Romashkina , Daria A. Kirichuk

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 albrom@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the role of public digital communication in the processes of formation and translation of value-semantic narratives in modern political communication. The authors consider the importance of the axiological space of the state in the management of public and individual consciousness. It is determined that Internet communication and digital algorithms contribute to the formation of a variety of agendas and discourses, which are influenced not only by the state, but also by new subjects of political communication — “digital elites”, bloggers and other users who form public digital communication, including from abroad. Traditional agents of socialization cannot fully shape a person’s worldview, and therefore citizens may be more susceptible to manipulative algorithmic tools of digital platforms on which destructive narratives are broadcast that contribute to the destruction of the worldview and values of society. Therefore, in order to preserve the sovereignty of the state and to resist a new type of colonialism based on the technological advantages of Western countries, it is necessary to ensure information, technological and cultural security, which will also protect the integral axiological space necessary for the consolidation of society.

Keywords: axiological space of the state, information security, new type of colonialism, digital elites

Acknowledgements. The reported study was funded by EISR, Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, RAS project FSSF-2024–0057 «Digital communication technologies of the state and society as a mechanism for strengthening macropolitical identity».

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Romashkina, A.B., & Kirichuk, D.A. (2024). Translation of value-semantic narratives in public digital communication: Opportunities and limitations. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 630–643. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-630-643>

Введение

Современное общество характеризуется интенсивными процессами цифровизации во всех сферах жизни, в том числе этот процесс затрагивает и сферу формирования, трансляции и интерпретации ценностных категорий. Аксиологическое пространство государства является важной составляющей, поскольку на основе

культурно-политического кодирования и перекодирования возможно управление как общественным, так и индивидуальным сознанием, а значит, и поведением граждан, что, безусловно, отражается на всей жизни общества.

Традиционные СМИ транслируют достаточно целостную повестку дня, если редакции поддерживают ту или иную политическую силу в стране (например, в США традиционно выделяют «демократические» СМИ — CNN, ABC и другие, а также «республиканские» — FoxNews), а потому ценностно-смысловое пространство государства было возможно сохранить единым в связи с широким охватом аудитории, даже несмотря на наличие разных нарративов. Однако интернет-коммуникация и цифровые алгоритмы рекомендации способствуют тому, что формируется множество повесток в зависимости от интересов пользователей и целевой аудитории отдельных субъектов коммуникации в онлайн-среде [Feezell 2018]. Кроме того, исследователи отмечают деморализацию политической сферы в связи с интенсивной цифровизацией, поскольку в интернет-пространстве активное развитие получают технологии распространения фейков и дезинформации, манипулятивный потенциал которых колоссальный [Куручкин, Морозова 2024]. Формирование единого ценностно-смыслового пространства государства в таких условиях становится затруднительным, поскольку институты власти не всегда могут иметь столь широкий охват для трансляции информации, как у традиционных СМИ и цифровых площадок коммуникации.

Целью исследования является изучение основных механизмов трансляции ценностно-смысловых нарративов в цифровом информационном пространстве современных государств.

Для рассмотрения особенностей цифровой публичной коммуникации использовались методы сетевого и коммуникационного подходов, а также системного анализа, позволяющие выявить основные взаимосвязи и характеристики коммуникации в интернете. При анализе формирования новых управленческих моделей, новых субъектов влияния на социально-политические процессы, роли коммуникации, информационных технологий и ценностных аспектов в современной политической жизни применялись методы системно-функционального и системно-структурного подходов, сетевой теории. На основе методов коммуникационного и дискурсивного подходов, а также определена роль «цифровых элит», а также алгоритмических механизмов в процессах формирования аксиологического пространства современных государств.

Особенности публичной коммуникации в цифровом пространстве

Коммуникация, осуществляемая в цифровом пространстве, может, как и в реальной действительности носить как межличностный характер (например, частная переписка между двумя или несколькими пользователями в чате, информация из которой не доступна для других, если не будет перенаправлена или скопирована; в этом случае пользователь сам определяет, с кем вступать в коммуникацию, то есть является полноценным субъектом данного процесса),

так и публичный. Публичная цифровая коммуникация направлена на более широкий охват аудитории, что позволяет транслировать различный контент для своих подписчиков или посетителей страницы. В случае публичной коммуникации пользователь может быть и субъектом данного процесса (когда сам инициирует трансляцию информации разными способами), так и становиться объектом коммуникационного воздействия — как со стороны других пользователей, так и со стороны цифровых алгоритмов рекомендации.

Однако и для межличностной, и для публичной цифровой коммуникации остается проблема верификации коммуникатора, поскольку взаимодействие происходит не с реальным человеком, а с его цифровым аватаром. А в условиях развития технологии искусственного интеллекта (ИИ) и нейросетей становится все сложнее определить подлинность пользователя и транслируемого контента.

Публичную цифровую коммуникацию можно классифицировать по нескольким основаниям:

- по платформе распространения информации и ее владельцу;
- по охвату аудитории;
- по степени доступности (например, нужна ли подписка или специальный доступ для получения контента, а также участвуют ли алгоритмы распознавания определенной тематики и фильтрации);
- по формату трансляции информации — текст, видео, фото и другое;
- по субъекту коммуникации (институциональный — официальное СМИ, орган власти; официальный представитель или сотрудник той или иной организации; неинституциональный — цифровая платформа; «цифровая элита»; частное лицо);
- по способу распространения информации (комментарий к тому или иному сообщению; через собственную страницу или блог и другие).

В зависимости от всех этих факторов публичная цифровая коммуникация, которая позволяет распространять социально-политическую информацию и ценностные нарративы, будет иметь разную степень влияния на общество и граждан.

Влияние субъектов публичной цифровой коммуникации на аксиологическое пространство

Стоит отметить, что цифровое пространство начинает определять мировоззренческие ориентиры человека даже больше, чем такие традиционные агенты социализации как семья, образование, наука и религия [Володенков, Федорченко, Печенкин 2023]. Так, например, можно часто услышать антинаучные¹ или

¹ Звезды-антиваксеры: российские знаменитости, которые отказываются вакцинироваться. URL: <https://readovka.news/news/84006>; Чипирование, цифровое рабство и апокалипсис: 5 самых скандальных высказываний Марии Шукшиной. URL: <https://www.kinoafisha.info/articles/chipirovanie-cifrovoe-rabstvo-i-apokalipsis-5-samyh-skandalnyh-vyskazyvaniy-marii-shukshinoy/> (дата обращения: 25.08.2024).

деструктивные² теории от популярных деятелей, блогеров, которые для многих пользователей являются лидерами мнения и авторитетом. Развитие технологий хранения и передачи информации всегда было фактором изменения принципов познания мира и формирования мировоззрения, формирования нового дискурса, что способствовало трансформации гносеологических воззрений. «Изменения в технологиях привели к изменениям в способах, с помощью которых люди организуют, выражают и передают знания, что, по сути, является сдвигом в эпистемологии» [French 2016].

Современный человек находится в фиджитал-среде и не может в полной мере разделить цифровую реальность и настоящую действительность друг от друга, поскольку происходит все более глубокое соединение этих двух пространств воедино. В некотором роде у человека выстраивается новое бытие и представление о нем, поскольку теперь определяют его жизнь не только физическая, природная реальность и культура, но и цифровая среда. Кроме того, субъекты коммуникации, а также алгоритмы распространения информации, цифровые «помощники» в интернет-пространстве во многом способствуют формированию определенных моделей поведения на основе информационно-психологического воздействия на сознание и мировоззрение пользователя [Кулакова, Лукьянова, Волкова 2022].

Цифровая среда дает возможность по-новому и в разных форматах взаимодействовать пользователям друг с другом, а развитие технологий искусственного интеллекта, «умных» помощников позволяет людям выстраивать коммуникацию в неклассической форме (поскольку происходит обмен информацией между живым субъектом, обладающим сознанием, и неживым запрограммированным инструментом) и с алгоритмами. В этих условиях все большее значение приобретает идея М. Маклюэна о том, что все медиа, работающие с помощью электричества, являются расширением сознания, памяти и мышления человека, а также являются механизмом преобразования информации, то есть перевода [Маклюэн 2018]. «Все средства коммуникации как расширения нас самих служат обеспечению новых преобразований зрения и осознания» [Маклюэн 2018].

Однако субъектами публичной коммуникации в цифровом пространстве являются не только частные пользователи или популярные личности, официальные институты или представители органов власти и организаций. «Цифровая элита» и платформы становятся полноценными субъектами не только публичной коммуникации, но и управления этого процесса. Современные разработчики программ и алгоритмов для совершенствования своих цифровых продуктов и платформ совершенствуют не только их технологическую составляющую, им необходимо владеть знаниями и исследовать коммуникационные

² См.: Никита Михалков разнес актеров, призывающих на митинги. URL: <https://yandex.ru/video/preview/10933967281170414574>. (дата обращения: 25.08.2024).; Российские артисты призвали родителей беречь детей от незаконных акций Навального. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/244360459> (дата обращения: 25.08.2024).

процессы, знать особенности естественного языка, психологии, лингвистики, культуры для развития социальных сетей и медиа [Manovich 2016].

Цифровые платформы могут в значительной степени влиять не только на форму контента, но и модерировать его содержание на основе тех или иных ценностных представлений владельцев и разработчиков, идеологических ориентиров доминирующих властных элит тех стран, где размещены или активно работают платформы, моральных воззрений инвесторов и т.д. Поскольку цифровые гиганты в основном являются американскими компаниями, то исследователи отмечают становление новой формы колониализма — цифрового, а также перспективы формирования цифровых империй. Цифровой колониализм как «структурная форма господства осуществляется посредством централизованного владения и контроля над тремя основными элементами цифровой экосистемы: программным обеспечением, аппаратным обеспечением и сетевыми подключениями, что наделяет Соединенные Штаты огромной политической, экономической и социальной властью» [Kwet 2019].

Следует отметить, что Ш. Зубофф рассматривает цифровые платформы как инструмент шпионащего капитализма, который позволяет собирать личные данные о пользователях [Zuboff 2019]. Соединение технологической составляющей и доминирование западной системы ценностей на платформах «цифровых гигантов» также становится одним из механизмов формирования колониализма XXI века [Kwet 2019], а концентрация информационных потоков и объемов хранимых данных в США позволяет им быть «лидером цифровой колониализации» [Куручкин, Морозова 2024]. Современный глобальный технологический рынок представлен доминированием крупных транснациональных корпораций, которые самостоятельно устанавливают «правила игры» не только с точки зрения самой логики развития технологий. Если говорить о совершенствовании цифровых информационно-коммуникационных технологий, то эти компании начинают устанавливать и доминирующий дискурс, а также отслеживать действия и поведение пользователей. «Монополистические структуры технологических рынков ослабляют права личности и национальное регулирование, а расширение доступа к цифровым технологиям только стабилизирует эту гегемонию. Это также означает перевод коммуникаций на частные платформы, их стандартизацию и пренебрежение культурными, социальными и политическими различиями» [Ulbricht 2020].

Социальная жизнь современного человека неразрывно связана с цифровой средой, где он получает информацию, знания о мире, а также интерпретацию тех или иных событий и явлений, в том числе политических. Поэтому внутренние правила и принципы регулирования процессов коммуникации на цифровых платформах становятся одним из факторов формирования этических норм, идеалов, ценностных ориентаций человека. Так, Марк Цукерберг, возглавляющий компанию Meta³, рассказал о давлении со стороны администрации Президента США Дж. Байдена в 2021 г., которая настаивала на удалении нежелательных

³ Meta признана экстремистской организацией в РФ.

публикаций, связанных с пандемией COVID-19⁴. «Наши знания и отношения к политикам, партиям и президентам в значительной степени приобретаются, изменяются или поддерживаются посредством восприятия текста и речи в процессах социализации, образования, восприятия информации СМИ и неформальных разговоров» [Ван Дейк 2015].

Знания о политической жизни, а также отношение к событиям в международных отношениях, деятельности государственных деятелей, органов власти сегодня формируют не только институты государства и традиционные СМИ. Субъектами публичной политической коммуникации в цифровой среде стали популярные артисты, блогеры, спортсмены, журналисты (имеющие свои страницы, где они высказывают свою собственную позицию, которая может отличаться от редакционной) и другие частные лица, которые для остальных «простых» пользователей являются лидерами мнения.

Так, например, российские эстрадные артисты Николай Басков и SHAMAN (Ярослав Дронов) помимо творческой деятельности активно в публичном пространстве выражают поддержку государственной политики, сохранения национальной идентичности и самобытности российской культуры. Свои ценностные идеалы, в которых отражены идеи национального единства, защиты суверенитета и интересов государства, Н. Басков и SHAMAN транслируют и в социальных сетях. У Н. Баскова в Instagram⁵ 6 млн подписчиков, а SHAMAN активно использует свои площадки на YouTube (ныне удаленный аккаунт) и Instagram⁶ (493 тыс. подписчиков). Однако при модерации YouTube администрация платформы рассмотрела контент, транслируемый SHAMANом, а также еще несколькими российскими артистами (например, Полины Гагариной), как нарушающий правила пользования ресурсом, а также в связи с введением санкций со стороны западных стран против этих лиц, а потому удалила⁷. Однако сами артисты связывают такие действия цифровой платформы с их политической позицией, ценностными ориентирами и национальной идентичностью.

Кроме того, на цифровых платформах возможно выстраивать определенный образ государства, используя инструменты «мягкой силы», формировать мировоззрение общества, а также продвигать ценностно-смысловые нарративы для зарубежных пользователей. Например, такими инструментами могут быть различные блоги и каналы о культуре страны, о путешествиях, природе и жизни людей. Однако в условиях информационно-психологического противостояния различные платформы могут блокировать подобные страницы, чтобы не допустить формирования положительного образа страны-мишени.

⁴ Марк Цукерберг заявил, что администрация Байдена «оказала давление» на Meta, чтобы та в 2021 г. подвергла цензуре контент, связанный с коронавирусом. URL: <https://edition.cnn.com/2024/08/27/business/mark-zuckerberg-meta-biden-censor-covid-2021/index.html> (дата обращения: 01.09.2024).

⁵ Meta признана экстремистской организацией в РФ.

⁶ Meta признана экстремистской организацией в РФ.

⁷ YouTube заблокировал каналы Shaman, Гагариной и Газманова. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2835140/> (дата обращения: 01.09.2024).

Так, например, YouTube в июне 2024 г. удалил два канала без предупреждения и объявления причин для владельцев, которые рассказывали о жизни в России. Это были «каналы Sasha Meets Russia, влог девушки о переезде в Россию вместе с отцом американцем, и Russian Code, где брали интервью у иностранцев, переехавших в страну»⁸.

Современное цифровое коммуникационное пространство в силу своей глобальности и трансграничности трансформирует процессы управления обществом, поскольку раньше власть ограничивалась пространственно-временными характеристиками, что и определяло влияние национального государства [Кастельс 2017]. Но существенное влияние происходит и на аксиологические категории, поскольку в онлайн-среде возможность осуществлять политико-культурное кодирование и перекодирование становится шире [Федорченко 2017], а потому появляются новые субъекты, которые на основе доступа к дискурсу постепенно получают инструменты управления сознанием граждан, их поведением и восприятием действительности.

Значение суверенитета современного государства в процессах формирования мировоззренческих ориентиров граждан

Формирование дискурса и трансляция политических кодов является основой формирования как самосознания человека, так и ощущения принадлежности к той или иной социальной группе, то есть идентичности, на основе общих взглядов, морально-этических воззрений, идеалов и образа будущего. «Важным компонентом ценностей, которые выражают молодые люди, являются их взгляды на прошлые политические и идеологические системы, существовавшие в их стране или где-либо еще» [Krawatzek 2022].

Так, например, государство может закрепить на правовом уровне перечень ценностей, значимых для общества, и определять необходимость их защиты. В России на основе Указа Президента № 809⁹ определено, что религии (как мировые, так и национальные) являются неотъемлемой составляющей исторического и духовного наследия, а также закреплено как традиционная ценность единство народов России. Кроме того, в Указе выделено, что идеологическое и психологическое воздействие на граждан является деструктивным, поскольку способствует разрушению системы идей и ценностей, то есть аксиологического пространства. Однако государству не всегда удается противостоять такой деструктивной деятельности различных субъектов цифровой публичной коммуникации. Так, осенью 2023 г. в аэропорту города Махачкала были устроены беспорядки, организованные

⁸ По данным Телеграм-канала «Гречка в долларах». URL: <https://t.me/c/1625434442/5282> (дата обращения: 20.08.2024).

⁹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 20.08.2024).

внешними субъектами воздействия через социальные сети на почве религиозной нетерпимости¹⁰.

В современных условиях геополитической напряженности, сопровождающейся активизацией механизмов ценностно-смыслового противостояния, совершенствования методов ведения когнитивных и информационно-психологических операций, государствам необходимо расширять содержание национального суверенитета. Необходимо обеспечивать защиту не только государственной границы, но и информационной, технологической, цифровой, культурной безопасности.

Формирование общественного сознания на основе ценностно-смысловых категорий является важным фактором того, какие представления и ожидания будут транслировать граждане в процессе своей коммуникации, в том числе и публичной. Аксиологические категории являются важной составляющей образа будущего, поскольку на их основе возможна консолидация общества. Кроме того, цивилизационные основания и духовные начала современных государств, таких как Россия, Китай, Индия, и ряда других подвергаются активным деструктивным воздействиям в цифровом пространстве со стороны внешних акторов, а потому стратегической задачей для сохранения государственности и идентичности в этих условиях по защите ценностно-смыслового пространства является защита духовно-нравственных ценностей и исторической памяти народа.

Однако разобшенная картина мира, которая формируется в результате наличия множества повесток дня, трансляции разнообразных представлений каждого из субъектов публичной цифровой коммуникации, может способствовать распространению деструктивных идеалов и представлений, что в дальнейшем не позволит формировать единое ценностно-смысловое пространство государства. «Образ цифрового будущего формируется не только объективными условиями цифровизации, но и намерениями различных ее акторов, обладающих собственным видением и нередко преследующих свои интересы, которые они выражают в медиaprостранстве. Большое количество медиаматериалов формирует неоднозначный образ будущего <...>. В публичном пространстве коммуникаций образ становится неустойчивым, ситуативным из-за возрастающего числа акторов этого пространства и связей между ними, а процесс репрезентации в общественном сознании — более сложным» [Володенков, Зотов, Консон, Гуков 2024].

Кроме того, государству как одному из важнейших агентов социализации в условиях интенсивной цифровой публичной коммуникации все сложнее влиять на процессы формирования мировоззрения и ценностно-смысловых категорий, понимаемых в обществе с единой интерпретационной моделью (так, например, трактовка справедливости в неолиберальном понимании и консервативном будет существенно различаться). Хотя органы власти, представители ведомств,

¹⁰ Массы в беспорядке: как идет расследование событий в аэропорту Махачкалы. URL: <https://iz.ru/1597648/nataliia-bykadorova-anastasiia-platonova-alena-nefedova/massy-v-besporiadke-kak-idet-rassledovanie-sobytii-v-aeroportu-makhachkaly> (дата обращения: 20.08.2024).

а также прогосударственные лидеры общественного мнения присутствуют в цифровой среде и могут транслировать ценностные нарративы, существуют определенные ограничения, которые либо достаточно сложно преодолеть, либо в некоторых случаях невозможно. Так, «необходимо фиксировать технологические и коммуникативные аспекты конкретной платформы, которые и определяют характерные особенности процессов коммуникации между пользователями» [Лукьянова, Соловьев 2024]. Также идеологическая направленность платформ играет существенную роль. Существенно изменилась модерация платформы X (бывший Twitter)¹¹ после того, как ее выкупил бизнесмен И. Маск, в результате чего были разблокированы аккаунты консервативных политиков и журналистов, что позволило внести большее разнообразие в транслируемые в социальной сети нарративы¹².

Отдельного внимания исследователей политического цифрового коммуникационного пространства заслуживают различные технологии искусственного интеллекта — от «умных помощников» до различных чат-ботов и программ генерации текстов, аудио- и видеоматериалов [Hildebrandt 2018; Федорченко 2023; Adamoroulou, Moussiades 2020]. Развитие технологий создания текста с помощью искусственного интеллекта (например, ChatGPT) вызывает опасения, что сгенерированный контент с помощью определенной настройки алгоритмов будет носить характер дезинформации, теорий заговора, что позволит вмешиваться незаметным образом в социально-политические процессы, делать информационные «вбросы» в ходе избирательных кампаний, способствовать развитию социальных конфликтов на основе манипулятивных технологий¹³.

По мнению Марии Захаровой, «мы должны уметь распознавать, где творчество человека, а где то, что лишь выдается за результат человеческой деятельности, а на самом деле создано машиной»¹⁴. Также она отмечает высокий потенциал технологии ИИ для дальнейшего углубления международной поляризации и противостояния между странами, стремящимися стать лидерами технологического развития в этой сфере, а также роль негосударственных акторов в данных процессах, что также ставит перед государством новые задачи.

По мнению Сэма Альтмана, генерального директора компании OpenAI, «проблема того, кто возглавит развитие искусственного интеллекта в мире, заключается не только в экспорте технологий, но и в экспорте ценностей, которые эти технологии поддерживают»¹⁵. На его взгляд, США должны быть ли-

¹¹ Социальная сеть Twitter (X) была полностью заблокирована в РФ по решению Генеральной прокуратуры России.

¹² Что изменилось в Twitter с приходом Илона Маска. URL: <https://tass.ru/info/17736773> (дата обращения: 20.08.2024).

¹³ Генеративные угрозы. URL: <https://actualcomment.ru/generativnye-ugrozy-2409260815.html> (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁴ Заменит ли искусственный интеллект дипломата? URL: <https://www.pnp.ru/politics/zamenit-li-iskusstvennyy-intellekt-diplomata.html> (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁵ Эксперт заявил, что отечественный ИИ должен защищать РФ от ИИ западных стран. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21514149> (дата обращения: 21.08.2024).

дером глобальной коалиции стран-единомышленников, стремящихся создать «демократический» ИИ¹⁶.

Данные идеи С. Альтмана показывают, что опасения исследователей о формировании нового типа колониализма, основанного на распространении цифровых технологий, являются обоснованными, а потому доктрина информационной безопасности современного государства и его информационная политика должна включать защиту не только критической инфраструктуры от подобных угроз, но и ценностно-смыслового пространства от деструктивного воздействия, которое потенциально может быть оказано со стороны разработчиков ИИ. Мы полагаем, что этические и ценностно-смысловые проблемы, связанные с развитием генеративного искусственного интеллекта, требуют особого внимания государств в условиях информационно-когнитивных и психологических операций, поскольку эти технологии связаны с воздействием на сознание и мировоззрение пользователей, поэтому их манипулятивный потенциал значителен.

Заключение

Интенсивная цифровизация всех сфер жизни общества и стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий значительным образом трансформирует все социальные процессы. Индивид, общество и государство оказываются в новых условиях существования, когда все виды и формы деятельности оказываются под влиянием стремительного технологического прогресса, а потому требуется быстрая адаптация различных процессов, в том числе и социально-политических, к новым реалиям. Данные изменения затрагивают не только внешнюю форму жизни человека и общества, но и такие глубинные категории, как познание, мышление, мировоззрение, ценности. А потому к новым условиям существования социума должны быть адаптированы и способы обеспечения безопасности человека со стороны государства.

Значимой угрозой для современного государства становится не только использование со стороны внешних врагов физического оружия, но и применение информационно-когнитивных и психологических технологий для воздействия на индивидуальное сознание граждан и общественное сознание деструктивных, радикальных и экстремистских идей, подрывающих социальный консенсус и разрушающих национальное ценностно-смысловое пространство.

Государству в данных условиях для сохранения своей значимой роли в процессах социализации и формирования ценностных ориентиров общества необходимо менять формы артикуляции и трансляции аксиологических нарративов в публичном коммуникационном пространстве. Наличие национальных цифровых платформ и социальных сетей позволяет государству сохранить возможность самостоятельно определять информационную политику, а также транслировать те политические и культурные коды, которые отвечают национальным

¹⁶ Эксперт заявил, что отечественный ИИ должен защищать РФ от ИИ западных стран. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21514149> (дата обращения: 21.08.2024).

интересам. Однако доминирование западных технологий, их популярность среди многих пользователей, ресурсы «цифровых гигантов», которые позволяют более активно внедрять по всему миру именно эту модель развития цифрового пространства, становятся фактором снижения эффективности цифровой коммуникации национальных институтов власти.

Россия в условиях глобального геополитического противостояния со странами Запада и НАТО, которые активно применяют инструменты информационно-психологических и когнитивных операций, с точки зрения цифровой и информационной безопасности, находится в сложной ситуации. Это связано с тем, что не все цифровые платформы, на которых можно было бы осуществлять трансляцию ценностно-смысловых нарративов, отвечающих национальным интересам, могут быть конкурентоспособны с глобальными¹⁷. Кроме того, отечественные платформы не популярны за рубежом, а значит, идеалы и ценности недружественных стран на глобальных цифровых площадках будут доминирующими, учитывая блокировку российских блогеров и каналов. Поэтому трансляция аксиологических категорий, соответствующих российским интересам, для зарубежной аудитории становится все более затруднительной. Безусловно, развитие национальных социальных сетей, видеохостингов, цифровых платформ, технологий ИИ и достижение цифрового суверенитета является стратегической задачей России для обеспечения информационной безопасности. Вместе с тем необходимо учитывать аспект трансграничности и глобальности интернет-пространства при совершенствовании данного направления.

Поступила в редакцию / Received: 11.09.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.09.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2024

Библиографический список

- Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Изд. 2-е. Москва : УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.
- Володенков С.В., Зотов В.В., Консон Г.Р., Гуров О.Н. Перспективы формирования просоциального образа цифрового будущего в России (экспертная оценка) // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2024. Т. 49. № 1. С. 39–51. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-1-39-51>
- Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Особенности формирования мировоззрения в условиях современной цифровой среды: анализ академических дискурсов // *Дискурс-Пи.* 2023. Т. 20. № 1. С. 8–26. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_8
- Кастельс М. Власть коммуникации. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
- Кулакова Т.А., Лукьянова Г.В., Волкова А.В. От экономического патернализма к цифровому контролю // *Проблемы современной экономики.* 2022. № 1 (81). С. 79–83.

¹⁷ Аналогии YouTube в России: 5 платформ, где смотреть видео и куда загружать контент. URL: https://riamo.ru/articles/aktsenty/analogi-youtube-v-rossii-5-platform-gde-smotret-video-i-kuda-zagruzhat-kontent/?from=inf_cards (дата обращения: 21.08.2024).

- Курочкин А.В., Морозова С.С. Цифровая колониализация как угроза национальной безопасности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 1. С. 64–72. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.105>
- Лукьянова Г.В., Соловьев А.Ю. Особенности формирования повестки дня в мессенджере Telegram // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. № 1. С. 90–97. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-90-97>.
- Маклюэн М.Г. Понимание медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. 5-е изд., испр. Москва : Кучково поле, 2018.
- Федорченко С.Н. Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации. Москва : Проспект, 2023.
- Федорченко С.Н. Политическое кодирование: постановка проблемы и компаративистика коммуникационных технологий управления массовым сознанием // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. № 3. С. 44–78.
- Adamopoulou E., Moussiades L. Chatbots: History, technology, and applications // *Machine Learning with Applications*. 2020. Vol. 2. P. 1–18. <https://doi.org/10.1016/j.mlwa.2020.100006>
- Feezell J.T. Agenda Setting through Social Media: The Importance of Incidental News Exposure and Social Filtering in the Digital Era // *Political Research Quarterly*. 2018. Vol. 71. (2). P. 482–494. <https://doi.org/10.1177/1065912917744895>
- French R.P. Deconstructing the End of Leadership: Postmodernity, Epistemology, and Worldviews // *Sage Open*. 2016. Vol. 6. (1). P. 1–10. <https://doi.org/10.1177/2158244016628588>
- Hildebrandt M. Algorithmic regulation and the rule of law // *Phil. Trans. R. Soc.* 2018. Vol. 376, iss. 2128. P. 1–11. <http://dx.doi.org/10.1098/rsta.2017.0355>.
- Krawatzek F. A Sign of Things to Come? Youth and Politics: Regimes, Values and Agency // *Europe-Asia Studies*. 2022. Vol. 74. (7). P. 1105–1122. <https://doi.org/10.1080/09668136.2022.2108260>
- Kwet M. Digital colonialism: US empire and the new imperialism in the Global South // *Race & Class*. 2019. Vol. 60. (4). P. 3–26. <https://doi.org/10.1177/0306396818823172>
- Manovich L. The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics // *Journal of Cultural Analytics*. 2016. Vol. 1. (1). <https://doi.org/10.22148/16.004>
- Ulbricht L. Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project // *Democratization*. 2020. Vol. 27. (3). P. 426–442. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1714595>
- Zuboff S. The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power. New York : Public Affairs, 2019.

References

- Adamopoulou, E., & Moussiades, L. (2020). Chatbots: History, technology, and applications. *Machine Learning with Applications*, 2, 1–18. <https://doi.org/10.1016/j.mlwa.2020.100006>
- Castells, M. (2017). *The power of communication*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russian).
- Fedorchenko, S.N. (2017). Political coding: the problem and comparative studies of communication technologies management of mass consciousness. *Journal of Political Research*, 1(3), 44–78. (In Russian).
- Fedorchenko, S.N. (2023). *The power of the algorithm: Technologies of legitimization of political regimes in the conditions of digitalization*. Moscow: Prospekt. (In Russian).
- Feezell, J.T. (2018). Agenda Setting through Social Media: The Importance of Incidental News Exposure and Social Filtering in the Digital Era. *Political Research Quarterly*, 71(2), 482–494. <https://doi.org/10.1177/1065912917744895>
- French, R.P. (2016). Deconstructing the End of Leadership: Postmodernity, Epistemology, and Worldviews, *Sage Open*, 6(1), 1–10. <https://doi.org/10.1177/2158244016628588>

- Hildebrandt, M. (2018). Algorithmic regulation and the rule of law. *Phil. Trans. R. Soc.*, 376(2128), 1–11. <https://dx.doi.org/10.1098/rsta.2017.0355>.
- Krawatzek, F.A. (2022). Sign of Things to Come? Youth and Politics: Regimes, Values and Agency. *Europe-Asia Studies*, 74(7), 1105–1122. <https://doi.org/10.1080/09668136.2022.2108260>
- Kulakova, T.A., Lukyanova, G.V., & Volkova, A.V. (2022). From economic paternalism to digital control. *Problems of modern economics*, 1(81), 79–83. (In Russian).
- Kurochkin, A.V., & Morozova, S.S. (2024). Digital colonization as a threat to national security. *Political Expertise: POLITEX*, 20(1), 64–72. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.105>
- Kwet, M. (2024). Digital colonialism: US empire and the new imperialism in the Global South. *Race & Class*, 60(4), 3–26. <https://doi.org/10.1177/0306396818823172>
- Lukyanova, G.V., & Solovyov, A.Yu. (2024). Features of agenda setting in Telegram. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 24(1), 90–97. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-90-97>
- Makliuen, M.G. (2018). *Understanding media: the extensions of man*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).
- Manovich, L. (2016). The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics. *Journal of Cultural Analytics*, 1(1), <https://doi.org/10.22148/16.004>
- Ulbricht, L. (2020). Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project. *Democratization*, 27(3), 426–442. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1714595>
- Van Dijk, T.A. (2015). Discourse and power: Representation of dominance in language and communication. Moscow: URSS, “LIBROCOM”. (In Russian).
- Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N., & Pechenkin, N.M. (2023). Peculiarities of Worldview Formation in the Contemporary Digital Environment: The Analysis of Academic Discourses. *Discourse-P*, 20(1), 8–26. (In Russian). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_8
- Volodenkov, S.V., Zotov, V.V., Conson, G.R., & Gurov, O.N. (2024). The Prospects of Creating a Prosocial Image of The Russia’s Digital Future (Expert Assessment). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1), 39–51. (In Russian). <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-1-39-51>
- Zuboff, S. (2019). *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. New York: Public Affairs.

Сведения об авторах:

Ромашкина Альбина Бариевна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (e-mail: albrom@mail.ru) (ORCID: 0009-0000-2452-0738)

Киричук Дарья Анатольевна — ассистент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (e-mail: dariakirichuck@gmail.com) (ORCID: 0009-0000-0378-4443)

About the authors:

Albina B. Romashkina — PhD in Political Sciences. Senior Lecturer of the Department of Comparative Political Science, RUDN University (e-mail: albrom@mail.ru) (ORCID: 0009-0000-2452-0738)

Daria A. Kirichuk — Assistant Professor of the Department of Comparative Political Science, RUDN University (e-mail: dariakirichuck@gmail.com) (ORCID: 0009-0000-0378-4443)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-644-657

EDN: ZSEGWH

Научная статья / Research article

Функциональная роль исторических аналогий в российском и украинском президентских дискурсах о специальной военной операции

В.О. Беклямишев

Государственный академический университет гуманитарных наук

Москва, Российская Федерация

✉ bekliamishev@yandex.ru

Аннотация. Применение исторических аналогий в российском и украинском президентских дискурсах в начальный период специальной военной операции (24.02-21.09.2022) требует внимательного изучения. Цель исследования — выявление их функциональной роли. Полученные результаты продемонстрировали, что в российском президентском дискурсе сосуществовали две онтологии конфликта. Доминирующая онтология, задаваемая параллелью с Великой Отечественной войной, предполагала в качестве врага коллективный Запад, использующий Украину в качестве «плацдарма». Вторая онтология, описываемая через параллель с Гражданской войной, придавала Украине большую субъектность, отводя коллективному Западу роль третьей стороны, извлекающей выгоду из конфликта. В свою очередь, репертуар исторических аналогий в украинском президентском дискурсе был гораздо шире, однако большая часть из выявленных параллелей опиралась на прецедентные ситуации из зарубежной истории и применялась с целью повлиять на восприятие конфликта в странах коллективного Запада. Отмеченный дисбаланс отчасти обуславливался тем, что неразрешенные структурные конфликты между советским и националистическим нарративами препятствовали украинским элитам эффективно использовать исторические аргументы во внутривнутриполитической коммуникации.

Ключевые слова: исторические аналогии, специальная военная операция, СВО, Россия, Украина, историческая политика, политика памяти, политический дискурс

Благодарности. Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 24-28-01495 «Военные «мифы основания» в структуре национальной идентичности (на примере роли образов военного прошлого в современном российском обществе)».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Беклямишев В.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Беклямишев В.О. Функциональная роль исторических аналогий в российском и украинском президентских дискурсах о специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 644–657. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-644-657>

The Functional Role of Historical Analogies in Russian and Ukrainian Presidential Discourses on the Special Military Operation

Vladimir O. Bekliamishev

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

✉ bekliamishev@yandex.ru

Abstract. The application of historical analogies in Russian and Ukrainian presidential discourses in the initial period of the special military operation (24.02-21.09.2022) is noteworthy. The purpose of the study was to identify their functional role. The results demonstrated that two ontologies of the conflict coexisted in the Russian presidential discourse. The dominant ontology, set by a parallel with the Great Patriotic War, assumed the collective West as an enemy, that uses Ukraine as a “foothold”. The second ontology, described through a parallel with the Russian Civil War, gave Ukraine greater subjectivity, assigning the collective West the role of a third party benefiting from the conflict. In turn, the repertoire of historical analogies in the Ukrainian presidential discourse was much broader, but most of the identified parallels were based on precedent situations from foreign history and were used to influence the perception of the Russian-Ukrainian conflict by the countries of the collective West. The noted imbalance was partly since unresolved structural conflicts between Soviet and nationalist narratives prevented Ukrainian elites from effectively using historical arguments in domestic political communication.

Keywords: historical analogies, special military operation, SMO, Russia, Ukraine, historical policy, policy of memory, political discourse

Acknowledgements. The article was prepared thanks to the grant of the Russian Scientific Foundation No. 24-28-01495 “Military “myths of the foundation” in the structure of national identity (on the example of the role of images of the military past in modern Russian society)”.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Bekliamishev, V.O. (2024). The functional role of historical analogies in Russian and Ukrainian presidential discourses on the Special military operation. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 644–657. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-644-657>

Введение

В последней четверти XX в. под влиянием «мнемонического поворота» в социальных науках сформировался устойчивый интерес к политике памяти как одной из форм символической политики. В русле данного подхода коллективные представления о прошлом, включая воспоминания о предыдущих военных конфликтах, воспринимаются, в первую очередь, как предмет конкурентной борьбы, в которой участвуют политические акторы, стремящиеся утвердить

собственные интерпретации исторической реальности в качестве доминирующих [Малинова 2019: 291].

События политического кризиса на Украине, спровоцированного антиконституционным переворотом в Киеве в 2014 г., неоднократно рассматривались с этих методологических позиций, однако по преимуществу зарубежными авторами, обладающими ограниченными возможностями анализа русскоязычного политического дискурса [Berrocal 2019; Dreyer 2018; Gaufman 2015; Klumenko 2020]. Кроме того, специальная военная операция Вооруженных сил Российской Федерации на Украине (СВО) положила начало принципиально новому этапу противостояния, анализ символических аспектов которого только стартовал [Kalhousová, Finkel, Kocián 2024; Kurnyshova 2024; Labuda 2024].

Этими обстоятельствами, на наш взгляд, обуславливается актуальность обращения к проблематике политики памяти в период проведения СВО, включая как разделяемые противоборствующими обществами исторические представления, так и применяемые сторонами конфликта инструменты политического использования прошлого. Одним из таких инструментов являются исторические аналогии, часто включаемые в политические и медиадискурсы. Под «исторической аналогией» нами, вслед за хорватским политическим лингвистом Д. Пехаром, понимается «проекция образа прошлого на образ настоящего или будущего» [Pehar 2001: 117]. Цель исследования — выявление основных исторических аналогий в российском и украинском президентских дискурсах об СВО и определение их функциональной роли.

Хронологические рамки исследования охватили период с 24 февраля по 21 сентября 2022 г. (с момента начала СВО до объявления в России частичной мобилизации). Именно в это время обе стороны прилагали максимальные усилия по формированию общественного мнения, в процессе чего сложились устойчивые репертуары исторических аналогий, сохранившиеся и позднее.

Методология исследования

С тех пор как в середине 1960-х гг. американский историк Г. Фейс впервые поставил вопрос о влиянии «того, что может быть названо „историческими воспоминаниями“ на некоторые из выдающихся решений американской дипломатии военного времени» [Feis 1967: 91], корпус работ, посвященных проблематике исторических аналогий, успел сформировать обособленное проблемное поле на стыке междисциплинарного направления «memory studies» и теории международных отношений. По мере роста влияния медиа в публичной политике фокус внимания исследователей сместился с анализа влияния параллелей с прошлым на процесс выработки политических решений к изучению их роли в борьбе за символическое доминирование [Беклямишев 2021].

Методология проведенного исследования формировалась в соответствии с этой традицией и включала в себя инструментарий анализа исторических аналогий в контексте их применения в целях секьюритизации [Makhortykh 2020] и конструирования идентичностей [Rasmussen 2003]. При этом исторические аналогии

рассматривались нами, прежде всего, как инструмент оказания убеждающего воздействия, способный «влиять на дискурс и задавать параметры дискуссии» [Kaarbo, Kenealy 2017: 70]. Предполагалось, что политические акторы, стремясь добиться признания собственной позиции, активно продвигают одни параллели с прошлым и стараются дискредитировать другие [Stuckley, Antczak 1994].

Для проведения исследования были сформированы две выборки текстов, одна из которых репрезентировала российский, а другая — украинский президентский дискурсы. В первую выборку вошли материалы, содержащие исторические аналогии, с официального сайта президента Российской Федерации (kremlin.ru), а во вторую — с официального сайта президента Украины (president.gov.ua). В ряде случаев для уточнения интерпретаций конкретной аналогии или выявления случаев ее оспаривания дополнительно привлекались материалы СМИ и блогосферы.

Российский президентский дискурс

Начало СВО в феврале 2022 г. обусловило глубокую перестройку политических дискурсов в России и на Украине. Обеим сторонам конфликта потребовалось оперативно «стабилизировать смыслы, благоприятствующие их политическим курсам» [Байша 2023], чтобы решить задачи внутривнутриполитической мобилизации. При этом, если украинские нарративы распространялись при поддержке глобальных западных медиа, то российские были доступны преимущественно внутренней аудитории.

Российский президентский дискурс, включающий в себя нарратив об историческом единстве русских и украинцев, строился вокруг тезиса о необходимости защиты мирного населения Донбасса и противодействия военной угрозе со стороны коллективного Запада. Последнему отводилась роль субъекта, использующего Украину в качестве «плацдарма»¹. По мере расширения перечня внеправовых санкций против России и интенсификации контактов со странами глобального Юга к этим элементам добавился антиколониальный мотив, нашедший завершенное выражение в речи по случаю воссоединения четырех новых регионов с Российской Федерацией².

Обращает на себя внимание, что репертуар исторических аналогий в российском президентском дискурсе оказался существенно меньше, чем в украинском. Рамку восприятия конфликта в нем задавала параллель между СВО и Великой Отечественной войной. Со временем, в том числе за счет активного создания новой «инфраструктуры памяти», включающей в себя экспозиции и мемориалы³, эта аналогия приобрела черты «символического моста» (в терминологии

¹ Владимир Путин ответил на вопросы журналистов. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68783> (дата обращения: 01.11.2024).

² Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Видеообращение к участникам церемонии открытия восстановленного мемориального комплекса «Саур-Могилы». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69314> (дата обращения: 01.11.2024).

Я. Зерабувель) — многоуровневой мнемонической конструкции, «соединяющей исторические периоды, разделенные значительным историческим временем, подчеркивая символическую преемственность между ними» [Zerubavel 2020: 9].

Опирающаяся на «базовый сюжет» российской гражданской идентичности и находящая подтверждения в неприемлемом радикально-националистическом позиционировании политического режима в Киеве, параллель с Великой Отечественной войной может рассматриваться как «аналогия–травма», то есть ссылка «на крайне острые эпизоды в прошлом, которые являются „оголенным нервом“ в памяти сообщества и лиц, принимающих решения» [Brändström, Bynander, Hart 2004: 194].

Поскольку воспоминания о предыдущих войнах способны упростить процесс придания конкретным проблемам экзистенциального статуса [Buzan, Wæver, de Wilde 1998: 60], данная параллель также применялась в целях секьюритизации с первых дней проведения СВО, помогая обозначить серьезность внешней угрозы. *«Мы хорошо знаем из истории, как в 40-м году и в начале 41-го года прошлого века Советский Союз всячески стремился предотвратить или хотя бы оттянуть начало войны... Второй раз мы такой ошибки не допустим»*, — отмечал президент В.В. Путин в обращении к нации за несколько часов до начала конфликта⁴. Следует иметь в виду, что к тому моменту эффективность стратегии секьюритизации через историческую аналогию с Великой Отечественной войной уже подтверждалась примерами ее применения в период кризиса на Украине в 2014 г. [Makhortykh 2018].

Подчеркивая оборонительный характер специальной военной операции, данная параллель одновременно конструировала образ коллективного Запада как единого субъекта и возлагала на него всю полноту моральной ответственности. Так, высказываясь на тему попыток экономической и информационной блокады России, президент В.В. Путин сравнил их *«с антисемитскими погромами, которые устраивали нацисты в Германии 30-х годов прошлого века, а затем и их приспешники из многих европейских стран, которые присоединились к гитлеровской агрессии против нашей страны во время Великой Отечественной войны»*⁵.

Следует отметить, что уже после рассматриваемого периода, с ноября 2022 г., в официальном российском дискурсе появилась еще одна историческая аналогия — между СВО и Гражданской войной, вновь отсылающая к нарративу об историческом единстве русских и украинцев⁶. Как отмечал президент В.В. Путин на встрече с историками и представителями традиционных религий: *«...противостояние идет внутри одного народа, так же как это было после потрясений 1917 г., людей снова стравили»*. Таким образом

⁴ Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Совещание о мерах социально-экономической поддержки регионов. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67996> (дата обращения: 01.11.2024).

⁶ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181> (дата обращения: 01.11.2024).

конструировалась принципиально иная онтология конфликта: *«Тогда иностранные державы грели руки на трагедии нашего народа. Им было плевать и на белых, и на красных, они преследовали свои интересы, ослабляли и рвали историческую Россию на части. И сегодня, беспрерывно поставляя оружие на Украину, перебрасывая туда наемников, они абсолютно безжалостны к ее гражданам»*⁷.

Кроме того, определенный спектр исторических аналогий выработался и за рамками официального дискурса. Особого внимания среди них заслуживает параллель между СВО и Первой мировой войной, основанная на том, что российско-украинский конфликт к осени 2022 г. приобрел позиционный характер. Посредством нее и ряда других схожих аналогий предпринимались в целом малоуспешные попытки контр-секьюритизации, в ходе которых в качестве «угрозы» обозначались издержки от нахождения страны в состоянии боевых действий, а «выходом» виделось завершение СВО до достижения поставленных целей⁸.

Украинский президентский дискурс

В условиях изначальной асимметрии потенциалов участников конфликта прагматическим аспектом украинского президентского дискурса являлись максимизация внешней военно-финансовой поддержки и укрепление требуемой для этого блоковой солидарности. *«Мы помогли Западу найти себя снова, вернуться на глобальную арену и почувствовать, насколько Запад преобладает»*, — указывал в качестве главного внешнеполитического достижения первого года противостояния президент В.А. Зеленский⁹. Как следствие, украинский дискурс вынужденно сочетал в себе националистические элементы, адресованные внутренней аудитории, с тезисом о европейской идентичности Украины и собственными либерально-глобалистскому дискурсу оппозициями — «цивилизация — варварство», «свобода – несвобода».

Невзирая на то, что президент В.А. Зеленский призывал *«не повторять нарративы России, которая пытается... сравнивать войну в нашей стране с другими конфликтами»*¹⁰, в его собственном дискурсе присутствуют многочисленные исторические аналогии, направленные преимущественно на зарубежную аудиторию. Среди них могут быть выделены параллели между

⁷ Встреча с историками и представителями традиционных религий России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69781> (дата обращения: 01.11.2024).

⁸ Каждый пятый в России против СВО. URL: <https://www.yavlinsky.ru/article/kazhdyj-ryatuj-v-rossii-protiv-svo/> (дата обращения: 01.11.2024).

⁹ Выступление Президента с ежегодным Посланием к Верховной Раде о внутреннем и внешнем положении Украины. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/vistup-prezidenta-zishorichnim-poslanniam-do-verhovnoyi-rad-80113> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁰ Если Украина не сдержит агрессию России, эта война перекинется на другие территории, может, даже на другие континенты — Президент на NYT DealBook Summit. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/yaksho-ukrayina-ne-vtrimaye-agresiyi-rosiyi-cya-vijna-pereki-79557> (дата обращения: 01.11.2024).

СВО и национально-освободительными войнами (например, Нидерландской революцией 1555–1572 гг.)¹¹, свержениями авторитарных режимов (в частности режима Н. Чаушеску в 1989 г.)¹², а также различными военными преступлениями предшествующих периодов (например, бомбардировкой Герники в ходе Гражданской войны в Испании в 1937 г.)¹³. Очевидно, что данные исторические аналогии подбирались специальным образом, чтобы служить «аналогиями-травмами» для конкретных аудиторий, перед которыми выступал президент В.А. Зеленский. Обращение к историческим прецедентам из национальных историй других европейских стран служило сигналом о принадлежности Украины к западной культурной общности, помогало этически атрибутировать акторов конфликта и их действия, а также создавало требуемый эмоциональный фон для восприятия других озвучиваемых президентом Украины тезисов.

Наиболее частой в украинском президентском дискурсе являлась параллель со Второй мировой войной. Учитывая роль, отведенную образам Второй мировой войны в западной культуре и глобальной памяти, случаи, когда обе воюющие стороны одновременно отождествляли бы своего противника с нацистской Германией, нередки. Впрочем, это не отменяет различий ни между нарративами, на которые опираются внешне схожие исторические аналогии, ни между целями, которые преследуют акторы, их использующие. Примером могут служить одновременные отсылки к образу Холокоста американскими и сербскими элитами в период конфликта на территории бывшей Югославии [Akrivoulis 2015: 227].

Как можно предположить, основной причиной проведения аналогий со Второй мировой войной в дискурсе В.А. Зеленского являлось стремление повысить статус российско-украинского конфликта в глазах лидеров крупнейших стран Запада. В свое время датский политолог М. Расмуссен возводил агентность коллективного Запада к «уроку Версаля», то есть негативному опыту 1930-х гг., когда разобщенность стран — гарантов Версальского миропорядка не позволила им предотвратить реванш Германии [Rasmussen 2003: 511]. Иными словами, напоминание о событиях 1930-х гг. служит для стран-лидеров коллективного Запада мобилизующим сигналом, побуждающим включаться во внешние конфликты, чтобы не позволить третьим странам осуществить ревизию мирового порядка, бенефициарами которого западные страны являются. По мнению М. Расмуссена, «западный альянс по-прежнему определяется уроком Версаля,

¹¹ Речь Президента Украины Владимира Зеленского в Генеральных штатах, парламенте Нидерландов. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/promova-prezidenta-ukrayini-volodimira-zelenskogo-u-generaln-74001> (дата обращения: 01.11.2024).

¹² Речь Президента Украины Владимира Зеленского в парламенте Румынии. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/promova-prezidenta-ukrayini-volodimira-zelenskogo-v-parlamen-74081> (дата обращения: 01.11.2024).

¹³ Речь Президента Украины в Генеральных кортесах Испании. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/promova-prezidenta-ukrayini-u-generalnih-kortesah-ispaniyi-74125> (дата обращения: 01.11.2024).

потому что этот урок определяет сами концепции мира и безопасности, которые Запад должен защищать» [Rasmussen 2003: 519].

Симптоматично, что уже в ходе грузино-югоосетинского конфликта президент М.Н. Саакашвили активно проводил параллели с «мюнхенским соглашением» 1938 г., чтобы мобилизовать военную поддержку со стороны США, которая представлялась ему недостаточной [Беклямишев 2022: 87–88]. Аналогичным образом выстраивался и украинский президентский дискурс. Благодаря поддержке американских и британских СМИ широкую популярность в западном медиаполе приобрела аналогия между президентом В.А. Зеленским и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, инспирированная выступлением президента В.А. Зеленского в Палате общин¹⁴. Впоследствии ее подхватили и украинские СМИ, ряд из которых воспроизводил ранее обозначенную нами логику: «...наши руководители имели возможность побывать в шкуре Черчилля — когда наши „друзья“ сначала прочили фашистский парад на Крещатике, затем... приняли законодательный „огнетушитель“ в виде легендарного ленд-лиза... Но мораль всей этой драматической истории неизменна — американская нация долго запрягает, но, решившись на борьбу... ведет свою партию исключительно к победному крещендо»¹⁵.

Будучи инструментально удобной на внешнеполитическом контуре, параллель между конфликтом с Россией и событиями Второй мировой войны продуцировала серьезные противоречия с точки зрения украинской внутренней политики. С одной стороны, в обращениях президента В.А. Зеленского несколько раз использовалось понятие «Отечественная война»¹⁶, однако, с другой стороны, последовательное противопоставление «позитивной» националистической и «отрицательной» советской традиций в истории Украины XX в. не позволяло прямо отождествлять ВСУ с Красной армией. Напротив, разрыв с недавним прошлым в интересах форсирования национального строительства являлся одной из ключевых задач Киева в сфере символической политики. Как отмечал по этому поводу глава администрации президента Украины А.Б. Ермак: «...есть большой символизм в том, что, разрушая старые советские здания, инфраструктуру, они [Россия] уничтожили и последнюю связь Украины с СССР. Никаких сантиментов даже у людей, живших в Советском Союзе, больше не будет. И это хорошо»¹⁷. В результате большинство параллелей со Второй мировой войной, вы-

¹⁴ Zelensky is not Churchill. He's a more unlikely hero. URL: <https://www.cnn.com/2022/03/08/politics/zelensky-ukraine-churchill-what-matters/index.html> (accessed: 09.11.2024).

¹⁵ Вогнегасник для Черчилля. Як Америка дозривала до вступу у війну... URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-ato/3637344-vognegasnik-dla-cercilla-ak-amerika-dozrivala-do-vstupu-u-vijnu.html> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁶ Для нас это отечественная война, и мы знаем, чем такие войны заканчиваются для захватчиков — обращение Президента Украины. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/dlya-nas-ce-vitchiznyana-vijna-i-mi-znaemo-chim-taki-vijni-73293> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁷ Глобальная система безопасности оказалась несостоятельной, Украина показывает, как построить более эффективную — Андрей Ермак. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/globalna-sistema-bezpeki-viyavilas-nespromozhnoyu-ukrayina-p-74709> (дата обращения: 01.11.2024).

явленных в президентском дискурсе в рассматриваемый период, либо никак не связаны с историей Украины (например, аналогия с Перл-Харбором)¹⁸, либо проводились с оговорками.

В этой связи примечательна заметка украинского политолога Н. Лебядь: «С первых дней войны мой фейсбучный пузырь наполнился сравнениями... российско-украинской войны и войны немецко-советской. И это изрядно раздражало. Кто-то из френдов вытащил семейную басню о том, как немец поделился с его дедушкой (который тогда был маленьким мальчиком) последним куском хлеба... Мне казалось, что еще немного, и все начнут плакать от восхищения, вспоминая, какими замечательными были оккупанты 1940-х»¹⁹. При этом исторические аналогии, в которых Украина соотносилась с нацистской Германией, а Россия — с Советским Союзом, сразу заняли заметное место в украинском медиапространстве. Например, в интервью экс-командующего Сухопутными войсками ВСУ В.Ф.Залужного он, рассуждая о российском генералитете, упоминает, что они «как и во время Второй мировой войны... где-то за Уралом они уже готовят новые ресурсы», а затем прямо сравнивает президента России В.В. Путина с маршалом Г.К. Жуковым (разумеется, оцениваемым им негативно)²⁰. В свою очередь, в статье, посвященной Харьковскому контрнаступлению ВСУ, проводится параллель с успешной для вермахта операцией «Фредерикус»²¹.

Следует добавить, что аналогии между современной Россией и Советским Союзом являлись символическим инструментом и сами по себе. Во-первых, они служили элементом риторики секьюритизации, позволяющей навязывать желательную для Киева политику в отношении России через понятную западной аудитории параллель с «холодной войной», в контексте чего возникали прецедентные образы «железного занавеса»²², ГУЛАГА²³ или «Пражской весны»²⁴. Во-вторых, эти же аналогии были призваны деморализовать российскую

¹⁸ Выступление Президента Украины Владимира Зеленского перед Конгрессом США. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/promova-prezidenta-ukrayini-volodimira-zelenskogo-pred-kong-73609> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁹ Он вам не Гитлер. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-ato/3436719-vin-vam-ne-gitler.html> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁰ An interview with General Valery Zaluzhny, head of Ukraine's armed forces. URL: <https://www.economist.com/zaluzhny-transcript> (accessed: 09.11.2024).

²¹ Успіх ЗСУ на Харківщині: подібне в історії війн бувало, але дуже нечасто. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-ato/3573458-uspikh-zsu-na-harkivsini-podibne-v-istorii-vijn-buvalo-ale-duze-necasto.html> (дата обращения: 01.11.2024).

²² Обращение Президента Украины. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/zvernennya-prezidenta-ukrayini-73137> (дата обращения: 01.11.2024).

²³ Украина получает от партнеров поддержку, подкрепленную конкретными шагами — обращение Президента Владимира Зеленского. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/ukrayina-otrimuye-vid-partneriv-pidtrimku-pidkriplenu-konkre-73377> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁴ В Украине сейчас решающая битва за свободу; мы благодарны вам, что в этой битве мы не одни — обращение Президента к участникам ежегодной конференции Forum 2000 в Праге. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/v-ukrayini-zaraz-virishalna-bitva-za-svobodumi-vdyachni-vam-77453> (дата обращения: 01.11.2024).

аудиторию, усилив инструментами символической политики материальное воздействие внеправовых экономических санкций.

В свою очередь, стратегией преодоления разрыва между антисоветским дискурсом украинских элит и неуместностью прямого отождествления Украины с гитлеровской Германией послужили исторические аналогии между СВО и Зимней войной 1938–1940 гг. И хотя в дискурсе президента В.А. Зеленского подобная параллель была зафиксирована только один раз²⁵, и притом в обращении ко внешней аудитории, маршал К.Г. Маннергейм на протяжении всего рассматриваемого периода оставался, как утверждалось в одной из посвященных ему статей, «любимчиком украинских медиа»²⁶.

Добавим, что при этом обращает на себя внимание крайне незначительное количество отсылок к героическим мифам собственно украинского национального нарратива. Единственным исключением в рассматриваемый период стали аналогии между действиями российских вооруженных сил и так называемым «голодомором-геноцидом» — «базовым сюжетом» украинского этнонационализма. Соответствующими параллелями сопровождалась, в частности, подготовка к Первому саммиту по международной продовольственной безопасности, организованному в дни поминовения жертв голода 1932–1933 гг. с целью оказания давления на Россию по вопросу о продлении так называемым «зерновой сделки»²⁷. Это позволяло президенту Украины не просто артикулировать этническую идентичность («*Мы помним, как это, когда твой народ хотят уничтожить*»), но и одновременно выдвигать претензии на моральное лидерство («*Мы не дадим оставить без еды и воды миллионы людей в мире... Ни у нас, ни в любом государстве мира на всей планете*»)²⁸.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. В рассматриваемый период в российском президентском дискурсе сосуществовали две онтологии конфликта. Доминирующая онтология, задаваемая параллелью

²⁵ Речь Президента Украины Владимира Зеленского в Эдускунте, парламенте Финляндии. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/promova-prezidenta-ukrayini-volodimira-zelenskogo-v-eduskunt-74181> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁶ Бучанська тероборона: за що би нас похвалив Маннергейм. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-ato/3528648-bucanska-teroborona-za-so-bi-nas-pohvaliv-mannergejm.html> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁷ Никогда больше голод не должен использоваться как оружие — обращение Президента Владимира Зеленского. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/nikoli-bilshe-golod-ne-maye-vikoristovuvatis-yak-zbroya-zver-79469> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁸ Выступление Президента Украины на Международном учредительном саммите International Summit on Food Security в рамках гуманитарной программы Grain from Ukraine. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/vistup-prezidenta-ukrayini-na-mizhnarodnomu-ustanovchomu-sam-79449> (дата обращения: 01.11.2024).

с Великой Отечественной войной, предполагала в качестве врага коллективный Запад, использующий Украину как «таран» против России. Вторая онтология, описываемая через параллель с Гражданской войной, придавала Украине большую субъектность, отводя коллективному Западу роль третьей стороны, извлекающей выгоду из конфликта. Аналогию с Великой Отечественной войной при этом можно рассматривать как одновременно когнитивную и инструментальную. С высокой долей вероятности лица, принимающие решения, руководствовались ею сами, а уже затем использовали для легитимации предпринятых мер в публичном поле. На это указывают как единообразное толкование данной параллели (вне зависимости от аудитории), так и то, что она опиралась на уже устоявшиеся коллективные представления о прошлом.

В свою очередь, в украинском президентском дискурсе доминировали инструментальные аналогии, применение которых было призвано, в первую очередь, повлиять на поведение элит стран-лидеров коллективного Запада. Их функциональная роль состояла в том, чтобы мобилизовать поддержку, этически атрибутировать стороны конфликта, виктимизировать Россию и сформировать необходимый эмоциональный фон. При этом сохраняющиеся структурные конфликты между советским и националистическим нарративами не позволили эффективно опираться на прошлое во внутривнутриполитической коммуникации. Как следствие, при обращении к нации акцент делался преимущественно на настоящем, поскольку именно текущее противостояние с Россией виделось залогом ускорения процессов украинского нациестроительства.

Рассмотренные нами случаи указывают, что борьба политических акторов за доминирование интерпретаций прошлого и настоящего ведется ими одновременно на обоих уровнях. Дискурсивное конструирование того или иного исторического нарратива не является для актора самоцелью и обуславливается потребностью в последующем проведении аналогии с той ситуацией, на которую он хочет повлиять. Соответственно, при изучении политики памяти это «прагматическое» измерение обязательно должно браться в расчет. Кроме того, обращает на себя внимание типологическая схожесть исторических аналогий в репертуарах либерально-националистических элит стран постсоветского пространства (Грузия, Украина), использующих, в частности, параллель с «мюнхенским сговором» (или, в терминологии М. Расмуссена, отсылку к «уроку Версаля») для мобилизации поддержки со стороны коллективного Запада в период противостояния с Россией. В этой связи перспективным видится дальнейшее изучение функциональной роли отдельных исторических параллелей как инструмента наднациональной коммуникации.

Поступила в редакцию / Received: 19.09.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 01.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 02.11.2024

Библиографический список

- Байша О.* СВО и закрытие дискурсов: вытеснение альтернативных смыслов и фиксация гегемонистских значений // Социодиггер. 2023. Т. 4. Вып. 9 (28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/svo-i-zakrytie-diskurov-vytesnenie-alternativnykh-smyslov-i-fiksacija-gegemonistskikh-znachenii> (дата обращения: 01.11.2024).
- Беклямишев В.О.* Исторические аналогии в президентских дискурсах России, Грузии и Франции о пятидневной войне в августе 2008 г. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 77–92.
- Беклямишев В.О.* К вопросу об изучении исторических аналогий в политическом дискурсе: описание проблемного поля // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 6. С. 92–107.
- Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285–312.
- Akrivoulis D.E.* Metaphors Matter: The Ideological Functions of the Kosovo–Holocaust Analogy // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2015. Vol. 17, iss. 2. P. 222–242.
- Berrocal M.* Constructing threat through quotes and historical analogies in the Czech and the US «Ukraine Discourse» // Journal of Language and Politics. 2019. Vol. 18, no. 6. P. 870–892.
- Brändström A., Bynander F., Hart P.* Governing by Looking Back: Historical Analogies and Crisis Management // Public administration. 2004. Vol. 82, no. 1. P. 191–210.
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. London : Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Dreyer N.* Genocide, Holodomor and Holocaust Discourse as Echo of Historical Injury and as Rhetorical Radicalization in the Russian–Ukrainian Conflict of 2013–18 // Journal of Genocide Research. 2018. Vol. 20, no. 4. P. 545–564.
- Feis H.* Some notes on historical record-keeping, the role of historians, and the influence of historical memories during the era of the Second World War // The historian and the diplomat: The role of history and historians in American foreign policy. NY: Harper & Row., 1967. P. 91–122.
- Gaufman E.* Memory, media, and securitization: Russian media framing of the Ukrainian crisis // Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society. 2015. Vol. 1, no. 1. P. 141–175.
- Kaarbo J., Kenealy D.* Precedents, parliaments, and foreign policy: historical analogy in the House of Commons vote on Syria // West European Politics. 2017. Vol. 40, no. 1. P. 70.
- Kalhousová I., Finkel E., Kocián J.* Historical analogies, traumatic past and responses to the war in Ukraine // International Affairs. 2024. Vol. 100, no. 6. P. 2501–2523.
- Klymenko L.* Understanding the Donbas War in Terms of World War II: A Metaphor Analysis of the Armed Conflict in Eastern Ukraine // Formerly Global Review of Ethnopolitics. 2020. Vol. 19, no. 5. P. 483–500.
- Kurnyshova Y.* Analogical Reasoning: Historical Parallels and Metaphors in the 2022 War Narratives in Ukraine and Russia // Journal of Regional Security. 2024. Vol. 18. P. 9–18.
- Labuda P.* From Genocide to Colonialism: Memory Wars at the United Nations after the 2022 Russian Invasion of Ukraine/ SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=4929244> (accessed: 01.11.2024). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4929244>.
- Makhortykh M.* #NoKievNazi: Social media, historical memory and securitization in the Ukraine crisis // Memory and Securitization in Contemporary Europe. London, NY: Palgrave Macmillan, 2018. P. 219–247.
- Makhortykh M.* Historical memory and securitisation of the Russian intervention in Syria // International Politics. 2020. Vol. 57. P. 1063–1081.
- Pehar D.* Historical rhetoric and diplomacy — an uneasy cohabitation // Language and Diplomacy. ed by Kurbalija J., Slavik H. Diplo Foundation, 2001. P. 117–138.

- Rasmussen M.* The history of a lesson: Versailles, Munich, and the social construction of the past // *Review of International Studies*. 2003. Vol. 29, no. 4. P. 499–519.
- Stuckley M.E., Antczak F.J.* The Battle of Issues and Images: Establishing Interpretive Dominance // *Communication Quarterly*. 1994. Vol. 42, no. 2. P. 120–132.
- Zerubavel Y.* Boundaries, bridges, analogies and bubbles: Structuring the past in Israeli mnemonic culture // *Journal of Israeli History*. 2020. Vol. 38, no. 1. P. 5–23.

References

- Akrivoulis, D.E. (2015). Metaphors Matter: The Ideological Functions of the Kosovo–Holocaust Analogy. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 2, 222–242.
- Baisha, O. (2023). SVO and the closure of discourses: The displacement of alternative meanings and the fixation of hegemonic meanings. *Sociodigger*, 4, 9(28). Retrieved November 1, 2024, from <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/svo-i-zakrytie-diskursov-vytesnenie-alternativnykh-smyslov-i-fiksacija-gegemonistskikh-znachenii> (In Russian)
- Bekliamishev, V.O. (2021). On the issue of studying historical analogies in political discourse: description of the problem field. *Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political science*, 6, 92–107. (In Russian).
- Bekliamishev, V.O. (2022). Historical analogies in the presidential discourses of Russia, Georgia and France about the five-day war in August 2008. *Bulletin of the Tula State University. Humanities*, 1, 77–92. (In Russian).
- Berrocal, M. (2019). Constructing threat through quotes and historical analogies in the Czech and the US “Ukraine Discourse”. *Journal of Language and Politics*, 18(6), 870–892.
- Brändström, A., Bynander, F., & Hart, P. (2004). Governing by looking back: Historical analogies and crisis management. *Public administration*, 82(1), 191–210.
- Buzan, B., Wæver, O., & de Wilde, J. (1998). *Security: A new framework for analysis*. London: Lynne Rienner Publishers.
- Dreyer, N. (2018). Genocide, Holodomor and Holocaust Discourse as Echo of Historical Injury and as Rhetorical Radicalization in the Russian–Ukrainian Conflict of 2013–18. *Journal of Genocide Research*, 20(4), 545–564.
- Feis, H. (1967). Some notes on historical record-keeping, the role of historians, and the influence of historical memories during the era of the Second World War. In *The historian and the diplomat: The role of history and historians in American foreign policy* (pp. 91–122). New York: Harper & Row.
- Gaufman, E. (2015). Memory, media, and securitization: Russian media framing of the Ukrainian crisis. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 1(1), 141–175.
- Kaarbo, J., & Kenealy, D. (2017). Precedents, parliaments, and foreign policy: historical analogy in the House of Commons vote on Syria. *West European Politics*, 40(1), 70.
- Kalhousová, I., Finkel, E., & Kocián, J. (2024). Historical analogies, traumatic past and responses to the war in Ukraine. *International Affairs*, 100(6), 2501–2523.
- Klymenko, L. (2020). Understanding the Donbas war in terms of World War II: A metaphor analysis of the armed conflict in Eastern Ukraine. *Formerly Global Review of Ethnopolitics*, 19(5), 483–500.
- Kurnyshova, Y. (2024). Analogical reasoning: Historical parallels and metaphors in the 2022 war narratives in Ukraine and Russia. *Journal of Regional Security*, 18, 9–18.
- Labuda, P. (2024). From genocide to colonialism: Memory wars at the United Nations after the 2022 Russian invasion of Ukraine. *SSRN*. Retrieved November 1, 2024, from: <https://ssrn.com/abstract=4929244> <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4929244>.
- Makhortykh, M. (2018). #NoKievNazi: Social media, historical memory and securitization in the Ukraine crisis. In *Memory and Securitization in Contemporary Europe* (pp. 219–247). London, NY: Palgrave Macmillan.

- Makhortykh, M. (2020). Historical memory and securitisation of the Russian intervention in Syria. *International Politics*, 57, 1063–1081.
- Malinova, O.Yu. (2019). Policy of memory as a sphere of symbolic policy. *METHOD: The Moscow Yearbook of papers from Social Science disciplines*, 9, 285–312. (In Russian).
- Pehar, D. (2001). Historical rhetoric and diplomacy — an uneasy cohabitation. In J. Kurbalija & H. Slavik (Eds.), *Language and Diplomacy* (pp. 117–138). Diplo Foundation.
- Rasmussen, M. (2003). The history of a lesson: Versailles, Munich, and the social construction of the past. *Review of International Studies*, 29(4), 499–519.
- Stuckley, M.E., & Antczak, F.J. (1994). The battle of issues and images: Establishing interpretive dominance. *Communication Quarterly*, 42(2), 120–132.
- Zerubavel, Y. (2020). Boundaries, bridges, analogies and bubbles: Structuring the past in Israeli mnemonic culture. *Journal of Israeli History*, 38(1), 5–23.

Сведения об авторе:

Беклямишев Владимир Олегович — кандидат политических наук, научный сотрудник Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук (e-mail: bekliamishev@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0528-8704)

About the author:

Vladimir O. Bekliamishev — PhD in Political Science, Research Fellow of the Department of Scientific and Innovative Management, State Academic University for the Humanities (e-mail: bekliamishev@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0528-8704)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-658-674

EDN: ZJLZUW

Научная статья / Research article

Авторитаризм и демократия как ключевое противоречие в подходах к изучению политического лидерства

И.Э. Стрелец

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ sagitol@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются современные тенденции исследований политического лидерства в контексте теоретико-методологических споров относительно ключевых дихотомий: личность vs институт, авторитаризм vs демократия. В большинстве научных публикаций, особенно зарубежных авторов, данные понятия трактуются не столько содержательно, сколько идеологически, превращаясь в маркеры приверженности к консервативным или либеральным нарративам. «Демократический транзит» посредством «цветных революций» в условиях интенсивного информационного обмена усиливает разнонаправленные тенденции глобализации и глокализации, вводя в сферу публичной политики лидеров с сомнительной субъектностью, которые не оправдывают надежды ни зарубежных бенефициаров, ни местных элит, ни населения. Попытки выстроить политические институты, где решения принимают не лидеры, а элиты, в странах, не входящих в круг западных демократий, оказываются нежизнеспособны. Цель исследования — отделение идеологических клише от дефиниций, обратившись к проблематике авторитарной личности в контексте политического лидерства. Делается вывод о том, что основополагающим в изучении данной феноменологии является персонологический подход, подразумевающий рассмотрение набора личностных черт политика в процессе реализации им властных полномочий. Это делает возможным отход от некорректного оценивания лидера по модели «демократ vs автократ» в сторону разработки аналитико-ориентированного метода. Поскольку в настоящее время на Западе принято считать «демократией» политический строй в тех государствах, которые соответствуют категории *WEIRD* (по начальным буквам слов «*western*», «*educated*», «*industrialized*», «*rich*», «*democratic*» — «западных, образованных, индустриальных, богатых, демократических»), то форма правления в иных регионах может характеризоваться представителями «коллективного Запада» как автократия, независимо от системы выборов, регламента осуществления власти, ее смены и других факторов. Подобный взгляд является пережитком представлений «однополярного мира», демонстрируя ригидность и агональность, что противоречит концепции многополярности, которого придерживается Россия

© Стрелец И.Э., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

и ее партнеры по разным объединениям, включая БРИКС. Данная статья вносит вклад в изучение многоаспектного феномена политического лидерства с точки зрения снятия ряда концептуальных и методологических противоречий.

Ключевые слова: политическое лидерство, политические институты, авторитаризм, демократия, лидер, персонологический подход

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Стрелец И.Э. Авторитаризм и демократия как ключевое противоречие в подходах к изучению политического лидерства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 658–674. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-658-674>

Authoritarianism vs Democracy as a Key Contradiction in Approaching the Study of Political Leadership

Ilya E. Strelets

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ sagitol@mail.ru

Abstract. This study examines current trends in political leadership research in the context of theoretical and methodological debates regarding the key dichotomies of personality vs institution, authoritarianism vs democracy. In most scientific publications, especially by foreign authors, these concepts are interpreted not so much substantively as ideologically, turning into markers of commitment to conservative or liberal narratives. ‘Democratic transit’ through ‘color revolutions’ in the context of intensive information exchange intensifies the multidirectional trends of globalization and glocalization, introducing into the sphere of public policy leaders with dubious subjectivity who do not justify the hopes of either foreign beneficiaries, or local elites, or the population. Attempts to build political institutions where decisions are made not by leaders, but by elites, in countries that are not part of the circle of Western democracies, prove unviable. The purpose of this article is to separate ideological clichés from definitions, turning to the aspects of an authoritarian personality in the context of political leadership. It is concluded that the personological approach is fundamental in the study of this phenomenology, which implies consideration of a set of personal traits of a politician in the process of implementing his/her powers. This makes it possible to move away from the incorrect assessment of a leader according to the model of *democrat vs autocrat* towards the development of an analytically oriented method. Since at present in the West it is customary to consider ‘democracy’ the political system in those states that correspond to the WEIRD category, then the form of government in other regions can be characterized by representatives of the West as autocracy, regardless of the election system, regulations for the exercise of power, its change and other factors. This view is a relic of the unipolar world concept, demonstrating rigidity and agonism, which contradicts the concept of multipolarity, which is adhered to by Russia and its partners in various associations, including BRICS. This article contributes to the study of the multidimensional phenomenon of political leadership in terms of removing conceptual and methodological contradictions.

Keywords: political leadership, political institutions, authoritarianism, democracy, leader, personology-centred approach

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Strelets, I.E. (2024). Authoritarianism vs democracy as a key contradiction in approaching the study of political leadership. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 658–674. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-658-674>

Введение

Анализ тематики ежегодных конференций Международного общества политических психологов (*ISPP*) за последние годы (2014 — *Ideologies and Ideological Conflict: The Political Psychology of Belief Systems*; 2017 — *Revisiting Core Themes of Tyranny, Intergroup Relations and Leadership*; 2022 — *Democracy as an Achievement: Recognizing Tensions, Challenges, and Aspirations through Political Psychology*; 2024 — *Dismantling Democracy: Insecurity, emotions and authoritarian populism*) свидетельствует, что одним из дискуссионных вопросов регулярно оказывается соотношение «демократия vs авторитаризм», который в свете роста рейтинга популистов в разных странах рассматривается зачастую в противоборстве институциональных либо личностных аспектов политического лидерства.

Возрождение интереса к персонологии лидерства проявляется на фоне обострения методологических противоречий в политико-психологических исследованиях разных научных школ, которое осложняется несостоятельностью института лидерства в условиях глобальных вызовов первой четверти XXI в.

Рамки исследования

В ходе данной работы рассматриваются актуальные вопросы исследования политического лидерства при учете соотношения личностных и институциональных факторов. Анализируется феноменология демократии и авторитаризма, детерминирующая существенные характеристики лидерства. Хронологические рамки исследования ограничены первой четвертью XXI в. Теоретическим базисом служат политико-психологический и структурно-функциональный подход, позволяющие оптимизировать поиск корреляции между типом политического лидерства и институциональными особенностями государства, между проявлениями авторитаризма vs демократии в стиле лидерства и характере политических режимов.

Результаты и обсуждение

Как отмечает проф. МГУ имени М.В. Ломоносова Е.Б. Шестопал, понятия авторитаризма и демократии в настоящее время представляются размытыми не только в обыденном сознании, но и в научном дискурсе [Шестопал 2023]. Их трактовки зависят от идеологических предпочтений экспертов, места их профессиональной деятельности, партийных пристрастий, источников финансирования грантовых проектов.

В свою очередь, Анна Алерс и Рудольф Штихве из ФРГ, проведя комплексный анализ авторитарных и демократических форм правления, констатируют, что демократическое государство может иметь некоторые авторитарные черты так же, как авторитарное государство — некоторые элементы демократии. Ключевым маркером в трансформационных процессах от демократии к авторитаризму при обострении социально-политических противоречий и возникновении управленческих трудностей у избранного лидера нередко выступает его несостоятельность, помноженная на предвыборную популистскую риторику, когда он и его сторонники претендовали на репрезентацию «воли народа». Артикуляция ее понимания в их версии может капитализироваться в виде неожиданного успеха на выборах, по крайней мере, однократно. Невыполнение предвыборных обещаний приводит к разочарованию населения. Чтобы удержаться у власти, популисту на новых выборах приходится идти на ухищрения, вплоть до фальсификаций. Тем самым происходит метаморфоза: популизм, актуализовавшийся в условиях демократии для защиты интересов народа, незаметно вытесняет демократический режим авторитарными проявлениями [Ahlers & Stichweh 2017].

Вслед за экспертами МГИМО следует отметить, что принцип «вышибания клина клином» нередко реализуется в политической сфере: популизм одних, некогда принесший инициаторам власть и деньги, может быть повержен популизмом других. Доказательством данного тезиса является поднимающаяся волна праворадикализма в странах Европы [Правый популизм... 2020].

Демократы и автократы: ангажированность трактовок

Говоря о тактике политиков-демократов, Аманда Махен из Норвегии разделяет их на три типа: скептики, рационалисты, радикалы. Первые наводят панику, утверждая, что демократия обречена. Вторые проявляют поверхностность, критикуя нынешнюю демократию за недостаточность масштабирования. Третьи убеждены в том, что лишь через формирование и оспаривание альтернатив демократия оживет и утвердится. К такому делению исследовательница решила прибегнуть, обсуждая провокационную «зеленую» повестку, которую последовательно отстаивает. Она призывает своих коллег постоянно удерживать в сознании мысль о том, что разговоры о климатических изменениях могут стать действенным инструментом для экспорта демократии [Machin 2022]. Парадоксально, что «демократ», активно навязывающий свою повестку другим, продолжает причислять себя к демократам. И в этом она не одинока.

Так, исследователи из США Дейзи Дел Реал и Сесилия Менхивар подменяют детальный анализ социально-экономического и геополитического положения стран с «автократической» (с их точки зрения) формой правления — перечислением недостатков их лидеров, что характерно для многих американских авторов. Местами Д. Дел Реал и С. Менхивар даже решаются на критику властей Соединенных Штатов за готовность идти на сделку с «лидерами-автократами»

ради сиюминутной прагматики. Причем эти авторы нисколько не сомневаются в том, что американская демократия является графариной, универсальной, всеобщей и по-другому считать нельзя.

В частности, это видно из оговорки о том, что неформальные низовые движения в Бразилии и США поддерживают *честолюбивых автократов* (президентов Болсонару и Трампа. — *Курсив наш*), выводя их в основное русло политики и поддерживая на выборах. Такие объединения сторонников помогают своим выдвиженцам сохранять ореол законного демократического правителя, действующего в интересах избирателей, даже когда подобные лидеры «ограничивают гражданские свободы и коррумпируют демократические институты» [Del Real, Menjivar 2024: 9]. Следовательно, Д. Дел Реал и С. Менхивар ставят на Д. Трампе клеймо автократа, обозначая собственные политические предпочтения и экспертную позицию: реальная демократия в мире может определяться только президентами, избранными от демпартии США.

В свою очередь, Патрик Зигенхайн и Халиунаа Энхтайван из Индонезии в качестве основных критериев оценки демократического строя называют четыре: соблюдение процедуры свободных, честных, конкурентоспособных выборов ('free, fair, and competitive elections'/'vertical accountability'); обеспечение политических прав граждан ('political rights'); гарантирование гражданских свобод ('civil liberties'); реализация принципа сдержек и противовесов системы трех ветвей власти ('horizontal accountability') [Ziegenhain, Enkhtaivan 2024].

Анализируя нынешнюю египетскую форму правления и давая оценку восьмилетнему президентству Фатах Аль-Сиси, «свергнутого демократически избранного Мухаммеда Мурси в результате военного переворота», П. Зигенхайн и Х. Энхтайван пришли к выводу: сегодня проявления демократии в Египте «настолько малочисленны, что утвердившийся политический режим можно отнести только к авторитарному».

При этом индонезийские авторы проигнорировали краткосрочный, но во многом показательный период нахождения у власти М. Мурси, включая его «демократичное» решение в ноябре 2012 г. расширить собственные полномочия до такой степени, что судебные власти потеряли бы возможность оспаривать любые его постановления. Как отмечают Шахад Фазаа и Нассер Зейн Эль Абедин из Ирака, несмотря на то что М. Мурси вскоре отозвал свою инициативу, по всему Египту поднялась волна протестов, и у оппозиционных сил появились законные основания для требований о смене власти [Fazaa, Zane El Abidine 2022].

Хотя за свергнутым президентом М. Мурси стояла известная религиозно-политическая организация, признанная в России террористической, многие исследователи «демократического» толка, включая индонезийских авторов П. Зигенхайна и Х. Энхтайван, не осмелились назвать М. Мурси, например, «автократом», видимо, чтобы не допустить «уклон от генеральной линии» американской демпартии.

Характеристики демократической личности

Анализ понятия «демократической личности» в отличие от авторитарной встречается в единичных публикациях. Это связано с тем, что демократия — феномен сложный и многомерный.

Еще в 1985 г., изучив различные политико-психологические подходы, Георг Линд, Джоанн-Ульрих Сандбергер и Тино Баргель из ФРГ попытались создать интегративную модель демократической личности, опираясь на теорию когнитивного развития, предложенную швейцарским психологом Жаном Пиаже, а также на психоаналитический и деятельностно-отношенческий подходы.

Они выдвинули четыре гипотезы, в каждой из которых в процессе принятия решений индивидом верифицировались соотношения следующих характеристик «демократической» личности: «когнитивных и морально-нравственных установок» (*Variation in the Cognitive Aspect of Moral Judgment*), «когнитивных и аффективных аспектов» (*Cognitive and Affective Aspects of Moral Judgment*), «морально-нравственной зрелости и силы эго» (*Moral Competence and Ego Strength*), «морально-нравственных ориентиров и демократических ценностей» (*Moral Judgment and Democratic Orientation*).

Однако проверка указанных гипотез показала, что процесс принятия решения ситуативен и обусловлен множеством контекстуальных факторов [Lind, Sandberger, Bargel 1985].

В 2002 г. Кшиштоф Мудин из Польши предложил авторскую структуру демократической личности. Однако его рассуждения свелись к тому, что «демократическая» личность отличается от «антидемократической» несущественно. У них идентичный стиль принятия решений и проявляемые особенности управления подчиненными, поскольку привилегированное положение индивида, как правило, стирает различия, экстраполируя его психологические проблемы на стиль руководства [Mudyń 2002].

Если обобщить мнения современных экспертов [Гаман-Голутвина, Сморгунов, Тимофеева 2021; Шестопап 2023 и др.], то среди основных характеристик демократической личности можно выделить гибкость мышления, терпимость к инакомыслию и готовность к компромиссу ради общественного согласия; внутренний локус контроля, владение стратегиями преодоления тревожности и стремление к самоактуализации; неконвенциональность поведенческих моделей из-за критичного восприятия устоявшихся норм; свобода от желания доминировать и уклонение от конкуренции за власть; убеждение в равенстве всех перед законом и рациональность выбора идеологических позиций.

Авторитарный режим и авторитарная личность

Как известно, авторитарному политическому режиму свойственно лишение населения всей полноты гражданских прав и подавление индивидуальной свободы, централизованный командный метод администрирования и узурпация управления в государстве одним лицом или исполнительным органом,

декоративная роль представительной и судебной власти при неразвитости институтов гражданского общества.

Авторитарный режим потенцирует формирование авторитарной личности, среди ключевых характеристик которой отмечаются воинственный консерватизм и этноцентризм как политические ценности; стереотипность и одномерность восприятия; косность мышления; нетерпимость к плюрализму мнений и т. д.

По нашему мнению, перечисленные черты демонстрируют несостоятельность концепции «экспорта демократии» и «демократического транзита» посредством институциональных реформ или переворотов. Для реальных преобразований требуется длительный процесс политической ресоциализации общества.

Американский психолог Боб (Роберт) Альтмейер, в последней публикации в соавторстве с Джоном Дином назвавший Дональда Трампа «кошмаром для демократии» [Dean, Altemeyer 2021], разработал шкалы правого и левого авторитаризма, а также соответствующий тест, используя из девяти личностных черт, выявленных группой немецких ученых во главе с Теодором Адорно, только три: авторитарное подчинение, авторитарную агрессию и конвенционализм.

Между тем Б. Альтмейер сфокусировал внимание на правом авторитаризме. По его мнению, психологическую концептуализацию данного понятия следует рассматривать как готовность индивида подчиняться властям, которые он воспринимает непосредственно — в устоявшейся системе управления. Так, правый авторитаризм может возникнуть в условиях любой политической системы (репрессивный апартеид в ЮАР, коммунистическая система в КНР или двухпартийная система в США), являясь продуктом социального научения, сочетания личностных предрасположенностей и жизненных событий. Если власть выбирает «козла отпущения» (группу или политика), на которого возлагает ответственность за проблемы страны, то избиратель, которому присущ высокий уровень правого авторитаризма, склонен это поддержать, не выражая сомнений. Любая идея, исходящая от авторитетной фигуры, принимается им как правильная, даже если она находится в прямом противоречии с другими идеями, которые рационально аргументируются оппонентами [Altemeyer 1981].

Лидеры-апологеты правого авторитаризма, — развивал свою мысль Б. Альтмейер, — считают политический мир враждебным. Его неприятие, выражающееся в агрессии, объясняется страхом. Поэтому они интеллектуально уязвимы, некритично относятся к демагогическим утверждениям, гиперболизированным, излишне эмоциональным и, как следствие, потенциально опасным для института власти. Авторитарные лидеры настойчивы в поиске доказательств для опровержения идей, которые им не близки, но несколько не сомневаются в истинности того, что уже принято ими. Они особенно восприимчивы к фундаментальной «ошибке атрибуции», когда причины поведения других людей приписывают их характеру, а свое собственное поведение — оправдывают влиянием внешних сил, — заключал американский психолог [Altemeyer 1996].

Фактор WEIRD vs non-WEIRD

В рамках обсуждения дихотомии «демократия — авторитаризм» в контексте политического лидерства уместно не только выявить понятийную неоднозначность и возможную ангажированность авторов. Важно осознавать невозможность однозначного и универсального подхода к определению оптимального государственного устройства и роли высшего руководителя в нем — с учетом различий в менталитете и уровне социально-экономического развития современных стран.

В пользу данного вывода свидетельствует концепция, сформулированная антропологом из Канады Джозефом Хенриком в ходе научных дискуссий, посвященных глобальным вызовам и поиску ответов на них. Он предложил разделять страны и выходцев из них на две группы: *WEIRD* и *non-WEIRD*, введя в экспертный оборот аббревиатуру по начальным буквам слов-характеристик: «*western, educated, industrialized, rich, democratic*» — «западные, образованные, индустриальные, богатые, демократические». Свою точку зрения на эволюцию Западной цивилизации он обобщил в сравнительно недавней работе «Самые странные люди в мире: за счет чего Запад стал психологически устойчивым и особенно успешным» (*пер. наш*). Остановимся подробнее на нескольких тезисах.

По мнению Д. Хенрика, к «странным людям» относятся те, кто родился и прошел социализацию в государствах, обладающих пятью указанными качествами, и выделяются в «особую категорию человечества» (жители стран Запада — носители Западной цивилизации). Среди детерминирующих установок «странных людей» канадский автор называет индивидуализм как базовую ценность и жизненное кредо, что заставляет их видеть себя уникальными существами, а не элементами социальной структуры — «пешками в игре политиков». Им характерна фокусировка внимания на себе (своих качествах, достижениях, устремлениях), а не на предполагаемых социальных ролях или межличностных отношениях. В приоритете у представителей стран *WEIRD* — собственный выбор целей и личная свобода. У них прагматично ориентированный аналитический склад ума, склонность к контролю, нонконформизму — основополагающие для жизнедеятельности и, как следствие, отход от семейных ценностей и родственных связей, обременяющих сознание и бытие.

Нынешняя структура общества Запада и «странные люди» — продукт средневековых религиозных убеждений, последующих изменений брачных практик, родственных связей, за счет чего за длительный период сформировалось западное мышление и были заложены этические основы этой части мира. Причем первым институтом, положившим начало формированию мира *WEIRD*, оказалась католическая церковь, которая усиливала свое влияние за счет завоеваний, овладевала большей частью Западной Европы, упраздняла прежние структуры родства, на которых ранее зиждился мир, чтобы объединить всех в свой единый мир — религиозный. Успех церковно-католической экспансии, — продолжает рассуждения антрополог из Канады, — воодушевил и другие институты, которые могли расти на «обезличенной» основе, а именно:

города-государства, университеты, монастыри, гильдии и др. Затем эффект усилился за счет следующих наднациональных объединителей Западного мира — транснациональных корпораций.

Выборка для большинства социально-политических исследований, по результатам которых выстраиваются глобальные стратегии демократических преобразований и общественного развития, формируется из индивидов или их групп, проживающих в США, Великобритании и иногда Австралии, Германии, Нидерландов. Это подвергает сомнению саму возможность транслировать на страны *non-WEIRD* рекомендации по демократизации, поскольку, даже несмотря на высокий уровень жизни в них и объемы потребления, они не способны пока воспринять и следовать философии равенства, индивидуализма, рынка, общепринятых правил и универсальной морали стран Запада. Поэтому попытки насильственного навязывания западных стандартов в тех частях мира, которые хотя и ориентируются на блага Западной цивилизации, но не принимают ее философию и не входят в круг стран *WEIRD*, представляются Д. Хенрику некорректными, как и выстраивание глобальных стратегий демократических преобразований и общественного развития для стран *non-WEIRD* [Henrich 2020].

Концепция канадского антрополога вызвала широкую научную дискуссию. В частности, ее весьма настороженно трактует в своем обзоре американский коммуникативист Томас Фаррелл [Farrell 2023]. Вместе с тем психологи Гильерме Санчес де Оливейра из ФРГ и Эдвард Баггз из Дании констатируют, что результаты психологического тестирования представителей из разных стран *WEIRD* идентичны, но резко отличаются от результатов, полученных при тестировании остальных людей из большей части мира *non-WEIRD* [Sanches de Oliveira G. & Baggs E. 2023].

Таким образом, фактор цивилизационных различий стран *WEIRD* и *non-WEIRD* подтверждает бесперспективность трафаретных подходов к рассмотрению дихотомий «лидер vs институт» и «авторитаризм vs демократия» на нынешнем этапе, не предложив предварительно ответы на вопросы о том, что представляет собой модель демократии и универсальная концепция политического лидерства, эффективные для всех государств.

Лидер между авторитаризмом и демократией

Если экстраполировать концепцию *WEIRD vs non-WEIRD* на проблематику лидерства, то гипотетически можно согласиться с трюизмом: «каков избиратель, таков и лидер».

На экспертном уровне данную тему попытался раскрыть Ежи Вятр из Польши в недавней монографии «Политическое лидерство между демократией и авторитаризмом: сравнительные и исторические перспективы» (2022). Выделим отмеченные им тенденции.

Согласно Е. Вятру, теория лидерства является областью знаний, где сталкиваются категории демократии и авторитаризма: трактовки перестали обозначать

только форму правления, режим или стиль руководства, приобретая несвойственный прежде масштаб.

В контексте либерального политического дискурса «демократия» превратилась в норматив политической реальности, эталон качества главы государства или правительства, критерий для включения той или иной страны в «цивилизованный мир», с которым конкурирует антагонист, обозначаемый концептом «авторитаризм».

С точки зрения доминирующей на Западе парадигмы (стандарты стран *WEIRD*), лидерство — это наследие архаичных авторитарных политических систем, ненужных и опасных. В свою очередь, базовым достижением цивилизации являются демократические институты власти, опирающиеся не на лидеров, а на приверженцев демократии, которые представляют гражданское общество в системе негосударственных и неправительственных структур. Именно политические институты призваны обеспечивать преемственность власти и устойчивость функционирования государственного аппарата, — констатирует польский ученый [Wiatr 2022].

В какой степени обозначенные Е. Вятром тенденции эффективно реализовались в «благополучных цивилизованных странах» — «эталонах развитой демократии», позволяют разобраться публикации корифея институциональной американской политологии, соучредителя «Международной ассоциации лидерства» (*ILA*) Барбары Келлерман.

Кризис института лидерства в странах Запада

В марте 2024 г. Б. Келлерман выпустила книгу «Лидерство: от плохого к худшему, или Что происходит, когда состояние из проблемного превращается в кризисное» (*Пер. наш*), в которой автор выявляет деструктивные тенденции во взаимодействии личности лидера и политических институтов.

В частности, рассмотрев несколько кейсов из области бизнеса и политики, Б. Келлерман прослеживает четыре динамических этапа, через которые может проходить лидерство в негативных своих проявлениях:

- 1) выдвижение лидера и его восхождение;
- 2) обретение последователей, присоединяющихся к нему;
- 3) начало его функционирования на высшей позиции;
- 4) деградация в процессе реализации полномочий лидера, когда ситуация вокруг усугубляется [Kellerman 2024].

С этим трудно спорить. В качестве иллюстрации к гипотезе американского автора можно привести фактический провал системы рекрутинга на пост лидера консервативной партии, невиданный прежде в политической истории Великобритании. Это выразилось в череде не слишком успешных премьер-министров, выдвинутых от партии тори: Д. Кэмерона, Т. Мэй, Б. Джонсона, Л. Трасс, Р. Сунака, последовательно терявших власть после сравнительно недолгого правления. Обозначенная тенденция указывает на кризис государственного управления на Западе, где политические институты не в состоянии

предотвратить приход к власти политиков, неспособных на эффективные действия в критических условиях, и реализацию курса, намеченного правящими элитами, в интересах большинства избирателей.

Можно заметить, что в отстаивании данной позиции американский эксперт проявляет последовательность. Так, еще в 2016 г., когда экономические и политические противоречия еще не приобретали размах глобальных кризисов, Б. Келлерман выпустила своеобразный манифест, опубликовав статью под заголовком: «Лидерство — это система, а не личность!»

В ней она фактически декларировала, что лидерство яркого самостоятельного политика чревато формированием культа личности и отклонением от истинной демократии. Б. Келлерман отмечала, что в ведущих западных странах развернулась сеть образовательных центров для будущих политиков, где на тренингах и курсах «делают лидеров» из всех желающих, обещая обретение богатства и влияния без всякого тестирования «на одаренность» и какой-либо перегрузки научными знаниями. Тьюторы и менторы придерживаются «деперсонифицированного» подхода, в рамках которого лидирование — это одна из компетенций или управленческих технологий, чем может овладеть любой, даже не имея харизмы, за один семестр или пару недель «глубокого погружения» [Kellerman 2016].

Развитие указанного тезиса Б. Келлерман в последующем разделении деструктивного лидерства на фазы в 2024 г. представляется умозрительным, выявляя определенное смещение логико-понятийных связей. Очевидно, что лидерство по модели «от плохого к худшему» может реализовываться только в случае продвижения политическими институтами тех, кто не обладает опытом созидательной, вдумчивой, неспешной, порой рутинной работы в масштабах отрасли, региона, партийного строительства — без популистских обещаний. Очевидно, проблема кроется не в лидерстве, а в политических институтах, которые «занижают планку» и не способны предотвратить приход во власть откровенно слабых, несамостоятельных функционеров, которые зачастую оказываются либо разрушителями, либо прокрастинаторами.

Возможно, поэтому Б. Келлерман характеризует типичное лидерство в западных странах как «плохое» (*bad*), указывает на его «гниение» (*it festers*) и предписывает демократическим институтам научиться обеспечивать «профилактику деструктивного лидерства, его раннюю диагностику и лечение», при этом не используя авторитарный инструментарий и технологии. Хотя в ее книге нет рецептов, как достичь этой сверхзадачи на практике.

«Глядя из Москвы...», или Подходы отечественных экспертов

В поисках ответов на поставленные вопросы целесообразно обратиться к работам отечественных авторов.

С одной стороны, из недавних публикаций интерес представляет монография российских ученых под редакцией профессора МГИМО Л.С. Окуновой «Лидер на фоне эпохи. Традиции и новаторство современного политического

лидерства в странах Запада» (в США, Соединенном Королевстве, ФРГ, Франции, Италии, Испании, Румынии, Албании и Бразилии).

В этом коллективном труде делаются два важных вывода. Во-первых, период пандемии (2020–2021 гг.), выявивший кризис лидерства, а также самоуверенное поведение западных бюрократов в ходе локальных конфликтов актуализировали запрос электората на замену безликих *политиков-менеджеров*, способных решать лишь рутинные проблемы управления, *лидерами-реформаторами*, призванными с учетом сложившихся геополитических особенностей собирать команду («кризисный штаб»), консолидировать страну для преодоления кризисов на региональном и глобальном уровне. Во-вторых, доминирующая парадигма в методологии исследований, связанная с институциональным анализом политики, после пандемии демонстрирует кризис, выход из которого ведущие эксперты видят в учете «человеческого измерения» политики [Лидер на фоне эпохи... 2022]. Если вспомнить события вокруг Украины с 2022 г., в Секторе Газа с 2023 г., в акватории Красного моря с 2024 г., то подобные выводы сложно опровергнуть.

С другой стороны, не меньший интерес представляют исследования российской специфики, где отмечается неоднозначное сочетание авторитарных и демократических характеристик, выявляемых в регулярных опросах электората, с 1991 г. проводимых коллективом политологов МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством Е.Б. Шестопал.

В результатах исследований постоянно фиксируется размытость, несвязность и противоречивость политических взглядов избирателей: единодушное одобрение централизации, «вертикальности» власти, ее жесткости и силы — при выражении твердого желания, чтобы власть учитывала интересы населения, поощряла общественные инициативы «снизу», опиралась на конкурирующие элиты [Шестопал 2021].

Кроме того, россияне верят в необходимость демократии и одновременно хотят «сильной руки», подчеркивая, что «человеческое измерение» в оценке политики и лидеров важнее качеств «эффективного менеджера» [Шестопал, Рогач 2020].

Если от рассмотрения электоральных предпочтений переключиться на анализ российского лидерства, то внимания заслуживает мнение отечественных исследователей, которое обобщено в работе политолога из Санкт-Петербурга Ю.С. Медведева. Он считает, что современное российское президентство можно отнести к категории «конкурентного авторитаризма», при котором стоящий у власти руководитель признает силу оппозиции и считается с ее существованием. Между тем высказывается опасение, что «нынешний российский режим, еще недавно в полной мере соответствовавший модели конкурентного авторитаризма, после внесения в 2020 г. поправок в Конституцию балансирует на грани авторитаризма гегемонистского» [Медведев 2021].

Отчасти эту точку зрения репрезентируют результаты эмпирических исследований, выполняемых с 2019 г. в Институте социологии ФНИСЦ РАН под руководством И.Л. Недяк, известного российского политолога-институционалиста,

исследующей концепции господства на российском материале, в которых власть и политика современных демократий измеряются на шкале «господство — *empowerment*» [Недяк 2022].

Не открывая научную дискуссию относительно «типологии авторитаризма в России» и продуктивности «дискурса господства» в связи с конституционными поправками, а также самой уместности рассуждений о российском президентстве с использованием подобного понятийно-категориального аппарата, можем, со своей стороны, отметить, что анализ президентского лидерства в России требует использования специальной политико-психологической оптики, без которой мнения отечественных и зарубежных экспертов могут быть поставлены в ряд ангажированных оценок отдельных политологов.

Ни для кого не секрет, что сейчас в странах Запада национальную и международную политику проводят институты, подконтрольные транснациональным корпорациям и так называемой «глубинной власти» (*Deep State*). При этом в условиях, когда большинство стран утрачивает национальную субъектность, харизматическое лидерство считается атавизмом «додемократических» обществ, уделом автократических режимов.

Между тем на фоне неэффективности «демократических институтов» и несостоятельности управленцев во главе стран кристаллизуется запрос на харизматичных лидеров. Причем опросы избирателей показывают, что в социуме проявляется безразличие к идеологическим или партийным ярлыкам, устойчивость к медийным манипуляциям, поскольку интерес вызывают те политики, кто демонстрирует (или хотя бы декларирует) готовность и способность отстаивать национальные интересы страны, брать ответственность на себя и отвечать на вызовы времени.

Выводы и заключение

Причины противоречий методологического и концептуального характера в изучении политического лидерства могут быть обусловлены двумя факторами. С одной стороны, теоретизирование на эту тему зачастую исходит из идеальных представлений о «правителях-демократах» и «правителях-автократах». Абстрагирование от реального положения дел приводит к искажению изначальной перспективы исследования, замутнению концептуальной оптики. С другой стороны, умозрительные формулы не способны преодолеть инерцию идеологических догм, и все наблюдения, предположения и выводы делаются под влиянием субъективных тенденций.

Рассмотрение проблематики политического лидерства через противопоставление «авторитаризма vs демократии» представляется архаичной, поскольку не отражает все многообразие государственных укладов, национальных традиций и менталитета, социально-экономического развития и политико-ситуационного контекста современных стран.

Не менее контрпродуктивным оказывается и использование модели «лидер vs институт». Причем не только из-за различий политических устоев в странах

WEIRD и *non-WEIRD* вообще и эффективности/неэффективности института лидерства внутри самих западных стран в частности (примером чему служит кадровый голод в связи с выдвижением на пост президента в США или премьер-министра в Великобритании).

Как отмечал автор политико-психологических портретов президентов США Фред Гринстайн, значимость личных характеристик лидера повышается в прямой зависимости от того, насколько усиливается восприимчивость среды к тому, что может предложить ей политик, насколько выше его позиция в политической системе и насколько ярка его харизма [Greenstein 2009].

По мнению Е.Б. Шестопаля, сегодня обнаруживается беспрецедентная актуальность перечисленных Ф. Гринстайном факторов: предельное нагнетание международной обстановки, всеобъемлющая неопределенность в мире; наличие полярных моделей публичной политики; некомпетентность и неэффективность транзакционных политиков-менеджеров в условиях глобальных кризисов; дефицит харизматичных лидеров и запрос избирателей на политиков трансформационного типа [Шестопаля 2023].

В свете сказанного плодотворным способом преодоления выявленных противоречий, может оказаться персонологический подход к исследованию лидерства [Стрелец 2013; Стрелец 2019]. По нашему мнению, он позволяет выявлять наличие/отсутствие среди личностных качеств политика таких характеристик, которые необходимы в ситуациях, когда от его политических решений зависит судьба страны и международная безопасность.

Важно не только проследить функционирование статических аспектов личности президента или премьер-министра в политическом контексте, но и рассматривать формирование динамических аспектов, опираясь на классические модели социализации. Как известно, демократические или авторитарные лидеры могут воспитываться и действовать в условиях автократических или либеральных режимов. Однако об эффективности их деятельности на высшем посту можно судить, лишь рассматривая комбинацию институциональных, политических, личностных и психологических факторов.

Очевидно, на политических институтах разных стран лежит ответственность за недопущение прихода к власти лидеров с деструктивным потенциалом, а задача политических психологов состоит в том, чтобы предложить экспертный инструментарий, обеспечивающий рекрутинг политиков, способствующих всестороннему развитию своих стран, сплочению национальных элит, защите суверенитета от внешнего воздействия (*Soft Power/Smart Power*) и установлению международной повестки взаимовыгодного сотрудничества в условиях многополярного мира.

Поступила в редакцию / Received: 03.10.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2024

Библиографический список

- Гаман-Голутвина О.В., Сморгунюв Л.В., Тимофеева Л.Н.* Конституционные изменения, власть и политика // *Власть*. 2021. Т. 29. № 3. С. 305–311. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8201>
- Лидер на фоне эпохи: традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада / Л.С. Окунева, В.О. Печатнов, Н.К. Капитонова [и др.]; под ред. Л.С. Окуневой. Москва : МГИМО-Университет, 2022.
- Медведев Ю.С.* Концепция конкурентного авторитаризма и ее критика в научной литературе // *Полития*. 2021. № 1 (100). С. 154–169. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-100-1-154-169>
- Недяк И.Л.* Господство в современных демократиях: подходы к концептуализации, изменению, ограничению // *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. 2022. № 2. С. 32–48. <https://doi.org/10.18522/2218-5518.2022.2.3248>
- Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности / Н.К. Капитонова, И.Э. Магадеев, В.О. Печатнов [и др.]; под ред. Л.С. Окуневой, А.И. Тэвдой-Бурмули. Москва : МГИМО-Университет, 2020.
- Стрелец И.Э.* В.В. Путин и Д.А. Медведев: политико-психологический анализ предвыборной рокировки и перспектив властного тандема // *Вест. Томск. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2013. № 3 (23). С. 137–142.
- Стрелец И.Э.* Ельцин и Путин: президентское лидерство в контексте российской политической трансформации // *Актуальные проблемы Европы*. 2019. № 2. С. 180–210. <https://doi.org/10.31249/ape/2019.02.09>
- Шестопал Е.Б.* Парадоксы политического лидерства // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 3. С. 181–191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.13>
- Шестопал Е.Б.* Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // *Вест. Томск. ун-та*. 2021. № 464. С. 99–112. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/12>
- Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н.* Идеальные представления как фактор восприятия реального политического лидера // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 4. С. 166–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.12>
- Ahlers A., Stichweh R.* The Bipolarity of Democracy and Authoritarianism: Value Patterns, Inclusion Roles and Forms of Internal Differentiation of Political Systems. Forum Internationale Wissenschaft Working Paper No. 09. Bonne : Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn Press, 2017.
- Altemeyer B.* The Authoritarian Specter. Harvard : Harvard University Press, 1996.
- Altemeyer B.* Right-Wing Authoritarianism. Manitoba : University of Manitoba Press, 1981.
- Dean J., Altemeyer B.* Authoritarian Nightmare: The Ongoing Threat of Trump's Followers. Brooklyn, NY, London, UK: Melville House, 2021.
- Del Real D., Menjivar C.* The Tools of Autocracy Worldwide: Authoritarian Networks, the Façade of Democracy, and Neo-Repression // *American Behavioral Scientist*. 2024. Vol. 68, no. 12. P. 1–19. <https://doi.org/10.1177/00027642241267926>
- Farrell T.* Review of [Joseph Henrich, *The WEIRD People in the World: How the West Became Psychologically Peculiar and Particularly Prosperous* (Farrar, Straus and Giroux, 2020)] // *New Explorations*. 2023. Vol. 3, no. 2. P. 1–16.
- Fazaa S.S., Zane El Abidine N.Z.E.A.* The problem of the transfer of power in Egypt during the rule of Muhammad Morsi (2012–2013) // *Tikrit Journal For Political Science*. 2022. Vol. 4, no. 30. P. 3–30. <https://doi.org/10.25130/tjfps.v4i30.85>
- Greenstein F.I.* The Presidential Difference: Leadership Style from FDR to George W. Bush. Princeton : Princeton University Press, 2009.
- Gutorov V.A., Shirinyants A.A., Kazainova D.B.* Ideas, ideologies and public consent: Introducing the issue // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2023. Т. 25. № 1. С. 9–20. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-9-20>

- Henrich J. *The WEIRDest People in the World: How the West Became Psychologically Peculiar and Particularly Prosperous*. Danvers, MA: Farrar, Straus and Giroux (FSG), 2020.
- Kellerman B. Leadership — It's a System, not a Person! // *Daedalus*. 2016. Vol. 145, no. 3. P. 83–94. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00399
- Kellerman B. *Leadership from Bad to Worse: What Happens When Bad Fester*s. Oxford : Oxford University Press, 2024.
- Lind G., Sandberger J.-U., Bargel T. Moral Competence and Democratic Personality // *Moral development and the social environment* / ed. by G. Lind, H.A. Hartmann, R. Wakenhut. Chicago : Precedent Publisher, 1985. P. 55–78.
- Machin A. *Climates of Democracy: Skeptical, Rational, and Radical Imaginaries* // *WIREs Climate Change*. 2022. Vol. 13, no. 4. <https://doi.org/10.1002/wcc.774>
- Mudyń K. W Poszukiwaniu Demokratycznej Struktury Osobowości // *Kultura I Edukacja*. 2002. № 1. P. 40–51.
- Sanches de Oliveira G., Baggs E. *Psychology's WEIRD Problems*. Cambridge : Cambridge University Press; 2023.
- Wiatr J.J. *Political Leadership Between Democracy and Authoritarianism: Comparative and Historical Perspectives* (1st ed.). Leverkusen : Verlag Barbara Budrich, 2022. <https://doi.org/10.2307/j.ctv27tctmb>
- Ziegenhain P., Enkhtaivan Kh. *Democracy and Authoritarianism in Egypt Today* // *Islamic World and Politics*. 2024. Vol. 8, no. 1. P. 75–84. <https://doi.org/10.18196/jiwp.v8i1.99>

References

- Ahlers, A., & Stichweh, R. (2017). The bipolarity of democracy and authoritarianism: Value patterns, inclusion roles and forms of internal differentiation of political systems. *Forum Internationale Wissenschaft*. Working Paper No 09. Bonne.
- Altemeyer, B. (1996). *The Authoritarian Specter*. Harvard: Harvard University Press.
- Altemeyer, B. (1981). *Right-Wing Authoritarianism*. Manitoba: University of Manitoba Press.
- Dean, J., & Altemeyer, B. (2021). *Authoritarian nightmare: The ongoing threat of Trump's followers*. Brooklyn, NY, London, UK: Melville House.
- Del Real, D., & Menjívar, C. (2024). The tools of autocracy worldwide: Authoritarian networks, the façade of democracy, and neo-repression. *American Behavioral Scientist*, 68(12), 1–19. <https://doi.org/10.1177/00027642241267926>
- Farrell, T. (2023). Review of [Joseph Henrich, *The WEIRDest People in the World: How the West Became Psychologically Peculiar and Particularly Prosperous* (Farrar, Straus and Giroux, 2020)]. *New Explorations*, 3(2), 1–16.
- Fazaa, S.S., & Zane, El, Abidine, N.Z.E.A. (2022). The problem of the transfer of power in Egypt during the rule of Muhammad Morsi (2012–2013). *Tikrit Journal for Political Science*, 4(30), 3–30.
- Gaman-Golutvina, O.V., Smorgunov, L.V., & Timofeeva, L.N. (2021). Constitutional changes, power and politics. *Vlast' (The Authority)*, 29(3), 305–311. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8201>
- Greenstein, F.I. (2009). *The presidential difference: Leadership style from FDR to George W. Bush*. Princeton: Princeton University Press.
- Gutorov, V.A., Shirinyants, A.A., & Kazarinova, D.B. (2023). Ideas, Ideologies and Public Consent: Introducing the Issue. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 9–20. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-9-20>
- Henrich, J. (2020). *The WEIRDest People in the world: How the west became psychologically peculiar and particularly prosperous*. Danvers, MA: Farrar, Straus and Giroux (FSG).
- Kellerman, B. (2016). Leadership — it's a system, not a person! *Daedalus*, 145(3), 83–94.
- Kellerman, B. (2024). *Leadership from bad to worse: What happens when bad festers*. Oxford: Oxford University Press.

- Lind, G., Sandberger, J.-U., & Bargel, T. (1985). Moral competence and democratic personality. In G. Lind, H.A. Hartmann & R. Wakenhut (Eds.), *Moral Development and the Social Environment* (pp. 55–78). Chicago: Precedent Publisher.
- Machin, A. (2022). Climates of democracy: Skeptical, rational, and radical imaginaries. *WIREs Climate Change*, 13(4), e774.
- Medvedev, Ju.S. (2021). The concept of competitive authoritarianism and its criticism in scientific literature. *Politeia*, 1, 154–169. (In Russian). <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-100-1-154-169>
- Mudyń, K.W. (2002). Poszukiwaniu demokratycznej struktury osobowości. *Kultura I Edukacja*, 1, 40–51. (In Polish).
- Nedyak, I.L. (2022). Domination in modern democracies: Approaches to the conceptualization, measurement, restriction. *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*, 2, 32–48. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2218-5518.2022.2.3248>
- Okuneva, L.S. (Ed.). (2022). *A leader against the backdrop of the era: Traditions and innovations of modern political leadership in western countries*. Moscow: MGIMO-University. (In Russian).
- Okuneva, L.S., & Tevdoy-Burmuli, A.I., (Eds.). (2020). *Right-wing populism: Global trend and regional features*. Moscow: MGIMO-University. (In Russian).
- Sanches de Oliveira, G., & Baggs, E. (2023). *Psychology's WEIRD problems*. Cambridge: Cambridge University Press/.
- Shestopal, E.B. (2021). The image of the ideal future: Normative ideas of Russian citizens about power. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 464, 99–112. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/464/12>
- Shestopal, E.B. (2023). Paradoxes of political leadership. *Polis. Political studies*, 3, 181–191. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.13>
- Shestopal, E.B., & Rogach, N.N. (2020). Ideal representations as a factor in the perception of a real political leader. *Polis. Political studies*, 4, 166–181. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.12>
- Strelets, I.E. Yeltsin and Putin: Presidential Leadership in the Context of Russia's Political Transformation. *Current problems of Europe*, 2, 180–210. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/ape/2019.02.09>
- Strelets, I.E. (2013). V.V. Putin and D.A. Medvedev: Political-psychological analysis of the pre-election casting and the prospects of the power tandem. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 3(23), 137–142. (In Russian).
- Wiatr, J.J. (2022). *Political leadership between democracy and authoritarianism: Comparative and historical perspectives* (1st ed.). Leverkusen: Verlag Barbara Budrich.
- Ziegenhain, P., & Enkhtaivan, Kh. (2024). Democracy and authoritarianism in Egypt today. *Islamic World and Politics*, 8(1), 75–84. <https://doi.org/10.18196/jiwp.v8i1.99>

Сведения об авторе:

Стрелец Илья Эрнстович — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики, МГИМО МИД России, Москва, Россия (e-mail: sagitil@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3520-2502)

About the author:

Ilya E. Strelets — PhD in Political Science, Associate Professor of Comparative Politics Department, School of Governance and Politics, MGIMO University (e-mail: sagitil@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3520-2502)

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ FROM THE HISTORY OF IDEAS

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-675-684
EDN: YXBNUO

Научная статья / Research article

У истоков чартизма: Джеймс О’Брайен

Д.А. Авакян¹ , К.М. Андерсон² , О.Д. Тальская²

¹Академия труда и социальных отношений, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», Москва, Российская Федерация

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
 avakyan88@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с причинами формирования чартистской идеологии в Англии XIX в., а также влиянием этого движения на последующее развитие европейской социально-политической мысли. Отдельно анализируются оценки чартистского движения в отечественной и зарубежной историографии. Особое внимание уделено жизненному пути, творческому наследию Джеймса О’Брайена (1805–1864), одного из ярких чартистских лидеров, публициста, журналиста и реформатора, чья деятельность и радикальная позиция воинствующего ирландца задавали тон всему рабочему движению Англии. Еще одна неоспоримая заслуга О’Брайена состоит в его вполне удачной попытке теоретико-идеологического обоснования чартистского движения, которую никто из его современников не пытался предпринимать. Наиболее подробно авторы останавливаются на содержании его фундаментального труда «Подъем, прогресс и фазы человеческого рабства: как оно пришло в мир и что нужно сделать, чтобы оно ушло». Именно в этой работе можно найти не только яркие призывы к борьбе, но и проследить связь его идей не только с парламентской историей Британии, но и со всеобщей историей рабочего движения.

Ключевые слова: радикализм, реформы, история социально-политической мысли

Благодарности. Работа выполнена в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 г. по теме «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция и современные тенденции эволюции» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКР 1024022700618-9-5.6.1.) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

© Авакян Д.А., Андерсон К.М., Тальская О.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Авакян Д.А., Андерсон К.М., Тальская О.Д. У истоков чартизма: Джеймс О’Брайен // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 675–684. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-675-684>*

At the Origins of Chartism: James O’Brien

Darya A. Avakyan¹ , Kirill M. Anderson² , Olga D. Talskaya²

¹Academy of Labor and Social Relations, National Research University Moscow Power Engineering Institute, *Moscow, Russian Federation*

²Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

 avakyan88@mail.ru

Abstract. The issues related to the causes of the formation of Chartist ideology in England in the XIX century, as well as the influence of this movement on the subsequent development of European socio-political thought are to examine. The assessments of the Chartist movement in Russian and foreign historiography are analyzed separately. Special attention is paid to the life path and creative legacy of James O’Brien (1805–1864), one of the brightest Chartist leaders, publicist, journalist and reformer, whose activities and radical position of a militant Irishman set the tone for the entire working-class movement in England. Another undeniable merit of O’Brien is his quite successful attempt at a theoretical and ideological justification of the Chartist movement, which none of his contemporaries tried to undertake. The authors dwell in the most detail on the content of his fundamental work O’Brien “The Rise, Progress and phases of human slavery: how it came into the world and what needs to be done to make it go away.” It is in this work that one can find not only vivid calls for struggle, but also trace the connection of his ideas not only with the parliamentary history of Britain, but also with the general history of the labor movement.

Keywords: radicalism, reforms, history of socio-political thought

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the State Assignment of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences for 2024 on the topic “Liberalism and Conservatism in the Political-Theoretical Dimension: Historical Tradition and Modern Evolutionary Trends” (Reg. number Unified State Information System for Recording the Results of Scientific Research, Experimental Design and Technological Work for Civil Purposes 1024022700618-9-5.6.1.) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Avakyan, D.A., Anderson, K.M., & Talskaya, O.D. (2024). At the origins of Chartism: James O’Brien. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 675–684. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-675-684>

Введение

Современный мир переживает комплекс социально-экономических кризисов, находясь в поисках новых способов преобразования социальной действительности. Для этого необходимо не только изучение исторических форм снятия

социальной напряженности, но и анализ всего комплекса методов минимизации социально-политических протестов. Данные формы наиболее полно можно проследить в Англии XIX в., на примере первого организованного движения рабочих — чартизма. Исследование может позволить пролить свет и на более широкий круг проблем — взаимоотношения государства и общества, рабочих организаций и государственных институтов, принципы функционирования гражданского общества.

Возникновение чартизма

Чартистское движение действительно возникло на перепутье двух других направлений, радикализма и оуэнизма.

Согласно справедливому замечанию английского историка Р. Хоула 80-е гг. XVIII в. в Великобритании — это время кризиса, который нашел свое выражение в различных формах. Внутриполитическая нестабильность, вызванная поражением в Американской войне и имперские проблемы, связанные с беспорядками в Ирландии и Индии, а также проблемы государственного долга и налогообложения, усиливающиеся требования парламентской реформы, — все это влекло за собой необходимость обсуждения [Hole 1989]. Поэтому все чаще в британской политической повестке и полемике стали активно обсуждаться вопросы конституционного устройства, происхождения суверенитета и границ монархической власти, народного представительства и необходимости проведения реформ. Усиливали радикальные настроения революционные события во Франции, наполеоновские войны. В этом смысле радикализм стал одним из проявлений кризиса в стране. События такого порядка порождали определенные настроения в английском обществе, которые тут же подхватывала радикальная пресса. Огромной популярностью пользовался журнал «Poor Man's Guardian», издаваемый Г. Хетерингтоном в середине XIX в. С его страниц звучали призывы к борьбе и поднимались проблемы справедливости [Harrison 1974].

Одновременно с ростом радикальных настроений в начале XIX в. в английском обществе популярность стало набирать и другое направление, оуэнизм, которое объединяло сторонников и последователей Роберта Оуэна. Он, в отличие от радикалов, был убежден, что в основе развития общества, лежит прогресс в человеческом сознании; достижение «нового нравственного мира» мыслитель всецело увязывал с пропагандой идеи справедливости и преодолением посредством просвещения людей их невежества. Революцию как способ социально-политических изменений мыслитель отвергал, так как она порождает «хаос, кровопролитие, а в итоге — замену одних страдальцев другими. Преобразования должны проводиться мирно и в полном согласии всех членов общества. Главная сила — в единстве общественного мнения» [Андерсон 2020: 106].

Разнородность состава движения повлияла и на противоположные оценки движения как в зарубежной, так и в отечественной историографии.

Основатели марксизма высоко оценивали деятельность чартистов. Они рассматривали это движение как «первую рабочую партию», как прежде всего классово ориентированное движение, готовое к самостоятельным выступлениям [Ерофеев 1961: 4].

Такая оценка сохранилась и в советской историографии, где нередко преувеличивалась роль чартизма. В.И. Ленин писал, что Англия «дала миру первое широкое, действительно массовое политически оформленное, пролетарски-революционное движение» [Ленин 1974: 305]. В дальнейшем советские историки, опираясь на работы Маркса, Энгельса и Ленина, подчеркивали, что чартизм был политически организованным движением рабочего класса [Ерофеев 1960: 64–75]. В частности, В.В. Галкин отмечал, что «эпоха чартизма являет собой блестящую страницу в летописи истории английского пролетариата». Он подчеркивал, что чартизм был первым движением, проникнутым «революционным духом» [Галкин 1985: 3].

Некоторые авторы, напротив, считают чартистов радикалами, признавая определенное влияние оунизма на их воззрения. Другие предлагают компромиссное решение, именуя их «социалистами политическими» или «парламентско-демократическими» [Андерсон 2020: 221]. В том числе Б.А. Рожков видит между двумя этими направлениями много общих черт. Он отмечает, что «общее определялось временем завершения промышленного переворота. Оуэн, как и поздние чартисты, имел возможность убедиться в революционном значении машинного производства и в порочной системе применения машин капиталистами, в результате чего машина из блага превращалась в бич для большинства английского народа» [Рожков 1961: 256].

В то же время в английской историографии отрицается первенство чартизма в рабочем движении, его рассматривают лишь как один из этапов в развитии политического радикализма в стране. Английские историки убеждены, что движение не имело собственного политического содержания, а было порождением и реакцией на тяжелые условия жизни рабочих, а с их улучшением исчезла почва для его развития [Массобу 1955]. На этот факт обращает внимание и А.Д. Колпаков, отмечая, что «буржуазной историографии» «принадлежит лишь несколько общих бездоказательных оценок, сводящих самостоятельную классово заостренную систему взглядов чартистов к эпигонским заимствованиям у либеральных и мелкобуржуазных философов и экономистов» [Колпаков 1964: 285]. Так или иначе, несмотря на противоречивые оценки, история движения занимала обширное место как в зарубежной, так и отечественной историографии. Поэтому перед нами не стоит задача в подробном освещении чартизма. Остановимся лишь на основных требованиях чартистов.

Главные из них были изложены в петиции, опубликованной в 1838 г. Содержание петиции сформулировано в шести пунктах (избирательное право для всех мужчин старше 21 года, тайное голосование, отмена имущественного ценза для депутатов, равные избирательные округа, вознаграждение депутатов, годичный срок парламентских полномочий) и по сути было чисто

политическим. То есть с самых первых шагов чартизм можно назвать «отрицающим» движением. Его сторонники выступали не только против жестокости новых социальных законов, но и отсутствия широкого и равного представительства в парламенте и т.д. Поэтому чартизм и привлек в свои ряды самых разных людей: рабочих, представителей мелкой буржуазии, лавочников, уличных торговцев, чье положение было близким к положению большинства рабочих и т.д.

Неоднородным было движение не только по социальному составу, но и по национальной принадлежности его участников. Хотя чартизм и был преимущественно английским движением, ирландские рабочие, жившие в Великобритании, активно поддерживали его и даже поставляли ему лидеров, среди которых и был О'Брайен. Именно ирландцы были сторонниками силовых методов борьбы, сторонниками радикальных методов борьбы и в целом задавали тон в чартизме. И такая позиция тоже имела свои причины. Конец XVIII–XIX вв. был периодом кризиса не только для Великобритании, но и Ирландии. Это время колониальной зависимости, борьбы за национальное освобождение, принимавшей разные формы. В это время Ирландия стала частью Объединенного Королевства Великобритании. Но это, по сути, было только формальностью, поскольку Ирландия все так же оставалась колонией Англии, какой она была много веков. Английские лендлорды получили права практически на всю плодородную территорию острова, которую начали активно сдавать в аренду местным жителям, крестьянам. Однако стоимость аренды была настолько велика, что предсказуемо приводила многих ирландцев к разорению. В 1830–1840-е гг., когда уровень жизни в Ирландии становился все ниже, в том числе и по причине «великого картофельного голода», тысячи ирландских крестьян покидали свою страну, чтобы поселиться в новых промышленных центрах Великобритании (в Манчестере, Ливерпуле и других фабричных городах) с целью найти там работу. Некоторые из них примкнули к чартистскому движению, в том числе и О'Брайен.

Жизненный путь О'Брайена

В историографии сведений о жизненном пути Джеймса О'Брайена не так уж и много. Известно, что родился он в 1805 г. в графстве Лонгфорд (Ирландия). Переехав в Лондон после учебы, О'Брайен познакомился с яркими сторонниками радикальных взглядов, среди которых Уильям Коббет, Генри Хант, Генри Гетерингтон. О'Брайен оказался в центре рабочего и социалистического движения и вскоре сам начал публиковать труды по самым разным актуальным проблемам, редактировать, принимать участие в работе ведущих чартистских изданий. Его популярность и известность внутри чартистского движения была обусловлена многогранностью его деятельностью, широтой взглядов.

Однако О'Брайен не ограничивался только публицистической деятельностью, он стал одним из немногих чартистов, проявивших себя оригинальным мыслителем. Его еще называют классическим историком чартистского движения и единственным лидером, который предпринял попытку придать движению теоретико-идеологическое обоснование. Его погружение в историю

было во многом данью времени, ведь в XIX в. предметом изучения становится политическая история. Особый интерес О'Брайена обращен к истории революционного движения и радикализма. В частности, в 1836 г. он начал публиковать переводы работ французского революционера Гракха Бабефа в «The Poor Man's Guardian», статьи об итальянском политическом деятеле и революционере Филиппо Буонаротти и о Заговоре равных. А в 1837 г. вышла работа О'Брайена «Жизнь и характер Максимилиена Робеспера», где французский революционер предстает в качестве одного из величайших людей и реформаторов, когда-либо существовавших в мире. Его О'Брайен считал «единственным известным в истории законодателем и государственным деятелем, который стремился к радикальному преобразованию общества только через изменение фундаментальных законов о собственности» [O'Brien 1885: 46].

«Подъем, прогресс и фазы человеческого рабства...»

Но самым фундаментальным его трудом можно назвать работу «Подъем, прогресс и фазы человеческого рабства: как оно пришло в мир и что нужно сделать, чтобы оно ушло» [O'Brien 1885]. В предисловии к ней отмечается, что «эта небольшая работа красноречивого обличителя пороков спекулянтов и землевладельцев, вся жизнь которого была посвящена защите социальных прав, впервые представлена миру в полной форме» [O'Brien 1885: 3]. Особенность работы в том, что О'Брайен прежде всего обращается к истории, рассматривая ее как процесс закрепощения одного класса другим.

«Подъем, прогресс и фазы человеческого рабства: как оно пришло в мир и что нужно сделать, чтобы оно ушло» состоит из 21 главы, в которых О'Брайен рассматривает причины возникновения рабства в период Античности и его упрочнение в последующие периоды истории, сравнивает систему античного и современного рабства и т.д. Периоды Средневековья и Возрождения практически не освещаются, что представляется закономерным для XIX в. В это время преобладало осознание античного наследия, в том числе и социально-политического, в контексте проблем современности. Античность становится источником практического опыта, применяемого к эпохе, и продолжала оставаться неотъемлемой частью культуры.

Сборник начинается с главных положений, на которых строятся дальнейшие рассуждения. О'Брайен пишет о том, что «в этом исследовании наша задача разрешится сама собой, установив три следующих утверждения.

Во-первых, прямое или личное рабство не рассматривалось древними в том свете, в каком его рассматривают просвещенные люди наших дней, то есть как неестественный и бесчеловечный институт, а, напротив, считалось вещью совершенно естественной и разумной самой по себе и необходимой для развития общества.

Во-вторых, главной причиной постоянства рабства в мире было согласие общества в его пользу, в том числе и со стороны самих рабов.

В-третьих, прямое рабство, независимо от того, практиковалось ли оно древними или современными (где бы оно ни использовалось), было, при всех его пороках, менее разрушительным для жизни, морали и счастья большинства, чем нынешняя система косвенного или замаскированного рабства, осуществляемая в большинстве цивилизованных стран посредством несправедливых аграрных, денежно-кредитных и налогово-бюджетных законов» [O'Brien 1885: 46].

Человеческое рабство возникло из неограниченной власти глав семейств над своими домашними хозяйствами. Пока семьи развивались обособленно друг от друга, без тесного общения и социально-экономических связей, рабы подчинялись только воле и желаниям глав каждого домохозяйства. По мере развития общества, становления государств в качестве самостоятельного института оформилось и рабство. Сам институт рабство О'Брайен понимает как «подчинение человека ближнему силой или обманом» [O'Brien 1885: 3].

Представители современного рабочего класса для О'Брайена — потомки освобожденных рабов. Определяя термин «пролетарии», он обращается к римской традиции, но уточняет, что «мы используем этот термин в более широком смысле с точки зрения современного понимания, чтобы включить в эту категорию всех людей, которые зависят от других в плане заработка на хлеб насущный, но при этом не являются настоящими рабами» [O'Brien 1885: 3].

Но О'Брайен, как и многие социалисты-утописты XIX в., верил в то, что научно-технический прогресс изменит социально-политические условия жизни в обществе и непременно приведет к улучшению качества жизни трудящихся.

Что же предлагает О'Брайен для того, чтобы рабство исчезло? На формирование взглядов О'Брайена большое влияние оказал и «новый взгляд на общество» Р. Оуэна. Но, в отличие от своего кумира, который отвергал политическую борьбу при достижении нового общественного порядка, О'Брайен считал, что народ должен добиться политических прав любыми средствами. Однако для этого необходим определенный подготовительный период, и предварительными мерами могут стать введение всеобщего избирательного права и реформированный парламент. Именно во всеобщем избирательном праве он видел наилучшее средство для избавления современного социального строя от его недостатков. Безусловно, он не отрицал значения борьбы рабочих за повышение заработной платы и сокращение продолжительности рабочего дня, но предупреждал, что, пока они не начнут принимать участие в управлении государством, они не добьются благополучия ни для себя, ни для своей страны. О'Брайен полагал, что введение всеобщего избирательного права способно не только обеспечить рабочих всем необходимым, но и привести к полному господству всего народа над всеми законами и институтами в стране. Народ должен добиться политических прав для того, чтобы избрать подлинно народный парламент, который создаст систему нового общественного строя.

Невозможно достичь всеобщего благосостояния и без справедливых экономических, аграрных и торговых законов — законов, которые установят для всех классов равные права на землю и справедливый обмен. Ни одна страна

не может стать процветающей, пока не будут отменены несправедливые законы и приняты новые положения о земле и торговле. О'Брайен был уверен, что таких мер достаточно для того, чтобы навсегда покончить с нищетой и рабством. Для парламентов большинства стран нет ничего проще, чем принять такие законы, не нарушая при этом права на частную собственность. О'Брайен предлагает отказаться от действующей «расточительной и унижающей достоинство системы законов о бедных» и заменить их на «эффективные законы», которые справедливо бы распределяли ресурсы, обеспечивали всем занятость, оказывали помощь бедным. Кроме того, он уверен, что государству «желательно облегчить бремя налогообложения для всех классов, которые от этого страдают», «обеспечить надежную систему национального кредита» [O'Brien 1885: 197].

Однако не только государство должно брать на себя обязательства по реализации социально-экономической политики. Сам народ должен быть заинтересован в принятии таких законов, знать свои политические и социальные права. Безграмотное большинство никогда не сможет избрать парламент, состоящий из настоящих реформаторов, а предпочтет отдать голоса демагогам и хитрым авантюристам, которые не выполнят своих обещаний. В качестве примера О'Брайен приводит Францию, единственную, по его мнению, страну, в которой значительная часть рабочего класса проникнута знанием своих социальных прав и, следовательно, единственную, в которой трудящиеся полны решимости отстаивать право на самоуправление. Именно в народе он видел основную движущую силу исторического процесса, а французскую революцию определял как закономерное явление. Поэтому закономерной представляется убежденность О'Брайена в необходимости сначала привести рабочих в организованное политическое движение, а затем завоеванную ими политическую власть использовать для воплощения социальных идеалов в жизнь. Это положение подтверждает и его заключительный вывод о том, что любая реформа — это всего лишь фарс, который не приведет общество к поставленным целям.

Заключение

Безусловно, попытки теоретического обоснования чартизма, предпринятые О'Брайеном, не лишены слабостей, идеализации, как и само движение, отличающееся несогласованностью взглядов и пестротой социального состава. Взгляды на способы достижения нового общественного строя О'Брайена трансформировались вместе с развитием самого чартизма. Отказавшись от идеи применения физической силы для достижения поставленных целей, в конце жизни он разошелся с другими лидерами чартистского движения по ключевым вопросам, в том числе по вопросам представительства рабочих в парламенте, и во многом остался действительно идеалистом. Яркую, блестящую карьеру одного из лидеров массового движения он завершил довольно прозаично, в болезни и в бедности. Но как отмечают современники,

он обладал уникальной способностью привлекать и сохранять привязанность своих последователей, как бы ни менялись его взгляды на протяжении жизни. Многие из его сторонников оставались с ним до конца, постоянно поддерживая своего учителя, а его теоретическое наследие продолжало и продолжает жить в его работах, в его идеях.

Поступила в редакцию / Received: 02.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 27.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2024

Библиографический список

- Андерсон К.М. Превзойти учителя: Роберт Оуэн и Оуэнисты. Москва : Социально-политическая мысль, 2020.
- Галкин В.В. Идеи социализма в чартистском движении (конец 40-х — начало 50-х годов XIX в.) // История социалистических учений: сборник статей. М., 1985. С. 3–28.
- Ерофеев Н.А. Исторические взгляды чартиста О'Брайена // Из истории социально-политических идей. М., 1955. С. 452–465.
- Ерофеев Н.А. Чартистское движение. М., 1961.
- Колтаков А.Д. Чартистский социализм конца 30-х — начала 40-х годов // История социально-политических учений. М., 1964. С. 285–307.
- Ленин В.И. Третий Интернационал и его место в истории // Полное собрание сочинений. Т. 38. М., 1974. С. 301–309.
- Рожков Б.А. Идеинная борьба между оуэнистами и чартистами // История социалистических учений: сборник статей. М., 1961. С. 256–290.
- Harrison S. Poor Men's Guardians. A record of the Struggles for a Democratic Newspaper Press, 1763–1973. London, 1974.
- Hole R. Pulpits, politics and public order in England 1760–1832. Cambridge, 1989.
- Maccoby S. English Radicalism 1786–1832: from Paine to Cobbett. London, 1955.
- O'Brien J.B. The Rise, Progress, and Phases of Human Slavery: How it Came into the World and How it shall be Made to go out. London, 1885.

References

- Anderson, K.M. (2020). *Surpass the teacher: Robert Owen and the Owenists*. Moscow: Socio-Political Thought. (In Russian).
- Galkin, V.V. (1985). Ideas of socialism in the Chartist movement (late 40s — early 50s of the XIX century). In *History of socialist teachings. Collection of articles* (pp. 3–28). Moscow (In Russian).
- Harrison, S. (1974). *Poor men's guardians. A record of the struggles for a democratic newspaper press, 1763–1973*. London.
- Kolpakov, A.D. (1964). Chartist socialism of the late 30s — early 40s. In *History of socio-political teachings* (pp. 285–307). Moscow. (In Russian).
- Lenin, V.I. (1974). The Third International and its place in history. In *Complete works* (Vol. 38, pp. 301–309). Moscow. (In Russian).
- Maccoby, S. (1955). *English radicalism 1786–1832: from Paine to Cobbett*. London.
- O'Brien, J.B. (1885). *The rise, progress, and phases of human slavery: How it came into the world and how it shall be made to go out*. London.

- Rozhkov, B.A. (1961). The ideological struggle between the Owenists and the Chartists. In *History of socialist teachings. Collection of articles* (pp. 256–290). Moscow. (In Russian).
- Yerofeev, N.A. (1955). Historical views of Chartist O'Brien. In *From the history of socio-political ideas*. (pp. 452–465). Moscow. (In Russian).
- Yerofeyev, N.A. (1961). *Chartist movement*. Moscow. (In Russian).

Сведения об авторах:

Авакян Дарья Айрапетовна — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и философии социально-гуманитарного факультета, ОУП ВО Академия труда и социальных отношений, доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой, НИУ Московский энергетический университет (e-mail: avakyan88@mail.ru) (ORCID: 0009-0006-5657-5366)

Андерсон Кирилл Михайлович — кандидат исторических наук, профессор кафедры истории социально-политических наук факультета политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (e-mail: kiranderson@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1887-8239)

Тальская Ольга Дмитриевна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (e-mail: ollytalsky@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-5034-3453)

About the authors:

Darya A. Avakyan — PhD in Political Science, Associate Professor of Department of Sociology and Philosophy of the Faculty of Social Sciences and Humanities, Academy of Labor and Social Relations, Associate Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology named after G.S. Arefieva National Research University “Moscow Power Engineering University” (e-mail: avakyan88@mail.ru) (ORCID: 0009-0006-5657-5366)

Kirill M. Anderson — PhD in History, Professor of the Department of History of Socio-Political Sciences of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kiranderson@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1887-8239)

Olga D. Talskaya — PhD in Political Science, Senior Lecturer of the Department of History of Socio-Political Sciences of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ollytalsky@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-5034-3453)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-685-699
EDN: YUEKPX

Научная статья / Research article

Социология знания Карла Мангейма и методологические основания истории социально-политических идей

А.А. Чанышев , В.А. Кузнецова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

 e-mail: chanishev@bk.ru

Аннотация. Методологические принципы социологии знания К. Мангейма и поныне обладают фундаментальной значимостью для исследования истории идей (и в частности истории политических учений). Такая значимость определяется, во-первых, *критической установкой*, наследуемой Мангеймом от марксистской традиции. В данном случае, однако, критика не нацелена на упрощенно-линейное «разоблачение» социальной направленности идей, где содержание последних *объясняется* как простая функция от авторских пристрастий и групповых интересов, определяющих эти пристрастия, а искомый источник идейного содержания концепции, следовательно, может быть найден в сфере «закономерного» действия *общих* социальных причин. В рассматриваемом случае критический анализ ориентирован на *понимание* «экзистенциальной» укорененности идей; и такой анализ предполагает, что теория — это не только и не столько идеи сами по себе, но еще и *проживаемое* отношение автора к конкретным историческим условиям своего существования. Именно выявление такого рода укорененности не позволяет свести содержание авторской позиции к чисто субъективным, психологическим моментам переживаемого. Демонстрируется, что концептуализация этой укорененности может быть осуществлена на основе категорий *герменевтического круга* и *антиципации* в хайдеггеровски-гадамеровском «онтологическом» их истолковании, а также — через применение категории *жизненного мира* в интерпретации Шюца. В конечном счете, по мнению авторов, именно в свете эвристических возможностей подобных интерпретаций может быть выявлен и *понят* необязательно осознаваемый самим создателем концепции ее действительный социокультурный смысл, насыщенный нормативно-оценочным, субъективным содержанием, но привязанный к объективной традиции. Кроме того, в дополнение к сказанному заявлена — как перспективная исследовательская задача — возможность усиления методологической полноты социологии знания историко-понятийным подходом Р. Козеллека, что обеспечило бы более основательную увязку социально-нормативной традиции с проблематикой конкретной теории.

© Чанышев А.А., Кузнецова В.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: методология гуманитарных наук, история идей, критический анализ социально-политических теорий, объяснение, понимание, герменевтика, герменевтический круг, антиципация, жизненный мир, историко-понятийный подход

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чанышев А.А., Кузнецова В.А. Социология знания Карла Мангейма и методологические основания истории социально-политических идей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 685–699. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-685-699>

The Sociology of Karl Mannheim’s Knowledge and the Methodological Foundations of the History of Socio-Political Ideas

Alexander A. Chanyshv , Vasilisa A. Kuznetsova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ chanishev@bk.ru

Abstract. The methodological principles of K. Mannheim’s sociology of knowledge still have fundamental significance for the study of the history of ideas (and the history of political thought). This significance is determined, firstly, by the critical attitude inherited by Mannheim from the Marxist tradition. In this case, however, criticism is not aimed at simplistically linear “exposure” of the social orientation of ideas, where the content of the latter is explained as a simple function of the author’s predilections and group interests that determine these predilections — and the desired source of the ideological content of the concept, therefore, can be found in the sphere of the “natural” action of common social causes. The critical analysis is focused on understanding the “existential” rootedness of ideas. The analysis suggests that theory is not only and not so many ideas per se, but also the author’s lived attitude to the specific historical conditions of their existence. It is the identification of this kind of rootedness that prevent the content reduction of the author’s position to purely subjective, psychological moments of the experience. The authors suggests that the conceptualization of the rootedness can be carried out on the basis of the “hermeneutic circle” and “anticipation” in the Heidegger-Gadamer “ontological” interpretation of them, as well as through the application of the “life-world” in the Schutz’ interpretation. Ultimately, the study was designed to determine that it is due the heuristic possibilities of such interpretations that the actual socio-cultural meaning of the concept, not necessarily realized by the creator himself, saturated with normative, evaluative, subjective content, but tied to an objective tradition, can be identified and understood. In addition, the authors consider as a promising research task the possibility of strengthening the methodological completeness of the sociology of knowledge by the historical and conceptual approach of R. Koselleck, which would ensure a more thorough alignment of the socio-normative tradition with the problems of a specific theory.

Keywords: methodology of the humanities, Intellectual history, critical analysis of socio-political theories, explanation, understanding, hermeneutics, hermeneutical circle, anticipation, life-world, historical and conceptual approach

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Chanyshev, A.A., & Kuznetsova, V.A. (2024). The sociology of Karl Mannheim's knowledge and the methodological foundations of the history of socio-political ideas. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 685–699. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-685-699>

Введение. Проблема объективности гуманитарного знания

Проблема «объективности» гуманитарного знания является центральной для «социологии знания» К. Мангейма, который в этом вопросе отталкивается от концепции М. Вебера. Поэтому имеет смысл начать с постановки данной проблемы в веберовской статье «„Объективность“ социально-научного и социально-политического знания».

Во-первых, по Веберу, «научное» стремление к объективности в области гуманитарных (исторических, социальных) исследований наталкивается на проблему следования противоречащим друг другу установкам. *Первой* здесь можно назвать общенаучную установку на реализацию *номологической* задачи, т. е. задачу обнаружения и фиксации закономерных связей в социальных явлениях. *Вторая* — в противоречии с первой — требует ради наибольшей объективности как можно более глубокой *индивидуации* подхода, поскольку каждое изучаемое историческое событие уникально. *Третья* предполагает неизбежность *субъективно-оценочного*, подхода; а это так по двум основаниям: по условию включенности — через интерес — самого исследователя в социально-политический процесс как его участника; и по причине того, что различные общественные силы ждут от исследования прогностических результатов и «рецептурных» рекомендаций.

Во-вторых, решение задачи достижения гуманитарным знанием объективности по образцу естественных наук считалось Вебером невыполнимым; а именно сциентизация гуманитарных, *исторических* дисциплин «под копирку» для него невозможна в силу специфики объекта последних — социальных действий: невозможны их простая эмпирическая фиксация и прямолинейное причинно-следственное *объяснение*, поскольку необходимо их *понимание*. Но последнее подразумевает, что речь идет и о понимании мотивации людей иных эпох, принадлежавших к иным культурам. А данное обстоятельство, в свою очередь, предполагает, что «самый вопрос, что же должно служить материалом для образования типовых понятий, вообще не может быть решен „непредвзято“, а только в зависимости от *значения*, которое имеют для культуры определенные компоненты» социальных условий существования определенного явления в определенную эпоху [Вебер 1990: 382]. Скажем, понятие «денежное хозяйство» (вроде бы имеющее с современной точки зрения универсальный смысл) на самом деле не может иметь одно и то же содержание для различных эпох: «Когда речь идет об объяснении данного явления, и мы... пользуемся в качестве *средства* изображения теми понятиями, которые предоставляет нам изучение типовых элементов массовых явлений [современной] экономики, в той мере, в какой в них содержатся значимые компоненты *нашей* культуры. Однако каким бы точным

ни было изложение этих понятий и законов, мы тем самым... не достигнем своей цели...» [Вебер 1990: 382]. Коль скоро процесс познания здесь (в «науках о культуре») — *процесс понимания смысла происходящего*, он натывается на следующие препятствия. Непосредственное наблюдение действий здесь чаще всего невозможно, и мы вынуждены пользоваться косвенными свидетельствами из исторических источников. Но даже тогда, когда оно доступно, его результат не дает нам полновесного представления ни о мотивах таких действий, которые чаще всего нам малопонятны, ибо наше понимание их субъективно, а сами они многослойны и противоречивы, ни о чисто операциональном, объективно фиксируемом составе этих действий в их полном объеме. Поэтому в действительности наше знание о событиях всегда «диффузно», фрагментарно. Эта ограниченность связана с неизбежной темпоральной дистанцией по отношению к событиям в убегающем в прошлое времени и со столь же неизбежным разрывом между *наблюдаемым* составом коллективных действий и их *действительным* составом: в результате очень многое остается для нас неведомым; и чем более отдалены эти действия во времени и масштабнее, тем больше такая скрытая от нашего наблюдения часть происшедшего, которая должна восполняться нашим *воображением* до «полноты» смысла.

Все это и делает невозможным каузальное объяснение «индивидуального факта»¹ — и необходимой опорой не на «нормальные» родовидовые понятия, образуемые путем обобщения эмпирического материала, но на понятия «идеально-типические» (как их называет сам Вебер), получаемые в результате творчески-интуитивного достраивания (до целого) по доступным для нас фрагментам смысла событий. Вебер приводит множество понятийных конструкций такого рода, в том числе «христианство средних веков». Он пишет по этому поводу, что если речь идет о каких-либо «сложных мысленных образованиях», то постигнуть их «со всей понятийной строгостью» можно «только в *виде идеального типа*, так как эмпирически они живут в умах неопределенного и все время меняющегося количества индивидов и обретают в них разнообразнейшие оттенки по форме и содержанию, ясности и смыслу. Так, компоненты духовной жизни отдельных индивидов, например в определенную эпоху Средневековья, которые можно рассматривать как „христианскую веру“ этих индивидов, составили бы, конечно, *если бы* мы могли их полностью воспроизвести, хаос бесконечно дифференцированных и весьма противоречивых связей мыслей и чувств, несмотря на то, что средневековая церковь сумела достичь высокой степени единства веры и нравов. Говоря это здесь, как и в других случаях, мы «пользуемся созданным нами чисто мысленным образованием» [Вебер 1990: 398].

В связи с последним обстоятельством Вебер специально останавливается на критике подхода, делающего ставку исключительно на объяснении

¹ «Даже при всеохватывающем знании всего происходящего нас поставил бы в тупик вопрос: как вообще *возможно каузальное объяснение индивидуального факта*, если даже любое описание наименьшего отрезка действительности никогда нельзя мыслить исчерпывающим?» [Вебер 1990: 383].

исторического (соответственно и идейно-исторического²) процесса через сведение его к действию экономических причин [Вебер 1990: 376]. Объектом критики Вебера является прежде всего «экономический детерминизм» вульгаризированной версии марксизма и исторический материализм, превращаемый во все объясняющее «учение». Вебер пишет: «Каждый, кто когда-либо работал с применением марксистских понятий, хорошо знает, как высоко неповторимое *эвристическое* значение этих идеальных типов, если пользоваться ими для *сравнения с действительностью*, но в равной мере знает и то, насколько они могут быть опасны, если рассматривать их как эмпирически значимые или даже реальные (то есть по существу метафизические) „действующие силы“, „тенденции“ и т. д.; однако так называемое „материалистическое понимание истории“ в качестве „мировоззрения“ или общего знаменателя в каузальном объяснении исторической действительности следует самым решительным образом отвергнуть» [Вебер 1990: 404].

Веберовская «понимающая социология», как и марксистская социально-критическая традиция (без идеологических издержек последней) является источником для К. Мангейма. Последний, как будто вторя в определенном отношении Веберу, пишет: «Нет ничего проще, чем утверждать, что определенный тип мышления является феодальным, буржуазным или пролетарским, либеральным, социалистическим или консервативным, пока нет аналитического метода, посредством которого это утверждение может быть доказано, и не разработаны критерии, позволяющие подвергнуть это доказательство проверке. Поэтому главной задачей данной стадии исследования является разработать и конкретизировать такие гипотезы»; вместе с тем он утверждает: такого рода проверка предполагает, что «сегменты действительности» (речь идет о таких мотивационных комплексах сознания, как исторические формы утопизма и идеологии), которые мы изучаем, «должны быть в процессе анализа разделены на факторы со значительно большей точностью, чем мы привыкли это делать в прошлом»; таким образом, заключает Мангейм, «сочетание *смыслового анализа значений* [понятий] с *социологическим определением ситуации* (в ее исторической социокультурной специфике. — А.Ч., В.К.) создает такие возможности уточнения, которые со временем, быть может, позволят приблизиться к методам естественных наук» [Мангейм 1994: 49].

Следует разобраться в том, что же кроется за перечисленными методологическими установками.

² В нашем случае понятие истории идей применяется в широком смысле слова, т. е. в состав этого понятия входят и истории различных теорий и взглядов в их хронологической последовательности, и история идей в понимании А. Лавджоя. Последний определял этот предмет как «нечто одновременно и более специфическое и менее узкое, чем вышеуказанные „истории“». Например, в сравнении с историей философии история идей изучает те же предметы и опирается на ее результаты, но, рассматривая философские системы, она «делит их на исходные элементы, на то, что может быть названо элементарными идеями, идеями-единицами (unit-ideas)» [Лавджой 2001: 9].

Понимание и ситуационно обусловленное знание

«Понимание» того, что такое „бытие“, — конечная цель мангеймовской социологии знания. Но „бытие“ в данном случае — не категория традиционной метафизики, не „бытие как таковое“, а *состав* человечески-конкретного существования, уникально *включенного* в „социальную ситуацию“, т. е. в ткань общения и поток общественно-политического процесса, — существование конкретного человека, проживающего и переживающего — оценивающего эту ситуацию на основе норм и ценностей своей группы, привязанных к традиции, — через воспроизводство последней или ее переосмысление³. По данным основаниям Мангейм называет свою социологию «учением об экзистенциальной обусловленности знания» [Мангейм 1994: 221]. Из описания элементов *включенности* человека (в нашем случае — автора) в социальную ситуацию становится понятным что, говоря о задаче предельного понимания такой включенности, мы должны иметь в виду, что на первый план выходит нацеленность на достижение объективности через «понимание понимания»⁴. Второе «понимание» в данной формуле — это степень осознания автором (на основе оценочно-эмоциональной реакции на свою включенность) действительных, объективных условий самой включенности.

В решении данной задачи Мангейм оказывается близок *герменевтической* хайдеггеровски-гадамеровской установке. Рассмотрев сравнительно небольшой гадамеровский пассаж, нам нетрудно будет обнаружить такую близость. Сделаем это, однако, чуть позже, а пока более подробно опишем позицию Мангейма.

Мангейм считает, что «возможно и даже вероятно, что социологии, так же как и психологии в прошлом, надлежит пройти стадию механистической дегуманизации и формализации ее содержания, в результате которой верность идеалу педантической точности приведет к уничтожению всего, кроме статистических данных, тестов, обследований и пр., и в конечном счете будут исключены все экзистенциально-значимые формулировки проблемы»; но, как он одновременно утверждает, это — лишь первый шаг в становлении дисциплины; «Здесь

³ В «экзистенциальной» направленности социологии Мангейма можно увидеть предвосхищение позиции Альтюссера: идеология материальна, это — не идеи как таковые, но *практически-деятельное* отношение индивида (субъекта) к воображаемым условиям своего существования [Альтюссер 2011].

⁴ А. Шюц, говоря, по сути, о той же проблеме и называя надстраиваемый второй уровень понимания теоретической «конструкцией второго уровня», пишет: «...общественные науки, как и все эмпирические науки, должны быть объективными в том смысле, что их утверждения подлежат контролируемой верификации... Научные конструкции второго уровня, построенные в соответствии с процедурными правилами, действительными для всех эмпирических наук, являются объективными, идеально-типическими конструкциями и как таковые — конструкциями другого рода по сравнению с конструкциями первого уровня — конструкциями обыденного сознания [действующих на социальной сцене людей], над которыми они должны надстраиваться. Эти теоретические системы содержат в себе общие гипотезы, которые могут быть подвержены испытанию... Эта схема использовалась обществоведами... задолго до того, как это понятие (идеального типа. — *А.Ч., В.К.*) было сформулировано Максом Вебером...». [Шюц 1994: 493–494]

достаточно сказать, — пишет он далее, — что сведение всего к измеряемому или инвентаризируемому описанию является серьезной попыткой определить то, что может быть твердо установлено; вместе с тем нам надлежит продумать, что произойдет с нашим психическим и социокультурным миром (правоммерно, наверное, сказать: с «жизненным миром»⁵. — А.Ч., В.К.), если он будет сведен к чисто внешним, измеряемым отношениям. Нет никакого сомнения, что в этом случае подлинное понимание социальной реальности будет невозможно. Возьмем в качестве примера относительно простой феномен, обозначаемый словом „социальная ситуация“. Что останется от его смысла и будет ли он вообще понятен после сведения его к внешней сопряженности различных взаимосвязанных, но лишь внешне различимых типов поведения? Совершенно очевидно, что ситуация, сложившаяся в человеческом обществе, может быть охарактеризована только в том случае, если принять во внимание представление о ней ее участников, то, как они ощущают связанное с ней напряжение и как они реагируют на это постигнутое ими определенным образом напряжение. ...*Если мы хотим понять такой конкретный феномен, как ситуация или нормативное содержание какой-либо среды, то чисто механической схемы недостаточно и необходимо ввести дополнительные концепты, позволяющие адекватно понять смысловые, неизменяемые элементы*» (курсив наш. — А.Ч., В.К.) [Мангейм 1994: 44].

Мангейм полагает также, что неверно было бы утверждать, будто «отношения между этими элементами менее ясны и не столь доступны точному восприятию, как отношения между полностью измеряемыми феноменами». Напротив, говорит он, взаимозависимость элементов, составляющих какое-либо событие, значительно более доступна нашему внутреннему пониманию, чем взаимозависимость чисто внешних формализованных элементов. «Здесь вступает в силу тот подход, который, следуя Дильтею, я хотел бы определить как осмысление „исконной жизненной связи“ методом понимания⁶. При таком подходе сразу же становится очевидным факт взаимного функционального проникновения психических переживаний и социальной ситуации. Здесь мы соприкасаемся с той сферой жизни, где возникновение внутренних психических реакций становится очевидным фактом, и объяснить их так, как

⁵ Этот термин (нем. «Lebenswelt») употребляется нами в социологическом смысле — в определении А. Шюца. Последний дает его дефиницию как синонимичного понятию «социальная реальность»: «Под термином „социальная реальность“ я понимаю всю совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракции. Это мир культурных объектов, социальных институтов, в котором все мы родились, внутри которого мы должны найти себе точку опоры и с которым мы должны наладить взаимоотношения... — не... субъективный, а... интересубъективный мир, т.е. как мир, общий для всех нас, актуально данный или потенциально доступный каждому, а это влечет за собой интеркоммуникацию и язык» [Шюц 1994: 485]. Легко заметить, что под данное определение попадает и то, что Мангейм называет «социокультурная реальность» («бытие», «действительность»).

⁶ Я пользуюсь выражением Дильтея, не касаясь того, насколько оно отличается от моего толкования этого слова. — Прим. К. Мангейма.

объясняется простая внешняя причинность, — в зависимости от степени вероятности их частой повторяемости — невозможно» (курсив наш. — А.Ч., В.К.) [Мангейм 1994: 44].

Значимость оценки и оценочных суждений

Обратимся к ряду наблюдений, разработанных в социологии посредством метода понимания, и рассмотрим их научное значение, предлагает Мангейм. «Если при изучении этики ранних христианских общин одни утверждали, что ее корни следует прежде всего искать в возмущении угнетенных слоев общества, а другие добавляли, что эта этическая направленность была совершенно лишена политической окраски, поскольку она соответствовала сознанию того общественного слоя, который еще не проявил никакого реального стремления к господству („Отдавайте кесарево кесарю“); и если затем утверждалось, что эта этика является не племенной этикой, а этикой мирового масштаба (космополитического мира Римской империи. — А.Ч., В.К.), то совершенно ясно, что подобные взаимосвязи между социальной ситуацией, с одной стороны, и „психоэтическим типом поведения“ — с другой, не поддаваясь попытке их осмысления на основе применения формального метода количественных измерений, тем не менее допускают значительно более интенсивное проникновение в их сущность, чем это может быть достигнуто посредством установления коэффициентов корреляции между различными факторами в рамках этой взаимосвязи. Более того, можно утверждать, что сами взаимосвязи стали очевидны, потому что в своем подходе к исконной взаимозависимости событий, из которых возникли нормы христианской этики, мы использовали метод понимания» [Мангейм 1994: 45].

«Таким образом, — подытоживает Мангейм (и этот итог содержит принципиально значимые для него и для нас утверждения), — основные социологические положения не являются ни механистически внешними, ни формальными и представляют собой не чисто количественные корреляции, а *определения ситуаций*, в которых мы в общем пользуемся конкретными понятиями и моделями мышления, очень близкими тем, которые созданы в повседневной жизни для практических целей. Очевидно также, что все социологические определения тесно связаны с *оценочным суждением и бессознательной ориентацией наблюдателя* и что критическое самоуяснение социологии самым тесным образом примыкает к нашей ориентации к повседневной жизни. *Наблюдатель, не проявляющий фундаментального интереса к социальным корням меняющейся этики того периода, в который он живет, неспособный понять социальные проблемы как результат напряжения между различными общественными слоями и не обнаруживший еще на собственном опыте, сколь плодотворным может быть возмущение, не в состоянии различить описанную выше стадию в развитии христианской этики, а тем более понять ее. Лишь в той степени, в какой он, вынося оценочное суждение, участвует (симпатизируя или негодуя) в борьбе низших слоев общества,*

в той степени, в какой он положительно или отрицательно оценивает самый факт возмущения, он способен осознать динамическое значение социального напряжения и возмущения. „Низший класс“, „социальный подъем“, „возмущение“ — не формальные, а ориентирующие по своему значению понятия. При попытке формализовать их и устранить из них содержащиеся в них оценки модель мышления, характерная для данной ситуации, в которой новая, плодотворная норма создается именно возмущением, становится совершенно непонятной» (курсив наш. — А.Ч., В.К.) [Мангейм 1994: 45]. Чем глубже анализируется слово «возмущение», продолжает Мангейм, тем очевиднее становится, что «это на первый взгляд как будто лишенное оценки, чисто описательное для определенной установки понятие переполнено оценками. И если устранить эти оценки, понятие теряет свою конкретность. Далее, если исследователь не стремится к реконструированию чувства возмущения (т. е. игнорирует необходимость учета социальных причин возникновения этого чувства, а тем самым — пренебрегает задачей усвоения ценностно-нормативной специфики социокультурной „среды обитания“ того, кто испытывает возмущение. — А.Ч., В.К.), его пониманию будет совершенно недоступно то напряжение, которое пронизывает описанную выше ситуацию в раннем христианстве. Таким образом, и здесь ориентированная на определенную цель воля является отправным пунктом для понимания ситуации» (курсив наш. — А.Ч., В.К.) [Мангейм 1994: 46].

«Ситуационно обусловленное мышление» и герменевтика

Итак, по мысли Мангейма, социальные дисциплины должны действовать герменевтически, т. е. обязаны учитывать специфику «ценностно-нормативной среды» происходящего события или совершаемых действий. Этот подход означает как отказ от одних только дескриптивных, не содержащих оценок, нейтрально-регистрирующих приемов установления коррелятивных (и причинно-следственных) связей общественных явлений эмпирической наукой позитивистского толка, так и отвержение спекулятивно-телеологических схем их осмысления философией истории. Иными словами, «объективность» социальных наук может быть обеспечена, согласно Мангейму, только через проникновение в ситуацию «жизненных миров» человеческих отношений, взятых в определенном временном срезе и определяемых двумя диффузно-сопряженными факторами: социокультурной спецификой исторического времени, с одной стороны, и экзистенциально-переживаемым, эмоционально-волевым, деятельно-заинтересованным участием насельников этих миров в жизни последних.

Однако, несмотря на выявленную значимость установки на экзистенциальное понимание политического знания, само по себе такое признание еще не снимает для Мангейма полностью проблему достижения «объективности» последнего. Дело в том, что в рамках обозначенного подхода, как мы видели, и сам теоретик — лицо, заинтересованное по тем или иным

основаниям: он участник — пусть даже и пассивный — политического процесса, погруженный так или иначе в обстоятельства своего жизненного мира, разделяющий, следовательно, те или иные групповые интересы и установки. (Более того, согласно Мангейму, вне такой погруженности вообще нет возможности проникновения в «реальность».) Но пока (в данной точке рассуждения) это существенное условие может показаться одновременно неодолимым препятствием на пути достижения объективности социального знания: оно предполагает неизбежное наличие той или иной степени политической избирательности и предвзятости в понимании «ситуации», что вроде бы ставит под вопрос и саму возможность достижения последним объективности как таковой в принципе. И все же, для Мангейма, наличие данного противоречия отнюдь не означает безвыходности ситуации. Наоборот, данное противоречие у него — источник дальнейшего движения по направлению к более высокому уровню развития, к синтезу противоречащих друг другу сторон — субъективного и объективного аспектов понимания. Да и у самого Гадамера понятие «герменевтического круга» (именно в гадамеровской интерпретации ставшее, по-видимому, для Мангейма одним из источников его метода социологии знания) не характеризуется в качестве «порочного круга».

Обратимся поэтому к Гадамеру, который пишет: «...Мы сталкиваемся с хорошо известной проблемой, которая была проанализирована Хайдеггером как проблема герменевтического круга. Субъективное сознание поразительно наивно, когда оно, думая, что им понят некоторый текст, восклицает: „Но вот тут же написано!“ Хайдеггер показал, что, хотя это „вот тут же“ представляет собой совершенно естественную реакцию (причем реакция эта довольно часто бывает весьма самокритичной), на самом деле не существует ничего просто „вот тут“, поскольку все, что высказывается и что записывается в тексте, определено той или иной *антиципацией*. В позитивном плане это означает следующее: *понять нечто можно лишь благодаря заранее имеющимся относительно него предположениям, а не когда оно предстает нам как что-то абсолютно загадочное. То обстоятельство, что антиципации могут оказаться источником ошибок в толковании и что предрассудки, способствующие пониманию, могут вести и к непониманию, лишь указание на конечность такого существа, как человек, и проявление этой его конечности* (курсив наш. — А.Ч., В.К.). Неизбежное движение по кругу именно в том и состоит, что за попыткой прочесть и намерением понять нечто „вот тут“ написанное „стоят“ собственные наши глаза (и собственные наши мысли), коими мы это „вот“ видим. Между тем мне представляется, что эту мысль нужно еще более заострить, что я и сделал, придя в ходе собственных исследований к следующему тезису: постулат, согласно которому подразумеваемое автором надлежит понимать в „его собственном смысле“, совершенно справедлив. Но „в его собственном смысле“ не означает „то, что этот автор имел в виду“. Значение этого постулата радикально иное: понимание может выходить за пределы

субъективного замысла автора, более того, оно всегда и неизбежно выходит за эти рамки. Герменевтика... это создала, да и каждый из вас сам приходит к такому сознанию, стоит лишь поставить перед мысленным взором некоторую знакомую нам модель понимания (скажем, понимание исторических фактов, или, что-то же самое, понимание исторических событий). Никто не станет утверждать, что историческое значение действия или события измеряется субъективным сознанием вовлеченных в него лиц. Чтобы понять историческое значение некоторого действия, нельзя ставить его в зависимость от субъективных планов, идей и замыслов его агентов. Это очевидно. По меньшей мере, со времен Гегеля ясно: история так устроена, что прокладывает себе путь вовне, за пределы знания единичных субъектов о самих себе... „Подразумеваемое“... не является элементом субъективного внутреннего мира...» [Гадамер 1991: 18–19].

Таким образом, *антиципация*, согласно хайдеггеровски-гадамеровской онтологической интерпретации «герменевтического круга», не может быть односторонне-субъективной или исключительно-объективной. Поскольку она — отражение структуры «жизненного мира» и потому «экзистенциально связана», постольку — одновременно и индивидуальна, и социальна, и субъективна (имеет эмоционально-ценностную окраску) и транссубъективна (сама ценностная шкала определена конкретной, социокультурной традицией)⁷. Постигание этого происходит, по Мангейму, диалектически, «от противного» — при прохождении крайней точки «когнитивно-экзистенциального кризиса сознания, проходящего через горнило испытания *скептицизмом* и *релятивизмом*, но упорствующего в стремлении к объективности знания (по завету научной рациональности нового времени), шире — ко всеобщности и необходимости истины (завещанными всей европейской традицией со времен Античности) — становится возможным *самоуяснение социологии* как своего рода интеллектуальный „катарсис“. Мангейм говорит: «Есть некая точка, где движение самой жизни, особенно в период ее величайшего кризиса, поднимается над самим собой и сознает свои границы; и тогда совокупность политических проблем идеологии и утопии становится предметом социологии знания, а скептицизм и релятивизм, возникающие из взаимного уничтожения и обесценения различных политических целей, становятся средством спасения. Ибо этот скептицизм и релятивизм принуждают к самокритике и самоконтролю и ведут к новой концепции объективности». В свою очередь, опыт прохождения этой точки «слома» субъективистски-партикулярной замкнутости — при условии его закрепления и использования в целях купирования действия «превращенных форм» существования — становится основой политики преодоления кризисного состояния общественной жизни, средством рационального (научного) контроля над

⁷ Здесь — предугадывание смысла (текста), согласно Гадамеру. Антиципация, направляющая наше понимание текста, не является субъективным актом, но определяет себя из общности, связывающей нас с преданием [Гадамер 1991: 22].

источником кризиса, коллективным бессознательным и управляемого демонтажа канала его спонтанно-разрушительного вторжения в социально-политическую жизнь — идеологии.

Заключение

Мы, вслед за Мангеймом, говорили о социологии, но понятно, что методология, о которой идет речь, рассматривалась последним как универсально-применимая во всем комплексе гуманитарных дисциплин, в частности в дисциплинах из области истории идей. Ее применимость обеспечивает возможность снятия противоречий между требованиями к гуманитарной науке, о которых писал Вебер (отсылка последнего к одному только идеально-типическому содержанию понятий в этой области необходима, но недостаточна. А именно противоречия могут быть окончательно сняты по следующим итоговым соображениям.

Во-первых, опыт разработки (и применения) метода «социологии знания» Мангеймом позволяет говорить, о том, что номологический аспект следует отнести в область поиска ответа на вопрос о социальной обусловленности знания (Вебер не касался этого вопроса специально, хотя его работы, что очевидно, реализуют на деле данный пункт). Поиск закономерной связи между характером учений и исторических условий, «определивших» специфику постановки проблем и логику их решения, является необходимым элементом такого рода исследований, если мы хотим выйти за пределы простой «историографии»: пребывание лишь в сфере описательного изучения идей не даст нам понимания закономерностей их возникновения, существования и развития, а позволит отследить только поверхностно-филиативный срез их движения.

Во-вторых, из предыдущего положения уже явствует, как принцип индивидуации подхода неизбежно вытекает из пункта необходимости *нелинейного* (без вульгарно-редукционистского социологизма) поиска закономерностей в области истории знания. Задача *понимания* специфической логики отдельных учений и общей парадигматики их кластеров, относящихся к тем или иным временным периодам, определения «стиля мышления» определенной эпохи может быть полновесно решена только на основе уяснения *закономерной* «заданности» подобных вещей социокультурными обстоятельствами своего времени. А вот эти последние — если теперь говорить о задаче *их понимания* — полноценно могут быть рассмотрены только на основе «социоэкзистенциального» подхода, общие параметры которого определил Мангейм.

В-третьих, для дальнейшей адаптации задачи понимания к требованиям учета характеристик «экзистенциальной составляющей» в истории мысли, на наш взгляд, необходимо привлечение историко-понятийного анализа Р. Козеллека: такой подход наилучшим образом раскрывает идейную «традицию», которая будет рассматриваться как конкретный процесс накопления и кумуляции

семантических слоев понятиями социально-политического языка⁸; это, однако, должно быть предметом отдельного рассмотрения

В-четвертых, второй и третий пункты веберовских «требований», согласно весьма основательной, как кажется, аргументации А. Шюца нельзя противопоставлять друг другу в качестве взаимоисключающих, так как «объяснение» нельзя отрывать от «понимания»⁹. В нашем случае понимание может становиться условием возможности более точного объяснения, а уточняемое объяснение — условием возможности углубленного понимания.

В-пятых, последнее, оценочное требование станет также выполнимым с большей степенью надежности, если будет учтена возможность достижения исследователем той или иной степени «самоуяснения» (позиции своей собственной включенности в ситуацию) — выхода им на уровень критической рефлексии над ограниченностью предзаданных, принадлежащих его собственному «жизненному миру» ценностей и интересов. Как мы видели, Мангейм внятно и обоснованно определяет, что «объективно» исследовать социальное знание можно в полной мере не тогда, когда мы имеем дело с материей «чистой мысли», но только тогда, когда исследующий сам погружен в реальность, связан с нею — и попадает поэтому в ситуацию когнитивного кризиса; именно последний может побудить его совершить рывок и возвыситься над

⁸ Козеллек утверждает в этой связи: «История способна понимать постоянно изменяющееся и новое лишь тогда, когда она знает *традицию* (курсив мой. — А.Ч., В.К.), в которой скрыты долговременные структуры. Их выявление и изучение позволяет превратить исторический опыт в историческую науку» [Козеллек 2016: 168]. Именно понятия, по мнению Козеллека, аккумулируют, накапливают и передают социально-политический опыт, а накапливаемые ими смысловые слои за время исторического транзита понятий отражают миропонимание различных эпох [Koselleck 2006: 67]. Причем понятие «является не только индикатором охватываемых им [социальных] взаимосвязей, но также и их фактором. Каждое понятие устанавливает определенные горизонты, но также и границы возможного опыта и мыслимой теории» [Koselleck 1995: 120].

⁹ Шюц поясняет как возможно сочетать герменевтическое понимание с научным объяснением. Он пишет: Обществовед «наблюдает определенные факты и события социальной реальности... и конструирует типические модели... образа действий... Вслед за этим он упорядочивает эти типические модели... некоего идеального действующего лица (или действующих лиц), которые, как он себе представляет, наделены сознанием. Однако это сознание ограничено таким образом, что не содержит в себе ничего, кроме элементов, относящихся к представлению моделей наблюдаемого образа действий»; и «он приписывает этому воображаемому сознанию ряд типичных идей, намерений, целей, которые принимаются инвариантными в... воображаемой модели поведения... Однако эти конструкции... не являются произвольными. Они требуют логической последовательности и адекватности. Последнее означает, что каждое понятие в подобной научной модели человеческого действия должно быть сконструировано таким образом, что человеческое действие, осуществленное в реальном мире индивидуальным действующим лицом и обозначенное типической конструкцией, было бы понятно как самому действующему лицу, так и другому человеку в терминах обыденного сознания... Выполнение требования логической последовательности гарантирует объективную действительность идеальных объектов, сконструированных обществоведом, выполнение требования адекватности гарантирует их совместимость с конструкциями повседневной жизни... Таким образом, возможно... обнаружить определенные „детерминированные отношения между рядом переменных, в терминах которых... эмпирически установленные регулярности могут быть объяснены“» [Шюц 1994: 495].

собственной «монадностью», прорубив «окна» в иные миры. Для исследователя в области истории политических учений отработка по данному направлению означает обязанность периодически — с изменением ситуации и в зависимости от темпа перемен — переосмысливать материал этой дисциплины, снова возвращаясь к вроде бы знакомым текстам. В частности, «объективное» (а не директивно-идеологическое) исследование истории политических учений в отечественной теории стало действительно необходимым и возможным в постсоветский период не только, потому что были сняты идеологические «шоры» (это опять-таки только «условие возможности»), но и потому, что возникла когнитивная потребность раскрытия еще одного смыслового слоя этих текстов, «вновь образующегося» во вновь возникших условиях, — их новой значимости и идейно-исторической связности.

Поступила в редакцию / Received: 25.09.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2024

Библиографический список

- Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // *Неприкосновенный запас*. 2011, № 3 (77). С. 150–175.
- Вебер М.* «Объективность» социально-научного и политического познания // Вебер М. Избранные произведения. Москва : Прогресс, 1990. С. 345–415.
- Гадамер Г.-Г.* Философия и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. Москва : Искусство, 1991. С. 9–15.
- Козеллек Р.* «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // *Sociology of Power* Vol. 28, no. 2 (2016). С. 149–173.
- Лавджой А.* Великая цепь бытия: история идеи. Москва : Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
- Мангейм К.* Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. Москва : Юрист, 1994. С. 7–276.
- Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: тексты. Москва : Изд-во МГУ, 1994. С. 481–496.
- Hughenoltz W.R.* The Concept of Advanced Study in the Humanities // *Философский век*. Альманах. Вып. 17. История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2001. С. 89–97.
- Koselleck R.* Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2006. 569 S.
- Koselleck R.* Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte // *Koselleck R. Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. 3. Aufl. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1995. S. 107–129.

References

- Althusser, L. (2011). Ideology and ideological apparatuses of the state (notes for research). *Neprikosnovennyj zapas*, 3(77), 150–175. (In Russian).
- Gadamer, G.-G. (1991). Philosophy and hermeneutics. In *The relevance of pre-red* (pp. 9–15). Moscow: Iskusstvo publ. (In Russian).

- Mannheim, K. (1994). Ideology and utopia. In Mannheim, K. *Diagnosis of our time* (pp. 7–276). Moscow: Yurist publ. (In Russian).
- Schütz, A. (1994). Formation of the concept and theory in the social sciences. In *American Sociological Thought: Texts* (pp. 481–496). Moscow: MSU Publishing House. (In Russian).
- Weber, M. (1990). “Objectivity” of socio-scientific and political cognition. In Weber, M. *Selected works* (pp. 345–415). Moscow: Progress publ. (In Russian).
- Kozellek, R. (2016). “Space of experience” and “Horizon of expectations” — two historical categories. *Sociology of Power*, 28(2), 149–173. (In Russian).
- Lovejoy, A. (2001). *The great chain of being: The history of an idea*. Moscow: Dom intellektual'noj knigi publ. (In Russian).
- Hughenoltz, W.R. (2001). The concept of advanced study in the humanities. In *The Philosophic century. The Almanac. Issue 17. The history of ideas as a methodology of humanitarian research. Part 1* (pp. 89–97). Saint Petersburg: The St Petersburg Center for the history of ideas (In Russian).
- Koselleck, R. (1995). Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. 3. Aufl. (ss. 107–129) Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Koselleck, R. (2006). Begriffsgeschichten. *Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache*. Frankfurt a. Main: Suhrkamp.

Сведения об авторах:

Чанышев Александр Арсеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры политической теории МГИМО МИД России (e-mail: chanishev@bk.ru) (ORCID: 0000-0001-9117-6279)

Кузнецова Василиса Андреевна — студентка магистратуры факультета управления и политики МГИМО МИД России (e-mail: vasilisa13kuz@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-0557-1908)

About authors:

Alexander A. Chanyshv — PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Political Theory, MGIMO University (e-mail: chanishev@bk.ru) (ORCID: 0000-0001-9117-6279)

Vasilisa A. Kuznetsova — graduate student of the School of Governance and Politics, MGIMO University (e-mail: vasilisa13kuz@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-0557-1908)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-700-708
EDN: YFCCZK

Научная статья / Research article

У истоков азиатизма: маньчжурская утопия Сугиямы Сигемары

Д.Ю. Кургинова , Кенсо Ямамото

Университет префектуры Симанэ, *Мацуэ, Япония*

✉ kukurg@rambler.ru

Аннотация. Сугияма Сигемара (1864–1935) — один из идеологов внутренней и внешней политики периодов Мэйдзи, Тайсё и раннего Сёва. Известно, что он был одним из ближайших соратников азиатиста Тоямы Мицуру (1855–1944), возглавлявшего праворадикальное политическое общество Гэнъёса и считавшегося одним из наиболее влиятельных людей Японии конца XIX — начала XX в. Как и за Тоямой, за Сугиямой закрепилось звание «куромаку», никогда не занимавшего политических должностей «серого кардинала» и участника «закулисных игр». Вместе с тем Сугияма являлся и политическим мыслителем, оставившим после себя творческое наследие и имевшим собственный взгляд на будущее развитие Японии. Одной из тем его творчества, несомненно, стал «русский вопрос». Цель исследования — проанализировать наследие Сугиямы и сформулировать предложенный им вариант развития русско-японских отношений. Объект — социально-политическая доктрина Сугиямы. Предмет — проект Сибирской Республики, изложенный философom в работе «Политика гражданской войны». В качестве методов были использованы историко-политологический и политико-текстологический анализ. Исследование содержит научную новизну, так как раскрывает малоизученные аспекты и особенности японской политической мысли конца XIX — начала XX в.; вводит в научный оборот тексты, ранее не переведенные на русский язык.

Ключевые слова: международные отношения, национализм, Сугияма Сигемара, теория политики, история социально-политических учений

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00182. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00182/> (МГУ им. М.В. Ломоносова).

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кургинова Д.Ю., Ямамото К. У истоков азиатизма: маньчжурская утопия Сугиямы Сигемары // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 700–708. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-700-708>

© Кургинова Д.Ю., Ямамото К., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

At the Origins of Asiaticism: Sugiyama Shigemara's Manchurian Utopia

Daria Yu. Kurginova , Kenso Yamamoto

Shimane University, *Matsue, Japan*

✉ kukurg@rambler.ru

Abstract. Sugiyama Shigemara (1864–1935) was known as one of the ideologues of domestic and foreign policy in the Meiji, Taisho and early Shōwa periods. It is known that he was one of the closest associates of the Asianist Toyama Mitsuru (1855–1944), who headed the right-wing radical political society Genyosha and was considered one of the most influential people in Japan in the late 19th and early 20th centuries. Like Toyama, Sugiyama was known as a “kuromaku” who never held political office as a “grey cardinal” or participant in “backstage games”. At the same time, Sugiyama was a political thinker who left behind a legacy of creativity and his own vision of Japan’s future development. One of the themes of his work was undoubtedly the “Russian question”. The aim of the study is to analyse Sugiyama’s legacy and to formulate his proposed version of the development of Russian-Japanese relations. Object is the socio-political doctrine of Sugiyama. Subject is the project of the Siberian Republic, outlined by the philosopher in the work “The Politics of Civil War”. As methods were used historical-politological and political-textological analysis. The research contains scientific novelty, as it reveals little-studied aspects and peculiarities of Japanese political thought of the end of XIX — beginning of XX century; it introduces into scientific turnover the texts, which have not been translated into Russian before.

Keywords: international relations, nationalism, Sugiyama Shigemaru, political theory, history of socio-political doctrines

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation No. 23-28-00182. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00182> / (Lomonosov Moscow State University).

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Kurginova, D.Yu., Yamamoto, K. (2024). At the origins of Asiaticism: Sugiyama Shigemara’s Manchurian utopia. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 700–708. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-700-708>

Введение

Одним из доминирующих течений социально-политической мысли дальнего Востока конца XIX — начала XX в. по праву можно назвать азиатизм или паназиатизм. Под ним, на наш взгляд, следует понимать совокупность идей и концепций по объединению Азии, ее интеграции, а также совместному противостоянию западной колонизации.

Однако, как верно заметил исследователь Макото Накадзима [Nakajima 2001], до сих пор неясно, является ли азиатизм идеологией, идеалом, политикой или вообще утопией? Так, излишний фокус японского азиатизма на территориях Северо-Восточного Китая показывает, что «маньчжурский вопрос» носил характер, отличный от простого экспансионизма.

Накадзима, затрагивая данную тему, пишет следующее: «Это последняя утопия для японцев, уставших от жизни в тесной Японии, последняя утопия, где они могут почерпнуть силы, чтобы осуществить свои мечты. Многие жители Японии всерьез мечтали о том, что на земле Маньчжурии, отделившейся от Китайской республики, возникнет новый мир, обещающий Японии будущее, и эта мечта, более чем наполовину, стала реальностью. А потом рухнула. Мечта была разбита. Япония проиграла войну» [Накадзима 2001: 11]. В связи с этим неудивительно, что Российская империя конца XIX в. и Советский Союз [Кургинова 2024] вызывали в Японии волну агрессии [Болдин и др. 2023] и даже русофобии [Gutorov, Shirinyants, Shutov 2018].

Период увлечения «маньчжурской утопией» обозначился в японской политической истории волной новых негосударственных акторов, не имевших никаких официальных должностей, но оказывавших колоссальное влияние на формирование внутри- и внешнеполитического вектора страны.

Ими были представители движения «континентальных ронинов» — японцев, странствовавших или проживавших на территориях материкового Китая, Маньчжурии, Сибири и Корейского полуострова, а также разделявшие идеи национализма и внешней экспансии [Ямамото, Кургинова 2024]. В большинстве случаев они занимались шпионажем, а в период Русско-японской войны многие из них стали военными переводчиками. Статус континентального ронина во многом свидетельствовал о патриотизме и самоотверженном служении своей стране, без ожидания в ответ какого-либо поощрения.

Роль «куромаку» в идеологии азиатизма

Весомую роль в японской политике стали играть «куромаку»¹. Первоначально данный термин использовался в театре кабуки для обозначения человека, который, в отличие от ведущего, находится за сценой и управляет процессом. Впоследствии слово «куромаку» стали использовать в смысле, схожем с европейским «серым кардиналом». Однако в довоенной Японии термин также начал использоваться для описания лидеров правых групп, соединявших преступный мир якудза и политических радикалов, с остальным обществом, существовавшим в сфере легальных взаимоотношений, политическими и деловыми кругами.

«Куромак» и «континентальные ронины» имели тесную связь друг с другом, так как первые выступали вдохновителями вторых на свершения во благо родины. Идеиной платформой, объединявшей их, во многом стал азиатизм (или паназиатизм), который получил особенное развитие в Японии, насильно открытой Западом в 1853 г. после политики «сакоку» (самоизоляция). Именно тогда перед Страной восходящего солнца остро встал вопрос дальнейшего

¹ Куромаку — понятие, обозначающее влиятельную политическую фигуру, незаметно манипулирующую событиями из-за кулис. Аналогично русскому выражению «серый кардинал». См: [Каплан, Дубро 2000].

развития, а азиатизм стал одним из ответов, который поддержала значительная часть японцев. Однако данное течение достаточно быстро раскололось, перестав быть однородным. Азиатизм состоял из множества мнений мыслителей-лидеров, зачастую по-разному видевших Азию и ее будущее: были сторонники расовой теории (Коноэ Ацумаро, Танака Морихей, Кита Икки), азиатского монроизма (Канкичи Кодера), этического империализма (Кадзутани Укита), революционной теории (Миядзаки Тотен) и др. [Ямамото, Кургинова 2024].

Так, одним из наиболее известных японских «куромаку» в отечественной исторической науке является азиатист Тояма Мицуру. Он возглавлял ультра-правое патриотическое общество Гэнъёся, курировавшее и финансировавшее деятельность «континентальных ронинов». Кроме того, Тояме приписываются контакты с якудза, а также соучастие в ряде преступлений против иностранцев и видных политиков-прогрессистов [Каплан, Дубро 2000]. Помимо этого, он вошел в историю как основоположник концепции «имперского азиатизма» и мыслитель, продолжавший линию размышлений военачальника Сайго Такамори.

Вместе с тем Тояма был не единственным «куромаку» в Японии конца XIX — начала XX в. Не менее влиятельным политическим актором данного периода был его соратник, член Гэнъёся и бизнесмен Сугияма Сигемара (1864–1935). Он не только входил в число видных «куромаку» довоенной Японии, но и, в отличие от Тоямы, оставил значительное философское наследие. К числу его работ относятся «Мир Кичи-ан» (1 часть в 1911, 2 часть в 1914), «Биография Кодама Гентаро» (1918), «Биография Кацура Таро» (1919), «Биография Акаси Мотодзиро» (1921) «Биография маршала Ямагата» (1925), «Любительский комментарий к Дзёрури» (1926), «Политика гражданской войны» (1929) и др.

Азиатизм и «русский вопрос»

Одной из тем, отразившихся в творчестве Сугиямы, так же как и у многих у его современников, стал «русский вопрос». В работе «Политика гражданской войны» (1929) он расширяет границы «маньчжурской утопии», предлагая по схожему сценарию осуществить проект Сибирской республики. Следует отметить, что политическая деятельность Сугиямы была неразрывно связана с реализацией идеи паназиатизма. Именно он путем «закулисных игр» руками губернатора Ясукадзу Ясубы сделал из города Фукуока «столицу китайско-японской войны», заложил основы управления «колонией» Японской империи — Тайванем, а также составлял планы управления Маньчжурией по итогам Русско-японской войны². Поэтому неудивительно, что, когда в России началась Гражданская война, Сугияма предложил собственное решение по выстраиванию и русско-японских отношений в том числе. Данной теме он посвятил главу работы «Политика гражданской войны» под названием «Сибирский вопрос», который, по его мнению, является национальным приоритетом.

² См.: [Итимата 1975].

Подобно многим своим современникам Сугияма делится с читателями тревожными мыслями о том, что Россия способна «сокрушить Японию»³. Конечно, данное суждение не является оригинальным: опасность для стран Азии в России видели многие паназиатисты. Однако Сугияма, вопреки распространенному мнению, опасается не единой и целой России, а «создания нового российского государства в Сибири»: «Если бы в России был настоящий стратег, то для того, чтобы сокрушить Японию, он бы совершил следующие действия: захватил весь Китай, самостоятельно создал бы новое российское государство в Сибири, отдельное от Европейской России и, прежде всего, спустил бы во Владивостоке военный корабль в 500 000 тонн и, разместив 15 дивизий армии в Приморском крае Иркутской области, превратил внутреннюю территорию в величайшую сокровищницу во всем мире»⁴.

При этом, важно подчеркнуть: проблема для Японии с точки зрения Сугиямы — самостоятельное разделение России, инициированное российским правительством. Национальным интересам Японии же соответствует ее хаотичный и неподконтрольный властям распад. Также он дальновидно замечает, что из-за революции Сибирь «заброшена» русскими, что открывает для японцев возможность протянуть руку помощи сибирскому народу: «К счастью, русские покинули Сибирь, будучи отравлены „наукой“ Европейской метрополии, поэтому Япония теперь должна установить неразрывные и постоянные отношения с Сибирью»⁵.

Подобно своим единомышленникам из общества Гэнъёся Сугияма поддерживает идею мессианской роли японской нации в «спасении» России. Так, Утида Рёхэй писал в работе «Гибель России» следующее: «Нам жаль русских. Они так близки к европейским народам и так заброшены. Положительно нет у европейцев ни сострадания, ни сердца. Нельзя нам следовать их примеру, а нужно помочь страдальцам»⁶. С другой стороны, Сугияма, в отличие от главы Гэнъёся Тоямы Мицуру, не распространяет мессианскую роль Японии на весь мир⁷, как бы очерчивая Сибирью западные границы своего паназиатского проекта. Вместе с тем, несмотря на лейтмотив «помощи» сибирскому народу, Сугияма внезапно жестко заявляет приоритетность интересов Японии: «Даже если счастье сибирского народа

³ Таинственные люди Гэнъёся — Тояма Мицуру и его соратники / Тояма Мицуру, Матоно Хансукэ, Сугияма Сигэмару, Утида Рёхэй, Юмено Кюсаку. Соси Синсуи, 2013. С. 115. [『玄洋社怪人伝 — 頭山満とその一派 / 頭山満、的野半介、杉山茂丸、内田良平、夢野久作』書肆心水、2013年。115頁].

⁴ Там же.

⁵ С. 116.

⁶ Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества». Токио, 17 (30) июня 1901 г., Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 288

⁷ Сага Такаши. Полная история азиатизма. Тикума Сёбо: 2020. С. 38. [嵯峨 隆『アジア主義全史』筑摩書房、2020年。138頁]

будет на втором месте, на первом — будет выживание Японии. Именно для этого нужна поддержка Сибири»⁸.

Таким образом, можно легко заметить экспансионистские настроения Сугиямы, идеолога японского колониализма. Осознавая, что Советскому Союзу на мировой арене никто не сочувствует, он предлагает проект сибирской колонии: «Большая удача, что советское правительство России сейчас (во время революции. — Д.К.) вызывает ненависть всего мира, потому что оно так злобно пропагандирует экстремизм»⁹.

Далее Сугияма переходит к описанию богатых природных ресурсов Сибири как основного фактора, исходя из которого будет приниматься решение о помощи сибирскому народу. В первую очередь, он акцентирует внимание читателя на запасах угля и золота. Однако больше всего его восхищают данные «секретной карты исследований российского правительства». Помимо «неисчерпаемых» запасов древесины и колоссальных объемов рыболовства, Сугияма также замечает возможность выращивать в Сибири жизненно важный для растущего населения Японии рис: «На бесчисленных реках Приморского края, и особенно на прибрежных участках озера Синкай, уже опробована культура риса методом посева. Это почти равно количеству риса, производимого в Японии, и, следовательно, является идеальным местом для выращивания и производства продуктов питания для населения, которое сегодня увеличивается на миллион человек в год»¹⁰.

Интересной деталью, в свою очередь, является упоминание племянника Сугиямы по имени Ёсихико Такабатаке, который в 1922 г. был отправлен дядей на Камчатку для сбора сведений. Его задачей было «перезимовать» на Крайнем Севере и вернуться в Токио, чтобы вынести суждения климатических условиях данного региона. В результате японцы отметили, что климат смягчается и вполне пригоден для ведения бизнеса: «Период работы в сельском хозяйстве, горнодобывающей промышленности и лесном хозяйстве составляет около пяти месяцев, а переход через Северное ледовитое море — четыре месяца. По мнению переходивших, очень эффективно полгода работать в холодной стране, а затем полгода отдыхать в теплой»¹¹.

Итогом размышлений Сугиямы стала программа по взаимодействию с «желанной Сибирью», состоящая из трех основных положений. Во-первых, он призывает японцев не повторять ошибки, допущенные при управлении Тайванем, а именно избавиться от территориальных претензий¹². Во-вторых, помочь сибирскому народу построить собственное государство и взять над ним протекторат: «...способствовать благосостоянию народа нового русского государства и заключить договор о защите

⁸ Таинственные люди Гэньеса — Тояма Мицуру и его соратники / Тояма Мицуру, Матоно Хансукэ, Сугияма Сигэмару, Утида Рёхэй, Юмено Кюсаку. Соси Синсуи: 2013. С. 116 [『玄洋社怪人伝 — 頭山満とその一派 / 頭山満、的野半介、杉山茂丸、内田良平、夢野久作』書肆心水、2013年。116頁].

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 117.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

с новым правительством»¹³. «Пока новое российское государство не станет независимым, наша страна должна обеспечить ему постоянную защиту, как мы это сделали в отношении Кореи»¹⁴. В-третьих, не ждать одобрения и участия Лиги Наций в отношении помощи Сибири. Лига Наций, по мнению Сугиямы, не выгодна никому в Великобритании, активно пользующейся ее положениями: «Лига Наций — это очень удобная конвенция только для Соединенного Королевства. Однако почему Япония должна беспокоиться о том, чтобы Лига Наций, а точнее Британия, защищала Сибирь, имеющую особое значение для выживания Японии?»¹⁵.

Заключение

Таким образом, работа Сугиямы «Политика гражданской войны» (1929) является уникальным источником, позволяющим проследить идейные основы японской колониальной политики: во-первых, ярко выделенный мессианский характер, что свойственно и для иных авторов, принадлежавших к обществу Гэнъёся; во-вторых, моральное обоснование колониализма целями «выживания» растущей нации; в-третьих, мотив объединения Азии для оказания сопротивления колониализму Запада, договоренности с которым не несут никакой выгоды для Японии и могут нарушаться. Вместе с тем Сугияма настаивает на продолжении политики, начатой Японией после принятия Конституции Мэйдзи в 1889 г., а значит, не является сторонником «закрытия» страны.

Примечательно, что в современной Японии оценка наследия Сугиямы, так же как и остальных членов Гэнъёся, остается неоднозначной, что свидетельствует о еще не завершившейся рефлексии над философским наследием японского национализма конца XIX — начала XX в. Для одних Сугияма — герой, патриот и «воин востока», для других — человек, заложивший материальную и идейную базу для японского колониализма.

Поступила в редакцию / Received: 12.09.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2024

Библиографический список

- Авилов Р.С. «Какой вздор!»: военный министр А.Н. Куропаткин о трудах японских националистов // *Новейшая история России*. 2020. Т. 10, №4. С. 875–887. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.404>.
- Болдин В.А., Кургинова Д.Ю., Шириняц А.А. «Нам жаль русских, ...нужно помочь страдальцам» // *RussianStudiesHu*. 2023. Т. 5, №2. С. 121–136. <http://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2023.5.17>.

¹³ Таинственные люди Гэнъёся — Тояма Мицуру и его соратники / Тояма Мицуру, Матоно Хансукэ, Сугияма Сигэмару, Утида Рёхэй, Юмено Кюсаку. Соси Синсуи: 2013. С. 118 [『玄洋社怪人伝 — 頭山満とその一派 / 頭山満、 的野半介、 杉山茂丸、 内田良平、 夢野久作』書肆心水、2013年。118頁].

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

- Итимата Масао. Сугияма Сигемару: истоки континентальной политики Мэйдзи / под ред. Ацусиро Охата. Хара Сёбо, 1975. [一又正雄『杉山茂丸 明治大陸政策の源流』原書房、1975年。大畑篤四郎編].
- Каплан Д., Дубро А. Якудза. Очерки японского криминального подполья // *Афро-азиатский мир в XX в.: Власть и насилие*. 2000. № 1. С. 7–28.
- Кургинова Д.Ю. К вопросу о том, что такое русофобия // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2024а. № 1 (78). С. 104–110 http://doi.org/10.54398/1818510X_2024_1_104.
- Кургинова Д.Ю. «Красная Россия глазами японца»: путевые заметки Накахиры Акиры // Суверенитет–безопасность–интеграция как константы устойчивого государственного развития: международный опыт и национальные реалии. К 30-летию Института Президентства Республики Беларусь. Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы X междунар. науч.-практ. конф. ГрГУ им. Янки Купалы / под ред. В.Н. Ватыль. Гродно : ГрГУ, 2024б. С. 293–296.
- Кургинова Д.Ю. Россиеведение в Японии: от русофобии к научной дисциплине // *Традиции и инновации в методике преподавания гуманитарных дисциплин : сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции*. Арзамас : Арзамасский филиал ННГУ, 2023. С. 267–272.
- Ямамото К., Кургинова Д.Ю. «Совершенный в древнем бусидо»: идеолог континентальных ронинов Тояма Мицуру // *Диалог со временем*. 2024. № 88 (88). С. 213–224. <http://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.88.88.015>.
- Ashizu Uzuhiko. Greater Asianism and Mitsuru Toyama. Nihon Kyobunsha, 1984 [葦津 珍彦 『大アジア主義と頭山満』日本教文社、1984年].
- Gutorov V.A., Shirinyants A.A., Shutov A.Yu. Two civilizations: the relations of Russia and Western Europe at the beginning of the 21st century // *Baltic Region*. 2018. Vol. 10, no. 4. P. 132–141. <http://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-9>.
- Gutorov V.A., Myrikova A.V., Shirinyants A.A. Russophobia concept in modern political discourse // *Political Expertise : POLITEX*, 2023. Vol. 19, no. 2. P. 166–177. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.202>
- Ichimata Masao. Sugiyama Shigemaru: The Origins of the Meiji Continental Policy / ed. by Atsushiro Ohata. Hara Shobo: 1975 [一又正雄『杉山茂丸 明治大陸政策の源流』原書房、1975年。大畑篤四郎編].
- Ishitaki Toyomi. Genyosha Excavation: Another Freedom and Civil Rights. Nishinippon Shimbun, 1997 [石瀧 豊美『玄洋社発掘 もう一つの自由民権』西日本新聞社、1997年].
- Nakajima Makoto. The Glimmer of Asiaticism. Gendai Shokan, 2001 [中島誠著 『アジア主義の光芒』現代書館、2001年].
- Naoko Shimazu. Japan, Race and Equality. The Racial Equality Proposal of 1919. New York : Routledge, 1998.
- Saga Takashi. Complete History of Asianism. Chikuma Shobo, 2020 [嵯峨 隆『アジア主義全史』筑摩書房、2020年].
- Saga Takashi. Mitsuru Toyama — The real Asianist. Chikuma Shobo, 2021 [嵯峨 隆『頭山満 — アジア主義者の実像』筑摩書房、2021年].
- Takeuchi Yoshi. Japan's Asianism. Chikuma Shobo, 1993 [竹内 好『日本のアジア主義』筑摩書房、1993年、287-354頁].
- Toyama Mitsuru. Toyama Mitsuru 's stories collection. Shoshi Shinsui, 2007 [頭山満『頭山満直話集』書肆心水、2007年].

References

- Ashizu, Uzuhiko. (1984). *Greater Asianism and Mitsuru Toyama*. Nihon Kyobunsha. (In Japanese).
- Avilov, R.S. (2020). “Pure nonsense!” War minister A.N. Kuropatkin about the proceedings of Japanese nationalists. *Modern History of Russia*, 10(4), 875–887. (In Russian) <http://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.404>.

- Boldin, V.A., Kurginova, D.Yu., & Shirinyants, A.A. (2023). “We feel sorry for the Russians, ...we need to help the sufferers”. *RussianStudiesHu*, 5(2), 121–136. (In Russian) <http://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2023.5.17>.
- Gutorov, V.A., Myrikova, A.V., & Shirinyants, A.A. (2023). Russophobia concept in modern political discourse. *Political Expertise: POLITEX*, 19(2), 166–177. <http://doi.org/10.21638/spbu23.2023.202>.
- Gutorov, V.A., Shirinyants, A.A., & Shutov, A.Yu. (2018). Two civilizations: The relations of Russia and Western Europe at the beginning of the 21st century. *Baltic Region*, 10(4), 132–141. <http://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-9>.
- Ichimada, Masao. (1975). *Sugiyama Shigemaru: The Origins of Meiji Continental Politics*. HaraSebo. (In Japanese).
- Ichimata, Masao. (1975). *Sugiyama Shigemaru: The origins of the Meiji continental policy*. Hara Shobo. (In Japanese).
- Ishitaki, Toyomi. (1997). *Genyosha excavation: Another freedom and civil rights*. Nishinippon Shimibun. (In Japanese).
- Kaplan, D.E., & Dubro, A. (2000). Yakuza: Japan’s criminal underworld. *Afro-Asian World in the XX century: Power and Violence*, 1, 7–28.
- Kurginova, D.Y. (2023). Russian studies in Japan: from Russophobia to scientific discipline. In *Traditions and innovations in the methodology of teaching humanities disciplines: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference* (pp. 267–272). Arzamas: Arzamas branch of NNGU (In Russian).
- Kurginova, D.Yu. (2024a) About what is Russophobia. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 1(78), 104–110. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_1_104. (In Russian).
- Kurginova, D.Yu. (2024 b). “Red Russia through the eyes of a Japanese”: travelling notes of Nakahira Akira. In V.N. VatyI (Ed.), *Sovereignty-security-integration as constants of sustainable state development: international experience and national realities. Proceedings of the X International scientific and practical conference* (pp. 293–296). Grodno: GrSU. (In Russian).
- Nakajima, Makoto. (2001). *The Glimmer of Asiaticism*. Gendai Shokan. (In Japanese).
- Naoko, Shimazu. (1998). *Japan, race and equality. The racial equality proposal of 1919*. New York: Routledge.
- Saga, Takashi. (2020). *Complete history of Asianism*. Chikuma Shobo. (In Japanese).
- Saga, Takashi. (2021). *Mitsuru Toyama — The real Asianist*. Chikuma Shobo. (In Japanese).
- Takeuchi, Yoshi. (1993). *Japan’s Asianism*. Chikuma Shobo. (In Japanese).
- Toyama, Mitsuru. (2007). *Toyama Mitsuru’s stories collection*. Shoshi Shinsui. (In Japanese).
- Yamamoto, K., & Kurginova, D.Yu (2024). “The perfect in ancient Bushido”: Toyama Mitsuru, the ideologist of the continental ronin’s. *Dialogue with time*, 88(88), 213–224. (In Russian) <http://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.88.88.015>.

Сведения об авторах:

Кургинова Дарья Юрьевна — студент магистратуры факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, стажер-исследователь Университета префектуры Симанэ (Япония) (e-mail: kukurg@rambler.ru) (ORCID: 0009-0006-6321-2395)

Ямамото Кенсо — доктор философии (Ph.D.), профессор Университета префектуры Симанэ (Япония) (e-mail: kenso.yamamoto@gmail.com)(ORCID: 0009-0006-7725-1010)

About the authors:

Daria Yu. Kurginova — Researcher at the Shimane University (Japan) (e-mail: kukurg@rambler.ru) (ORCID: 0009-0006-6321-2395)

Kenso Yamamoto — Ph.D., Professor at Shimane Prefectural University (Japan) (e-mail: kenso.yamamoto@gmail.com) (ORCID: 0009-0006-7725-1010)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-709-719
EDN: XXHRAF

Научная статья / Research article

Лингвистический контекстуализм Кембриджской школы: проблема идеи как исторического действия

Г.Р. Худайбергенов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация
✉ 44geor44@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено критическому анализу лингвистического контекстуализма Кембриджской школы с акцентом на работах Джона Покока и Квентина Скиннера с целью выявить ограничения данного подхода в написании интеллектуальной истории. Автор ставит под вопрос постулируемую Кембриджской школой первостепенность лингвистического контекста в интерпретации текста, предлагая рассматривать движение идей не только как неотъемлемую часть порождающих их речевых актов, но и при этом детерминированных, в первую очередь, социальными условиями. Подробно рассматриваются основные положения лингвистического контекстуализма: концепция дискурса как системы языковых конвенций, определяющих границы возможного высказывания; роль речевого акта как инструмента изменения дискурса и осуществления политического действия; значение авторского намерения в интерпретации текста. Анализируя ключевые работы Покока и Скиннера, автор выявляет ряд проблемных моментов в их методологии. В частности, подвергается критике идея об автономии языка, которая, по мнению автора, не позволяет в полной мере учесть влияние социального контекста на формирование и развитие идей. Опираясь на концепцию речевого акта как формы социальной практики, основанной на принципах диалектического материализма, автор предлагает расширить методологический инструментарий Кембриджской школы. В частности, он настаивает на первостепенной необходимости анализа материальных и социальных условий, в которых происходит производство дискурса. Это позволит, по мнению автора, преодолеть ограничения лингвистического контекстуализма и создать более адекватный инструмент для написания интеллектуальной истории. В заключение статьи автор намечает перспективы дальнейших исследований в данном направлении, подчеркивая важность последовательного критического синтеза продуктивных методологических подходов для более глубокого понимания взаимосвязи языка, мышления и социальной реальности.

© Худайбергенов Г.Р., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Кембриджская школа, Джон Покок, Квентин Скиннер, интеллектуальная история, контекстуализм, интерпретация, речевой акт

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Худайбергенов Г.Р. Лингвистический контекстуализм Кембриджской школы: проблема идеи как исторического действия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. №4. С. 709–719. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-709-719>

Linguistic Contextualism of the Cambridge School: The Problem of the Idea as Historical Action

Georgiy R. Khudaybergenov

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

✉ 44geor44@mail.ru

Abstract. This study critically analyses The Cambridge School's linguistic contextualism, focusing on the work of John Pocock and Quentin Skinner, in order to identify the limitations of this approach to the writing of intellectual history. The author questions the primacy of linguistic context in text interpretation postulated by The Cambridge School, suggesting that the movement of ideas should be seen not only as an integral part of the speech acts that generate them, but also as determined primarily by social conditions. The article discusses in detail the main provisions of linguistic contextualism: the concept of discourse as a system of linguistic conventions that define the boundaries of possible utterance; the role of speech act as an instrument of discourse change and political action; and the significance of authorial intention in text interpretation. By analysing the key works of Pocock and Skinner, the author identifies a number of problematic points in their methodology. In particular, the idea of the autonomy of language is criticised, which, in the author's opinion, fails to fully account for the influence of social context on the formation and development of ideas. Relying on the concept of the speech act as a form of social practice based on the principles of dialectical materialism, the author proposes to expand the methodological toolkit of The Cambridge School. In particular, he insists on the paramount need to analyse the material and social conditions in which discourse is produced. This will allow, in the author's opinion, to overcome the limitations of linguistic contextualism and create a more adequate tool for writing intellectual history. The author concludes the article by outlining the prospects for further research in this direction, emphasising the importance of a consistent critical synthesis of productive methodological approaches for a deeper understanding of the relationship between language, thought and social reality.

Keywords: The Cambridge School, John Pocock, Quentin Skinner, intellectual history, contextualism, interpretation, speech act

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Khudaybergenov, G.R. (2024). Linguistic Contextualism of the Cambridge School: The Problem of the Idea as Historical Action. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 709–719. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-709-719>

Введение

Интеллектуальная история — это междисциплинарная наука, которая по своим истокам есть скрещивание философии и истории. Это пограничное состояние выражается даже в критике представителя известного метода этой науки (Кембриджской школы) — Квентина Скиннера, который «слишком философ и недостаточно историк» [Уотмор 2023: 86]. Пограничность эта видна и в спорах о том, чем же является интеллектуальная история, хотя ее институциональное оформление не вызывает сомнений [Cuttica 2016: 36]. Одним из немногих, но важных общих мест является «работа с культурной дистанцией и перевод аргументов и идиом прошлого на понятный сегодня язык» [Атнашев, Велижев 2021: 13], что предполагает интерпретацию текстов прошлого с учетом их исторического контекста. Такая работа с источниками требует ответов на философские вопросы о сущности языка, степени его автономности и соотнесенности с окружающей социальной реальностью. На эти вопросы отвечает метод Кембриджской школы, представленной работами Джона Покока и Квентина Скиннера, которая получила широкое признание в мировом научном сообществе и достижения которой осваиваются в России [Атнашев, Велижев 2018]. Метод Кембриджской школы носит название лингвистического контекстуализма. Он основан на идее о том, что понять текст можно только в рамках того языкового контекста, в котором он был создан. Для этого историк анализирует дискурсы — системы языковых конвенций, определяющих границы возможного высказывания, и речевые акты — действия, совершаемые с помощью слов и направленные на изменение дискурса. Предмет его исследования определяет первичность лингвистического контекста по отношению к социальному.

Несмотря на бесспорные заслуги историков Кембриджской школы в развитии методов анализа текста и приращении исторического знания, первостепенность лингвистического контекста в интерпретации идей прошлого вызывает сомнения, особенно из-за факта расхождения метода, выработанного постфактум, с непосредственным содержанием их исследований [Павлов 2018]. Именно эта первостепенность, по мнению автора данной статьи, ведет к ограниченному пониманию речевых актов, которые оказываются заключены в рамки языковых конвенций. В дальнейшем будет проведен детальный анализ метода Кембриджской школы, выявлены его ограничения и предложены пути расширения методологического инструментария для более адекватного и всестороннего изучения интеллектуальной истории.

Перспективный путь рассмотрения наследия теоретиков видится в выделении как нюансов, так и общих черт их методов. Общность их хорошо выразил Ричард Уотмор, назвав метод Кембриджской школы «лингвистическим контекстуализмом» [Уотмор 2023: 64]. Отсутствие разрыва между Скиннером и Пококом подчеркивает первый, когда пишет, что «всего лишь пытался определить и более отвлеченно сформулировать допущения, на которые... опирались Покок и в особенности Ласлетт» [Скиннер 2018: 253]. Поэтому необходим их совместный анализ.

Язык и контексты в методе Кембриджской школы

Общефилософским уровнем метода Кембриджской школы является философия языка, т.е. общетеоретические вопросы языка, решенные в философской форме. И уже из понимания языка выводится и иерархия контекстов, обуславливающая применение модифицированной теории речевых актов. Рассмотрим эти основания.

Дж. Покок использует сосюрговскую терминологию и понятие парадигмы для объяснения функций языка и дискурса как такового. В его понимании язык есть не язык в лингвистическом смысле (как, например, английский или русский), а язык как дискурс («*langue*»), как устойчивый на определенном историческом отрезке времени набор конвенций, риторик и идиом (устойчивые сочетания слов, образующих узнаваемые коннотации). «*Parole*» здесь являются индивидуальные речевые акты, которые, используя и изменяя *langue*, создают дискурс как *историческое* явление [Рососк 1979: 148; Покок 2018: 147]. Вводя процессы абстрагирования [Рососк 1962: 188–190], т.е. остранения языков его участниками для более философской концептуализации их опыта и этого языка, Покок выделяет «подъязыки» и «языки второго порядка» для более нюансированного анализа дискурса [Покко 2018: 150; Рососк 1981: 964; Рососк 1987: 21]. Скиннер не использует таких терминов, но, пусть и в меньшей мере, пишет о похожих по смыслу «вторичных иллокутивных описаниях» [Скиннер 2018: 303], которые «играют роль [некаузальных] объяснений» [Скиннер 2018: 305]. Дискурс, таким образом, понимается как «последовательность речевых актов», разворачивающихся в конкретном историческом контексте [Рососк 1981: 959]. Дискурс прямо наделяется статусом участника власти: будучи «доступным ряду авторов» [Покко 2018: 154], он формирует узнаваемые паттерны аргументации и определяет «характер политики» [Покко 2018: 152], тексты, написанные в традиции определенного дискурса, есть «проводники власти и авторитета» [Покко 2018: 178], а в случае со Скиннером «социальный словарь... помогает установить характер» политических практик» [Скиннер 2005: 9], их «границы» [Талли 2018: 243]. Дискурсы (их множественность — принципиальная характеристика [Рососк 1981: 964]) структурируют политическое мышление, влияют на распределение власти в обществе [Покко 2018: 150–154; Тоews 1987: 891, 962–964], «накладывают ограничения на его [автора] поведение» [Скиннер 2005: 10]. Политическая валентность этих «языков» проявляется в том, что они «селективны» (т.е. формируют парадигму): выделяя определенную информацию и «отсеивая» другую, они формируют восприятие политической реальности и определяют, «что в нем [языке] можно сказать» [Рососк 1981: 964; Рососк 1987: 20]. Так, они являются не просто инструментами выражения мысли, но и «актами власти над людьми» [Рососк 1973: 28]. Существуют эти дискурсы как постоянные структуры, но не как таковые, а через единичные эмпирические речевые акты людей, которые пытаются осмыслить свой опыт [Рососк 1987: 26]. Поэтому и история таких дискурсов будет по необходимости историей событийной [Рососк 1987: 22], историей идей в виде «истории высказывания» [Скиннер 2018: 96], историей «взаимодействия *langue* и *parole*» [Покко 2018: 147], которые могут образоваться не в «каноны»,

а в темпоральные традиции [Покок 2018: 179]. Если говорить метафорически, идеи и индивидуальные высказывания являются не атомами, существующими в конкретный исторический момент, а атомами в составе молекул (традиций дискурса), которые сталкиваются, переплетаются, развиваются и неожиданно гибнут.

Исследует эти процессы историк всегда в контексте. Пусть ни Покок, ни Скиннер не дают развернутого, оригинального и подробного определения контекста [Parekh, Berki 1973: 181], они, во-первых, разделяют социальный и лингвистический контексты, а во-вторых, лингвистический у них первостепенен и определяется вполне в духе Витгенштейна: «...все сознательные высказывания обычно задумываются как акты коммуникации» [Скиннер 2018: 315]. Итак, историк получает доступ и к «практической ситуации [социальный контекст]» [Покок 2018: 160], и к речевой ситуации через язык, а значит, оба контекста, социальный и лингвистический подлежат текстовой интерпретации. Несмотря ни на какие оговорки и необходимые упоминания социального контекста, который «подразумевается» как «определенное поле, в котором речевые акты становятся прямым социальным действием» [Атнашев, Велижев 2018: 25–26], языку предоставляется ровно столько автономии [Покок 2018: 179], чтобы было оправдано изучение идей в первую очередь через текст и с акцентом на текст, через контекст, который для Покока есть «полемиическая языковая ситуация» [Атнашев, Велижев 2018: 24]. Вполне однозначно он пишет, что контекст формируется «более непосредственно — политическими языками» [Рососк 2009: 959], используемый язык автора является «первичным контекстом» [Рососк 2009: 110], «язык... это ключ историка и к речевому акту, и к [социальному] контексту» [Покок 2018: 156], и язык вполне может указывать совершенно в противоположную сторону от социального контекста [Рососк 1987: 110–111], и ничего с этим поделать нельзя, контекст языка устанавливает пределы познания и «отвоевыва-ет позиции и вступает во все более сложное взаимодействие с контекстом опыта» [Покок 2018: 162]. Поскольку Скиннер провозглашает главной целью понять высказывание, приравнивая понимание высказывания к пониманию его смысла, для чего нужно реконструировать намерение автора [Скиннер 2018: 109], т.е. «иллокутивную силу» [Скиннер 2018: 106] его речевого акта, который и есть результат осуществившегося намерения [Скиннер 2018: 105]), то лингвистический контекст оказывается в центре внимания, в то время как «изучение всех особенностей социального контекста может стать частью лингвистического анализа текста» [Скиннер 2018: 109–110]. Социальный контекст не объясняет смысл [Скиннер 2018: 106], а становится «источником дальнейшей путаницы» [Скиннер 2018: 102] и поэтому должен полагаться лишь как «исходное обрамление» [Скиннер 2018: 110].

Язык при этом не просто зеркало опыта [объективной реальности], но он «отражает сам себя» сквозь призму калейдоскопа разнонаправленных зеркал [Покок 2018: 181; Скиннер 2018: 94]. В этой игре отражений и использований слов нет детерминированных результатов или законов, но это не должно останавливать историка от попытки сложной реконструкции проблематичных,

амбивалентных, синхронных и диахронных языков, функционирующих в речевых актах конкретных людей, переживающих конкретный исторический опыт [Покок 2018: 180–181]. Иными словами, языку придается статус такой реальности, которая может отражать сама себя, которая есть осколки зеркал, направленных в непредсказуемые стороны. Именно в такой образующейся лингвистической ситуации, состоящей из множества языковых контекстов, историк и может увидеть, как автор (по Пококу) «совершает свой „ход“» [Покок 2018: 161] (или «иллокутивные акты» Скиннера, определяемые «из намерений осуществляющих их субъектов речи» [Скиннер 2018: 302], которые выражаются в использовании автором иллокутивной силы, зависящей от смысла и контекста, для достижения поставленной цели). «Ходы» могут быть самыми разнообразными, но в сути они есть совершение действия *parole (s) в и над langue (s)*, и, давая этим «ходам» исчерпывающее объяснение, историк и пишет рассказ о том, что автор делал при написании текстов, и, несмотря на то, что «мы не можем полностью отделить высказывание автора от ответа читателя», и несмотря на очевидный факт множественных интерпретаций любых текстов на протяжении сменяющих другу друга исторических периодов, историк может и должен быть убежден в существовании текста как такового и попытаться исследовать его как авторское действие [Покок 2018: 163–170].

Проблема соотнесенности контекстов и речевого акта

Проведенный анализ позволяет выделить основополагающий вопрос, который отражает суть метода.

Какие взаимосвязи между социальным, лингвистическим контекстом и речевым актом?

Представляется перспективным обозначить направление исследований в сторону ответа на него в рамках рецепции Кембриджской школы. Причем рассматриваться вопрос будет с марксистских позиций, а значит, будут исследованы диалектические отношения между двумя контекстами и речевым актом, а значит, более точно отражена сложная реальность. Представляется, что, несмотря на «циничное» использование Скиннером теории Остина [Павлов 2018: 272] и очевидный антагонизм между «детерминистским» диалектическим материализмом и историком-контекстуалистом, который «либерал идеологически» [Покок 2018: 186; Атнашев, Велижев 2018: 44], который является наследием политического измерения методологических споров 60-х и 70-х гг. XX в., нет принципиальных препятствий для осмысления их теоретических положений с иных позиций.

Так, Покок и Скиннер, полагая возможность реконструкции лингвистической ситуации, социальную ситуацию рассматривают как необходимый фон. В общем под социальным контекстом подразумевается все то, что не есть лингвистический контекст. Текст при этом считается реально существовавшим, а не объектом художественной интерпретации. Значит, исходная онтологическая устойчивость текста позволяет нам предполагать существование объективной

реальности, доступ к которой мы получаем через источники. Это и будет «социальным контекстом», социальной материей, создаваемой производством человеческого общества. В этом случае представляется искусственным разделение языка и «практической ситуации», за исключением тех случаев, когда необходимо подчеркнуть сложность образования смыслов в момент совершения речевых актов. Возможность реконструкции речевого акта предполагает существование не просто дискурса как лингвистического контекста, но и общественной системы, с которой необходимо соотносить реконструируемые смыслы, так как сами эти смыслы тоже являются частью этой системы, а потому находятся с ней в теснейшей связи.

Характер этой связи не линеен в смысле наличия одной причинно-следственной связи. Нет простого «фона» или тождественного реальности «отражения». Чтобы выяснить эту связь, нужно сказать, что между речевым актом и объективной реальностью лежит идеология — ложное сознание (тип идеального) в смысле исторически ограниченного отражения объективного мира [Энгельс 1983: 16]. Идя от социального контекста, мы выявляем материальные условия появления и существования дискурса, его место в системе общественных отношений. Эти общественные отношения проявляются в том числе через и посредством речевых актов, которые есть действия по изменению мира. Но чтобы выяснить степень, характер и сущность этого действия, следует не только свести «индивидуальное к социальному, единичное — к массовому, а идеальное — к материальному» [Ковальченко 2003: 146], но и проследить затем обратный путь, ведь и общественная система, и общественные представления групп, и индивидуальные акты вместе отражают органическое сосуществование в объективной реальности всеобщего, особенного и единичного [Ковальченко 2003: 175]. Поэтому связь между речевым актом и объективной реальностью диалектична.

Теоретической основой, из которой выводятся эти положения, служит идея о том, что социальная материя, выступая формой человеческой деятельности, обретшей материальное воплощение, оказывает определяющее воздействие как на лингвистический контекст, так и на конечный результат речевого акта. Для более глубокого понимания следует обратиться к процессу идеализации предмета. Если само идеальное есть «субъективный образ объективной реальности, т.е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли» [Ильенков 2020: 377], то предмет обретает свое идеальное воплощение только в том случае, если человек способен не только пассивно воспринимать его, но и активно воссоздавать, опираясь на язык. Ключевым условием здесь выступает способность человека «превращать слово в дело, а [слово] через дело в вещь» [Ильенков 2020: 383]. Именно в этом процессе материальный объект «пересаживается» в сознание человека, выраженный в общезначимых языковых формах и трансформированный в активную деятельность [Ильенков 2020: 383]. Так, социальный контекст, определяя формы деятельности и их материализацию, формирует базис для возникновения и развития языка.

Язык, в свою очередь, не является просто зеркальным отражением реальности. Он обретает свою сущность в непрерывном циклическом движении: «вещь — дело — слово — дело — вещь» [Ильенков 2020: 385]. В этом процессе идеальный образ вещи постоянно видоизменяется, обогащаясь новыми смыслами и значениями. Человек, действуя в рамках определенного социального контекста, обращается к дискурсу как к инструменту осмысления своего опыта и преобразования окружающей действительности, используя слова, и только в результате практического действия, в котором эти слова обретают материальное воплощение (становятся вещью в смысле зафиксированной «формы деятельности человека» [Ильенков 2020: 395]), мы можем судить об их подлинном значении [Ильенков 2020: 147]. И эта функция языка универсальна, как универсальна и человеческая деятельность, выражаемая в том факте, что природа «служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности» [Ильенков 2020: 398]. И пока есть язык, нет нужды в особом скрещивании исследовательских логик Кембриджской школы и Ю. Хабермаса для помещения политических языков в контекст режимов публичности [Атнашев, Велижев 2018: 40] — история идей и споров будет наблюдаться с разной интенсивностью в любой культуре, и ключом к их пониманию будет фокус именно на этом непрерывном диалектическом взаимодействии языка, действия и объективной реальности.

Заключение

Таким образом, дихотомия социального и лингвистического контекстов, выявленная при анализе методологии Кембриджской школы, представляется неоправданной как для выявления первичности одного из них, так и для придания одному из них статуса «фона». Социальная ситуация, проходя через процесс идеализации в сознании через процессы обретения мировоззрения, превращается в социальную реальность в сознании исторических акторов, общественная деятельность которых создает лингвистическую ситуацию и предполагает совершение речевых актов. Однако данная цепь событий не является линейной. Задача историка состоит не только в том, чтобы проследить, «какими путями идет образование этих [идеологических] представлений» [Энгельс 1983: 16], но и обратный путь: от речевого акта к дискурсу, а от дискурса — к исходной социальной реальности и влияние первого на второе.

Итак, человек может изменять дискурс, а может с помощью дискурса изменять мир. В этом смысле, насколько он успешно изменяет дискурс и насколько сам дискурс адекватно может изменить мир (т.е. может «осуществлять обмен веществ между очеловеченной и девственной природой» [Ильенков 2020: 391], а значит, объективно его отражать), настолько автор *меняет мир и совершает действие при помощи слов*, а следовательно, использует правильную дискурсивную стратегию. Для анализа этих стратегий и необходим инструментарий, который синтезировал бы качественный, контекстуалистский подход Кембриджской школы, количественный контент-анализ, социологическое исследование

источников и данные других наук на основе материалистической диалектики. Совершенствование такого инструментария и его эмпирическая проверка в конкретных исторических исследованиях являются важными задачами для дальнейшего развития интеллектуальной истории. Ведь именно анализ дискурса, опирающийся на синтез различных методов, позволяет раскрыть нам бесчисленные сюжеты успешных и неуспешных попыток человека осуществить политическое действие при помощи слов — сюжеты, которые хранят в себе ценный опыт для понимания и преобразования мира здесь и сейчас.

Поступила в редакцию / Received: 09.10.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 26.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2024

Библиографический список

- Атнашев Т.М., Велижев М.Б. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. С. 7–50.
- Атнашев Т.М., Велижев М.Б. Три дилеммы интеллектуальной истории: the state of the craft // Новое литературное обозрение. 2021. № 5. С. 11–21.
- Ильенков Э.В. Гегель и герменевтика // Ильенков Э.В. Собрание сочинений : в 10 томах. Том 4 : Диалектическая логика. Москва : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020а. С. 133–161.
- Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории // Ильенков Э.В. Собрание сочинений : в 10 томах. Том 4 : Диалектическая логика. Москва : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020b. С. 222–447.
- Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. Москва : Наука, 2003.
- Павлов А. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. № 4 (125). С. 261–302.
- Покок Дж. The state of the art // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. С. 142–188.
- Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122.
- Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 1–16.
- Скиннер К. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. С. 249–346.
- Скиннер К. Язык и политические изменения // Логос. 2005. № 3 (48). С. 143–152.
- Талли Дж. Перо — могучее оружие. Квентин Скиннер анализирует политику // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. С. 218–248.
- Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история. Москва : Новое литературное обозрение, 2023.
- Энгельс Ф. Письма об историческом материализме, 1890–1894. Москва : Политиздат, 1983.
- Cuttica C. Intellectual History in the Modern University // A Companion to Intellectual History / ed. by R. Whatmore, B. Young. Oxford : Wiley Blackwell, 2016. P. 36–47.

- Franzosi R.* Content Analysis. Objective, Systematic, and Quantitative Description of Content // Content analysis. 2008. Vol. 1, iss. 1. P. 21–49.
- Parekh B., Berki R.N.* The History of Political Ideas: A Critique of Q. Skinner's Methodology // Journal of the History of Ideas. 1973. Vol. 34, no. 2. P. 163–184. <https://doi.org/10.2307/2708724>
- Pocock J.G.A.* Political Ideas as Historical Events: Political Philosophers as Historical Actors // Political Theory and the Rights of Persons / ed. by A. Kontos. Montreal : McGill-Queen's University Press, 1979. P. 139–158.
- Pocock J.G.A.* The Concept of a Language and the Métier d'Historien: Some Considerations on Practice // The Languages of Political Theory in Early-Modern Europe / ed. by A. Pagden. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. P. 19–38. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511521447.002>
- Pocock J.G.A.* The History of Political Thought: A Methodological Enquiry // Philosophy, Politics and Society. Oxford : Basil Blackwell, 1962. P. 183–212.
- Pocock J.G.A.* The Reconstruction of Discourse: Towards the Historiography of Political Thought // MLN. 1981. Vol. 96, iss. 5. P. 959–980. <https://doi.org/https://doi.org/10.2307/2906228>
- Pocock J. G. A.* Texts as Events: Reflections on the History of Political Thought // Political Thought and History : Essays on Theory and Method. Cambridge : Cambridge University Press. 2009. P. 106–123.
- Pocock J.G.A.* Verbalizing a Political Act: Toward a Politics of Speech // Political Theory. 1973. Vol. 1, iss. 1. P. 27–45.
- Toews J.E.* Intellectual History after the Linguistic Turn: The Autonomy of Meaning and the Irreducibility of Experience // The American Historical Review. 1987. Vol. 92, iss. 4. P. 879–907. <https://doi.org/10.2307/1863950>

References

- Atnashev, T.M., & Velizhev, M.B. (2018). Cambridge School: History and Method. In T. Atnashev & M. Velizhev (Eds.), *Cambridge School: Theory and practice of intellectual history* (pp. 7–50). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Atnashev, T.M., & Velizhev, M.B. (2021). The state of the craft. Three dilemmas of intellectual history. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, (5), 11–21. (In Russ.).
- Cuttica, C. (2016). Intellectual history in the modern university. In R. Whatmore & B. Young (Eds.), *A companion to intellectual history* (pp. 36–47). Oxford: Wiley Blackwell.
- Engel's, F. (1983). *Letters on historical materialism, 1890–1894*. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Franzosi, R. (2008). Content analysis. Objective, systematic, and quantitative description of content. *Content Analysis*, 1(1), 21–49.
- Ilyenkov, E.V. (2020a). Hegel and hermeneutics. In *Collected Works. In 10 vol. Dialectical Logic* (Vol. 4, pp. 133–161). Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya». (In Russ.).
- Ilyenkov, E.V. (2020b). Dialectical logic: Essays on history and theory. In *Collected Works. In 10 vol. Dialectical Logic* (Vol. 4, pp. 222–447). Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya». (In Russian).
- Kovalchenko, I.D. (2003). *Methods of historical research*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Parekh, B., & Berki, R.N. (1973). The history of political ideas: A critique of Q. Skinner's methodology. *Journal of the History of Ideas*, 34(2), 163–184. <https://doi.org/10.2307/2708724>
- Pavlov, A. (2018). Adventures of the method: The Cambridge school (of political thought) in contexts. *Logos*, 4(125), 261–302. (In Russian).
- Pocock, J.G.A. (1962). The history of political thought: A methodological enquiry. In *Philosophy, Politics and Society* (pp. 183–212). Oxford: Basil Blackwell.
- Pocock, J.G.A. (1973). Verbalizing a political act: Toward a politics of speech. *Political Theory*, 1(1), 27–45.

- Pocock, J.G.A. (1979). Political ideas as historical events: Political philosophers as historical actors. In A. Kontos (Ed.), *Political Theory and the Rights of Persons* (pp. 139–158). Montreal: McGill-Queen's University Press.
- Pocock, J.G.A. (1981). The reconstruction of discourse: Towards the historiography of political thought. *MLN*, 96(5), 959–980. <https://doi.org/10.2307/2906228>
- Pocock, J.G.A. (1987). The Concept of a Language and the Métier d'Historien: Some Considerations on Practice. In A. Pagden (Ed.), *The Languages of Political Theory in Early-Modern Europe* (pp. 19–38). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/https://doi.org/10.1017/CBO9780511521447.002>
- Pocock, J. G. A. (2009). Texts as events: Reflections on the history of political thought. In J. G. A. Pocock. *Political Thought and History: Essays on Theory and Method* (pp. 106-123). Cambridge: Cambridge University Press..
- Pocock, J.G.A. (2018). The state of the art. In T. Atnashev, & M. Velizhev (Eds.), *Cambridge school: Theory and practice of intellectual history* (pp. 142–188). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Skinner, Q. (2004). The Collingwood approach to the history of political thought: Formation, challenge, prospects. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (66), 1–16. (In Russian).
- Skinner, Q. (2005). Language and political change. *Logos*, (48), 143–152. (In Russian).
- Skinner, Q. (2018a). A reply to my critics. In T. Atnashev & M. Velizhev (Eds.), *Cambridge school: Theory and practice of intellectual history* (pp. 249–346). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Skinner, Q. (2018b). Meaning and understanding in the history of ideas. In T. Atnashev & M. Velizhev (Eds.), *Cambridge school: Theory and practice of intellectual history* (pp. 53–122). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Tilly, J. (2018). The pen is mightier than the sword: Quentin Skinner analyzes politics. In T. Atnashev & M. Velizhev (Eds.), *Cambridge school: Theory and practice of intellectual history* (pp. 218–248). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).
- Toews, J.E. (1987). Intellectual history after the linguistic turn: The autonomy of meaning and the irreducibility of experience. *The American Historical Review*, 92(4), 879–907. <https://doi.org/https://doi.org/10.2307/1863950>
- Whatmore, R. (2023). *What is intellectual history?* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Сведения об авторе:

Худайберженов Георгий Рустамович — студент факультета политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: 44geor44@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9797-2230)

About the author:

Georgiy R. Khudaybergenov — student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (e-mail: 44geor44@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9797-2230)

ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ IDENTITY AND SOCIO-POLITICAL DIVISIONS

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-720-732
EDN: XXGNNH

Научная статья / Research article

Этническая идентичность в переписях как инструмент институциональных изменений: теоретический аспект

М.В. Назукина

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Российская Федерация

✉ nazukina@mail.ru

Аннотация. Проводя политику в сфере управления политико-территориальной гетерогенностью, государства вынуждены учитывать сложносоставной характер обществ. Для фиксации данных о проявлении тех или иных идентичностей ведется этническая статистика, осуществляемая чаще в формате переписи. Изменения, фиксируемые переписями, отражают отношение к наиболее значимым категориям, к их иерархии, а также способу группировки этих категорий. Цель исследования — охарактеризовать перепись как инструмент конструирования этнических групп, использование которого приводит к институциональным изменениям в самих представлениях о принадлежности, а также обуславливает реформирование политических институтов. На основе теоретического фундамента социально-конструктивистского подхода показано, что перепись не только и не столько отражает социальную реальность в ее этническом аспекте, сколько конструирует ее. Зафиксирована перформативная сила категорий идентичности, используемых для классификации людей по признакам этнической принадлежности. Государственная практика этнического подсчета и классификации придает этническим категориям их институциональную форму. Предложено рассматривать этнические категории в контексте концепта институционализации этничности, смысл которого заключается в укоренении этнических категорий в политическом процессе. Через утвержденные категории государственные органы получают возможность зафиксировать статистику, определить перечень принадлежности, использовать

© Назукина М.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

данные критерии признаков в управленческих практиках. Ключевые решения связаны с реформами административно-территориального деления и системы органов власти, предоставлением автономии и различных преференций.

Ключевые слова: перепись, этническая статистика, реформы, институты, политика, изоморфизм

Благодарности. Исследование выполнено в Пермском федеральном исследовательском центре Уральского отделения РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00530 «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства». URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00530>.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Назукина М.В. Этническая идентичность в переписях как инструмент институциональных изменений: теоретический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 720–732. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-720-732>

Ethnicity in Censuses as an Instrument of Institutional Change: Theoretical Aspect

Mariya V. Nazukina

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation

✉ nazukina@mail.ru

Abstract. When pursuing a policy in the field of managing political and territorial heterogeneity, States are forced to consider the complex nature of societies. To record data on the manifestation of certain identities, ethnic statistics are conducted, carried out more often in the census format. The changes recorded by identity censuses reflect changes in attitudes towards the most significant categories, their hierarchy, as well as the way these categories are grouped. The article aims to characterize the census as a tool for constructing ethnic groups, which leads to institutional changes in the very concepts of belonging, as well as to the reform of political institutions. Based on the theoretical foundation of the socio-constructivist approach, it is shown that the census not only and not so much reflects social reality in its ethnic aspect, but rather constructs it. The performative power of identity categories used to classify people by ethnicity has been recorded. The State practice of ethnic counting and classification gives ethnic categories their institutional form. It is proposed to consider ethnic categories in the context of the concept of institutionalization of ethnicity, the meaning of which is the rooting of ethnic categories in the political process. Through the approved categories, government agencies are able to record statistics, and determine a set of membership lists, and use these criteria of attributes in management practices. The key practices of instrumental solutions in this regard are related to the reforms of the administrative-territorial division, the system of government, the granting of autonomy, as well as various preferences.

Keywords: census, ethnic statistics, reforms, institutions, politics, isomorphism

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00530 (project “Why do inefficient institutions borrow? Management of political and territorial heterogeneity and ensuring territorial integrity State”) at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00530/>

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Nazukina, M.V. (2024). Ethnicity in censuses as an instrument of institutional change: Theoretical aspect. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 720–732. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-720-732>

Введение

Проблемы, связанные с управлением политико-территориальным разнообразием, в настоящее время приобретают большую актуальность. Социокультурная, экономическая, географическая и иная неоднородность государства в кросс-территориальном отношении нередко политизируется, возникают политико-территориальные конфликты [Панов 2023]. В ряде стран мира усиливается стремление к самоопределению этнических групп, возникают сепаратистские движения [Витковская, Назукина 2023].

Проводя политику в сфере **управления политико-территориальной гетерогенностью**, государства вынуждены учитывать сложносоставной характер обществ. Для фиксации данных о проявлении тех или иных идентичностей ведется этническая статистика, реализуемая чаще всего в формате переписи населения. При этом важным оказывается не только итог переписи, но и работа по определению фиксируемых государственной статистикой признаков и приданию им важного государственного значения. Примером актуальности поднятой темы может служить дискуссия в США, возобновленная администрацией Дж. Байдена впервые с 1997 г. Пересмотр федеральных стандартов в отношении расовых и этнических данных вызвал острую дискуссию о том, как классифицировать идентичности людей и постоянно меняющиеся социально-политические конструкции, связанные с расой и этнической принадлежностью¹.

В книге Джеймса Скотта «Благими намерениями государства» приводится показательная фраза Маркиза Вобана, в 1686 г. предложившего Людовику XIV проводить ежегодную перепись населения: «*Разве не великое удовлетворение для короля — знать в любой момент каждого года число его подданных, общее и по областям, со всем достатком, богатством и бедностью каждого места...*» [Скотт, 2005: 27]. Не случайно В. Вахштайн² отмечает, что перепись населения — это особая техника «государственного взгляда» и, поняв, как

¹ Lo H. Wang Changing how U.S. forms ask about race and ethnicity is complicated. Here's why. URL: <https://www.npr.org/2023/04/27/1170743721/omb-race-and-ethnicity-statistical-standards> (accessed: 18.06.2024).

² В.С. Вахштайн включен в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации.

работает перепись, мы поймем, как устроен «взгляд государства»: что оно может и чего не может «видеть»³.

Безусловно, наибольшее значение для понимания процесса статистического учета имеет способ определения категорий, по которым происходит структурирование населения в переписном листе. Фиксируемые переписями идентичности отражают отношения к наиболее значимым категориям, их иерархии, а также способам группировки этих категорий (классификации), включающим или исключающим группы. Это связано с инструментальными возможностями переписей, проблемой политизации различий, конструированием реальности. На основе теоретического фундамента социально-конструктивистского подхода и анализа классических исследовательских работ по проблематике в данной статье показано, что перепись не только и не столько отражает социальную реальность в ее этническом аспекте, сколько конструирует ее. Статья ставит целью охарактеризовать перепись как инструмент конструирования этнических групп, что приводит к институциональным изменениям в самих представлениях о принадлежности, а также обуславливает реформирование политических институтов.

Современные подходы к исследованию этничности в переписи

Этничность в данной статье понимается как «социальная организация культурной самобытности» [Eriksen, 1993: 36]. При этом она «реализуется в социальном взаимодействии и усваивается в процессе личной самоидентификации» [Jenkins, 2008: 14]. По мнению В.А. Тишкова, групповую этническую идентичность следует рассматривать как операцию социального конструирования «воображаемых общностей», основанных на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями [Тишков, 2003: 116]. Как и любая другая коллективная (групповая) идентичность, этническая идентичность основана на определении «мы» и «они», то есть связана с соотнесением себя в определенных категориях и соотношением с другими. Она формируется на основе «осознания принадлежности к этнической группе, эмоционально окрашенного образа „мы“ и этнических интересов» [Дробижева 2011: 43].

Иными словами, этническая идентичность поддерживается практиками конструирования, принятия ими существующих в обществе этнических различий. Переписям в этом процессе отводится большая роль. Исследователи И.И. Каснопольская и Г.С. Солодова [2016: 60] выделяют следующие задачи института переписи: 1) создание легальных границ государства-нации; 2) определение пространственной и символической легитимности; 3) определение

³ Вахштайн В. Символически значимая инсценировка // Русский Журнал, 26.10.10. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Simvolicheski-znachimaya-inscenirovka> (дата обращения: 18.06.2024) (В.С. Вахштайн включен в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации).

и наполнение упрощенных групп идентичностей: этнических, лингвистических, религиозных и т.д.; 4) поддержание и воспроизводство единого национального государства; 5) представление упрощенного описания населения для фасилитации государственного управления.

Идея о том, что перепись не только и не столько отражает социальную реальность в ее этническом аспекте, сколько конструирует ее, сформулирована в работах многих исследователей. Бенедикт Андерсон [2001] относит перепись к базовым инструментам конструирования наций. Р. Брубейкер показывает, что этничность, раса и нация представляют собой не объекты внешнего мира, а способы его видения, интерпретации и репрезентации: *«Не следует доверять иллюзии „идентичности“ или ограниченной групповости, созданной переписью с ее исчерпывающими и взаимно исключаящими категориями... Жестко институциональная этнонациональная система классификации делает определенные категории легко и легитимно доступными для репрезентации социальной реальности, фреймирования политических заявлений и организации политического действия»* [Брубейкер 2012: 111–112].

Можно зафиксировать большое количество литературы по разным аспектам этнической статистики. Особо следует отметить исследования, посвященные теоретическому и эмпирическому обоснованию этнического учета, как на уровне общих закономерностей [Kukutai, Thompson 2007; Morning 2008], так и в преломлении конкретных случаев [Hirschman 1987; Rodriguez 2000]. Сравнительное исследование переписей разных стран содержится в сборнике П. Саймона, В. Пиче, А. Ганьона [Simon, Piché, Gagnon 2015]. Представленные в нем работы описывают конкретные случаи использования этнических категорий в переписях разных стран.

Исследователи говорят о перформативной силе категорий идентичности, используемых для классификации людей по признакам этнической принадлежности: они помогают создать, то есть воплотить в жизнь, коллективные идентичности, которые они называют: *«статистические категории идентичности могут быть использованы в качестве аналитических линз для изучения национализма и процессов государственного строительства»* [Grommé, Scheel 2020: 576]. Меньше внимания уделено факторам, которые препятствуют фиксации этнической принадлежности в различных национальных контекстах или поощряют ее, и различным формам, которые принимает такая практика.

Одна из важных проблем учета этнических групп, фиксируемая в научных исследованиях, — идентификация меньшинств, которая создает две угрозы для измерения. Во-первых, люди могут неохотно самоидентифицироваться, особенно когда они исторически подвергались дискриминации и продолжают сталкиваться с социально-экономическим неравенством. Во-вторых, позитивные действия по стимулированию идентификации меньшинств и потенциальные льготы могут провоцировать отдельных лиц исказить информацию для получения целевых пособий. Этот факт вызывает обеспокоенность по поводу достоверности данных о меньшинствах, представленных в ходе государственных переписей населения. Кроме того, согласно исследованию Т. Кукутай, В. Томпсона,

наличие в стране меньшинств или участие страны в международных инициативах по искоренению расизма связано с более широкой категоризацией этнических групп [Kukutai, Thompson 2015].

В отсутствие глобального стандарта этнической классификации государства располагают широким спектром концепций, с помощью которых можно определить различия. В разные времена в статистике использовались термины *этническая принадлежность, этническое происхождение, национальность, раса, коренное население, племя, цвет кожи, язык, родной язык и религия* [Morning, Sabbagh 2005]. Исследователи проводят различие между терминами, концептуально основанными на биологическом понимании различий, и терминами, обозначающими культурные различия. Расово-биологические термины лежат в основе вопросов, основанных на расе, цвете кожи, происхождении, связанном с пониманием идентичности как унаследованной и неизменной. Вопросы переписи, использующие терминологию этнической принадлежности, национальности (когда они используются в этническом смысле) и языка, рассматриваются как культурные различия в том смысле, что они подчеркивают субъективную социокультурную основу групповых идентичностей. Работы Т. Кукутай и П. Бромана в сфере изучения практики государственного этнического учета за 50-летний период (1965–2014) в 24 странах и районах, входящих в Океанию, зафиксировали переход от биологических концепций различий к более культурному пониманию групповой идентичности, примером чего является резкий рост языковых вопросов в переписях и снижение вопросов, основанных на расовой принадлежности [Kukutai, Broman 2015].

Категоризация и институционализация этничности в переписи

Попытки ответить на вопрос «кто и с какой целью ведет» этническую статистику имеют выход на ее использование в политическом курсе для реализации различного рода политик. Р. Дженкинс описывает процесс воспроизводства социальных категоризаций, в котором значимую роль играет публичный дискурс: принятие нормативных актов, регулирующих политический курс в отношении выделенных групп. Что важно, это же происходит и в рамках самого выбора категорий: *«схожие процессы и феномены можно наблюдать, когда государственные исчисления направлены на их выделение»* [Jenkins 2000: 19]. Риторика описания является даже более значимой, чем непосредственные измерения или законодательные акты.

Государственная задача здесь может быть рассмотрена в рамках теории Джеймса Скотта, который доказывает, что государства стремятся добиться «legibility» для своих подданных, гомогенизируя их и создавая стандарты, которые упрощают существующие, естественные, разнообразные социальные структуры: *«Утопическая, неизменная, постоянно недостижимая цель современного государства состоит в том, чтобы свести хаотическую, беспорядочную, постоянно изменяющуюся социальную действительность к чему-то такому, что было бы приближено к административной сетке наблюдений»* [Скотт, 2005:

110]. Это достигается через введение семейных имен, единых языков, а также переписи. Так, Бенедикт Андерсон приводит пример использования категорий переписи в отношении Федерации малайских штатов. Каждый житель переписываемой территории должен был найти свое место в категориальной сетке: *«Эти „идентичности“, рожденные воображением (невнятно) классифицирующего ума колониального государства, еще только ожидали своей реификации, которая вскоре стала возможна благодаря имперскому административному проникновению»* [Андерсон 2001: 40].

Е.А. Варшавер, рассматривая литературу по этническому учету, отмечает, что продвинуть эту тему в научном дискурсе смогли Ж.-Л. Раллу, В. Пиче, П.Ж. Саймон [Варшавер 2022: 203]. Данные авторы предложили четыре парадигмы этнического учета, каждая из которых характеризуется различными политическими целями: 1) для политического контроля (например, колониальные переписи); 2) для поддержки дискурса национальной гибридности (например, Латинская Америка); 3) для борьбы с дискриминацией (например, Соединенные Штаты); и 4) отказ от перечисления во имя национальной интеграции (например, Франция) [Rallu, Piché, Simon, 2006: 531–549]. В последнем случае этничность не является частью официальной статистики, а связана с процессом государственного строительства, в ходе которого происходит гомогенизация населения, что рассматривается как условие национальной сплоченности.

В изданной в Кембриджском университете книге «Перепись и идентичность: политика в отношении расы, этнической принадлежности и языка в национальных переписях» показано, что официальная практика этнического учета может использоваться для поддержки различных государственных программ — от национального строительства и этнических чисток до корректирующих действий по уменьшению межгруппового неравенства. Иными словами, используемые правительствами способы для подсчета и классификации населения по этническому признаку, являются социально сконструированными, идеологически показательными и по своей сути политическими [Kertzer, Arel 2002].

Безусловность политической сущности переписей обнаруживается и при их связи с дальнейшей политикой. После гражданских войн и конфликтов, переписи, предоставляющие данные, носят противоречивый характер и часто задерживаются, откладываются (например, на Фиджи, в Македонии) или не проводятся вообще. Так, Ливан — единственное государство — член ООН, ни разу не проводившее перепись после Второй мировой войны. Из-за демографических проблем и опасений, что в стране может вспыхнуть конфликт, перепись не проводилась с 1932 г.

Таким образом, использование идентифицирующих категорий в переписях — механизм государственного управления по созданию разделяемого представления о социальной реальности и социальной принадлежности. Государственная практика этнического подсчета и классификации придает этническим категориям их институциональную форму. При таком подходе особая роль отводится категориям, призванным описать этническое разнообразие.

Изменение категорий и методологии подсчета свидетельствует об изменении опции государственного интереса. Некоторые группы могут намеренно исключаться или, напротив, поддерживаться. Следовательно, этничность находит проявление (институционализируется) в политической жизни, однако степень значимости этнической специфики может различаться [Назукина 2020: 80]. Суть институционализации в этом контексте проявляется в укоренении этнических категорий в политическом процессе. В качестве примера матрицы показателей, разрабатываемых в этом ключе, можно привести девять аспектов государственной институционализации этнических категорий Э. Либермана и П. Сингха [Lieberman, Singh 2011], где указана в том числе и перепись (любое упоминание этнических категорий в вопроснике или документах).

Джон Клеммер, говоря об институционализации этничности, отмечает значение культурных аспектов институционализации. По его мнению, «проблема» этничности возникает не только в ситуации мажоритарности, когда меньшинство обращается к этнической принадлежности как к ресурсу в целях самоутверждения или защиты от политической, культурной или экономической гегемонии большинства, но и когда сама этническая принадлежность определяется как основное средство социальной классификации [Clammer 1982: 128]. Один из важных аспектов институционализации этнокомпонента — получение статистически подтвержденных показателей по численности в разрезе национального состава населения региона.

Вопросы переписи по этнической принадлежности могут способствовать усилению политических разногласий по этническому признаку. Доступ к политическому управлению иногда непосредственно связан с официально признанной этнической структурой населения. Элиты могут иметь стимул мобилизовать достаточно большую поддержку своей этнической категории в ходе официальной переписи. Фиксирование различий в определенных институтах, которые приобретают устойчивый характер, закрепляет этническую идентичность. Примером одного из таких институтов может служить модель *power-sharing* — «гарантированное участие представителей всех значимых групп (этнополитических сегментов) в принятии политических решений» А. Лейпхарта. Этнические различия институционализируются и тогда, когда в отношении этнических групп вводятся определенные преференции, например, в экономической или символической политике.

К примеру, в Македонии в 2011 г. Македонская государственная комиссия по переписи населения остановила начавшуюся перепись. В числе причин называлась в том числе невозможность применения методологии, согласованной с Европейской статистической службой. Проблема была связана и с этничностью членов переписных комиссий, но в итоге лидеры двух руководящих партий в Македонии, представляющие македонцев и албанцев, договорились о национальном составе переписных комиссий в национально смешанных районах⁴. В итоге

⁴ Соколов Н. Перепись населения в Македонии официально признана несостоявшейся // РИА Новости, 16.10.2011 URL: <https://ria.ru/20111016/461288464.html> (дата обращения: 18.06.2024).

перепись была проведена только в 2021 г. Депутат от албанского Демократического союза за интеграцию Арбер Адеми заявил, что его партия не признает результаты переписи, если албанцев по статистике окажется меньше 20 %⁵. Албанцы требовали «минимальной квоты», в противном случае угрожали сорвать перепись: если бы албанцев оказалось менее 20 % от общего населения, они бы лишились автономии и преференций.

Помимо реформ системы органов власти и в политико-культурной сфере (предоставляющих, например, преференции этническим группам в сфере языка, религия), данные этнической статистики обуславливают также необходимость территориальных реформ (реформ административно-территориального деления), децентрализации управления и др.

Вместо заключения

Перепись в разрезе учета этнических категорий не только информационный ресурс о населении, который позволяет получить данные о его социально-демографических, экономических и этнокультурных характеристиках. Значение переписи заключается в конструировании представлений и категоризации признаков. Через утвержденные категории государственные органы получают возможность не просто зафиксировать статистику, но через определение набора перечня принадлежности использовать данные группы в управленческих практиках. Категории институционализируются в дискурсе и упорядочивают социальное взаимодействие. Выстраивая самопозиционирование по маркеру этничности, элиты действуют по разным стратегиям мобилизации, но конечная цель — стимулировать фиксацию титульной этнической принадлежности, поскольку это закрепляет право на особые преференции.

Когда государства институционализируют этнические категории, эти институты помогают создавать и/или укреплять чувство «мы — они» и субъективные оценки в отношении этих категорий. Так, на уровне государства происходит институционализация этнической идентичности. Таким образом, категории идентификации в переписном листе представляют собой не фиксированные и изначальные идентичности, а понимаются как процессы и привязанности, которые социально сконструированы. Поэтому важным фокусом исследования должно быть определение практик конструирования категорий.

Этот подход позволяет рассматривать переписи через призму институциональных заимствований и постановку вопроса: откуда в переписях появляются те или иные категории? Как представляется, в ответе на него может быть полезна концепция институционального изоморфизма П. ДиМаджио и У. Пауэлла. Авторы, как известно, выделяют три механизма институциональных изоморфных

⁵ Попис на населението, домаќинствата и становите во Република Северна Македонија, 2021 — прв сет на податоци. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.df2fb30d-66557024-f1f9ab67-74722d776562/https/www.stat.gov.mk/xls/2022/2.1.22.10-mk- (дата обращения: 18.06.2024).

изменений: принудительный изоморфизм (проявляется в изменении практик и организационных форм деятельности под давлением вышестоящих органов, осуществляемым посредством принятия нормативно-правовых актов); подражательный изоморфизм (выражается в заимствованиях и имитации, например, копирование практик преуспевающих конкурентов); нормативный изоморфизм (является результатом овладения профессиональными компетенциями и использования их в практических действиях) [ДиМаджио, Пауэлл 2010].

Проведение переписи населения имеет свои особенности в разных странах. Однако существуют общие принципы ООН, которые публикуются в виде рекомендаций Конференции европейских статистиков (КЕС) по проведению переписей населения и жилищного фонда. Исследование данных рекомендаций в перспективе открывает возможности теоретического и эмпирического представления об институциональном измерении и изменении категорий в переписях.

Поступила в редакцию / Received: 15.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2024

Библиографический список

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. Москва : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- Варшавер Е.А. В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 199–221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>
- Витковская Т.Б., Назукина М.В. Динамика самоопределения этнических движений на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана и Грузии) // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. № 3. С. 447–470. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-447-470>
- ДиМаджио П., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // *Экономическая социология*. 2010. № 1. С. 35–56.
- Дробижева Л.М. Этническая идентичность // *Политическая идентичность и политика идентичности*. Т. 1. Словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семенов. Москва : РОССПЭН. 2011. С. 130–135.
- Краснопольская И.И., Солодова Г.С. Перепись населения как инструмент строительства наций // *Мир России*. 2016. № 1. С. 55–78.
- Назукина М.В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 3. С. 78–92. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.06>
- Панов П.В. Политико-территориальная гетерогенность, конфликты и институциональные решения: состояние и перспективы развития баз данных для количественных исследований // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2023. № 3. С. 85–95. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-3-85-95>

- Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. Москва : Университетская книга, 2005.
- Тушков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. Москва : Наука, 2003.
- Clammer J. The institutionalization of ethnicity: The culture of ethnicity in Singapore // *Ethnic and Racial Studies*. 1982. No. 2. P. 127–139. <https://doi.org/10.1080/01419870.1982.9993365>
- Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives*. London : Pluto Press, 1993.
- Grommé F., Scheel S. Doing statistics, enacting the nation: The performative powers of categories // *Nations and Nationalism*. 2020. No. 3. P. 576–593. <https://doi.org/10.1111/nana.12596>
- Hirschman C. The meaning and measurement of ethnicity in Malaysia: An analysis of census classifications // *Journal of Asian Studies*. 1987. No. 3. P. 555–582. <https://doi.org/https://doi.org/10.2307/2056899>
- Jenkins R. Catagorization: Identity, Social Progress and Epistemology // *Current Sociology*. 2000. No. 3. P. 7–25.
- Jenkins R. *Social Identity*. London ; New York : Routledge, 2008.
- Kertzer D., Arel D. (Ed.). *Census and identity. The politics of race, ethnicity and language in national censuses*. Cambridge : Cambridge University Press, 2002.
- Kukutai T. Broman P. From colonial categories to local culture: Evolving state practices of ethnic enumeration in Oceania, 1965–2014 // *Ethnicities*. 2015. No. 5. P. 1–23. <https://doi.org/10.1177/1468796815603755>
- Kukutai T., Thompson V. ‘Inside Out’: The politics of enumerating the nation by ethnicity / P. Simon, V. Piche, & A.A. Gagnon (Ed.) *Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*. Cham, Switzerland : Springer Open, 2015. P. 39–61. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-20095-8>
- Lieberman E.S., Singh P. Institutionalized Ethnicity and Civil War, 2011. 39 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/254063662_Institutionalized_Ethnicity_and_Civil_War (accessed: 19.03.2024).
- Morning A., Sabbagh D. From sword to plowshare: Using race for discrimination and antidiscrimination in the United States // *International Social Science Journal*. 2005. Vol. 57. P. 57–73.
- Morning A. Ethnic classification in global perspective: A cross-national survey of the 2000 census round // *Population Research and Policy Review*. 2008. No. 2. P. 239–272. <https://doi.org/10.1007/s11113-007-9062-5>
- Rallu J.-L., Piché V., Simon P. *Demography and Ethnicity: An Ambiguous Relationship* / ed. by G. Caselli, J. Vallin, G. Wunsch. *Demography: Analysis and Synthesis. A Treatise in Population Studies*. Burlington, MA: Elsevier Academic Press, 2006. P. 531–549.
- Rodriguez C. *Changing Race: Latinos, The Census, and the History of Ethnicity in the United States*. New York : New York University Press, 2000.
- Simon P., Piché V., Gagnon A.A. (Ed.) *Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*. Cham : Springer, 2015. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-20095-8>

References

- Anderson, B. (2001). *Imaginary Communities: Reflections on the origins and spread of nationalism*. Moscow: Canon-Press-C, Kuchkovo field. (In Russian).
- Brubaker, R. (2012). *Ethnicity without groups*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian).
- Clammer, J. (1982). The Institutionalization of Ethnicity: The Culture of Ethnicity in Singapore. *Ethnic and Racial Studies*, 2(5), 127–139. <https://doi.org/10.1080/01419870.1982.9993365>

- DiMaggio, P.J., & Powell, W.W. (2010). The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *Journal of Economic Sociology*, 1, 35–56.
- Drobizheva, L.M. (2011). Ethnic identity. In I.S. Semenenko (Ed.), *Political identity and the identity politics. Vol. 1. Dictionary of terms and concepts* (pp. 130–135). Moscow. (In Russian).
- Eriksen, T.H. (1993). *Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives*. London: Pluto Press.
- Grommé, F., & Scheel, S. (2020). Doing statistics, enacting the nation: The performative powers of categories. *Nations and Nationalism*, 3(26), 576–593. <https://doi.org/10.1111/nana.12596>
- Hirschman, C. (1987). The meaning and measurement of ethnicity in Malaysia: An analysis of census classifications. *Journal of Asian Studies*, 3(40), 555–582. <https://doi.org/https://doi.org/10.2307/2056899>
- Jenkins, R. (2008). *Social Identity*. London; New York: Routledge.
- Jenkins, R. (2000). Catagorization: Identity, Social Progress and Epistemology. *Current Sociology*, 3(48), 7–25.
- Kertzer, D., & Arel, D., (Ed.) (2002). *Census and identity. The politics of race, ethnicity and language in national censuses*. Cambridge: Cambridge University Press. 210 p.
- Krasnopol'skaya, I., & Solodova, G. (2016). National Census as an Instrument of Nation Building in the Postindustrial Age. *Mir Rossii*, 1, 55–78. (In Russian).
- Kukutai, T., & Broman, P. (2015). From colonial categories to local culture: Evolving state practices of ethnic enumeration in Oceania, 1965–2014. *Ethnicities*, 5(16), 1–23. <https://doi.org/10.1177/1468796815603755>
- Kukutai, T., & Thompson V. 'Inside Out': The politics of enumerating the nation by ethnicity. In P. Simon, V. Piche, & A.A. Gagnon (Ed.), *Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*. Cham, Switzerland: Springer Open. 2015. P. 39–61. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-20095-8>
- Lieberman, E.S., & Singh, P. (2011). *Institutionalized Ethnicity and Civil War*. 39 p. Retrieved March 19, 2024, from https://www.researchgate.net/publication/254063662_Institutionalized_Ethnicity_and_Civil_War
- Morning, A., & Sabbagh., D. (2005). From sword to plowshare: Using race for discrimination and antidiscrimination in the United States. *International Social Science Journal*, 57, 57–73.
- Morning, A. (2008). Ethnic classification in global perspective: A cross-national survey of the 2000 census round. *Population Research and Policy Review*, 2(27), 239–272. <https://doi.org/10.1007/s11113-007-9062-5>
- Nazukina, M.V. (2020). The Institutionalization of Ethnicity in the Identity Policy of Russian Republics: Conceptual Analysis. *Polis. Political Studies*, 3, 78–92. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.06>
- Panov, P.V. (2023). Political-territorial heterogeneity, conflicts, and institutional solutions: the state and prospects for the development of databases for quantitative rese. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 3, 85–95. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-3-85-95>
- Rallu, J.-L., & Piché, V., & Simon, P. (2006). Demography and Ethnicity: An Ambiguous Relationship. In G. Caselli, J. Vallin & G. Wunsch (Ed.), *Demography: Analysis and Synthesis. A Treatise in Population Studies* (pp. 531–549) Burlington, MA: Elsevier Academic Press.
- Rodríguez, C. (2000). *Changing Race: Latinos, The Census, and the History of Ethnicity in the United States*. New York: New York University Press. 283 p.
- Scott, J. (2005). *The good intentions of the state. Why and how projects to improve the conditions of human life failed*. Moscow: University Book. (In Russian).
- Simon, P., & Piché, V., & Gagnon, A.A., (Ed.) (2015). *Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-20095-8>

- Tishkov, V.A. (2003). *Requiem for Ethnos: Studies in socio-cultural anthropology*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Varshaver, E.A. (2022). Trapped in Double-Irrelevancy: (Re)-Production of Ethnicity in Interactions between Census-Takers and Their Respondents Based on Results of Observations during 2021 All-Russian Census in Dagestan. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4, 199–221. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>
- Vitkovskaya, T.B., & Nazukina, M.V. (2023). Ethnic movements selfdetermination dynamics in post-Soviet states (the cases of Azerbaijan and Georgia). *Ars Administrandi*, 3, 447–470. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-447-470>

Сведения об авторе:

Назукина Мария Викторовна — кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (e-mail: nazukina@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-0190-0513)

About the author:

Mariya V. Nazukina — PhD in Political Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of Institute for Humanitarian Studies, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (e-mail: nazukina@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-0190-0513)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-733-752
EDN: XPEANL

Научная статья / Research article

Кино как зеркало идентичности, идентичность в зеркале кино

И.С. Семененко¹ , В.И. Пантин¹ , Е.В. Морозова²

¹Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

²Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
 v.pantin@mail.ru

Аннотация. Влияние кинематографа на формирование национальной, цивилизационной, политической идентичности, на утверждение гражданской идентичности как ресурса общественного развития входит в сферу интереса политической науки. Анализ построен на принципах идентитарного подхода, использованы компаративные методы; эмпирическую базу составляет фильмография по общественно-политической тематике, примеры отобраны методом целевой выборки. В центре внимания — произведения художественного кино, которые предоставляют богатый материал не только для изучения тенденций современного политического развития через их отражение в художественном творчестве, но и для осмысления восприятия политики и политического развития современниками сквозь призму обыденного сознания. На примере кинопродукции разных стран авторы выявляют механизмы, которые используются заказчиками и создателями кинофильмов для воздействия на идентичность и политическую картину мира аудитории. Показано, что киноискусство оказывается эффективным инструментом создания и пересмотра исторических нарративов и продвижения новых образов и смыслов, фиксируя разрывы и преемственность памяти поколений, и видение перспектив развития. Особое внимание уделено жанру биографического кино (биопикам), значимость которого связана с ролью персонализированных идентификаторов в лице политических лидеров и личностей, воплощающих национальный идеал. На основе проведенного анализа авторы актуализируют проблему ожидания героя в современном кинематографе, рассматривая ее как неудовлетворенный общественный запрос.

Ключевые слова: идентичность, политика идентичности, группы интересов, персонализированные идентификаторы, кинематограф, художественный фильм, (кино) герой, политический лидер, политика памяти, политическая картина мира

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Семененко И.С., Пантин В.И., Морозова Е.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Семеновко И.С., Пантин В.И., Морозова Е.В. Кино как зеркало идентичности, идентичность в зеркале кино // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. №4. С. 733–752. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-733-752>

Cinema and Identity: Criss-Cross Reflections

Irina S. Semenenko¹ , Vladimir I. Pantin¹ , Elena V. Morozova²

¹Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

²Kuban State University, *Krasnodar, Russian Federation*

 v.pantin@mail.ru

Abstract. The paper focuses on how cinema shapes national, civilizational, and political identity and how it fosters civic identity as a driver for social development. The analysis is based on approaches inherent to identity studies and uses comparative methods; the empirical base consists of films selected through the purposive sampling method. The focus is on feature films, which provide extensive material for studying the trends of modern political development and its perception by contemporaries. Referring to examples of film production from various countries representative in this sense, the authors identify the mechanisms used by patrons and producers of films to influence the identity of the audience and the political picture of the world people identify with. Cinema is regarded as an effective tool for creating and revising historical narratives, for promoting new images and meanings and for exposing prospects for future social development. Special attention is paid to the genre of biographical films (biopics) portraying political leaders and individuals who embody the national ideal. The authors conclude that as of today, the expectation of a hero is an unmet public demand in contemporary cinema.

Keywords: identity, identity politics, interest groups, cinema, political leader, personalized identifiers, politics of memory, political picture of the world

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Semenenko, I.S., Pantin, V.I., & Morozova, E.V. (2024). Cinema and identity: Criss-cross reflections. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 733–752. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-733-752>

Введение

В пространстве визуальной культуры ключевая роль прочно утвердилось за кинематографом. Кино выполняет не только интерпретирующие, но и проективные задачи, формируя образцы поведения и представления о горизонтах общественного развития, зачастую — создавая и продвигая образ будущего. Возникнув на заре прошлого века, искусство кино претерпело и продолжает претерпевать глубокие трансформации в содержательном и в технологическом плане. Тенденции, свидетелями которых мы сегодня являемся, отражают существенные изменения, которые происходят

с человеком и обществом — процессы индивидуализации и социальной фрагментации, возникновение новых рисков и угроз, но и новых возможностей для общественного развития, связанных с появлением новейших технологий и их укоренением в повседневной жизни [Кастельс 2000, 2020]. В условиях радикальных сдвигов в структуре современного миропорядка кино фиксирует в художественной форме тенденции социальной динамики и изменения в картине мира современного человека — его зрителя и его протагониста. Эти тенденции отражаются в перипетиях личностных и групповых социальных идентичностей, которые кино фиксирует как документ эпохи, отражая идейные ориентиры, культурные нормы и эстетические предпочтения сменяющихся друг друга поколений.

Было бы неоправданно претендовать в одной статье на всесторонний анализ влияния кино на общественную жизнь, даже прицельно на сферу политики и политического. По словам авторитетного историка отечественного кино, «кинематограф — огромная и сложная отрасль культуры, допускающая самые разные ракурсы рассмотрения, несходные аспекты изучения. Особыми научными дисциплинами стали экономика кино, социология, история кинопроизводства, техника кино и многие другие» [Зоркая, 2014: 1]. Добавим в этот ряд и кино как объект политики в сфере культуры в контексте анализа взаимоотношений искусства и власти, а его заказчиков и создателей — как субъектов политики идентичности. Не менее важным представляется изучение роли кино как инструмента политической социализации и ресоциализации. Закономерно, что в стратегическом документе — Основах государственной культурной политики — кинематографические произведения названы неотъемлемой частью нематериального культурного наследия; перед государством поставлена задача поддержки производства и проката национальных фильмов, направленных на нравственное, гражданско-патриотическое и общекультурное развитие детей и взрослых, развитие знаний и компетенций¹.

Отметим, что наш интерес к неполитическим инструментам и механизмам формирования идентичности, в ряду которых важное место занимает искусство кино, обусловлен целенаправленной политизацией сферы культуры, апеллирующей к идентичности в ее макрополитических измерениях — национальном, гражданском, цивилизационном.

Наиболее ярко эти процессы отражает художественное игровое кино, избранные образцы которого и являются предметом рассмотрения в данной статье. Авторы сознательно не ограничивались картинками о политических событиях, так называемым политическим кино, обзор этого поля составляет предмет отдельного исследования [см., напр., Dubois 2007]. Мы отобрали для анализа кинокартины, которые по разным показателям — зрительским рейтингам, оценкам

¹ О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808: Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855> (дата обращения: 16.10.2024).

кинокритиков, присутствию в смежных сферах культуры — стали эффективными инструментами реализации политики идентичности в руках государства и отдельных групп интересов, влияющих на эту политику.

Кино как инструмент воздействия на индивидуальное и массовое сознание

Еще «вчера» в обществе произошел «визуальный поворот» («visual turn»), заключающийся в утверждении господствующих позиций изобразительных средств и методов по сравнению с языковыми [Скорик 2018], в своего рода «сдаче позиций» письменным словом: две трети человеческого сообщества воспринимают информацию «глазами» — через зрительные образы, и в каждом последующем поколении доля «визуалов» выше. В структуре досуга молодых людей просмотр фильмов дома и посещение кинотеатра находится на лидирующих позициях — входит в топ-3 видов занятий в свободное время².

Функции кино в современном обществе многогранны, они охватывают все сферы социальной жизни. Здесь уместно процитировать кинорежиссера Андрея Тарковского: «Я думаю, что нормальное стремление человека, идущего в кино, заключается в том, что он идет туда за *временем* — за потерянным или упущенным, или за не обретенным доселе. Человек идет туда за жизненным опытом, потому что кинематограф, как ни одно из искусств, расширяет, обогащает и концентрирует фактический опыт человека, и при этом не просто обогащает, но делает *длиннее*, значительно длиннее, скажем так. Вот в чем действительная сила кино, а не в „звездах“, не в сюжетах, не в развлекательности» [Тарковский, 2002: 163]. Тот факт, что современное кино, как рассчитанное на самую широкую аудиторию, так и авторское, часто не удовлетворяет таких потребностей человека и оказывается не в состоянии расширить и сконцентрировать его жизненный опыт, соединить распавшуюся «связь времен» и предложить новые позитивные, созидательные смыслы, говорит лишь о том, что кино зачастую не выполняет своей духовной и культурной, жизненно важной для человека и общества функции.

Отражая прошлое, фиксируя настоящее (кино как «запечатленное время»), а зачастую и заглядывая в будущее, кино предлагает ориентиры культурной и политической идентичности, выстраивает социально приемлемую систему координат, формирует и транслирует представления о культурной норме, которая отражается в политическом поведении. Художественные фильмы играют ключевую роль в социализации человека, в формировании его картины мира, политических и культурных предпочтений. Кинематограф может выступать и в качестве мощного и эффективного идеологического и политического инструмента, воздействующего на массовое сознание, при том, что такое воздействие часто имеет отложенный во времени эффект и современниками в таком качестве может не восприниматься.

² Исследование: российская молодежь предпочитает соцсети и просмотр кино дома // РИА Новости: официальный сайт. URL: <https://ria.ru/20171220/1511300915.html> (дата обращения: 04.04.2024).

Через кинооптику продвигаются представления об исторической памяти, об эпохе в том виде, как она видится на момент создания фильма. Анализ сдвигов в восприятии исторических реалий фиксирует память поколений, а присутствующая в кадре предметная среда отражает срез быстро меняющейся повседневности, которая тоже является «говорящим документом эпохи». Так, в 1960-е гг. атрибутами интерьера положительного героя советского кино были уставленные книгами полки, гитара и портрет Хемингуэя; в 2000-е книги исчезают из «модельного», социально одобряемого интерьера, красноречиво свидетельствуя об изменении культурной нормы и, опосредованно, — политических реалий, или, точнее, их восприятия современниками. В итоге формируется особая «кинореальность» — разновидность виртуальной реальности, в которую включается зритель.

Кинематографу принадлежит существенная роль в реализации политики памяти, в трактовке исторических событий, в оценке исторических деятелей, в том числе современных политических лидеров. Предлагая зримые образы персонифицированных идентификаторов, кино оказывается действенным инструментом политики идентичности, которая проводится от имени находящихся у власти элит или выступающих с политическими притязаниями конкурирующих групп интересов. В этом смысле ключевыми акторами становятся «группы мнений», вовлеченные в процессы продвижения идей и ценностных установок от имени групп интересов, в том числе интеллектуальной элиты. Механизмы формирования этой повестки политики идентичности можно выявить путем, например, анализа тематического поля кинематографической продукции в широком контексте государственной политики в сфере образования и культуры.

Возможности и точки доступа негосударственных политических акторов во многом зависят от моделей финансирования и распространения кинопродукции, и заметную роль играет здесь лоббистский потенциал тех или иных групп интересов, возможности доступа к процессам принятия решений. На это обращали внимание авторы пионерного исследования о группах интересов и группах мнений в СССР, проведенного двумя канадскими исследователями в 1970-е гг., когда советская система виделась как политический монолит; на существование «групп мнений» указывает, в частности, анализ писательского сообщества в условиях тогдашнего доминирования культуры слова [Interest Groups in Soviet Politics 1971]. Очевидно, что выбор тем и средств их художественного воплощения происходит в процессе политических и культурных коммуникаций, в которых задействованы заказчики и творцы художественных образов, и зачастую они обнажают идейные разногласия и противоречия, социальные и ценностные размежевания в разделенных обществах. Цензурные решения отражают только видимую часть таких противоречий. Кино становится ареной столкновения идентичностей и «борьбы за идентичность» той аудитории, к которой оно апеллирует.

В то же время кинофильмы, как правило, воспринимаются человеком пассивно: в отличие от чтения книг, классической музыки и даже театра с его

очевидными условностями кино предлагает зрителю готовые образцы, почти не требующие работы воображения и далеко не всегда — работы мысли. Социокультурные и идейно-политические конструкты, стереотипы, формы поведения, которые продвигает кинематограф, часто не осознаются, не рефлексируются и критически не осмысливаются. Во множестве современных отечественных фильмов и сериалов мы фиксируем наличие скрытой коммерческой рекламы, так называемой «джинсухи», когда герои пьют чай и варят макароны определенных брендов, передвигаются на авто определенных марок и т.д. В результате кино во многих случаях становится мощным инструментом внедрения в массовое сознание идеологических и политически ангажированных конструкций, образов и сюжетов, ориентиров идентичности.

Образ политического лидера в зеркале исторической памяти

Модели политического лидерства и принятия политических решений отражены в лучших художественных фильмах о выдающихся политических лидерах XX в. — Уинстоне Черчилле, Шарле де Голле, Джоне Кеннеди, Махатме Ганди. При этом образы и действия этих политических лидеров наиболее выразительно показаны в действительно имевших место сложных, драматических политических ситуациях, когда от каждого из них во многом зависел выбор их страной пути развития.

Фильм, в котором отображена драматическая политическая ситуация и процесс трудного принятия крайне важного политического решения, — это фильм о Черчилле «Темные времена» («Darkest Hour» — буквально «Самый темный час», реж. Дж. Райт, 2017). В фильме показана военно-политическая ситуация лета 1940 г., когда Франция терпит поражение от гитлеровской Германии, а перед Черчиллем, который недавно стал премьер-министром, стоит судьбоносный выбор. Согласно идее создателей фильма, решимость Черчилля противостоять Гитлеру и не идти на переговоры под давлением «умиротворителей» — членов собственного кабинета появляется после встречи в метро с простыми жителями Лондона, которые единодушны в готовности сражаться, если фашисты нападут на Великобританию. Черчилль произносит в Палате общин знаменитую речь «Мы будем сражаться на пляжах», после которой парламент устраивает ему овацию.

Фильм «Де Голль» (режиссер Г. Ле Бомен, 2020, речь идет именно о художественном фильме, а не о гораздо более слабом сериале, делающем упор на перипетиях личной жизни героя), повествует о еще более сложном выборе, который стоял перед генералом де Голлем во время наступления немцев на Францию в 1940 г. и ее оккупации гитлеровской Германией: в тот момент он был почти единственным, кто открыто осмелился призвать к борьбе с фашистами, причем этот призыв формально нарушал воинскую дисциплину — подчинение генерала де Голля Петену и Вейгану. Тем самым де Голль из военного превратился в политика, который принял в трагической личной и общественной ситуации судьбоносное политическое решение.

Роли политического лидера в условиях реальной угрозы глобальной термоядерной войны — Карибскому кризису в октябре 1962 г. — посвящен фильм «Тринадцать дней» (режиссер Р. Дональдсон, 2000). Кеннеди, который справедливо опасался начала ядерной войны с Советским Союзом, всего за три дня до намеченного удара предпринял последнюю (и успешную) попытку договориться с СССР. В картине подчеркнута стремление президента оставить возможность для маневра и разведения конфликтующих сторон с целью предотвращения глобальной войны. Несмотря на некоторые исторические неточности, в фильме реалистично показана и роль политического лидера, и сложный процесс принятия политических решений, и, главное, та смертельная для человечества опасность, которую несет с собой неспособность лидеров враждующих государств пойти на взаимные уступки и договориться. К сожалению, современная ситуация в мире демонстрирует неспособность или слабую способность руководства США и ряда других стран договариваться и идти на взаимоприемлемые уступки. Отсюда и сохраняющаяся актуальность таких картин, как «Тринадцать дней».

В решающие моменты истории и социально-политического развития выдающийся политический лидер выступает олицетворением национальной идентичности миллионов граждан своей страны, а способность носителя такой идентичности брать ответственность на себя и делать правильный выбор является важнейшим фактором принятия судьбоносных политических решений. Острый общественный запрос на харизматичного и вызывающего доверие лидера в разных сферах жизни отражает массивное производство беллетризованных киноверсий биографий известных деятелей давнего и недавнего прошлого, жанра, получившего в мировом кино особое название «байопиков» (от англ. biopic — biographical picture). На таких картинах делало упор советское кинопроизводство в 1930-е — 1950-е гг., когда появилось более шести десятков картин единой идеологической направленности; в лучших киноработах пластичность и даже ходульность образов сглаживали режиссура и актерское мастерство. Интерес к жанру продолжал расти на протяжении последующих десятилетий, он сопровождался ростом внимания к личным сторонам биографии и психологии главных действующих лиц, в ряду которых и в отечественном, и в зарубежном кинематографе появлялось все больше героев с «человеческим лицом» из сферы культуры, науки, спорта, тех, кто олицетворял выдающиеся события в истории страны. В длинном ряду примеров выделяются «персонализаторы» национальной идентичности.

В последнее десятилетие мир столкнулся с таким количеством вызовов, что изобрел метафору пермакризиса (перманентного кризиса) (Фадеева, 2023). Далеко не все представители политических элит способны формулировать адекватные ответы на эти вызовы и действовать как преемники Черчилля, Де Голля и других лидеров прошлого. Элементы бесконечного эпатазирующего шоу, имидж политических фриков как будто пришли в политику из худших образцов комедий абсурда. Неслучайна популярность комедийных сериалов, представляющих гипертрафированные образчики несостоятельности политического класса.

Ситуацию в современном кино можно охарактеризовать как *ожидание героя*, который будет отличаться от нынешних «гладиаторов власти». Образ нового культурного героя призван воплощать, персонифицировать такие ценности, как дерзновенное, конструктивное преобразование общества; просвещение, образование и научное знание, позитивные, нацеленные на развитие смыслы. Социальный философ П. Бергер выдвинул идею о способности к поискам новых смыслов как важнейшей черте современного человека: «Мы идем по жизни, перекраивая календарь своих святых дней, снова и снова возводя и разрушая дорожные столбы — вехи времени на нашем пути к постоянно обновляющимся целям» [Бергер, Лукман 1996]. Остается надеяться, что в переживаемую эпоху тектонических геополитических трансформаций, в новых центрах силы появляться, в том числе благодаря кинематографу, привлекательные герои — образы, отражающие созидательный социальный и духовный опыт — носители чувства высокой ответственности перед обществом.

Перипетии национальной идентичности в фокусе киноиндустрии: от национальных к транснациональным пространствам

Национальная история как история народа и его героев всегда была в фокусе киноискусства. Стоит вспомнить, что история российского художественного кино началась в 1911 г. с ленты «Понизовая вольница» («Стенька Разин») и достигла таких вершин, как «Андрей Рублев» (реж. А.А. Тарковский, 1966).

В кинематографе последних трех десятилетий репрезентация национальной идентичности была актуализирована потребностями исторической политики: утверждения национальной государственности или места своего сообщества в «больших» национальных исторических нарративах. Так, набравшие силу в Великобритании процессы деволуции и создание парламента Шотландии были подкреплены активной деятельностью по созданию образов героического прошлого в литературе и кино. Парадокс заключался, однако, в том, что национальные символы в условиях становления открытого информационного пространства на рубежах XXI в. создавались в недрах массовой культуры с использованием привычных стереотипов об этой стране. Кассовый фильм «Храброе сердце» М. Гибсона, в котором режиссер сыграл и главную роль, способствовал, по мнению широкого круга участников разгоревшейся вокруг него дискуссии, укреплению национального духа; однако он выявил и противоречия вокруг повестки шотландской идентичности, «трудности в поддержании нарративов о национальной идентичности в глобализирующемся мире» [Edensor, 2002: 145]. Вслед за выходом этого голливудского продукта на экран заметно вырос поток студентов, желавших изучать шотландскую историю [Ibid: 156], и поток туристов, искавших знакомых по фильму впечатлений на местах событий (не случайно новый памятник Уоллесу, поставленный в Стирлинге, по облику схож с киногероем Гибсона, что вызвало волну критики). Но обнажилась и острая потребность шотландского общества в таком «видении своей истории и культуры, которое ориентирует нацию

в XXI век»³, не ограничиваясь исторической ретроспективой и привычными стереотипами. Характерно, что в фильме исторические сюжеты о междоусобной борьбе кланов подменяются сюжетами борьбы за независимость, целенаправленно «подправляя» исторический контекст для продвижения актуальной политической повестки...

Упреки в «неточном следовании фактам» неотлучно сопровождают сценарии по мотивам исторических событий, несмотря на столь же «ритуальные» оговорки их авторов. Восприятие киноистории как реального документа о прошлом — широко описанный в литературе феномен (достаточно вспомнить игровые кадры штурма Зимнего дворца в фильме С.М. Эйзенштейна «Октябрь» 1927 г.). В современном кино такого соблазна также не удастся избежать: исторические фильмы зачастую воспринимаются как реальный образ прошлого, при этом режиссерские политические симпатии могут способствовать смещению политических акцентов и трактовок. В эпохальной ленте «Ветер, который качает вереск» (реж. К. Лоуч, 2006), посвященной борьбе ирландцев против британского владычества в начале 1920-х гг., которая завершилась тогда утверждением контроля Великобритании над новорожденной Ирландской республикой, режиссер уделяет большое внимание вопросам социальных реформ. В 1920-е гг. они не стояли так остро в политической повестке дня, но встали во весь рост в годы „экономического чуда“, когда фильм вышел на экраны [Семененко, 2022: 89]. За это режиссер получил немалую порцию критики; но в таком подходе просматривается и возможность проекции прошлого в настоящее.

Не остались за пределами внимания кинематографистов и процессы гибридизации идентичности, прежде всего связанные с глобальной инокультурной миграцией [Лоло 2013] или дискредитацией идентичности. В фильме «Саамская кровь» (2016, реж. А. Кернелл) рассказывается про то, как саамов в 1930-х гг. воспитывают в шведском духе, запрещая следовать обычаям и говорить на своем языке. Судьба детей аборигенов, насильно отданных в английские семьи, стала одним из лейтмотивов фильма «Австралия» (2008, реж. Б. Лурман). Трагические последствия насильственного слома традиционной картины мира и идентичности показаны в новозеландском фильме «Когда-то они были воинами» (реж. Л. Тамахори, 1994), по мнению и критиков, и публики, — лучшего произведения новозеландского кинематографа, посвященного «непростой адаптации новозеландской культуры к современной идентичности тихоокеанской нации» [Thompson 2003: 239].

Кино остается одним из действенных инструментов «мягкой силы», формирующих и продвигающих образ страны, ее героев и людей у внешней аудитории. В разных странах сложились вариативные модели прямого или косвенного влияния государственных структур на процесс кинопроизводства и кинопроката. Наиболее детально, ввиду не столько объемов кинопроизводства, сколько масштабов его влияния на мировую аудиторию, в научной литературе исследована роль американского кинематографа как инструмента «мягкой силы»

³ The Guardian. 18.05.1995.

[Артамонова, 2020; Юсев, 2017; Халилов, 2019; Pells, 2012; Fattor 2014]. Между тем наблюдаемое в последние десятилетия стремительное возвышение экономической роли глобального Востока сопровождается столь же стремительным ростом популярности в мировом масштабе кинематографа Китая, Индии, Ирана, Турции. Особенно ярким примером является южнокорейское кино, наиболее успешные сюжеты которого теперь повторяются в американском кинопроизводстве (достаточно вспомнить сериал «Хороший доктор»).

«Глубокое погружение» в контексты национальной культуры при сохранении понятности и притягательности для представителей иных традиций и культур стремится совершить испанский кинематограф. Каждый год королевство проводит за рубежом 24 фестиваля испанского кино, целенаправленно проецируя свои образы за пределы страны в испаноговорящий мир. «Испанское кино — культура Испании в миниатюре — представляет совокупность выходцев из разных областей: испанское кино — это и кастильцы (Альмодовар), и баски (Медем, Ульоа), и выходцы из стран Латинской Америки (эмигрант из Чили Аменабар), и каталонцы (Койшет, Луна), и арагонцы (Саура), каждый из которых может накладывать свой отпечаток на свои произведения» [Куликова, 2023: 464]. Кино является инструментом развития транснациональных культурных пространств — Испанидад и Лузофонии. В 1996 г. на Иberoамериканском саммите было принято решение о создании «Ибермедиа» — иberoамериканского аудиовизуального пространства для стимулирования совместного кинопроизводства стран Латинской Америки (таких стран, как Аргентина, Боливия, Бразилия, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Чили, Эквадор, Гватемала, Мексика, Панама, Парагвай, Перу, Пуэрто-Рико, Доминиканская Республика, Уругвай, Венесуэла), Испании и Португалии [Куликова 2023]. Кинопродукция рассматривается как важная «скрепа» иberoамериканского мира.

Мировым лидером по числу выпускаемых кинолент (более 1500 фильмов производятся ежегодно) и масштабам зрительской аудитории (было продано около 2 млрд билетов) является Индия [Наумов 2018]. Болливуд стал частью национального бренда страны. Болливудом, как правило, именуют весь современный индийский кинематограф, однако в действительности это собирательное название киностудий и кинолент, произведенных в Мумбаи на языке хинди. Помимо Болливуда в Индии есть другие киностудии, которые по числу выпускаемых фильмов и кассовым сборам ему не уступают (речь идет, например, о Колливуде, базирующемся в штате Тамилнад и снимающем фильмы на тамильском языке, или Толливуде с центром в штате Андхра-Прадеш, выпускающем фильмы на языке телугу). Примечательно также, что фильмы на тамильском языке ориентированы в первую очередь на Шри-Ланку, Малайзию, Сингапур и Фиджи; кинокартины на бенгальском языке особенно популярны в соседнем Бангладеш; целевая аудитория кинолент на пенджабском языке вполне логично находится в Пакистане. Лингвистический аспект, таким образом, обуславливает особенности распространения влияния Индии в Южной Азии [Maini 2016]. Проецируя индийские образы за пределы национальных границ, кино способствует выстраиванию конфигурации нового центра силы.

Эффективным инструментом продвижения идеи и проекта Великого Турана как идеологической и политической базы инициации интеграционных процессов тюркоязычных стран и народов под протекторатом Турции становится кинематограф этой страны. Социологи зафиксировали «бум турецких мыльных опер» как особый социокультурный феномен. Одним из символов Турции стал сериал «Великолепный век» — историческая драма, повествующая о временах расцвета Османской Империи при султани Сулеймане Великолепном. Во многих фильмах и сериалах развивается посыл о тюркском происхождении народов Центральной Азии, особенно сильно этот сюжет актуализирован в Туркменистане. В художественном дискурсе реализуется установка «Одна нация, два государства» (тур. *İki devlet, bir millet*), причем в роли пранации выступают туркмены [Романова, Черничкин 2023]. На основе идеи тюркского мира формируется общее цивилизационное пространство поверх границ тюркоязычных государств, и кино берет на себя роль одного из символических ресурсов этого пространства, претендуя на репрезентацию общей идентичности и, в перспективе, формирования в этих границах также нового центра силы.

Репрезентация цивилизационной идентичности

Цивилизационная идентичность, понимаемая как отождествление или соотнесение индивида, социальной группы, этноса, нации с той или иной локальной цивилизацией — устойчивой, существующей длительное время на определенной территории наднациональной и надэтнической общности людей и государств, которая сохраняет и воспроизводит свою целостность, свои особые, отличающиеся от других цивилизаций культурные нормы, религию, ценности, традиции и социальные практики [Идентичность, 2023: 302–309; Семенов 2022], играет в современном мире все более значимую роль. В условиях глобальной нестабильности и быстрых перемен во всех областях общественной жизни цивилизация остается устойчивой общностью, а самоотнесенность с ней позволяет индивиду или социальной группе сохранить устойчивые ценностные ориентиры и преемственность в развитии [Huntington, 1996; Лубский, 2015; Идентичность, 2023: 304–305].

Проследить, как цивилизационная идентичность отражается и представляется в кино, — масштабная и многоаспектная задача, которая требует специального, обширного и глубокого исследования. В рамках данной статьи можно привести отдельные характерные примеры того, как конструируется и представляется цивилизационная идентичность в современном кинематографе. При этом существенно отметить неочевидное на первый взгляд, но исторически закономерное обстоятельство: западноевропейская цивилизационная идентичность присутствует в чрезвычайно богатом по содержанию и формам западноевропейском кинематографе в универсалистском, цивилизаторском измерении, как воплощение цивилизованности «вообще». На этом выстраивался, в частности, популярный на протяжении десятилетий жанр вестерна, перечеркивающий все современные нормы западной политкорректности.

На первом плане в кино прошлого столетия, как правило, представлялась национальная идентичность. В Западной Европе на протяжении веков основным субъектом и ключевым политическим институтом было национальное государство; и сегодня на уровне Евросоюза европейская идентичность «довольно распространена, но менее очевидна и внятна по сравнению с национальной и рассматривается, скорее, как ее дополнение, а не как альтернатива» [Идентичность... 2017: 191]. Фильмы, олицетворяющие феномен «европейского кино», черпают в первую очередь из классических литературных источников: достаточно вспомнить серии экранизаций произведений английской литературы — от романов Джейн Остин и Чарльза Диккенса (лидеров литературных предпочтений британцев, согласно данным многочисленных опросов) до Джоан Роулинг, или французские экранизации произведений Виктора Гюго, Александра Дюма и Оноре де Бальзака. Такого рода экранизации претендовали на представление «цивилизационных» образцов, пусть и с национальным колоритом. Однако их восприятие на поколенческом уровне может заметно различаться, поскольку обращенное к массовому зрителю кино стремится (правда, далеко не всегда успешно) ответить на запросы разных целевых аудиторий.

На рубежах нынешнего века национальный контекст стал терять узнаваемые черты, его вытеснили ценностные установки мультикультурного общества. Объектом внимания стала жизнь в разных культурах и их «мягкий» конфликт («Восток есть Восток», реж. Д. О’Доннелл, 1999 г.). О множасьихся экранизациях той же английской классики в политкорректном мультикультурном ключе написаны сотни статей, при этом ломать копыя вокруг постановки вопроса о приемлемости такого актерского состава стало непolitкорректным занятием. Интересен опыт «мягких» сатирических экранизаций с мультикультурным кастингом, таких как «История Дэвида Копперфильда» (реж. А. Иануччи, 2019), где сам английский национальный характер становится «игроком» театра абсурда.

Такие известные, ставшие классикой западноевропейского и мирового кинематографа и представляющие европейские социальные реалии художественные фильмы, как «Гибель богов» итальянского режиссера Лукино Висконти, «Скромное обаяние буржуазии» испанского режиссера Луиса Бунюэля или «Европа» датского режиссера Ларса фон Триера, делают акцент не столько на европейской цивилизационной идентичности, сколько на противоречиях внутри самой западноевропейской цивилизации и составляющих ее обществ. В результате европейская идентичность в этих и многих других фильмах остается на заднем плане или же становится объектом критического переосмысления.

Напротив, американская национально-цивилизационная идентичность со своими особенностями и характерными чертами в явном или неявном виде представлена во многих фильмах американского производства, поскольку именно США на протяжении своей истории претендовали на социально-политическую и культурную исключительность и в то же время осуществляли сначала региональную, а затем и глобальную экспансию, характерную для цивилизационных общностей [Лернер 1992]. Во многих более поздних американских

фильмах, особенно созданных в 1980-х — 2010-х гг., прослеживается тенденция представить США в качестве страны, спасающей мир от нашествия различных (в том числе инопланетных) «варваров», а американскую идентичность и американскую массовую культуру — как образец для всех остальных стран и цивилизаций.

В советском и отчасти российском кино проблемы сложного и противоречивого формирования российской цивилизационной идентичности, ее отличия от западноевропейской идентичности явственно присутствуют в давно ставших классикой фильмах «Александр Невский» С.М. Эйзенштейна, в фильме-эпопее «Война и мир» С.Ф. Бондарчука — экранизации романа Льва Толстого — и его же «Судьбы человека» по повести М.А. Шолохова, и, особенно, в фильме «Андрей Рублев» А.А. Тарковского. В то же время в постсоветском российском кино тема истоков и особенностей российской цивилизационной идентичности почти не получила развития (за редкими исключениями тех же экранизаций литературной классики, например, романа Достоевского «Идиот» реж. В.В. Бортко). И это несмотря на то, что эти проблемы широко обсуждаются в публичном пространстве и остро стоят в политической повестке. Можно предположить, что ситуация в киноискусстве во многом связана как с кризисом постсоветской идентичности, так и с процессами коммерциализации и определенной деградации российского кино, «рассыпания» крупных и глубоких тем на более мелкие и частные, с отсутствием стремления к художественному обобщению и осмыслению истории и современности. Позитивный образ российской действительности — относительно редкое явление для отечественной литературы, и такое восприятие закономерно перекочевало в кино. Вопрос о возрождении гуманистических традиций отечественного кино и о его способности выразить не сиюминутные, конъюнктурные или «чернушные», а действительно насущные и важные для России и ее граждан настроения и образы пока что остается открытым.

На рубеже нового тысячелетия в связи с подъемом незападных государств-цивилизаций, прежде всего Китая и Индии, в китайском и индийском кино получили свое отражение процессы роста цивилизационного самосознания и усиления роли цивилизационной идентичности. В большинстве фильмов, затрагивающих разные аспекты и проблемы цивилизационной идентичности, присутствует обращение к давней или недавней истории Китая и Индии. В китайском кинематографе в качестве примеров такого рода можно привести фильмы «Бесстрашный» (реж. Р. Ю, 2006 г.) и «Битва у Красной скалы» (реж. Дж. Ву, 2008–2009 гг.). В первом из этих фильмов показана история мастера боевых искусств Хо Юаньцзя в эпоху заката и кризиса Цинской империи начала XX в., причем внимание акцентировано на том, что многие китайцы в это время буквально пресмыкались перед Западом, а иностранная культура разобщала китайский народ и китайскую цивилизацию. В то же время в фильме «Бесстрашный» показана несгибаемость духа главного героя, почти в одиночку противостоящего внутренним и внешним противникам и утверждающего примат китайской культуры над культурой иностранной. Во втором фильме, снятом

по мотивам исторического романа «Троецарствие», рассказывается об одной из величайших битв эпохи Троецарствия в Древнем Китае; при этом сам фильм представляет собой своего рода историческую эпопею, в которой показано становление в Китае единого государства и единой цивилизации.

В индийском кино проблемы формирования индийской цивилизации и индийской цивилизационной идентичности показаны, в частности, в историческом сериале «Порус» (реж. С.К. Тевари, 2018 г.). Сюжет построен вокруг попыток объединения многочисленных индийских княжеств с тем, чтобы противостоять завоеванию Индии войсками Александра Македонского. Казалось бы, обращение к столь древней истории не имеет прямого отношения к современной ситуации, связанной с индийской цивилизационной идентичностью, однако это не так. Весьма выразительно показаны сложность и многочисленные препятствия на пути преодоления господства местной и племенной идентичности ради формирования общей цивилизационной идентичности для отпора завоевателям с Запада, а также отличительные черты индийской культуры и цивилизации (Бхарата). Сериал снят относительно недавно, в 2018 г., и прямо соотносится с современными проблемами развития единой индийской цивилизации, преодоления сохраняющегося в современной Индии доминирования местной и кастовой идентичности во имя общей индийской идентичности.

Обращение к идентичности как цивилизационному выбору ярко отражено в фильме совместного британско-индийского производства «Ганди» (реж. А. Аттенборо, 1982 г.). В снятом по мотивам биографии индийского лидера Махатмы Ганди фильме показаны переломные события жизненного пути лидера народа, борющегося за национальную независимость. В этой борьбе именно обращение к цивилизационным истокам идентичности, идеям ненасилия оказывается решающим фактором в утверждении жизненных смыслов для личности и для политического будущего страны.

Китайские и индийские фильмы, в которых явно выражена цивилизационная идентичность и проблемы ее формирования, отнюдь не случайно появились именно в первые десятилетия XXI в., когда подъем китайской и индийской цивилизаций стал очевидным и появилась потребность в более четком цивилизационном самосознании. Вместе с тем процессы формирования и проявления цивилизационной идентичности, отражающиеся в китайском и индийском кинематографе, в современную эпоху стимулируются также общим изменением мирового порядка в направлении полицентризма и взаимодействия разных цивилизаций на новых основаниях. В какой-то мере, хотя и не прямо, эти процессы отражаются в современном китайском и индийском кинематографе.

Настоящее в прошлом, прошлое в будущем: кино в политической картине турбулентного мира

Попытки обозначить горизонты политического будущего просматриваются в сюжетах, затрагивающих основы общественного устройства в итальянском кино, имеющем репутацию «самого политического» национального

кинематографа. В 1950-е гг. страна поднималась из руин Второй мировой войны, ее политический класс и интеллектуальная элита стремились дистанцироваться от фашистского прошлого, и в реализации задачи примирения с трудным прошлым большую роль сыграло кино. Военные события были переосмыслены через историю антифашистского движения Соппротивления («Рим, открытый город», реж. Р. Росселлини, 1945, «Семь братьев Черви», реж. Дж. Пуччини, 1968) и через трагедию воевавших на стороне гитлеровской Германии («Они шли на Восток», реж. Дж. Де Сантис, Д. Васильев, 1964 г., в буквальном переводе название фильма — «Итальянцы — brave ребята»). Ставшие классикой кинокартины о социальных проблемах страны в стилистике неореализма, вышедшие в два послевоенных десятилетия, создали кинематографу Италии неоспоримую репутацию «прогрессивного», — в плеяде великих режиссеров большинство (хотя не все) разделяли левые взгляды.

Перипетиям итальянской политики послевоенных десятилетий — проникновению мафии и американских спецслужб в структуры «непотопляемой» в течение почти полувека Христианско-демократической партии (ХДП), с одной стороны, и размыванию социальной базы и массовой поддержки Итальянской компартии (ИКП) — с другой, посвящены десятки киноработ следующего поколения.

Ракурсы рассмотрения одних и тех же событий заметно менялись со временем. Водоразделом в политической истории современной Италии, событием, определившим траекторию политического развития на рубежах нового века, стало похищение «Красными бригадами» председателя ХДП и бывшего премьер-министра Альдо Моро и его убийство после 55-дневного заключения. Об этом итальянском политическом, его трагической гибели 9 мая 1978 г. и расследовании «дела Моро» на сегодняшний день снято уже восемь игровых кинолент, многие — с использованием приемов и материалов документального кино. В итальянской критике такой длинный список рассматривают как свидетельство «ответственности поколения за терроризм и за его отторжение» и как механизм формирования коллективной памяти о «свинцовых» годах политической нестабильности и разгула преступности [Greenburg Gilliom, 2016: 9] в стремлении перевернуть страницу трудного прошлого.

Спустя несколько лет после этих эпохальных событий, разделивших политическое время в Италии на «до» и «после» трагедии, на экраны вышел фильм «Дело Моро» (реж. Дж. Феррара, 1986), в главной роли снялся известный актер (и член ИКП) Дж.М. Волонте. В фильме воспроизведена хроника событий, но режиссер ввел и вымышленные сцены и отошел в ряде эпизодов от известных на то время фактов, чтобы подчеркнуть остроту политического противостояния и масштабы человеческой трагедии. В ленте следующего исторического периода, снятой спустя четверть века, по завершении истории Первой республики и схождении с политической арены основных ее протагонистов — ХДП и ИКП — основное внимание уделено психологии терроризма и внутреннему миру палачей и жертвы. Название «Здравствуй, ночь» (реж. М. Беллокьо, 2003) однозначно указывает на «начало конца» той траектории

политического диалога между противостоящими партийными силами, которые прервала гибель авторитетного итальянского политика, и той Италии, в которой идейно-политическая самоидентификация была жизненной потребностью для значительной части ее граждан. Последний по времени фильм «Альдо Моро — профессор» (или «преподаватель», в итальянском языке это идентичные слова) вышел в 2018 г. (реж. Ф. Миччике) и адресует политическое послание об ответственности за себя и за свой выбор молодежи. Политик показан здесь в ипостаси преподавателя университета, деятельности, которую Моро любил и считал очень важной. И ученики отвечали ему взаимностью.

Тенденция внешней «деполитизации политического» при сохранении политического посыла, присущего лучшим образцам итальянского киноискусства и литературы, прослеживается уже в самых политизированных семидесятых годах в таких широко известных фильмах, как «Амаркорд» (реж. Ф. Феллини, 1973), картины во многом автобиографической, в которой приглушенно, но звучат антифашистские мотивы. «Чай с Муссолини» (реж. Ф. Дзеффирелли, 1999) развенчивает домыслы о «мягкой» диктатуре. Перипетии музейного проекта «истории фашизма», который не реализован на родине дуче в окрестностях г. Форли (под него предполагалось отдать здание штаб-квартиры фашистской партии) и который теперь предполагается создать в г. Сало на берегу озера Гарда, где заседало фашистское правительство Итальянской социальной республики, свидетельствуют о том, что в исторической памяти послевоенных поколений эта страница пока не перевернута; памятники фашистской эпохи по-прежнему остаются частью ландшафта больших и малых городов этой «страны-музея», а бюсты Муссолини можно купить в сувенирной лавке. В фильме «Я вернулся» (реж. Л. Миниеро, 2018) фашистское прошлое и его современное восприятие представлены в стилистике фарса. Такой опыт вписывается в контекст фрагментарной политики памяти, связанной с нереализованной потребностью в переосмыслении наследия Италии фашистских десятилетий, его влияния на массовое сознание и отражения в политической картине мира нынешних поколений.

Полемика вокруг значимых событий американской истории практически затрагивает все аспекты американского общества и современной американской культуры. Оценки важнейших событий подвергаются оспариванию в духе идеологием, выдвинутых движением BLM и поддержанных радикальными либералами. Это дебаты вокруг сущности, специфики прошлого и будущего американского опыта. В настоящее время жертвой господствующей в США «культуры отмены» становится, в частности, концепт фронта.

Естественно, адепты абсурдной политкорректности стремятся «навести порядок» и в кинематографе. Одной из жертв стал знаменитый фильм «Унесенные ветром» (реж. В. Флеминг), вышедший на экраны в 1939 г. Он был удален из сервиса HBO Max в связи с «романтизацией расизма»⁴. «Борьба с гармоническими образцами прошлого свидетельствуют о глубокой дисгармонии настоящего,

⁴ На следующий день после запрета картины «Унесенные ветром» в сети HBO ее же востребованность на Амазоне взлетела на самую верхушку рейтинга продаж.

о примитивизации отношений. Это будет приводить к большим социальным сдвигам, хотя запретители думают иначе», — так оценил этот шаг киновед А. Шпагин⁵.

Большой интерес для репрезентации национальной и цивилизационной представляют образы «своей» культуры и истории в зеркалах «чужого» искусства. Для России в качестве такого «зеркала стереотипов» обоснованно рассматривается американское кино, особенно богатое на образ врага в годы холодной войны (Рябов, 2011), для США — аналогично с противоположным знаком, о чем существует солидная подборка литературы (см., напр., Shaw, 2007). Как известно, «трактовка медиатекстов изменчива и часто подвержена колебаниям курсов политических режимов» [Федоров, 2013: 6]. Образ России на экранах стран Запада представлен разноплановыми образцами, киноряд от военных лет, когда предпринимались попытки познакомить свою аудиторию с непонятым, но достойным союзником («Дни славы», реж. Ж. Турнер, 1944), через период «холодной войны», до 2010-х гг. представлен, по подсчетам российского исследователя, в более 800 наименованиях только игрового кино, в том числе в более 200 экранизациях русской классики. Но представление России как «чуждого западной цивилизации „чужого“» остается неотъемлемой характеристикой западного кинематографа [Там же: 132; 137–138].

По итогам анализа литературы об образе России в западном кино можно сделать небезынтесный вывод: те социальные девиации, которые приписывались «чужому» в лице России — размывание и деконструкция семейных ценностей или «дефеминизация женщин» [Рябов, 2011: 26, 22] — стали сегодня искаженным отражением собственной реальности, той, где бытуют эти стереотипы.

Показательны как в рамках кросс-культурного (в фильмах, представляющих различные национальные кинематографические школы), так и в рамках кросс-темпорального анализа (на разных этапах становления национальной школы) интерпретации важнейших событий Второй мировой войны. Сталинградской битве, как переломному рубежу войны, посвящено немало фильмов, среди них немецкий фильм «Сталинград» (1993), американский «Враг у ворот» (2001). Советский фильм «Горячий снег» снят по одноименному роману Ю.В. Бондарева в 1972 г., а российский фильм «Сталинград» по мотивам романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» вышел в 2013 г. В первом фильме — глубокий психологизм, проникновение в бездны отношений человека и общества, высокий гуманизм при, естественно, скромных технических возможностях кинопроизводства начала 1970-х гг. Во втором — звездная интернациональная команда, колоссальный бюджет, потрясающие спецэффекты, огромные сборы в российском прокате. Результаты голосования зрителей говорят сами за себя: «Горячий снег» получает высокие оценки на российских ресурсах: 8,1 на Кинопоиске, 9,9 на Кинотеатр-Ру, в то время как «Сталинград» Бондарчука — 5,7 и 4,4 соответственно.

⁵ Странная борьба. Киновед оценил запрет «Унесенных ветром». URL: <https://radiosputnik.ru/20200610/1572771954.html> (дата обращения: 04.08.2024).

Нам довелось наблюдать за реакцией студентов-первокурсников во время просмотра кинофильма «Судьба человека». Фильм 1959 г. черно-белый, без каких-либо внешних эффектов, и никто его раньше студентам не советовал посмотреть — ни учителя, ни родители. И поколение «диджитал», перекормленное спецэффектами и блокбастерами и говорящее иногда на непонятном непосвященному сленге, смотрит его со слезами на глазах. Потому что кино говорит о самом главном — о любви, силе духа, чести, верности. В таком массовом виде искусства убедительное воплощение внутреннего мира человека в сочетании с архетипическими, узнаваемыми характеристиками его идентичности определяло и будет определять долгую жизнь кинолента.

Подводя итоги...

Внимание политической науки к неполитическим феноменам общественной жизни пока носит фрагментарный характер, в то время как сами эти феномены стремительно политизируются. На наших глазах происходит уплотнение социального и политического времени, отдельные события из этого потока мы не всегда успеваем не только осмыслить, но даже зафиксировать. Однако по прошествии времени отпечаток «текущей реальности» проявляется в образной форме в поэзии, в живописи, в кинематографе.

Современный художественный кинематограф представляет обширный материал для изучения тенденций политического развития и его восприятия современниками. Кино чутко, хотя и не всегда адекватно, отражает назревшие или назревающие проблемы человека и общества, в частности проблемы кризиса культуры, деградации политического лидерства, появления новых форм социального отчуждения и поиски путей его преодоления. Кино принадлежит важная роль в формировании политического сознания, социальной идентичности и ее макрополитических проекций, в трансляции ценностей и культурных норм. Такое воздействие далеко не всегда отвечает замыслам и намерениям его творцов и заказчиков, оно может иметь и отложенный эффект, трансформируя приоритеты политики идентичности в соответствии с общественным запросом и способствуя их переосмыслению в системе координат между прошлым (кино как документ истории) и будущим (кино как образ грядущего).

Для появления нового героя, человека действующего, нужны новые смыслы и цели развития, которые могут возникнуть в соотношении и сопряжении традиций и новаторства. В этом плане для российского кинематографа крайне важным представляется и обращение к своей истории, и к иному культурному опыту, и формирование новой повестки развития человека (а не только и не столько новых технологий). Сегодня остро стоит проблема сохранения и развития человечности в человеке, ценности его духовного и нравственного мира, противостояния попыткам расчеловечивания и обезличивания. И кинематограф, вольно или невольно, будет ареной столкновения разных, подчас противоположных тенденций, нравственных и культурных норм, борьбы разных

идейно-политических сил. Для политического анализа он остается недооцененным источником осмысления процессов формирования политической картины мира и идентичности ушедших и идущих им на смену поколений.

Поступила в редакцию / Received: 29.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 15.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2024

Библиографический список

- Артамонова У.З. Американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 2. С. 110–122. <https://doi.org/10.20542/afij-2020-2-110-122>
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. Москва : Медиум, 1995.
- Зоркая Н.М. История отечественного кино. XX век. Москва : ООО «Белый город», 2014.
- Идентичность : Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. Москва : Весь Мир, 2017.
- Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семенов. Москва : Весь Мир, 2023.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва : ГУ ВШЭ, 2000.
- Кастельс М. Власть коммуникации. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.
- Куликова Д.Н. Кино как инструмент мягкой силы государства на примере кинематографа Испании и США // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15. № 2. Ч. 2. С. 459–475. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-459-475>
- Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в Соединенных Штатах сегодня : в 2 т. / пер. с англ. Москва : Радуга, 1992.
- Лоло М.М. Международная миграция и кинематограф // Обозреватель. 2013. № 3. С. 101–108.
- Лубский А.В. Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность в России // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 30–45.
- Наумов А.О., Положевич Р.С. «Мягкая сила» Индии как суверенного государства: история и современность (Часть II) // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70. С. 291–328. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2018-00095>
- Романова А.П., Черничкин Д.А. Влияние Турции и пантюркизма на конструирование новых национальных идентичностей Каспийского региона: пример Туркменистана и Казахстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 181–206. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-181-206>
- Рябов О.В. «Советский враг» в американском кинематографе: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2011. № 2. С. 20–30.
- Семенов И.С. Национальная политика развития перед лицом глобальных вызовов: ирландский маятник // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 7. С. 81–93. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-7-81-93>
- Скорик А.В. Визуализация как политическая технология // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 4. С. 609–615. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-4-609-615>
- Тарковский А. Запечатленное время / Андрей Тарковский. Архивы. Документы. Воспоминания / ред. П. Волкова. Москва : Эксмо-пресс, 2002. С. 95–350.

- Фадеева Л.А.* Перманентный кризис // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. Москва : Весь Мир, 2023. С. 371–378.
- Федоров А.В.* Трансформация образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2019). 2-е изд., Москва : Изд. МОО «Информация для всех», 2013.
- Халилов В.М.* Современное американское кино и неолиберальная идеология // США & Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 2. С. 112–127. <https://doi.org/10.31857/S032120680003769-9>
- Юсев А.Б.* Кинополитика: скрытые смыслы современных голливудских фильмов. Москва : Альпина Паблишер, 2017.
- Dubois R.* Une histoire politique du cinéma: Etats-Unis, Europe, URSS. Arles: Ed. Sulliver, 2007. 214 p.
- Edensor T.* National Identity, Popular Culture and Everyday Life. Oxford, New York : Berg, 2002. 216 p. <https://doi.org/10.4324/9781003086178>
- Fattor E.M.* American Empire and the Arsenal of Entertainment: Soft Power and Cultural Weaponization. New York : Palgrave Macmillan, 2014. 241 p. <https://doi.org/10.1057/9781137382238>
- Greenburg Gilliom K.* Searching for Truth: A Collective Memory of Aldo Moro in Italian Cinema: Dissertation. Chapel Hill, Department of Romance Studies: University of North Carolina, 2016. <https://doi.org/10.17615/ppm7-0r96>
- Huntington S.P.* The clash of civilizations and the remaking of world order. New York : Simon & Schuster, 1996.
- Khanna A.* Why is India's Soft Power Still Untapped? // The Wire. 2017. URL: <https://thewire.in/175595/why-is-indias-soft-power-still-untapped/> (accessed: 3.08.2024).
- Maini T.S.* Can Soft Power Facilitate India's Foreign Policy Goals? // The Hindu. Centre for Politics. 2016. URL: <https://www.thehinducentre.com/the-arena/current-issues/can-soft-power-facilitate-indias-foreign-policy-goals/article64931507.ece> (accessed: 18.07.2024).
- Pells R.* Modernist America: Art, Music, Movies, and the Globalization of American Culture. New Haven : Yale University Press, 2012.
- Resmini M.* Italian Political Cinema. Figures of the long '68. Minnesota : Minnesota UP, 2023. 294 p. <https://doi.org/10.5749/9781452970158>
- Shaw T.* Hollywood's Cold War. Edinburgh : Edinburgh University Press. 2007.
- Interest Groups in Soviet Politics / ed. by G.H. Skilling, F. Griffiths. Princeton : Princeton University Press, 1971.
- Thompson K.M.* New Zealand's First Indigenous Blockbuster // Movie Blockbusters / ed. by J. Stringer. New York : Routledge, 2003. P. 230–241.

Сведения об авторах:

Семененко Ирина Станиславовна — доктор политических наук, член-корр. РАН, зам. директора по научной работе, ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, Москва (e-mail: semenenko@imemo.ru) (ORCID: 0000-0003-2529-9283)

Пантин Владимир Игоревич — доктор философских наук, зав. отделом сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, Москва (e-mail: v.pantin@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-4218-4579)

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и публичного управления, Кубанский государственный университет (e-mail: morozova_e@inbox.ru) (ORCID: 0000-0002-1369-7594)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-753-767
EDN: XIHRDJ

Научная статья / Research article

Идентичность и социально-политическое самоопределение народности эве в Гане и Того

Н.А. Медушевский

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ lucky5659@yandex.ru

Аннотация. Вопрос политической идентичности эве является крайне актуальным, так как обе страны имеют пестрый этнический состав населения и автономия либо отделение крупной этнической группы способны дестабилизировать политическую ситуацию, подтолкнуть иные этнические группы к самоопределению и в целом поставить вопрос о правомерности постколониальных государственных границ, актуальный для большинства стран Западной Африки. В данной связи цель исследования заключается в анализе исторического процесса формирования политической самоидентификации эве после обретения странами независимости и констатации современного образа их идентичности с опорой на исследования самоидентификации. Современный образ идентичности эве в Гане и Того анализируется на основе социологического исследования Д. Зормело в 2020 г. и аналогичного исследования автора данной статьи в 2024 г. Работа строится на базе конструктивистского подхода с применением ретроспективного и историко-системного методов. В статье констатируется, что проблема формирования этнической идентичности связана с тем, что эве, несмотря на наличие общего языка и культурной традиции, всегда были разрознены и до сих пор характеризуются кланово-племенной структурой самоуправления, которая существует параллельно с государственной вертикалью власти. В то же время обретение Ганой и Того независимости в 1950-е гг. вовлекло эве в конкурентную борьбу с другими этническими сообществами, претендовавшими на государственную власть и ресурсы. В 1970-е гг. противостояние находилось в острой фазе, но в последние десятилетия перешло в латентную фазу. Как показал проведенный в двух странах социологический опрос, эве безусловно признают наличие у них общей культурной и языковой идентичности, но общности политических целей сегодня не существует, хотя этническая идентичность выступает эффективным инструментом политической спекуляции на теме региональной стабильности.

© Медушевский Н.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: эве, Гана, Того, Толомо, политическая идентичность, этничность, сепаратизм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Медушевский Н.А.* Идентичность и социально-политическое самоопределение народности эве в Гане и Того // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. №4. С. 753–767. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-753-767>

Identity and Socio-Political Self-Determination of the Ewe People in Ghana and Togo

Nikolay A. Medushevskii

Russian State University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

✉ lucky5659@yandex.ru

Abstract. The issue of Ewes political identity is extremely relevant for the countries of their residence, since both countries have a diverse ethnic composition of the population and autonomy, or the separation of a large ethnic group can destabilize the political situation, push other ethnic groups to self-determination, and, in general, raise the question of the legitimacy of postcolonial state borders, which is relevant for most countries of West Africa. In this regard, the purpose of the study is to analyze the process of Ewe political self-identification formation after the countries gained independence and to state the modern image of identity based on self-identification studies. The modern image of identity of the Ewe in Ghana and Togo is analyzed based on a sociological study by D. Zormelo in 2020 and a similar study by the author of this article in 2024. The study is based on a constructivist approach using retrospective and historical-systemic methods. In the context of the study, the author states that the problem of the Ewe ethnic identity formation has historical roots, since the Ewe, despite having a common language and cultural tradition, have always been disunited and are still characterized by a clan-tribal structure of self-government, which exists in parallel with the state vertical of power. At the same time, the independence of Ghana and Togo in the 1950s involved the Ewe in a competitive struggle with other ethnic communities claiming state power and resources. In the 1970s, the confrontation was in an acute phase, but in recent decades it has passed into a latent phase. As showed a sociological survey conducted in the two countries, the Ewe certainly recognize the presence of their cultural and linguistic identity, but there is no commonality of political goals today, although ethnic identity is an effective tool for political speculation on the topic of regional stability.

Keywords: Ewe, Ghana, Togo, Tolimo, political identity, ethnicity, separatism

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Medushevskii, N.A. (2024). Identity and socio-political self-determination of the Ewe people in Ghana and Togo. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 753–767. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-753-767>

Введение

Этническая группа эве исторически проживает на Юго-Востоке Ганы, (20 % населения), и в Того (40 % населения). Обретение двумя странами независимости в конце 1950-х гг. поставило вопрос о политической самоидентификации эве в контексте политической конкуренции с другими этническими группами, например группой ашанти в Гане и группой кабье в Того. При этом проблема политической конкуренции эве с другими этническими группами в обеих странах осложнялась внутренней разобщенностью эве, которые исторически так и не создали своего государства, по аналогии с Империей Ашанти, а колониализм и вовсе разделил их границами Французского Того и британских мандатов Тоголенд и Голд-Кост. В данной связи процесс формирования политической идентичности эве в колониях наложился на общее формирование единой этнической идентичности, основой которой стал язык эве, в письменном виде созданный немецкими миссионерами только в начале XX века [Lawrance 2000], и легенда о происхождении народа, также популяризированная германской колониальной администрацией в 1900-е гг. [Акуеампронг 2001]. Религия также не стала объединяющим фактором, так как северные районы проживания эве характеризовались распространением различных культов традиционной религии водун, в то время как южные в 1850-х гг. интенсивно христианизировались многочисленными протестантскими церквями и сектами¹.

Этногенез эве после 1960 г. был связан преимущественно с политической борьбой и участием в электоральном процессе с целью обеспечить свое доминирование на региональном и по возможности на общенациональном уровне, причем подходы к политическому участию эве в Того и в Гане различались, что было связано с форматом созданных там политических систем и с количеством представителей этнической группы в общем национальном электорате. Не являясь доминирующей этнической группой и редко идя на компромисс, эве десятилетиями находились в подавленном положении, не имея возможности к эффективному политическому участию за пределами своих провинций и подвергаясь дискриминации. В 1970-е годы эта ситуация привела к формированию движения за независимость Тоголенда — Толомо, который должен был включить территории исторического проживания эве в Гане и в Того. Несмотря на наличие сепаратистских настроений среди эве, Толомо не добилось видимых результатов, а многие его участники были арестованы за государственную измену. Современные социологические исследования политической идентичности эве демонстрируют, что данная этническая группа и сегодня остается децентрализованной и не сформировала единой политической культуры, даже на уровне отдельных стран, а ее общность осознается лишь на культурном и языковом уровне, в то время как на политическом

¹ Osei E. A Strategy for Church Planting Among the Ewe-Speaking People of the Volta Region, Ghana. (1997). Professional Dissertations DMin. 344 p. URL: <https://digitalcommons.andrews.edu/dmin/344/> (accessed: 15.09.2024)

уровне разобщенность сообществ продолжает расти, что ведет к снижению потенциала возможной интеграции на национальном уровне и делает невозможной трансграничную интеграцию.

Методология исследования

В основе проведенного исследования современной политической идентичности эве лежит конструктивистский подход, предполагающий, что идентичность — это результат многовекторного конструирования образа собственного Я отдельного члена группы, обобщенный до общегрупповой самоидентификации на основе сходства индивидуальных представлений об истории и культуре группы, ее происхождении, организации, моральных и этических установках и т.п. Конструктивистский подход трактуется нами в ключе многоаспектного определения этничности В.А. Тишкова, на базе которого данный автор выводит определение термина «народ». Последний, в «смысле этнической общности, понимается (как) группа людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности» [Тишков 2003, 58].

Конструктивистский подход в интерпретации В.А. Тишкова выбран нами в качестве базового для данной статьи в силу доминирующего в нем акцента на «социальном опыте», который имеет индивидуальное и коллективное измерения. Данный тезис принципиален, так как, обращаясь к изучению этнической группы эве, мы констатируем, что данная группа: а) существует в контексте времени и пространства, б) обладает собственной культурной, языковой, мифологической идентичностью, но в то же время в) имеет разрозненный социальный опыт, никогда не характеризовалась политическим единством и общей политической идентичностью. Таким образом, процесс конструирования идентичности эве объективно существует и продолжается, что порождает исследовательский вопрос о том, на каком этапе данный процесс находится сегодня и каково его состояние: развитие или стагнация?

В числе методов, призванных дать ответ на данный вопрос, следует выделить ретроспективный метод, позволяющий изучить данные формирования политической идентичности в ретроспективе; историко-системный метод, позволяющий проследить параллельные процессы формирования идентичности эве в Гане и в Того; статистический метод, позволяющий идентифицировать современное восприятие народом эве собственной идентичности. Статистический метод реализуется автором применительно к обработке результатов исследования Д. Зормело 2020 г.², которые были верифицированы собственным исследованием автора статьи в 2024 г. (100 респондентов из этнической группы эве проживающих в Гане).

² Zormelo D. Ethnicity and national cohesion. 09.10.2020. URL: <https://thebftonline.com/2020/10/09/ethnicity-and-national-cohesion/> (accessed: 15.09.2024)

Эве в Того

Примерно в 1945 г. различные активисты эве инициировали создание политических организаций, целью которых стала деколонизация французского Того. В их числе доминировали Комитет объединения тоголезцев, возглавляемый Сильванусом Олимпио, и Движение молодых тоголезцев. Обе организации имели также политические программы, которые предполагали воссоединение отдельных британских и французских Тоголендов [Amenumeu 1975].

Французская администрация пыталась подавить движения, арестовывая или ограничивая его руководство, ограничивая юридический статус объединения и разжигая соперничество с другими политическими партиями Того [Amenumeu 1975]. Несмотря на противодействие, партии эве лишь набирали популярность и в конечном итоге добились независимости Того в 1956 г., а С. Олимпио стал первым президентом [Amenumeu 1975].

Первоначальные панафриканские лозунги Олимпио, необходимые для деколонизации, быстро уступили место авторитаризму и этнизму. Благодаря большей грамотности и монополии на продажу какао, хлопка и кофе эве фактически сформировали политическую элиту Того, что позволило им диктовать национальную политику, не учитывающую интересов других этнических групп, в том числе кабье и котоколи, составлявших более 80 % вооруженных сил.

Такое этнически несбалансированное распределение политического, экономического и военного капитала подготовило почву для военного переворота 1963 г., в результате которого президент Олимпио был убит. Второй переворот в 1967 г. окончательно положил конец политическому господству эве, и президентом, а затем диктатором стал урожденный кабье полковник Эяадема Гнассингбе [Эяадема 1990].

Гнассингбе в начальный период был озабочен вопросом концентрации власти и подавления этнического сепаратизма, поэтому идея создания большого Тоголенда за счет присоединения части территории Ганы, которую продвигал Олимпио, не продвигалась и не поддерживалась государством [Brown 1980] а национализм эве подавлялся. Однако постепенно, под влиянием настроений эве, проживающих на юге Того, идея вновь оказалась включена в политическую повестку и Гнассингбе публично подтвердил претензии на ряд территорий Северо-Востока и Востока Ганы [Brown 1980]. Тем не менее данное заявление было скорее популистским. В реальности же правительство Того сотрудничало с Ганой в вопросе подавления локального трансграничного сепаратизма среди эве и зависело от поставок энергии из этой страны [Brown 1980].

Реальная же политика Гнассингбе перераспределила экономические потоки в пользу северян, лишив эве экономической базы, необходимой в том числе и для интенсивной борьбы за власть, а в конце 1970-х гг., президент запустил программу «аутентичности», которая актуализировала этническую идентичность и еще больше усугубила разделение Севера и Юга. В итоге эве лишились власти и ресурсов, но дискриминация только способствовала росту этнизма, и в 1991–1992 гг. в Того произошла революция, которая привела к тому, что

Гнассингбе ненадолго лишился президентского поста и тысячи его сторонников бежали на север и за границу, спасаясь от погромов.

Гнассингбе вскоре восстановил свой контроль в результате жестокого контрпереворота при поддержке французов, устроив репрессии эве. После смерти Эйдаемы Гнассингбе в 2005 г. ситуация не изменилась и к власти пришел его сын Фора Эссозимна Гнассингбе. Политическое насилие продолжало сотрясать Того на протяжении 2010-х гг., а новые попытки свергнуть клан Эйдаема в 2017–2018 гг. вылились в дальнейшие политические потрясения во время эпидемии COVID-19³.

В итоге современные события свидетельствуют о сохраняющемся этническом и социально-экономическом расколе в тоголезском обществе и неформальной дискриминации эве, однако годы притеснений и дискриминации со стороны государства привели к сплочению группы и уменьшению значения территориальной привязки, что стало фактором мобилизации в условиях кризисного развития. Идея воссоединения с эве из Ганы сохранилась, но отступила на второй план, сделав первичной потребность в реабилитации статуса эве в государстве Того. Более того, эве Того консолидировались и начали активно взаимодействовать в интернет-пространстве и социальных сетях, которые государство не может эффективно контролировать. Это стало ответом на многолетний запрет на создание этнических организаций и этногрупповое участие в политике. Подтверждения таких настроений среди эве в Того были обнаружены автором статьи в беседах с сотрудниками Университета Того (этническими эве) в августе 2024 г., которые однозначно охарактеризовали режим власти как авторитарный, коррумпированный, репрессивный и препятствующий реализации политических и социальных прав эве.

Эве в Гане

Как и в Того, политические организации, такие как Конференция всех эве, в 1950-е гг. преследовали цель объединения всех эве в британских колониях [Amenumey 1975], и, как и в Того, колониальные власти видели в этих организациях угрозу и стремились их подавить [Amenumey 1975].

В 1956 г. британцы провели референдум в мандате (Британский) Тоголенд, в результате которого он был объединен с колонией Голд-Кост. Это вызвало противодействие со стороны многих эве при новой администрации, поскольку в британском Тоголенде доминировало желание объединиться с этнически близким Французским Того, а колония Голд-Кост ассоциировалась с этнической группой Анло (тоже эве), с которой у Вольтийских эве было ранее множество конфликтов и территориальных споров, включая кровопролитные войны с Ашанти, где Анло были на стороне захватчиков. В итоге противники

³ Kothor M., Lawrance B.N. The History of Togo and the Togolese Peoplefree. 22.03.2023. URL: <https://oxfordre.com/africanhistory/display/10.1093/acrefore/9780190277734.001.0001/acrefore-9780190277734-e-714?p=e-mail:A6btjPdLkarCc&d=/10.1093/acrefore/9780190277734.001.0001/acrefore-9780190277734-e-714> (accessed: 14.09.2024).

объединения создали Конгресс Тоголенда, в котором ведущую роль стал играть доктор Рафаэль Арматтоу [Marr 1972].

Основанием для обретения независимости Ганы в условиях развивающихся межэтнических конфликтов стала компромиссная стратегия будущего президента Кваме Нкрума, заявлявшего об общности интересов народов Ганы. Помимо этого, Нкрума был выходцем из небольшой этнической группы акан [Brown 1982] и его лидерство не означало этнического перевеса ни для эве ни для ашанти.

По итогам политической борьбы в 1957 г. колония Голден Кост, уже включившая (Британский) Тоголенд, стала независимой Ганой, а Кваме Нкрума стал ее первым премьер-министром [Мазов 2010], а затем, в 1960 г., президентом.

В обмен на лояльность Нкрума номинально поддержал движение эве за объединение с территориями Того, хотя в реальности президент не был заинтересован в создании самостоятельного государства эве, так как это ослабило бы Гану [Brown 1980]. Но и номинальная поддержка идеи породила политическое напряжение в отношениях с Того, где Сильванус Олимпио занял встречную позицию и выступил за присоединение территорий Ганы к Того, что привело к ухудшению отношений и ужесточению приграничного контроля, который стал препятствием для взаимодействия эве по обе стороны границы [Brown 1980].

Смягчение конфронтации произошло с приходом к власти в Того Гнассингбе Эйадемы, но и он возвратился к вопросу о территориальных претензиях в середине 1970 гг., спекулируя данной темой [Brown 1980].

В самой же Гане, уже в 1957 г., Нкрума принял закон, запрещающий любые политические партии и союзы, основанные на племенной, расовой и религиозной идентичности. Оказавшись вне закона, все существующие этнические оппозиционные партии, в том числе представляющие эве, объединились в United Party (UP) под руководством Кофи Абрефа Бусиа, но блок просуществовал недолго и был саботирован ашанти и эве, в 1966 г. реализовавшими переворот под руководством майора Африфы (ашанти) и полковника Котоки (эве). В 1967 г. Котока инициирует новый переворот, в ходе которого гибнет, и власть переходит к Совету национального освобождения (NLC) под руководством Африфы, следствием чего становится фактическое изгнание эве и их лидера — К.А. Гбедема из политики [Hutchful 1997]. Премьер-министр Бусиа (ашанти) подверг тотальной чистке от эве генералитет и чиновничество, а также провел массовые депортации некоренного населения, выслав около 2,5 млн этнических эве.

Ситуация сохранялась до смены власти в 1972 г. в результате очередного переворота, когда к власти пришел этнический ашанти, подполковник Игнатиус Ачампонг. Он стремился уйти от этнической политики и сделать политическое пространство этнически нейтральным [Rothchild 1998]. Была опубликована так называемая «Хартия искупления» и предложена концепция беспартийного союзного правительства (Unigov), разделяющая военную и гражданскую власть. Данные решения были представлены как альтернатива авторитаризму [Chazan 1983], но они не смогли повлиять на настроения эве, для которых стал характерен выраженный ирредентизм [Duodu 1974], и соперничество между эве

и ашанти только росло [Chazan 1983], что выразилось в голосовании на выборах исключительно за «своих» кандидатов.

Данная практика голосования сохраняется и сегодня, хотя конкуренция стала гораздо спокойнее после прихода к власти президента Д. Роулингса (глава государства в 1979 и 1981–2001 гг.), который был наполовину эве. Также антагонизм ашанти — эве не является абсолютным, так как обе этнические группы составляют не более 45 % населения страны и вынуждены формировать коалиции. Так, например, современные типичные партийные списки включают президента Эве и вице-президента Акан (часто Ашанти), и наоборот, чтобы привлечь избирателей из разных этнических групп.

Движение Толимо

В 1976 г. в бывшей британской провинции Ганы — Тоголенд, под руководством эве, сформировалось движение, стремившееся к отделению и воссоединению с Того под названием Национально-освободительное движение Западного Тоголенда, или Движение Толимо. Хотя его сепаратистские настроения первоначально развились из-за плебисцита 1956 г., эта итерация была вызвана жестоким приграничным сообщением с Того, а также в целом плохими условиями, которые были распространены среди эве в Гане в то время [Brown 1980].

Движение получило номинальную поддержку от Гнассингбе Эйадемы, которая стимулировала укрепление идеи интеграции эве и подтолкнула их к активным действиям. После попытки государственного переворота 1975 г., в котором были замешаны эве как его предполагаемые основные покровители, правительство Ганы расправилось с Толимо с помощью плана «Operation Counterpoint», направленного на ограничение трансграничных поездок эве, и в конечном итоге организация была официально объявлена вне закона в 1976 г. [Brown 1980]. Движение подавлялось и президентом Д. Роулингсом (несмотря на его происхождение из эве [Chazan 1983]), боровшимся с влиянием Гнассингбе, заинтересованного в его свержении [Пильников 1996]⁴.

Сегодня Толимо представлено Фондом Группы изучения Родины (HSGF), который также призывает к отделению региона Вольта от Ганы. Группа утверждает, что регион Вольта (Западный Тоголенд) был независимым государством до того, как его вынудили присоединиться к Гане в результате плебисцита. Широко о существовании и деятельности группы стало известно в 2017 г., когда лидер группы, Чарльз Корми Кудзодзи, известный как папа Хогбеттор, был арестован вместе с семьей другими членами на одном из регулярных учебных собраний группы⁵.

⁴ “We have no militia — Western Togoland independence ‘fighters’” // Citi Newsroom. 05.07.2019. URL: <https://citinewsroom.com/2019/05/we-have-no-militia-western-togoland-independence-fighters/> (accessed: 14.09.2024).

⁵ Nyaborby J. Eight arrested for trying to declare Volta Region an independent state // Reading Time. 06.05.2019. URL: <https://citinewsroom.com/2019/05/eight-arrested-for-trying-to-declare-volta-region-an-independent-state/> (accessed: 14.09.2024).

По данным полиции, группа обучала молодых людей, чтобы сформировать ядро милиции и вооруженных сил предполагаемой новой страны, но представитель движения Эммануэль Агбавор в интервью прессе опроверг заявление полиции⁶. Другой лидер — Умару Санде — заявил, что группа пользуется поддержкой 15 миллионов человек в Вольте, Оти, Северном и Северо-Восточном регионах, а также в других регионах севера⁷.

Тем не менее вопрос о серьезности организации остается открытым. С одной стороны, полиция в 2017 г. арестовала руководство фонда, но позже они были освобождены с предупреждением, т.е. серьезность их намерений не была очевидна, либо государство не решилось провоцировать население региона на протесты. На наш взгляд, более вероятно второе, так как уже в 2019 г. снова были арестованы восемь лидеров группировки, и в заявлении полиции говорится, что группа планировала провозгласить независимость Тоголенда в четверг, 9 мая 2019 года⁸. После 2019 г. информации о деятельности Фонда в СМИ Ганы не появлялось.

Кроме того, вызывает вопросы и заявленное число последователей в 15 млн человек, так как общее число представителей эве в Гане не превышает 4 млн.

Вопрос итоговой современной идентичности эве

Ситуация с Толимо отчетливо показала, что проблема этнической идентичности эве, особенно на территории северо-востока Ганы, стоит остро и пока никак не решена на государственном уровне. При этом эве постепенно все сильнее осознают свою общность и свои коллективные интересы, по крайней мере на уровне региональной политической элиты, которая вступает в конфликт с государством по вопросам распределения доходов. Само же население региона менее активно, и его сплочению скорее способствует совокупность социальных проблем, в числе которых проблема перехода через границу с Того, ограничения в экономической деятельности, неэффективность социальных лифтов, бедность, безработица и т.п., а также дискриминация и сегрегация в иноэтничных районах страны и в столице — Аккре. Все эти факторы поддерживают этническую напряженность и заставляют искать способы обособления, которые в большинстве случаев нелегалы.

Причины же современной этнической интеграции эве следует искать в прошлом региона, когда политика колониальных правительств заставила эве принимать решения о своей политико-географической принадлежности, и многие из этих решений оказались навязаны сверху и не учли территориальных интересов, в частности плебисцит 1956 г., который проигнорировал желание округов

⁶ “We have no militia — Western Togoland independence ‘fighters’” // Citi Newsroom. 05.07.2019. URL: <https://citinewsroom.com/2019/05/we-have-no-militia-western-togoland-independence-fighters/> (accessed: 14.09.2024).

⁷ Ibid..

⁸ Ibid.

Хо и Кпанду остаться отдельными с перспективой объединения с французским Тоголендом⁹.

При этом показательно, и об этом пишет доктор Дуглас Зормело, Западный Тоголенд никогда не существовал как единое целое. Обособление региона по желанию местных жителей — это атавистический шаг, основанный на идее, которой никогда не существовало в реальности, так как никогда не существовало единого народа эве и общего государства¹⁰. Фактически идея обособления спекулятивна и продвигается старейшинами и вождями, до сих пор сохраняющими локальную власть (данный тезис был подтвержден автором в ходе полевых исследований в Гане — август 2024 г.). В то же время современная политическая организация Ганы не предполагает взаимодействия государства с вождями, а предусматривает представительство народа в парламенте через депутатов, но последние не занимают в общественном сознании положения, аналогичного положению старейшин и вождей, так как они ангажированы не обществом, а партией, от которой избираются, а партия не является этнической. (Данный тезис был подтвержден автором в ходе полевых исследований в Гане — август 2024 г.).

Тем не менее любой депутат должен избираться электоратом и обладать определенной группой поддержки, и в случае с депутатами-эве они ищут свою опору в населении Тоголенда, обращаясь к нему в своей риторике как к чему-то единому и часто выступая от его имени. В практике же представителей других этнических групп это обуславливает негативное восприятие этнической группы эве, которая представляется единой и сплоченной. Таким образом, возникает множественная идентичность, в соответствии с которой делегат от эве на национальном уровне позиционирует себя как представитель многомиллионной этнической группы, но в своем регионе — он, например, член сообщества анло, и для жителей Хо и Кпанду — он чужак, и от ашанти его отличает только то, что он говорит на языке эве.

Кроме того, наряду с этнической идентичностью развиваются и другие формы идентификации, например, социальный класс, религиозные группы, профсоюзы, партии и пр., которые имеют трансэтническую природу формирования, что повышает взаимодействие этносов и размывает этническую самоидентификацию.

Еще одна характеристика этнической группы заключается в том, что она продвигает общественные интересы в противовес индивидуальным интересам своих членов, т.е. обобщает, но обобщает в пользу интересов политической элиты сообщества, так как политическая культура в регионе преимущественно патриархально-подданническая. В результате чаяния этнической группы далеко не всегда продвигаются ее элитой, а патриархальная культура сообществ не допускает протестов против власти местного вождя.

⁹ Zormelo D. Ethnicity and national cohesion. 09.10.2020. URL: <https://thebftonline.com/2020/10/09/ethnicity-and-national-cohesion/> (accessed: 14.09.2024).

¹⁰ Ibid.

В данной связи в большинстве случаев политические элиты этнических групп в Гане и Того настроены на компромисс с властью и ищут политические дивиденды от сотрудничества в то время, как радикальная социальная повестка используется ими сугубо в спекулятивных целях, как инструмент шантажа, если правительство страны дискриминирует их в распределении финансирования¹¹. Фактически правительство страны должно «покупать» у этнических элит лояльность, необходимую для сохранения легитимности, либо принуждать к ней, как это произошло в вопросе границы Ганы и Того.

В данной связи огромный интерес представляет статистическое исследование, проведенное доктором Зормело и его коллегами в Гане и в Того, с целью выявить доминирующую у них идентичность и ответить на вопрос о правомерности предположения о том, что эве действительно хотят создать этническое государство на территориях Ганы и Того.

Первый актуальный для нас вопрос исследования был адресован эве в Гане и Того и звучал следующим образом: «С кем вы идентифицируете себя больше, с „заграничными“ эве или с представителями других племен в своей стране?». На него 99 из 100 человек в возрастной группе от 40 до 65 лет ответили, что они идентифицируют себя с «заграничными» эве больше, чем с представителями других племен в Гане.

Однако, когда данный вопрос был адресован молодому поколению в возрасте от 15 до 39 лет, ответ варьировался в зависимости от уровня образования, расстояния, на котором они жили от границы, знания языка эве и места обучения в школе. В исследовании, проведенном нами в Гане в 2024 г. было установлено, что 72 % ганцев в возрасте до 40 лет считают эве единой этнической группы вне зависимости от принадлежности к племени и государству.

Д. Зормело было установлено, что чем дальше респондент жил от границы, чем выше уровень образования, если он обучался за пределами Тоголенда, если считал свои перспективы работы хорошими и им ничего не угрожало и если он не говорил на языке эве, то уровень идентификации с теми, кто находится по ту сторону границы, был минимальным или вообще отсутствовал. В нашем исследовании таковых 28 %.

Была также установлена и обратная закономерность. Те респонденты, которые жили ближе к границе или имели родственников в соседней стране, были менее образованны, не могли говорить на языках других племен и мало общались с ними, а также владели языком эве, почти всегда отождествляли себя со своими соплеменниками по другую сторону границы. В данном случае речь шла о культурной идентификации.

Следующий вопрос был связан с тем, почему респонденты идентифицируют себя друг с другом больше, чем с представителями других этнических групп из своих стран. Группа респондентов в возрасте от 40 до 65 лет, в своем

¹¹ Zormelo D. Ethnicity and national cohesion. 09.10.2020. URL: <https://thebftonline.com/2020/10/09/ethnicity-and-national-cohesion/> (accessed: 14.09.2024).

подавляющем большинстве, заявила, что причина в общей культуре, языке, религиозных обрядах и наличии родственников по другую сторону границы (это же подтвердило и проведенное нами исследование среди граждан Ганы (эве) до 40 лет). Язык был определяющим фактором единства для тех респондентов, которые не владели английским или французским.

Третий вопрос был связан с желанием достичь политического единства в рамках Ганы, Того или в качестве самостоятельного государства. Практически все респонденты заявили, что не хотели бы такого объединения так как оно «не дает преимуществ и порождает проблемы, например незнание будущего государственного языка — английского или французского соответственно. В таких условиях фактор общего языка не дал бы никаких существенных преимуществ, за исключением социального общения»¹². Более того, ганские и тоголезские эве отмечали, что готовы были бы сражаться друг с другом в случае войны стран, так как к врагу из соседней страны относились бы коллективно, а не как к возможному члену собственного племени. В итоге уже в проведенном нами исследовании за создание государства эве выступило 36 %, а 82 % заявили о полумере — режиме свободного пересечения границы.

Также причиной, препятствующей объединению, было названо внутриэтническое соперничество. Респондентами было указано, что эве не составляли однородной группы, кроме как на расстоянии. Кроме того, ганские эве в целом чувствовали превосходство над своими соплеменниками в Того, в то время как тоголезские эве считали ганских эве «негодьями» (причина не уточняется)¹³. Обе этнические подгруппы заявили, что слишком долго прожили в своих отдельных странах и поэтому политически отождествляли себя с государством и другими группами внутри него.

Безусловно важным является и поколенческий фактор, так как вопрос об объединении и независимости возник на повестке и даже поднимался в ООН в начале 1960-х гг. и тогда был актуален, так как не существовало государств с длительной историей. Но уже через 10 лет независимости возникла и набрала силу система государственной подчиненности и вопрос об обособлении утратил свою правомерность, а затем и актуальность. После этого родилось уже несколько поколений эве, которые данным вопросом по разным причинам практически не задавались, и как следствие, не сформировались как носители такой идеи.

В итоге исследователи во главе с Зормело пришли к выводу, что политическая лояльность была скорее у государства, чем у этнической группы, а значит, перспектив для формирования политической идентичности эве на трансграничном уровне нет, как нет и перспективы сплочения эве на национальном уровне по принципу единства языка, истории, культуры и т.д.: каждое

¹² Zormelo D. Ethnicity and national cohesion. 09.10.2020. URL: <https://thebftonline.com/2020/10/09/ethnicity-and-national-cohesion/> (accessed: 14.09.2024).

¹³ Ibid.

сообщество эве продолжает преследовать собственную выгоду даже в ущерб другим сообществам эве, проживающим в той же стране.

Данные выводы были подтверждены нами в ходе собственного опроса, проведенного среди эве, проживающих в провинции Анло (Гана).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что сегодня этническая группа эве, проживающая в Гане и Того, продолжает оставаться разобщенной. Разобщенность имеет исторические корни — эве никогда не имели единого государства, а в колониальный период были разделены границами мандатов. Об общности группы позволяют говорить единство языка (хотя и имеющего диалекты) и общность мифа о происхождении народа. В то же время и письменный язык, и миф о происхождении стали объединяющими факторами только в начале XX в. под влиянием германской колониальной политики. Таким образом, единство группы во многом остается номинальным, а централизации вокруг идеи национальной идентичности активно противостоят локальные формы социально-политической организации, которые воспроизводят традиционную кланово-племенную структуру. В связи с этим современные эве больше ассоциируют себя с государствами, в которых проживают, чему способствует ограниченность трансграничного перемещения и разница официальных государственных языков — английского и французского соответственно.

Тем не менее, несмотря на постепенное отдаление сообществ эве в Гане и в Того друг от друга и внутреннюю разобщенность внутри сообществ, однозначно говорить о нивелировании этнического фактора нельзя. Начиная с обретения Ганой и Того независимости в конце 1950-х гг. этническая идентичность стала основой политического манипулирования в полиэтничных государственных системах. Так, в Гане эве активно противопоставляют свои интересы группе акан, в которой приоритетная политическая роль принадлежит народу ашанти. В Того эве конкурируют с этническим сообществом кабье, также контролирующим политическую систему. Именно этническая идентичность становится основанием для политического торга и причиной, по которой эве могут оставаться значимой величиной в политическом пространстве. Данный баланс не является стабильным и неоднократно нарушался политическими противниками эве, выводя их в оппозицию. Самым радикальным примером подобной реакции стало возникновение в Гане организации Толимо, выступавшей за создание независимого государства Эваленд. Толимо всегда рассматривалась правительством Ганы как маргинальная, а ее лидеры репрессировались. Однако идея создания Эваленда сохранилась и сегодня также имеет своих немногочисленных приверженцев.

Существующая в целом у эве политическая лояльность к государству, тем не менее, не должна рассматриваться как абсолютная и есть очевидные точки, способные породить кризис. Одной из них является граница между Ганой и Того, которая должна оставаться проницаемой для эве по обе ее стороны.

Второй катализатор — это политическое участие эве в государственном управлении. Дискриминация этнической группы неизбежно приведет к ее сплочению вокруг идей обособления и независимости, как это уже произошло в Гане в 1970-е гг. В качестве третьего «риска» можно предположить общее ухудшение жизни членов этнической группы, которое неизбежно приведет к противопоставлению себя неэффективной политической системе и лидерам, не являющимся этническими эве.

Тем не менее на сегодняшний день, как показал опрос Д. Зормело и наш собственный опрос, данные риски можно охарактеризовать как «спящие», а общие тенденции, наоборот, указывают на постепенную интеграцию в государственные политические и экономические системы.

Поступила в редакцию / Received: 29.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.09.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2024

Библиографический список / References

- Мазов С.В. «Царство» Кваме Нкрумы / Российская академия наук, Институт востоковедения, Институт Африки «Восток: Афро-азиатские общества». Москва : Наука, 2010. № 1. С. 62–70.
- Mazov, S.V. (2010). «Tsarstvo» of Kwame Nkruma. *Vostok (Oriens)*, 1, 62–70. (In Russian).
- Пильников Б. Президент Ганы Джерри Ролингс // Азия и Африка сегодня. 1996. No. 11. С. 22–24.
- Pilnikov, B. (1996). President of Ghana Jerry Rolings. *Asia and Africa Today*, 11, 22–24. (In Russian).
- Тшиков В.А. Реквием по этносу. Москва : Наука, 2003.
- Эйадема Гнассингбе. Кто есть кто в мировой политике / под ред. Л.П. Кравченко и др. Москва : Политиздат, 1990.
- Gnassingbé, Eyadema. (1990). *Who is who in world politics*. L.P. Kravchenko (Ed.). Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Amenume, D.E.K. (1975). The general elections in the 'Autonomous Republic of Togo', April 1958: Background and interpretation. *Transactions of the Historical Society of Ghana*. 16(1) 48, 431–460.
- Akyeampong, E.K. (2001). *Between the sea & the lagoon: An eco-social history of the Anlo of southeastern Ghana since 1850 to Recent Times*. Oxford: James Currey — Athens/oh: Ohio University Press.
- Brown, D. (1980). Borderline politics in Ghana: The National Liberation Movement of Western Togoland. *The Journal of Modern African Studies*, 18(4), 609.
- Brown, D. (1982). Who are the tribalists? Social pluralism and political ideology in Ghana. *African Affairs*, 81(50), 37–69.
- Chazan, N. (1983). *An anatomy of Ghanaian politics. Managing political recession, 1969–1982*. Boulder, Colo.
- Chazan, N. (1982). Ethnicity and politics in Ghana. *Political Science Quarterly*, 97(3), 474–484.
- Duodu, C. (1974). Succession in Ghana. *Africa*, 34, 14–15.
- Hutchful, E. (1997). Reconstructing civil military relations and the collapse of democracy in Ghana 1979–81. *African Affairs*, 96, 535–550.

- Lawrance, B.N. (2000). Most obedient servants: The politics of language in German colonial Togo. *Cahiers d'Études Africaines*, 40(159), 490–514.
- McLaughlin, J.L., & Owusu-Ansah, D. (1995). Introduction (and sub-chapter). In L. Berry (Ed.), *A country study: Ghana* (pp. 1–53). 3rd ed. Washington DC: Library of Congress Federal Research Division.
- Mapp, R.E. (1972). Cross-national dimensions of ethnocentrism. *Canadian Journal of African Studies*, 6(1), 73-96.
- Rothchild, D., & Gyimah-Boadi, E. (1998). Populism in Ghana and Burkina Faso. *Current History*, 88, 221–241.
- Tishkov, V.A. (2003). Requiem for Ethnos. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Сведения об авторе:

Медушевский Николай Андреевич — доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока и Африки факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук, Российский государственный гуманитарный университет, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: lucky5659@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0475-6713)

About the author:

Nikolay A. Medushevskii — Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Modern East and Africa of the Faculty of Oriental Studies and Social and Communicative Sciences, Russian State University for the Humanities, Associate Professor, RUDN University (e-mail: lucky5659@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0475-6713)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-768-785
EDN: ZVDQDM

Научная статья / Research article

Российская цивилизационная идентичность как основа ценностной целостности и государственной политики

М.М. Мчедлова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
РАН, Москва, Российская Федерация

✉ mchedlova-mm@rudn.ru

Аннотация. Обращение к цивилизационной парадигме исследования политического процесса позволяет инкорпорировать более устойчивые социокультурные и ценностные основания в интерпретацию политики. Акцент на данной проблематике высвечивает и риски расколов из-за гипертрофированных неравенств в российском обществе, недостатка справедливости, неравномерности регионального развития. Беспокойство связано с поляризацией различных, несводимых к единому знаменателю, сегментов российского общества, что ставит вопрос о схожести или различии ценностно-нормативных сред. Следствием является поиск универсального основания для снятия интенций к онтологизации частных, одним из действенных вариантов обеспечения единства представляется ценностная целостность. Именно приверженность «своей концепции бытия», концентрирующаяся в ценностных ориентациях и проявляющаяся в поведенческих стереотипах коррелирует с заявляемыми в статье методологическими установками на социокультурную легитимацию самостоятельности политического мировидения. Как общее ценностное ядро, смысловой узел общей цивилизационной идентичности предлагается рассматривать историю, культуру и государство. Центральным акцентом исследовательской методологии является понимание цивилизационной идентичности как основы социокультурного суверенитета. Приверженность большинства населения к сохранению своих традиционных ценностных представлений, своей «концепции бытия и мировидения», формировавшейся на протяжении веков поддерживает устойчивость цивилизационной идентичности. Перетекая в политико-инструментальную область данное положение становится основанием государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. При давлении линейной модернизационной дихотомии традиционное/современное налицо безусловная поддержка выбранной государственной стратегии по сохранению и продвижению традиционных духовно-нравственных ценностей, что свидетельствует

© Мчедлова М.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

об объединительном и глубинном характере традиционного резервуара ценностей как смыслового ядра российской цивилизации. Статья написана на основе эмпирических данных, полученных в ходе онлайн опроса студенческой молодежи 6 Федеральных округов ($N = 1696$).

Ключевые слова: цивилизация, идентичность, ценности, государственная политика, суверенитет, традиция

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта FSSF-2024-0060 «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к вариантам ценностного консенсуса», поддержанного ЭИСИ, Министерством науки и высшего образования РФ.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мchedлова М.М. Российская цивилизационная идентичность как основа ценностной целостности и государственной политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 768–785. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-768-785>

Russian Civilizational Identity as the Basis of Value Integrity and State Policy

Maria M. Mchedlova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

✉ mchedlova-mm@rudn.ru

Abstract. The appeal to the civilizational paradigm of the study of the political process makes it possible to incorporate more stable socio-cultural and value foundations into the interpretation of politics. The emphasis on this issue highlights the risks of splits due to hypertrophied inequalities in Russian society, lack of justice, and uneven regional development. The concern is related to the polarization of various segments of Russian society that are irreducible to a single denominator, which raises the question of the similarity or difference of value-normative environments. The consequence is the search for a universal basis for removing intentions to ontologize particulars, one of the effective options for ensuring unity is value integrity. It is the commitment to “one’s own concept of being”, concentrated in value orientations and manifested in behavioral stereotypes, that correlates with the methodological guidelines stated in the article on the socio-cultural legitimization of the independence of the political worldview. It is proposed to consider history, culture, and the state as a common core of values, a semantic node of a common civilizational identity. The central focus of the research methodology is the understanding of civilizational identity as the basis of socio-cultural sovereignty. The commitment of most of the population to preserving their traditional value concepts, their concept of being and worldview, which has been formed over the centuries, supports the stability of civilizational identity. Flowing into the political and instrumental field, this provision becomes the basis of the state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual

and moral values Under the pressure of the linear modernization dichotomy traditional/modern, there is unconditional support for the chosen state strategy for the preservation and promotion of traditional spiritual and moral values, which indicates the unifying and deep nature of the traditional reservoir of values as a semantic core the Russian civilization. The article is based on empirical data obtained during an online survey of students from 6 Federal Districts ($N = 1696$).

Keywords: civilization, identity, values, public policy, sovereignty, tradition

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the EISI, project FSSF-2024-0060 «Identity as a resource for overcoming cleavages in Russia: from preserving the core of values to options for value consensus».

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Mchedlova, M.M. (2024). Russian civilizational identity as the basis of value integrity and state policy. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 768–785. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-768-785>

Введение

Исчерпание монополии западного глобального проекта на формирование картины мира и выстраивание политико-идеологического целеполагания имплицировало переосмысление социально-политической субстанции современного мира, включая ревизию семантического узла нормативных универсалий. Ответом стало обращение к теоретическим рамкам цивилизационного подхода для интерпретации общества и политики и использование цивилизационного дискурса для утверждения нового политического целеполагания России. Равноположенность путей цивилизационного и политического развития стран и регионов как альтернатива глобальной линейной нормативности закладывается в основу нового политического нарратива, перетекающего в реальную политику. Одним из структурообразующих оснований этого нового нарратива становятся понятия «цивилизация», «идентичность», «ценностная система», «традиция», конструирующих с одной стороны дискурсивную силу российского государства, с другой — выступающих легитимными основаниями для обеспечения полноты суверенитета и строительства нового, более справедливого мирового порядка. Отсутствие в течение длительного времени политико-инструментального и познавательного внимания к данным сюжетам, их вымывание из академического и идейно-политического пространства наряду с господством институционального подхода обусловило ситуацию, когда социокультурные и ценностные основания стали едва ли не «упущенными переменными». Однако современность, перечеркнув понятные и знакомые смыслы и значения политических универсалий, конструкций, парадигм, иерархий, вернула социокультурную проблематику, заставив по-новому звучать утверждение «культура имеет значение» [Культура имеет значение... 2002].

Цивилизационный подход и исследования идентичности

Прежде чем цивилизационный подход стал смысловым аккумулятором интерпретации происходящих в реальной политике явлений, в эпистемологии и онтологии современности произошел глубинный сдвиг: разрушение онтологической подлинности и дрейф к симуляции, спектаклю, абсолютизации единичности постмодерна привело к обществу вероятностному, не строго прогнозируемому, не строго контролируемому, с высоким уровнем неопределенности, а также к множественности истинности. Ложь становится также легитимацией возможной реальности, перечеркивая онтологические дизъюнкции Модерна. Наступившая «тирания настоящего времени» [Вирильо 1996], не только породила формирование конгломерата вариантов историй, но и определила новый характер политики — глобальную тревожность, поскольку самым страшным для человеческой психики является потеря исторических и ценностных координат — некой карты природного и социального мира [Фромм 1997:302-303]. Во многом именно она послужила катализатором обращения к «квазинеподвижным историям», к которым относятся цивилизации.

Цивилизационная парадигма является одной из концептуальных схем политической теории, позволяющей интерпретировать политические институты, процессы и мировую политику сквозь призму более устойчивых и глубинных факторов — ценностных систем и культурных феноменов. Цивилизации, как правило, не имеют конца, они переживают все другие «коллективные реальности», они не исчезают бесследно, передавая последующим цивилизациям определенную позитивную часть своих достижений. Цивилизации суть реальности длительной исторической протяженности, «réalité de longue durée» [Braudel 1969: 302], они живут гораздо дольше, чем иные социокультурные общности, развиваются через внутренние собственные законы, бесчисленные противоречия социальных образований, включенных в них. Цивилизация может меняться внутри, но сохраняет почти все нюансы и отличительные особенности по отношению к другим цивилизациям, поэтому преемственность и устойчивость становятся смысловыми узлами. «Цивилизации проходят сквозь политические, социальные, экономические и даже идеологические потрясения, которые они подчас деятельно навлекают на самих себя. Французская революция не была тотальным крушением в судьбах французской цивилизации, а революция 1917 г. не являлась таким крушением в судьбах русской цивилизации...» [Бродель 1998: 228].

Во многом подобное понимание послужило методологическим фундаментом признания культурного многообразия как основания политических путей развития и как онтологического основания политической реальности. Политическая субъектность начинается структурироваться цивилизационными различиями, конфигурация мировых конфликтов все больше приобретает социокультурные черты цивилизационных различий. Категории «столкновение или диалог цивилизаций», «идентичность» оказываются

не только философскими понятиями, но и практическими категориями взаимодействия, обуславливающими вектор социально-политического развития, а традиционные основания культурной идентичности, например религия, причудливо переплетаются на цивилизационно-культурном, личностно-индивидуальном и политическом уровнях. Специфика политического процесса начинает описываться посредством предметных полей данных понятий, смыслы и референты которых также подвергаются деконструкции и видоизменениям [Идентичность... 2023].

Цивилизационная парадигма является одной из концептуальных схем политической теории, позволяющей интерпретировать ее сквозь призму более устойчивых и глубинных факторов — ценностных систем и культурных феноменов. Кардинальная смена логики социального развития, изменение ценностного наполнения и властных конструкций предопределили современное дискурсивное расщепление цивилизационных смыслов. Многослойность понятия «цивилизации», современное смещение его референтов и референций, происходящая политизация ценностно-символических структур, включение в концептуальный и идейный арсенал политических теорий и инструментальных практик социокультурных акцентов привели к повышению концептуальной и технологической значимости понятий цивилизационного пула: историческая память, устойчивость, традиция, ценностная система, социокультурная специфика, религия. Зонтичным понятием, отражающим цивилизационную специфику, выступает идентичность.

Эти категории отражают субъективное пространство политики; они наделяются политическими значениями и смыслами и смещаются в пространство национальной и иных измерений безопасности [Постсоветская идентичность... 2024]. Они отражаются в дискуссиях о суверенитете, об исторической памяти, о едином ценностно-смысловом пространстве и национальной консолидации. В российских стратегических документах данные категории используются для отражения цивилизационной специфики и акцентируют культурно-смысловые приоритеты — «сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории, сбережение исторического опыта формирования традиционных ценностей и их влияния на российскую историю, в том числе на жизнь и творчество выдающихся деятелей России»¹. Соответственно признание за Россией цивилизационного статуса также нашло отражение в последних ценностно-стратегических документах РФ, прежде всего в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2021), «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022), «Концепции внешней политики Российской Федерации» (2023), связывающих в единый

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 13.10.2024).

семантический узел ее цивилизационную устойчивость, политическую субъектность, уникальную систему ценностей, идентичность, солидарность, полноту суверенитета. «Цивилизационные сюжеты — очевидный пример перелива дискуссий из научного поля в международно-политическое и обратно, подобные коллизии стали частью „новой нормальности“» [Горшков 2024: 215]. Современные государственные стратегии в России консолидируются именно вокруг подобного понимания цивилизации, исходя из аргументации российской идентичности как цивилизационной. Следует оговориться, что оформилось методологическое разграничение между цивилизационной теорией и цивилизационным подходом. Если первый центрируется вокруг смысловых оттенков понятия «цивилизованности», то второй — вокруг смыслов «цивилизации» как единицы исторического и политического становления. Современный нарратив государства в России строится именно вокруг подобного понимания цивилизации «более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи... определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»².

Для политического языка более привычны иные понятия, аккумулирующие схожие значения: солидарность, сплоченность, согласие относительно общих целей, ценностей, интересов (что включается в параметры национальной безопасности), улавливающие как субъективные и моральные аспекты единства, так и объективные основания. В частности, в последние годы в России наблюдается усиление роли традиционных ценностей и символов в формировании национальной идентичности. Идентичность становится все более важным фактором в определении внешней и внутренней политики государства, стремление к ее укреплению становится ресурсом противостоять внешним угрозам и консолидировать общество. Следует подчеркнуть, что именно ценностные ориентации (то, что творится в голове), которые разделяются и внутренне принимаются, объединяют людей, обеспечивая солидарность, а государство скрепляют. Поэтому устойчивость ценностно-смысловых и символических структур представляется ключевой для поддержания идентичности как проекции цивилизации, воспроизводства солидарности как проекции идентичности, обеспечения суверенитета как политико-субстанциональной и политико-инструментальной проекции цивилизации. Более того, идентичность предстает как «неисчерпаемый нематериальный ресурс, который может „работать“ на развитие, и одновременно это своего рода градусник для определения „температуры“ общественно-го развития и устойчивости его поступательного движения от рубежа к рубежу» [Идентичность... 2023: 24].

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 11.11.2024).

Вместе с тем современность меняет пространство, производящее политические и культурные смыслы и нормы, а включение человека в сеть множественных, безличных связей ослабляет его соотнесенность с традиционными институциями и ценностным иерархиями. Индивидуализация идентичностей и ценностная аномия стимулируют возникновение новых сообществ, не компенсирующих нехватку солидарностей и плохо описываемых традиционными понятиями, например, возникающих подвижных общностей в параметрах конкуренции и «войны всех против всех». В реальности можно видеть дефрагментированность ценностных систем, следствием чего являются аномия и трайбализация, элиминацию временной шкалы идентичности, что приводит к конкуренции моделей историй, наличию разломов в исторической памяти, перетекающих в реальное социальное пространство³. Ключевым следствием представляется резкая актуализация многослойности исторического времени, симультантности существования ценностных систем и культурно-социальных общностей, принадлежащих к различным историческим и технологическим временам (традиционному, модернистскому, современному времени), а также больших различий в ценностных ориентациях внутри таких систем. Это ставит вопрос о необходимости универсального основания для снятия партикулярных развитий, каждый из которых претендует на онтологический статус. Так, установки на цивилизационный и мировоззренческий суверенитет России, связанный с разными временными перспективами ее истории разделяют 79 % россиян [Стрела времени 2024: 176], они «пронизывают» ценностную ткань общества, консолидируя россиян вокруг моральных основ, идеи государственности, приоритета общественного над личным [Стрела времени 2024: 178]. Таким образом, одним из ключевых параметров единства представляется ценностная целостность. Именно приверженность населения «своей концепции бытия», действенность таксонов как смысловых сгустков, концентрирующихся в ценностных ориентациях и проявляющихся в поведенческих стереотипах, коррелирует с заявляемыми методологическими установками на социокультурную легитимацию самостоятельности политического мировидения и предположением, что многие права и свободы (как основы западной цивилизационной политического модели) представляются в России не институциями, а скорее этическими категориями.

Идентичность предполагает осознание себя единым народом, тогда как сегодня структура общества не предполагает градации по единому основанию (экономическому, социальному, религиозному, образовательному или иному). Раздробленность в гносеологическом ракурсе отражает фундаментальный кризис классической политической эпистемы Запада, основанной на дихотомиях, в социально-политическом же — ставит вопрос о трибах или разломах

³ Данное положение подтверждается социологическими исследованиями. Согласно исследованиям ФНИСЦ РАН, в настоящее время большинство россиян (61 %) поддерживают идею замены множества пособий единым учебником истории. См.: [Стрела времени... 2024: 35].

и размежеваниях. Есть ли пересечения между поведением, картиной мира, способов мышления представителей различных социальных сегментов, кластеров или триб, объединяет ли их что-то более глубокого порядка? Если мы говорим о размежеваниях, то существуют ли непреодолимые водоразделы, порождающие различные миры, или есть более глубокие, субстанциональные основания, определяющие возможные параметры единства. В российском обществе улавливаются четкие интенции, связанные с глубокими разделениями из-за гипертрофированных неравенств, недостатка справедливости, неравномерности регионального развития. Что может нивелировать порождаемые ими разломы в экономической, политической и культурно-нормативной структуре общества [Горшков 2014: 20]?⁴

Результаты эмпирического исследования

Методологический посыл данной статьи исходит из признания устойчивости параметров российской цивилизации, включающей в себя ценностные константы, задающие специфику социокультурного и политико-институционального профиля российского общества, исходит из инструментализации концепции российской цивилизации применительно к новым современным параметрам, включая признание ценностной уникальности, в том числе понимание основных политических универсалий — солидарность, гражданственность, общее благо. Коллективная идентичность играет ключевую роль в формировании солидарности в российском обществе: исторически сложилось так, что россияне испытывают сильное чувство принадлежности к своему народу, истории, культуре и государству. Это подтверждается результатами проведенных эмпирических исследований в рамках проекта FSSF-2024-0060 «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к вариантам ценностного консенсуса», поддержанного ЭИСИ, Министерством науки и высшего образования РФ (рук. Ю.М. Почта): среди объединяющих факторов в российском обществе лидируют три параметра — история, культура и государство⁵, что в совокупности указывает на наличие цивилизационного объединяющего фундамента. Хотя, казалось, сверхакцентрованные неравенства между бедными и богатыми в России уже оформились в непересекающиеся множества, однако, как показывает проведенное исследование,

⁴ По мнению М.К. Горшкова, в современном мире неравенства, в отличие от предшествующих эпох, приобрели глобальный характер. «Эволюция человеческого мира и порожденное ею усложнение общества изменили основания социальной дифференциации. В результате в нынешнюю эпоху социальные неравенства воспринимаются как нечто отражающее не столько естественные различия пола, возраста или физических данных, сколько особенности политической, экономической и культурно-нормативной структуры общества» [Горшков 2014].

⁵ Здесь и далее представлены результаты проведенного в рамках заявленного проекта количественного опроса в 2024 г. Выборка целевая — студенты, представляющие 6 Федеральных округов, прослушавших курс ОРГ, контрольная группа — не проходившие курс ОРГ, N = 1696, метод — онлайн-анкетирование.

объединяющими моментами выступают: государство — 39 %, история — так считают 37 % опрошенных студентов, культура — 30 %, что в совокупности составляет цивилизационно-государственный паттерн. Еще 18 % указали на менталитет, 21 % — на любовь к Родине, 22 % — на землю как объединяющее начало. То есть можно говорить о ценностных актуализированных аттракторах российской идентичности, пересекающихся с общими практиками проекций идентичности: солидарность, патриотизм, добровольчество, милосердие, помощь. История, культура и государство объединяют в смысловой узел цивилизационную идентичность, включая ценностно-символические проекции семиотического, временного и институционального единства, можно его рассматривать как ценностное ядро.

Ключевой целью, т. е. ценностным консенсусом, которая могла бы обеспечить ценностное единство и объединить россиян, принадлежащих к различным социальным сегментам, по мнению молодых людей, является защита государства. Такое суждение поддерживает каждый третий из опрошенных студентов. С заметным отставанием роли интеграторов могли бы выполнить идея всестороннего развития личности (17 %) и новые большие инфраструктурные проекты (13 %). Это свидетельствует о восприятии государства как атрибутивного цивилизационного признака, институционально и ценностно универсального, тогда как экономические и личностные проекции являются дополнительными.

Политико-институциональная проекция цивилизационной идентичности, включающая палитру политических и ценностных смыслов, солидарности, гражданственности заложена в индикатор «Какие чувства вы испытываете по отношению к российскому государству?». В 2024 г. доминируют чувства уважения (65 %), гордости (57 %), любви (54 %). Похожие результаты были и при ответе на вопрос относительно испытываемых чувств к России как к государству в 2023 г.: преобладали позитивные чувства: уважение (55 %), любви (43 %), гордости (42 %) ⁶. Увеличение показателей за год очень существенно, что можно считать совпадением ориентаций и установок россиян с современными ценностными приоритетами государственной политики. Таким образом, именно государство может выступить аттрактором ценностного консенсуса в России, одним из путей достижения которого назван в объединительных целях следующий предлагавшийся самими студентами: «Учить детей с рождения любить свою родину и продвигать идеи патриотизма в обществе».

Повышение направленности на солидаризирующие интенции, непосредственно связанные с цивилизационным восприятием России, консолидацией общероссийской идентичности, целенаправленной и решительной внешней политикой, укреплением государства как субъекта целеполагания, позволяет определять параметры ценностного консенсуса.

⁶ Здесь и далее данные за 2023 г. представляют результаты проекта FSSF-2023-0032 «Параметры российской цивилизации: суверенитет, солидарность, идентичность» поддержанного ЭИСИ, Министерством науки и высшего образования РФ (рук. М.М. Мchedlova).

Центральным акцентом исследовательской методологии является понимание цивилизационной идентичности, связанных форм общегражданской идентичности в различных проекциях как основы социокультурного суверенитета. Данный нематериальный ресурс проставляется не менее действенным и необходимым рычагом, чем технологические или политико-институциональные основания. Можно сделать вывод об актуализации связи суверенитета и идентичности, когда суверенитет является необходимым условием для формирования и сохранения национальной идентичности, а идентичность укрепляет суверенитет государства. Утверждение культурного суверенитета России в значительной степени происходит через противопоставление современной западной культуре и идеологии: идея защиты российских традиционных ценностей, исторической памяти и культуры проходит красной нитью в официальных документах Российской Федерации, публичных выступлениях политиков, государственных и общественных деятелей.

Проблема культуры и ценностей является одной из наиболее острых и политизированных: нынешнее противостояние России и стран Запада происходит прежде всего в ценностной плоскости, высвечивая тесную связь суверенитета и идентичности именно в концептуальных рамках цивилизационной парадигмы и формулирования новых политических стратегий. Совокупность ценностей представляет собой основание российской идентичности, рассмотренное сквозь призму цивилизационных параметров, понимаемое как совокупность, всеобщность ценностей, культурных черт, феноменов [Braudel 1969: 292]. Соответственно, культурно-ценностное единство может быть рассмотрено через континуум смыслов, в которых формализируются культурные образцы, составляющие основу для ценностной консолидации и для коллективных действий и целей. Конвергентно данному утверждение и понимание культуры в христианско-антропологическом мировидении, утверждающем, что культура возникает в служении общему благу и становится принципиальным благом человеческих сообществ.

Ценности могут быть рассмотрены в нескольких значениях: ценности как идеи и идеалы (кодифицированные или записанные в программных документах и доктринах); ценности как ориентиры общественного развития (разделяемые членами определенного сообщества или общества в целом идеи о должном во всех сферах жизни); ценности как регуляторы жизни человека (как мотиваторы, представляющие результат индивидуального жизненного опыта, полученного в определенных культурных условиях, и регулирующие деятельность отдельного человека). Именно приверженность большинства населения к сохранению своих традиционных ценностных представлений, своей «концепции бытия и мировидения», формировавшейся на протяжении веков, поддерживает устойчивость цивилизационной идентичности. Перетекая в политико-инструментальную область, данное положение становится основанием государственной политики по сохранению

и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁷. Насколько данная политика находит поддержку в студенческой среде, демонстрирует как правильность выбранного курса, так и осознание политической субъектности России и ее цивилизационного статуса в качестве обоснования суверенитета.

Понимание традиции давно перетекло из пространства идейных дискуссий и политических императивов в границы витальной и этической предельности, вызвав ожесточенные столкновения между цивилизационными образованиями и ценностно-политическими системами. При всей неопределенности прилагательного «традиционные», давления линейной модернизационной дихотомии традиционное/современное налицо безусловная поддержка выбранной государственной стратегии по сохранению и продвижению традиционных духовно-нравственных ценностей. Большинство считает такую политику правильной, более того, налицо увеличение поддержки проводимого курса, что свидетельствует об объединительном и глубинном характере традиционного резервуара ценностей как смыслового ядра российской цивилизации. Если в 2022⁸ и 2023 гг. половина опрошенных считала, что политика России по упрочению и продвижению традиционных ценностей несомненно правильная политика, то в 2024 г. таковых уже 60 %. Если в предыдущие годы каждый 5-й считал данную позицию устаревшей, а каждый 8-й считает ее неискренней, то в 2024 г. космополитические интенции разделяет только 12 %, а вот количество сомневающихся в искренности данной политики осталось прежним. Оценка политики как неправильной свелась до минимума в 3 % (с 5 %). Несмотря на то, что позиция оценки политики России по упрочению и продвижению традиционных ценностей как правильной растет и ее разделяет большинство, налицо и почти 40 % альтернативного мнения, что демонстрирует столкновение традиции и современности, в котором воспроизводится глубинная цивилизационная характеристика России — расколотость. Можно предположить, что более предпочтительной формой артикуляции данных идей для современного молодого россиянина (студента) будет направленность на будущее (рис. 1).

⁷ В Указе от 09.11.2022 г. № 809 дается определение: «Традиционные ценности — Нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». См.: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 11.11.2024).

⁸ Здесь и далее представлены данные результата проекта «Российская идентичность: политические смыслы и индикаторы ценностной консолидации», поддержанного ЭИСИ, Министерством науки и высшего образования РФ (рук. М.М. Мchedlova).

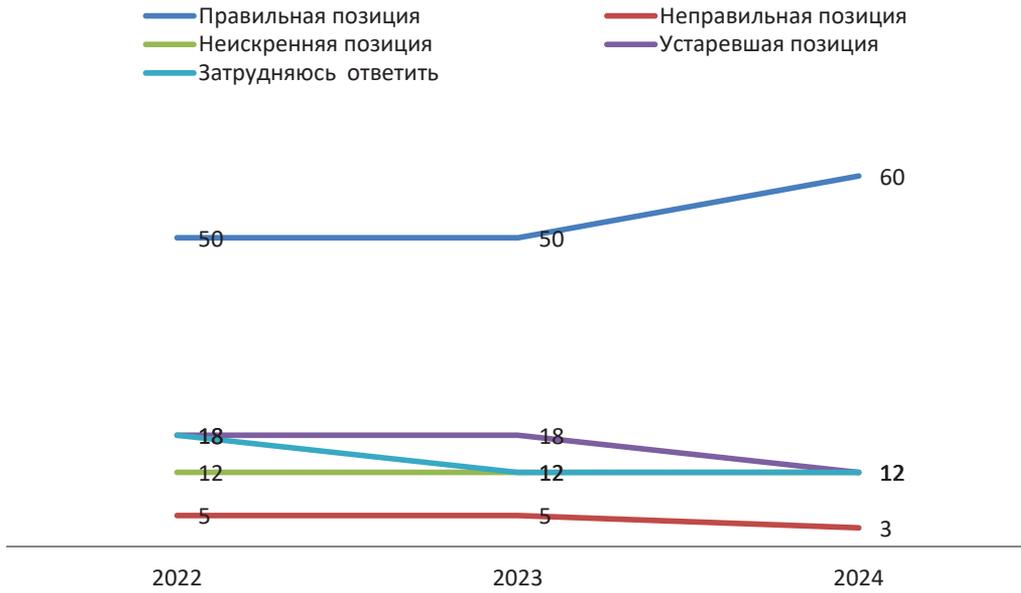

Рис. 1. Динамика ответов на вопрос: «Политика России по упрочению и продвижению традиционных ценностей — это...» (2022–2024, %).

Источник: составлено автором по результатам исследований.

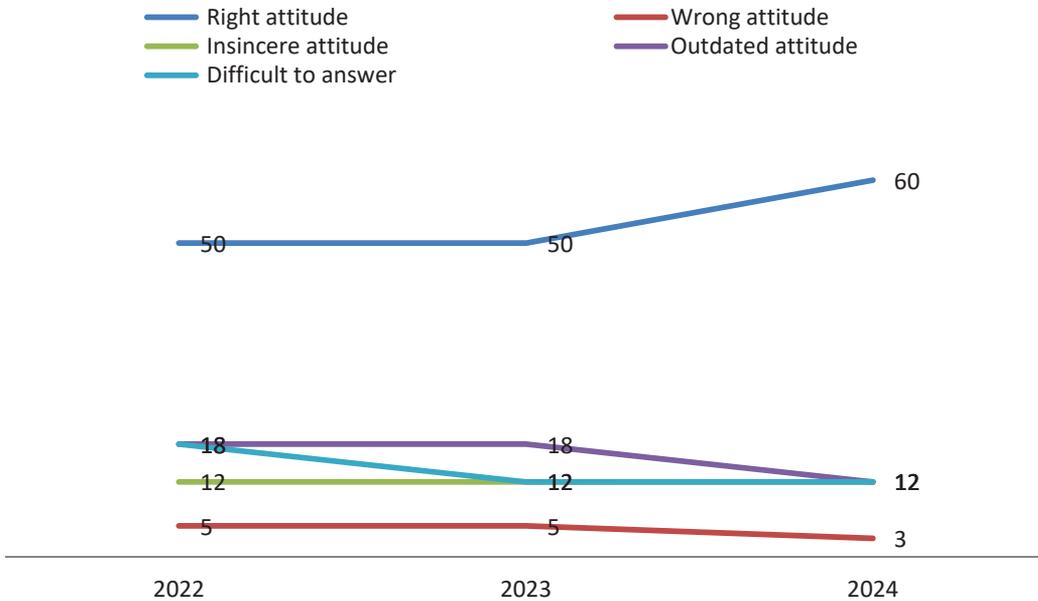

Figure 1. Dynamics of answers to the question: “Russia’s policy of strengthening and promoting traditional values is...” (2022–2024, %)

Source: compiled by the author based on research results.

Традиционные ценности служат фундаментом для формирования российской идентичности. Они определяют отношение людей к своему прошлому, настоящему и будущему, формируют представления о том, что такое Россия и что

значит принадлежать к российской цивилизации. Патриотизм, семья, трудолюбие, духовность и коллективизм находят отражение в национальном самосознании и повседневной жизни россиян (табл.).

Как вы относитесь к российским традициям и образу жизни? (2022–2024, %)

Вариант ответа/ год	2022	2023	2024
Это основа нашей духовности, которую надо развивать и возрождать	28	37	42
Традиционные ценности позволяют обеспечить самостоятельность России	17	21	22
В российских традициях и образе жизни есть много как плохого, так и хорошего	38	34	27
Вижу в российских традициях и образе жизни больше плохого (бескультурье, отсталость)	11	5	4
Затрудняюсь ответить	11	8	6

Источник: составлено автором по результатам исследований.

How do you feel about Russian traditions and lifestyle? (2022–2024,%)

Response option / Year	2022	2023	2024
This is the basis of our spirituality, which must be developed and revived	28	37	42
Traditional values make it possible to ensure Russia's independence	17	21	22
There are many good and bad things in Russian traditions and lifestyle	38	34	27
I see more bad things in Russian traditions and lifestyle (lack of culture, backwardness)	11	5	4
Difficult to answer	11	8	6

Source: compiled by the author based on research results.

Динамика позитивного отношения студенческой молодежи к российским традициям и образу жизни показывает рост их восприятия как основы духовности, которую необходимо поддерживать (42%), и условия самостоятельности и укрепления суверенитета России (22%). Эти показатели увеличились по сравнению с 2022 и 2023 гг. Наиболее существенный рост, в полтора раза (в 28 до 42%), наблюдается в поддержке суждения, что традиционные

ценности суть основа нашей духовности, которую надо развивать и возрождать. Это демонстрирует повышение ориентации на восприятие России как особой цивилизации с уникальной системой ценностей, несводимых к линейным нормативным сравнениям с образцом. С этими положениями коррелирует и повышение осознания взаимосвязи между, с одной стороны, ценностной системой, идентичностью, а с другой — самостоятельностью и суверенитетом (34%). Группа, выбирающая срединный ответ «много как плохого, так и хорошего», уменьшилась по сравнению с 2022 г. (с 38 до 27%), показав тенденцию некоторого уменьшения позиции стремления совмещать традиции и современность. Учитывая, что самый непопулярный выбор исключительно негативного варианта из представленных «вижу больше плохого» уменьшился в 2 раза (с 11 до 4%), можно говорить о размытом понимании самих традиций и традиционного образа жизни, при этом значительная часть понимает их функциональную ценность как внутри российского общества, так и как основы самопрезентации России в мире. Более того, эта группа начинает расти по сравнению с прошлым годом, что, вероятно, можно отнести за счет успехов образовательной политики (курс «Основы российской государственности», увеличение объема курса «История России», введение единого учебника по истории России), целенаправленного дрейфа внутренней политики государства в сторону ценностных сюжетов и дискурсивных паттернов власти.

Государственная политика России сегодня центрируется на обеспечении ценностной целостности, признавая ее ключевую значимость наряду с целостностью территориальной. Не случайно надежды на будущее у опрошенных студентов связываются прежде всего с политической деятельностью (рис. 2).

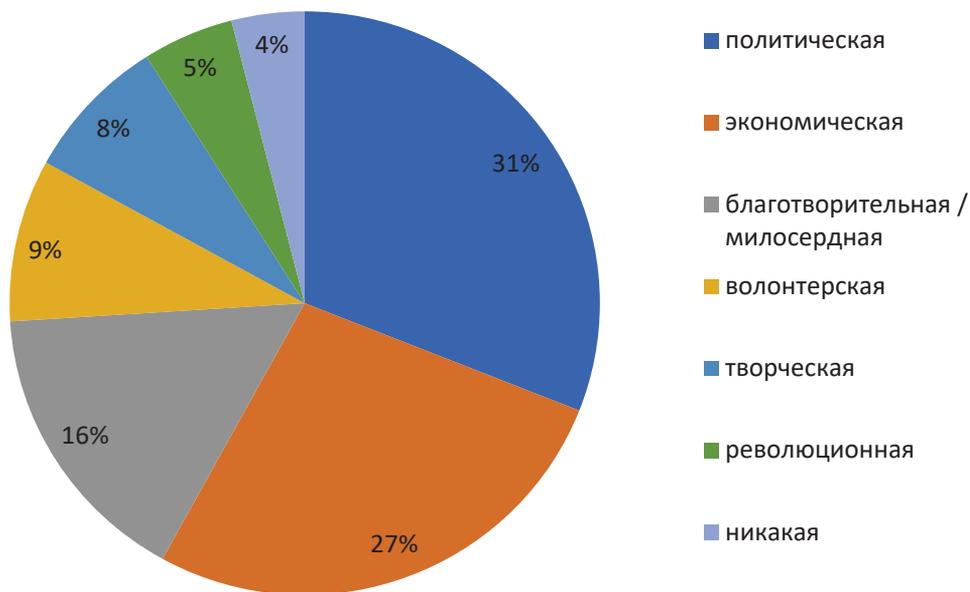

Рис. 2. Ответ на вопрос «Сегодня мы видим много неравенства и несправедливости, с какой деятельностью вы связываете надежды на будущее? (2024, %)

Источник: составлено автором по результатам исследований.

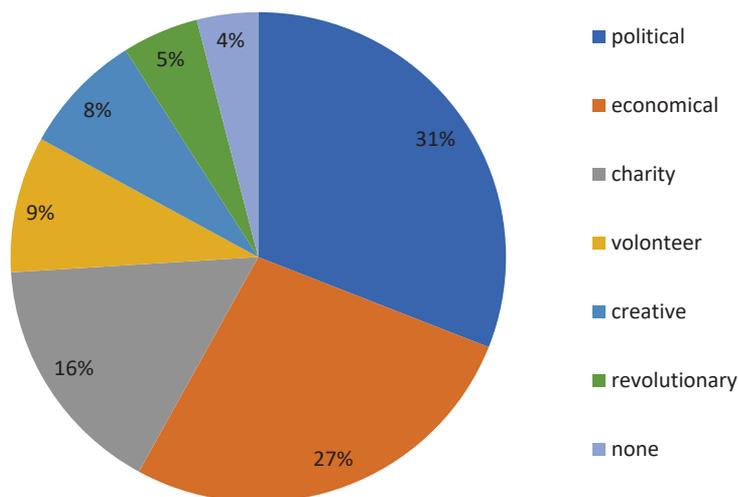

Figure 2. Today we see a lot of inequality and injustice, what kind of activity do you pin your hopes on for the best? (2024, %)

Source: compiled by the author based on research results.

Если брать аспект ценностей как ориентиров, то к смысловому наполнению традиционных ценностей можно отнести:

1) ценностные и солидарные основания российской цивилизационной идентичности и, соответственно, проблему актуализации патриотических ценностей в самосознании современного российского общества;

2) ценностно-символические параметры российской идентичности, т.е. воспроизводимые глубинные паттерны российской цивилизации, отражение ее специфических черт как параметров уникальности и легитимации суверенитета;

3) сформированные смыслы как представления о сущности и значимости для жизни, которые проникают в структуру мотивации жизнедеятельности, где обретают форму ценностей. Они могут работать на индивидуальном и коллективных уровнях, обратное движение формирует мировоззрение.

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что именно соотношение идентичности и суверенитета представляет собой комплекс уникальных преимуществ России, что определяет ее специфику и статус на мировой арене (рис. 3). Именно нематериальная составляющая данного комплекса, имплицитно входящая в ядро цивилизационной идентичности — культура и искусства как уникальное преимущество была выбрана большинством опрошенных (57%). Традиции сильного государства и военную силу выбрала практически половина опрошенных, что также свидетельствует о наличии смыслового паттерна в восприятии России как Великой державы со всеми ее атрибутами, что обеспечивает высокую поддержку проводимой сегодня политики и действий институтов верховной власти, и прежде всего Президента РФ. Самостоятельность выбирают 40% опрошенных, что отражает соотношение суверенитета с идентичностью и признаками великодержавности. Пятая часть выбирает в качестве уникальности России ее роль альтернативы Западу, и почти столько же видит

это в православии как религиозной традиции, под воздействием которой сформировались российская культура и культурное ядро российской идентичности, ее ценностное своеобразие. Образование и инновационный потенциал, связанный сектором ИТ, выбирают 21 и 17 % соответственно. Меньше всего рассматривается как преимущество России экономика, эту позицию выбирают лишь 8 % опрошенных студентов.

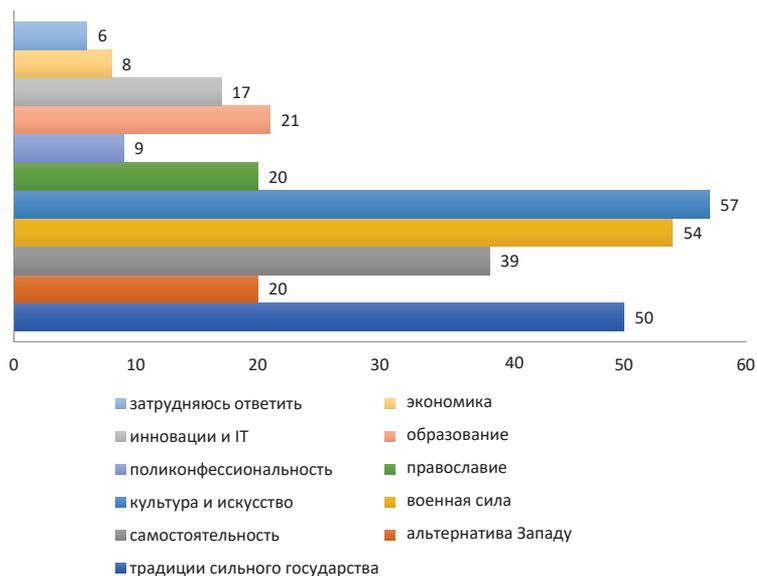

Рис. 3. Распределение ответов студентов по ответам на вопрос: «В чем уникальное преимущество России в глобальном мире?» (2024, %, допускалось 3 ответа)

Источник: составлено автором по результатам исследований.

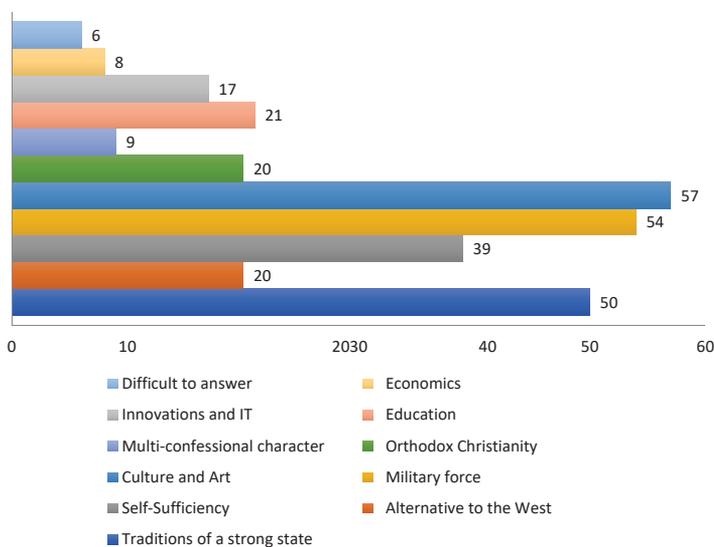

Figure 3. Distribution of students' answers according to the answers to the question: "What is Russia's unique advantage in the global world?" (2024, %, 3 answers were allowed)

Source: compiled by the author based on research results.

Заключение

Таким образом, в конгломерате составных частей самобытного наследия, обеспечивающего конкурентоспособность и уникальность России, ключевым наполнением выступают культура и государство, что еще раз подтверждает их скрепляющий потенциал, определяющий специфику институциональной и ценностной системы, способов мировидения и исторического позиционирования.

Символические параметры исторической и ценностной преемственности, позволяющие не только обеспечивать коллективные политические и социальные практики в настоящем, но и формирующие образ желаемого будущего составляют ценностное ядро российской идентичности. Практической задачей выступает поиск механизмов конвертации ценностного ядра и соотносящихся с ним институтов в варианты ценностного консенсуса, преодолевающего водоразделы между полярными сегментами российского общества. История, культура и государство выступают ключевыми опорными точками подобной конвертации, а устойчивость цивилизационной идентичности предлагает базу для обеспечения единства. Одновременно идентичность как ресурс социокультурного суверенитета и основа ценностного единства преломляется в инструментальной политике и ее идейной оболочке сквозь призму традиционных ценностей, сохранение и продвижение которых выступает как целенаправленной государственной стратегий, так и общей потребностью «самоподдержания» цивилизационной специфики.

Поступила в редакцию / Received: 15.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2024

Библиографический список

- Бродель Ф.* Цивилизация как длительная временная протяженность // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. Москва : Аспект-Пресс, 1998.
- Вирильо П.* Тирания настоящего времени // Искусство кино. 1996. № 1. С. 130–133.
- Горшков М.К.* Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 20–31.
- Горшков М.К.* Человек, общество, государство: ракурсы идентичности // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. С. 236–241. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-236-241>.
- Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / ИМЭМО РАН; под ред. И.С. Семененко. Москва : Весь Мир, 2023.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу: антология / ред. С. Хантингтон, Л. Гаррисон. М. : Московская школа политических исследований, 2002.
- Постсоветская идентичность России и Армении: поиски пути в будущее: монография / М.М. Мchedlova, О.Л. Саргсян, Д.Б. Казаринова, Н.А. Дунамалян, В.В. Таишева; под редакцией М.М. Мchedловой. Москва : РУДН, 2024.

«Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / ФНИСЦ РАН. Институт социологии; под. ред. М.К. Горшкова. Москва : Весь мир, 2024.
Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Москва : АСТ, 1997.
Braudel F. *Ecrits sur l'Histoire*. Paris, 1969.

References

- Braudel, F. (1998). Civilization as a long time extension. In *Comparative study of civilizations. A textbook*. Moscow: Aspect-Press. (In Russian).
- Braudel, F. (1969). *Ecrits sur l'Histoire*. Paris.
- Fromm, E. (1997). *The anatomy of human destructiveness*. Moscow: AST. (In Russian).
- Gorshkov, M.K. (2014). Social inequalities as an object of sociological analysis. *Sociological Studies*, (7), 20–31. (In Russian).
- Gorshkov, M.K. (2024). Man, society, state: Perspectives of identity. *Russia in global affairs*, 22(3), 236–241. (In Russian). <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-236-241>.
- Gorshkov, M.K. (Ed.). *The "Arrow of time" in the mass consciousness of Russians: Assessments of the past, judgments about the present, ideas about the future*. Moscow: Ves Mir. (In Russian).
- Huntington, S., & Harrison, L. (Eds.). (2002). *Culture matters. How values contribute to social progress. Anthology*. Moscow: Moscow School of Political Studies. (In Russian).
- Mchedlova, M.M. (Ed.). (2024). *The Post-Soviet identity of Russia and Armenia: The search for a path to the future*. Moscow: RUDN. (In Russian).
- Semenenko, I.S. (Ed.). (2023). *Identity: The individual, society, and politics. New outlines of the research field*. Moscow: Ves Mir. (In Russian).
- Virillo, P. (1996). The tyranny of the present. *Film Art*, 1, 130-133. (In Russian).

Сведения об авторе:

Мchedлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов; главный научный сотрудник центра «Религия в современном обществе», Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741)

About the author:

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Chief Researcher of the Center 'Religion in Contemporary Society', Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-786-806
EDN: XBLWLA

Научная статья / Research article

«Москвич» — «немосквич»: от дихотомии противопоставления к поиску тождества

Ю.М. Почта

Российский университет дружбы народов, Москва,
Российская Федерация

✉ pochta_yum@pfur.ru

Аннотация. Рассматривается роль Москвы как столицы РФ, как мегаполиса в изменении и поддержке ценностно-цивилизационной специфики российского общества, ее влияния на процесс становления российской цивилизационной идентичности, обеспечивающей полноту суверенитета страны. Методология работы включает цивилизационный анализ, концепции, разрабатываемые в рамках идентитарных исследования, признание политизации цивилизационных смыслов, признание цивилизационного смысла идентичности как ключевого фактора, признание множественности путей политического развития в противовес линейной нормативной модели. Динамичный процесс становления российской идентичности рассматривается на примере Москвы в социокультурном, экономическом, политическом планах. Дан анализ итогов опросов студентов в фокус-группах по тому, про кого они могут сказать «мы», по проблеме распределения ресурсов между Москвой и регионами, по препятствиям на пути улучшения взаимопонимания между Москвой и регионами, по тому, что объединяет москвичей и остальных россиян. Показано, что студенты отдают приоритет общегосударственной гражданской идентичности и ценности образа жизни, связанного с этой идентичностью. Большое внимание молодежи привлекает проблема социальной справедливости в отношениях Москвы и регионов. Обоснована рекомендация о необходимости практики создания единого ценностного поля (институциональные средства, роль религиозных организаций, использование дискурса внешней угрозы) для устойчивой системной связи Москвы и всей страны в контексте политики идентичности.

Ключевые слова: российская цивилизация, идентичность, Москва, мегаполис, москвичи, немосквичи, чужие, национальная безопасность, гражданственность, общероссийская гражданская идентичность

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта ЭИСИ и Минобрнауки РФ FSSF-2024-0060 «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к вариантам ценностного консенсуса»).

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Почта Ю.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Почта Ю.М. «Москвич» — «немосквич»: от дихотомии противопоставления к поиску тождества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 786–806. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-786-806>

“Moscovites” — “Non-Moscovites”: from the dichotomy of opposition to the search for identity

Yuriy M. Pochta

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ pochta_yum@pfur.ru

Abstract. The article examines the role of Moscow as the capital of the Russian Federation, as a megalopolis in changing and supporting the value-civilizational specifics of Russian society, its influence on the process of formation of the Russian civilizational identity, ensuring the full sovereignty of the country. The methodology of the work includes civilizational analysis, concepts developed within the framework of identitarian research, recognition of the politicization of civilizational meanings, recognition of the civilizational meaning of identity as a key factor, recognition of the multiplicity of ways of political development as opposed to a linear normative model. The dynamic process of the formation of Russian identity is considered on the example of Moscow in socio-cultural, economic, and political terms. The analysis of the results of student surveys in focus groups is given on who they can say “we” about, on the problem of resource allocation between Moscow and the regions, on obstacles to improving mutual understanding between Moscow and the regions, on what unites Moscovites and other Russians. It is shown that students give priority to the national civic identity and the value of the lifestyle associated with this identity. The problem of social justice in relations between Moscow and the regions attracts great attention of young people. The recommendation on the need for the practice of creating a single value field (institutional means, the role of religious organizations, the use of the discourse of an external threat) for a stable systemic connection between Moscow and the whole country in the context of identity politics is substantiated.

Keywords: Russian civilization, identity, Moscow, megalopolis, Moscovites, non-Moscovites, strangers, national security, citizenship, all-Russian civil identity

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the EISI, project FSSF-2024-0060 «Identity as a resource for overcoming cleavages in Russia: from preserving the core of values to options for value consensus».

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Pochta, Yu.M. (2024). “Moscovites” — “Non-Moscovites”: From the dichotomy of opposition to the search for identity. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 786–806. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-786-806>

Введение

В современной ситуации кризиса однополярного американоцентричного мира и становления многополярного мирового порядка, в условиях гибридной войны, ведущейся коллективным Западом против России, идентичность становится важнейшим ресурсом сплочения общества. «Не случайно обострение

отношений с Западом, — пишет об этом М.М. Мчедлова, — политика анти-российских санкций вплоть до объявления России экзистенциальной угрозой созданного Западом миропорядка стали возрастать по мере того, как Россия все более четко артикулировала свое право определять и следовать собственному пути развития, соотносящемуся с ее цивилизационным статусом, параметрами идентичности и целью стать одним из центров «многополярного мира» [Мчедлова 2024: 316–317]. Избавление как нашей страны, так и незападных обществ от гегемонии Запада во всех ее проявлениях становится вопросом выживания существующих в мире культур и цивилизаций.

Проблема идентичности как фактора политической жизни ярко проявилась в условиях кризиса СССР, его развала и в дальнейшей истории постсоветских государств. В настоящее время продолжается становление российской государственности, укрепление ее федеративной основы, ставится задача преодоления иллюзии свободного вхождения России в западную цивилизацию на равных. Идет многоплановый анализ и концептуализация идентичности нашей многонациональной и многоконфессиональной страны. В условиях гибридной войны, объявленной нам Западом, когда любые аспекты жизни общества (политика, экономика, язык, религия, культура, мораль, этнос) могут быть использованы для разрушения нашего общества, проблема цивилизационной идентичности приобретает очень большое значение. Она важна как для преодоления имеющихся размежеваний в обществе, так и для достижения ценностного консенсуса, укрепления государственно-гражданской идентичности, способной обеспечить нашей стране статус суверенной великой державы.

Становление российской идентичности: контексты

Процесс становления идентичности российского постсоветского общества крайне динамичен и сталкивается со многими проблемами внутривнутриполитического и внешнеполитического характера.

Внутриполитический контекст. Вместо ушедшей в небытие идентичности советского народа общероссийская гражданско-политическая идентичность формируется в условиях оживления национального самосознания в национальных республиках, возрождения религии, усиления этнорелигиозной идентификации. После распада СССР усилиями В.В. Путина была укреплена вертикаль власти были ограничены тенденции сепаратизма в отдельных национальных республиках, укреплен российский федерализм.

Внешинополитический контекст. С 2000-х гг. Запад открыто начал политику сдерживания России как суверенного государства, возрождающего свои цивилизационные основания, ускорил процесс продвижения НАТО на Восток, интенсифицировал процесс подготовки и проведения цветных революций в СНГ и в России. В бывших республиках СССР, ставших независимыми государствами, в процессе создания собственной идентичности происходило вытеснение русского населения, ограничивалась сфера применения русского языка, вводились ограничения на деятельность православной религии.

Там начала создаваться собственная идентичность, сосредоточенная на умалении русской культуры, на критике «русского колониализма», на создании собственной мифологии истории в ущерб истории российской империи и истории СССР. При распространенных в этих условиях чувств поражения и маргинализации такую идентичность могут называть «болезненной» [Плассро 2018: 12]. Этот процесс соответствует теоретической модели использования образа «Другого» в формировании национальных, региональных и общеевропейских идентичностей, которую анализирует норвежский ученый Ивер Нойманн. Он, в частности, рассматривает формирование коллективной идентичности как способ преодоления недостаточности в отношениях с иными, способ достижения власти над другими, как процесс обретения субъектности в мировой политике [Нойманн 2004].

Кроме активной деструктивной роли Запада на РФ оказывают негативное воздействие исламские зарубежные центры и государства, навязывая собственные модели ислама как религии и как политического явления. Систематическое воздействие на живущие в России тюркские народы, исповедующие ислам, оказывает Турция, проводя пантюркистскую политику, пытаясь ослабить их связь с общероссийской идентичностью. Вызов формирующейся российской идентичности представляет приток мигрантов из ряда бывших республик СССР. Это общемировая тенденция. «Во многих странах мира, — отмечает И.Л. Прохоренко, — куда направляются потоки мигрантов и беженцев, поднимается вопрос об угрозе для национальной идентичности, безопасности. Это происходит в странах — членах ЕС и в США, где происходит ожесточенная борьба между защитниками национальной идентичности от угрозы инокультурных мигрантов и радикальными либералами, которые осуждают любую попытку защиты национальных интересов» [Прохоренко 2024].

Россия защищает в настоящее время свою субъектность на мировой арене, одним из элементов которой является идентичность, основанная на собственной цивилизации. В условиях трансформации однополярного мира в многополярный, когда государства Запада утратили свой суверенитет и национальную культуру, разделяемую массой и правящими классами [Тодд 2024: 21–22], борьба России за сохранение и укрепление своего суверенитета как основы своего устойчивого развития и влияния в мире воспринимается коллективным Западом как угроза своему слабеющему доминированию. Поэтому вполне объяснимо, что сторонники западной концепции современного мироустройства, в частности доцент кафедры международных отношений Вебстерского университета (США) Анатолий Решетников, крайне критично оценивают эту деятельность России как функционирование великодержавного дискурса, сохранение привязанности к великодержавной идентичности в условиях ужесточения внутренней оборонительной консолидации [Решетников 2024].

Проблема идентичности весьма актуальна в современном мире в целом. Как пишет российский специалист по идентитарным исследованиям И.Л. Прохоренко, «у государства появилось множество конкурентов в политике идентичности, связанной с территорией и пространством, и национальная (национально-гражданская) идентичность оказывается одной из множества,

с которыми себя связывает индивид в современном мире. Это может быть идентичность территориальная (место, где человек родился, вырос, учился, работал, обрел семью), региональная (самоидентификация с определенным регионом как территориальным и политическим сообществом), макрорегиональная (европейская, латиноамериканская, североамериканская, африканская и т.д.), космополитическая (Я как гражданин мира). Иерархия этих идентичностей может меняться во времени, на нее могут оказывать воздействие множество факторов самого различного свойства, могут наблюдаться конфликты и кризисы идентичности и конкретных индивидов, и отдельных социальных групп» [Прохоренко 2018].

Проблема российской идентичности ярко проявляется в Москве. В этом мегаполисе заметны все виды основных размежеваний, присущие нашему обществу (свой — чужой, элита — остальное население, село/город/мегаполис, провинция — столица, москвичи — немосквичи, патриотизм — космополитизм). Причинами этих размежеваний являются экономические, политические и культурные основания. Москва является центром нашего федеративного государства и в ней соединяются локальная и общегосударственная идентичности. Поэтому размежевания в Москве связаны с многоуровневыми проблемами идентичности, культурно-цивилизационных ценностей, социальной справедливости, гражданственности, патриотизма, солидаризации и федерализма. Кроме того, Москва является важным мостом, связывающим Россию с зарубежными странами, через нее в страну приходят многие процессы глобализации и вестернизации, включая попытки дестабилизации страны посредством проведения цветных революций¹.

Так что для Москвы крайне актуален вопрос соотносимости и совместимости различных уровней идентичности. Как мы отмечали выше, одним из основных размежеваний, присущих нашему обществу, является различие: *москвичи* — *немосквичи*. Попробуем определить содержание этих понятий, учитывая их большую условность.

Кто такие москвичи и немосквичи?

В столице проживает 13 154 000 человек, а в московской агломерации (Москва и Московская область) — 21 801 000 человек. По прогнозу мэра Москвы С. Собянина, население Москвы к 2030 г. составит 14 млн человек, а население Московского столичного региона к этому времени может достичь 23 млн². Согласно переписи населения 2021 г., большинство жителей Москвы — примерно половина

¹ В этом отношении трудно согласиться с критической оценкой В.Е. Морозовым практики «секьюритизации национальной идентичности» в российском внешнеполитическом дискурсе, основанной «на противопоставлении между Россией и враждебным внешним миром». Но важно учесть, что эти мысли были высказаны в 2009 г., когда расхождение между Россией и Западом было не столь очевидным [Морозов 2009: 347, 348].

² Собянин спрогнозировал численность населения Москвы к 2030 г. (19.02.2024 г.) URL: <https://ria.ru/20240219/moskva-1928151082.html?ysclid=m3abg9prin377957610> (дата обращения: 28.11.2024).

из 13 млн — родились в Москве, остальные — в других городах России³. Хотя в федеративной системе РФ Москва и Московская область являются отдельными субъектами, но по многим аспектам жизни общества они тесно связаны. Поэтому в дальнейшем тексте мы будем использовать понятия Москва, столичный регион, московская агломерация, мегаполис как равноценные.

Таким образом, формальному признаку проживания в мегаполисе (по факту постоянной регистрации), москвичей насчитывается около 22 млн человек. Подчеркнем, что это достаточно условное понимание. К москвичам можно относить только коренных жителей города, а можно к ним причислять и тех, кто поселился в Москве несколько лет назад. Разумеется, не все, живущие в Москве годами люди принимают идентичность мегаполиса. Они могут сохранять свою «привезенную» идентичность в качестве члена какой-либо этнической диаспоры или регионального землячества. Можно согласиться с распространенным пониманием москвича как человека, который родился, вырос, получил образование, социализировался и разделяет московский образ жизни [Кашкабаш 2013].

Немосквичей можно выделять по ряду признаков: по цели и по срокам временного пребывания в Москве (зарубежные и отечественные туристы; временно проживающие зарегистрированные приезжие — трудовые мигранты, студенты; незарегистрированные нелегальные мигранты), по месту, откуда они приехали (региону России или зарубежной стране); по этнорелигиозным особенностям; по степени толерантности или нетерпимости к носителям иных идентичностей. Согласно данным управления по вопросам миграции ГУ МВД по Москве, за 2023 г. в столице поставили на учет 3 343 490 иностранцев и лиц без гражданства. В столице зарегистрировалось 120 773 иностранных туриста⁴.

Основная доля мигрантов, приехавших в Россию в 2022 г., сформировалась за счет трех стран — Узбекистана (41,9 %), Таджикистана (28,4 %) и Киргизии (16,2 %). Суммарно — 86,5 %. Оставшаяся доля распределяется между гражданами Армении, Казахстана, Азербайджана, Турции, Китая, Вьетнама и Молдовы⁵.

Причины противоречий москвичей — немосквичей

Москва — быстро развивающийся мегаполис, в который перемещается большое количество как россиян из других регионов, так и мигрантов из других стран — на время или на постоянное проживание. Она привлекает туристов и трудовые ресурсы из России и из-за рубежа. Это увеличивает этнокультурное и этноконфессиональное разнообразие города. Различия между приезжими

³ Кто вы, миллионы? В одной картинке показываем собирательный портрет современного москвича (25 января 2023 г.). URL: <https://msk1.ru/text/gorod/2023/01/25/72002069/?ysclid=m406wmpqr6r385592318> (дата обращения: 28.11.2024).

⁴ Специалисты посчитали, сколько в Москве иностранных туристов: бешеный рост (18.02.2024 г.). URL: https://vk.com/wall-113590066_1397044?ysclid=m406pelm4a23573844 (дата обращения: 28.11.2024).

⁵ 5 стран, из которых в Россию едет больше всего мигрантов (25 марта 2023 г.). URL: <https://dzen.ru/a/ZgF1SFWYFCeRjyLL> (дата обращения: 28.11.2024).

и местными по этноконфессиональным, социальным и культурным аспектам могут приводить к напряжению между ними. Это этнофобии как часть большего явления — ксенофобии как нетерпимости ко всему чужому, незнакомому, кажущемуся опасным. Они могут быть основаны на реальном опыте контактов с такими людьми, а также — на слухах, предрассудках и стереотипах. Считается, что жители мегаполисов более предрасположены к таким фобиям из-за острой конкуренции, высокого темпа жизни, из-за опасений утраты собственной идентичности, утраты ресурсов.

Москвичи опасаются, что из-за приезжих растет преступность, происходит дестабилизация рынков труда и жилья, ухудшается санитарно-эпидемиологическая обстановка. Приезжие якобы насаждают привычную для них коррупцию, клановость, клиентизм, агрессивные способы решения своих проблем, неуважительное, циничное отношение к социальной среде мегаполиса, воспроизводство своих традиционных связей в замкнутых этнорелигиозных (клановых) общинах и нежелание интегрироваться в принимающее общество Москвы. Москвичи могут паниковать из-за появления большого числа людей с иной идентичностью и образом жизни. В социальных сетях могут откровенно сетовать на то, что увеличивающееся количество представителей иных культур существенно меняет этнокультурный и цивилизационный ландшафт города.

В итоге может возникать представление о том, что чужие представляют угрозу для социального благополучия и даже угрозу для национальной безопасности, в частности из-за так называемого исламского экстремизма и терроризма. Тем более, если это каким-либо образом связано с этническим сепаратизмом на региональном уровне или зарубежным вмешательством во внутренние дела российского общества⁶.

Мнения специалистов по трудовой миграции, экономистов, общественных деятелей резко расходятся — одни крайне обеспокоены миграционной угрозой⁷, а другие полагают, что миграция — вынужденная необходимость на современном этапе развития нашего общества⁸.

В условиях большого притока инокультурных мигрантов в обществе неизбежно возникают отношения «свой» — «чужой» (чуждые, иные). Фобии к чужим, укрепляясь, становятся ценностными установками, стереотипами, предрассудками. В СМИ может использоваться по отношению к чужим

⁶ О механизмах проникновения террористических сетей на территорию России при помощи информационных воздействий, нацеленных на трансформацию идентичности граждан см.: [Рудаков, Устинкин 2016].

⁷ Викулова М. Эксперты предложили пути решения миграционных проблем в России. *Ведомости* (7 ноября 2024 г.). URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/11/07/1073643-eksperti-predlozhili?ysclid=m3zz2hxq4i400330520> (дата обращения: 28.11.2024); Три года, чтобы спасти Россию»: член СПЧ Кабанов рассказал о критической ситуации в стране // *Московский комсомолец*. 29 апреля 2024 г. URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/04/29/tri-goda-chtoby-spasti-rossiyu-chlen-spch-kabanov-o-kriticheskoy-situacii-v-strane.html?ysclid=m3zzk18ube329750566> (дата обращения: 28.11.2024).

⁸ Габдуллина Э. Принять и расселить // *Коммерсант*. 10.07.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6095829?ysclid=m3zzurv7vz710922449> (дата обращения: 28.11.2024).

«язык вражды», могут проявляться агрессивность, нетерпимость, ксенофобия⁹. Это производит впечатление на общественное мнение, которое начинает воспринимать присутствие в мегаполисе немосквичей как угрозу идентичности, ценностям и образу жизни москвичей. Возникает психологическая установка делить людей на своих и чужих.

Образ немосквичей как чужих особенно силен, когда очевиден конфликт религий, культур, образов жизни. К примеру, постоянно дебатировался вопрос о том, какая одежда допустима для женщин-мусульманок, вставал вопрос о процедуре забоя скота в соблюдении обряда жертвоприношения. Но наиболее радикально могут вызывать опасения москвичей мусульмане, разделяющие идеологию исламского фундаментализма. Традиционная этнорелигиозная идентичность может дополняться или даже заменяться радикальным национализмом, шовинизмом на основе сепаратистских настроений, исламского фундаментализма, пантюркистской идентичностью. Волнует москвичей и проблема демографии. Население России медленно сокращается, а в семьях мигрантов детей обычно много.

Противоречия приезжих-россиян с москвичами

У приезжих-россиян также возникают претензии к москвичам. Они обвиняют москвичей в том, что они не умеют работать, а стремятся только руководить. Они якобы негостеприимные из-за того, что считают себя выше по статусу, чем приезжие. Они осторожны и подозрительны по отношению к «понаехавшим» как к конкурентам. Они равнодушны к жалобам приезжих на проблемы жизни в Москве.

В итоге у приезжих-россиян может возникать стойкое представление о том, что настоящая Россия находится за пределами МКАД, а Москва живет за счет всей страны, за счет концентрации ключевых управленческих, людских, финансовых, образовательных и научных ресурсов. Кроме того, обвинения в нероссийском характере Москвы могут быть связаны с высокой степенью связей столицы с зарубежными странами, либеральными ориентациями части ее населения и космополитизмом. Высказываются упреки и морального плана по поводу связи с образом жизни, с критерием соответствия российской идентичности. Подчеркивается как устоявшееся мнение, что в Москве живут менее нравственные, менее законопослушные люди, менее патриотичные, чем в глубинке. Заявляется, что в России провинция всегда была нравственно здоровее и чище, чем в столичных городах¹⁰.

Часто встречается упрек москвичам в том, что Москва получает преимущественное развитие в ущерб другим городам и регионам России по нескольким

⁹ Процессы превращения образа «чужого» в образ «врага», условия возникновения ксенофобии довольно детально рассмотрены в коллективной монографии: «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. СПб.: Алетейя, 2019.

¹⁰ Исследования российских социологов показывают, что эти распространенные обвинения в адрес Москвы постепенно теряют свою достоверность, так как идет сближение образа жизни крупных городов и провинции, а статус москвича подвергается эрозии: [Столицы и регионы... 2018]

направлениям: по концентрации финансовых и экономических ресурсов, по темпам развития, по потреблению людских ресурсов из других регионов. Эта идея может звучать и на общегосударственном уровне. Так, в 2018 г. на Московском урбанистическом форуме глава Счетной палаты А. Кудрин посетовал на чрезмерное развитие Москвы и Санкт-Петербурга при более медленном развитии других регионов¹¹.

Действительно, существуют социально-экономические различия условий жизни в столице и в регионах. Мегалополис представляет собой среду с высоким уровнем социального расслоения. В мегалополисе существуют большие возможности поиска работы и получения высокой зарплаты в условиях отсутствия таких возможностей на периферии (молодежь из провинции переезжает в столицу). Однако уровень социального неравенства существует и среди москвичей. Некоторые москвичи, очень часто молодежь, которые, не преуспев в получении хорошего образования и в нахождении высокооплачиваемой работы, находясь на низком уровне культурного развития и социализации, свое маргинальное существование склонны объяснять присутствием «понаехавших», чужих, иных.

Вопросы правопорядка и законности

Проблема нарушения правопорядка мигрантами является весьма актуальной в Москве и в России в целом. Глава Следственного комитета Александр Бастрыкин в 2022 г. заявлял, что со стороны мигрантов, часть из которых — нелегалы, «отмечается увеличение случаев совершения тяжких и особо тяжких преступлений — убийств, изнасилований, похищений людей, получают распространение экстремистские настроения». Он полагает, что к противоправным действиям их приводят дезадаптация, материальные трудности и социальная незащищенность¹².

Для противодействия нелегальной миграции ежегодно в России силовыми структурами проводится операция «Нелегал». В результате в 2024 г. из России выдворят или депортируют 20 тыс. иностранцев, незаконно находившихся на территории страны, в том числе в Москве¹³.

Претензии правоохранительных органов и общественности к мигрантам состоят в том, что они плохо знают требования российского права, а если и знают, то не хотят их исполнять и не склонны следовать общепринятым нормам поведения. Зачастую их социализация ограничивается приверженностью своим

¹¹ Москва — резиновая? Сергей Собянин вступил в спор с Алексеем Кудриным (18 июля 2018 г.). URL: <https://newizv.ru/news/2018-07-18/moskva-rezinovaya-sergey-sobyanin-vstupil-v-spor-s-alekseem-kudrinym-269441?ysclid=m3a5mz2rz6487207226> (дата обращения: 28.11.2024).

¹² Комарова В. Бастрыкин рассказал о росте числа тяжких преступлений среди мигрантов // Парламентская газета. 04.08.2022 г. URL: <https://www.pnp.ru/politics/aleksandr-bastrykin-chislo-tyazhkih-prestupleniy-sredi-migrantov-vyroslo.html?ysclid=m400rru3mk867047303> (дата обращения: 28.11.2024).

¹³ После операции «Нелегал-2024» из России уедут 20 тыс. иностранцев // Коммерсант. 08.11.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7295341?ysclid=m400t3c2h869468149> (дата обращения: 28.11.2024).

кланам, землячествам, диаспорам. Когда же они теряют связь с этими сообществами, они маргинализируются.

Следует учитывать, что в ряде национальных республик СССР в последние годы его существования наблюдался упадок правопорядка, происходили этнические конфликты с кровавыми разборками, а после получения независимости в этих государствах шло долгое становление государственности в условиях кризиса экономики, анархии, разгула преступности, экстремизма и терроризма, гражданских войн, грабежей и изгнания русскоязычного населения, формирования новых идентичностей с упором на антироссийскую основу. В такой атмосфере шла социализация тех людей, которые в настоящее время в качестве трудовых мигрантов приезжают в Москву. Кроме того, часть из них может считаться беженцами, так как они оказались жертвами клановых разборок, маргиналами в собственных обществах, не найдя своего места ни в сельской местности, ни в городах. Зачастую эти люди не имеют опыта жизни в русскоязычном окружении, плохо знают русский язык, им трудно адаптироваться в инокультурной среде.

Пугает москвичей также то обстоятельство, что в Московской агломерации отдельные сферы торговли (овощами, фруктами, цветами, стройматериалами) по большей части контролируются закавказскими диаспорами.

Так как чаще всего немосквичи это иностранцы, по отношению к которым развивается ксенофобия, она представляет распространенное в массах населения подозрительность к чужим и страх перед ними. Эта подозрительность может превращаться в ненависть к чужим, что является предпосылкой для политического экстремизма и терроризма.

Социально-политическое структурирование пространства и идентификационный выбор (вызов) России

По специфике пространственной структуры и господствующих общественных отношений Москва сочетает в себе как советское наследие, так и все достижения и противоречия постсоветской России. Существующие в стране социальные конфликты наиболее ярко проявляются в столичном мегаполисе. Это относится и к проблеме отношений двух условных социальных групп «москвичи» и «немосквичи». Определенная конфликтность или противоречивость отношений этих социальных групп накладывается на существующие противоречия между различными группами населения самой столицы, между самими «москвичами».

Внутримосковский конфликт вызывается большими контрастами в уровнях доходов, различиями в престижности районов проживания, в стоимости приобретения жилья и оплаты его содержания. Проявляется он в процессе, названном джентрификацией — переструктурированием городского пространства под запросы наиболее обеспеченных социальных слоев в ущерб интересам остальных слоев населения. Фактически состоятельные люди создают условия для обеспечения своего образа жизни, отделяясь от остального населения (престижные районы, улицы, дорогие кафе и рестораны, дорогие магазины, платная медицина, дорогие фитнес-центры, закрытые охраняемые дворы и коттеджные поселки).

В остальные слои населения, наряду с менее состоятельными москвичами, попадает большинство мигрантов. Отдельные районы города превращаются в непрестижные, воспринимающиеся москвичами как маргинальные, с концентрацией мигрантов, представляющих преимущественно этнические диаспоры из Средней Азии и Закавказья. Как для малообеспеченных москвичей, так и для приезжих из России и из-за рубежа эти социальные контрасты кажутся неприемлемыми. При этом немосквичи склонны обвинять в этой тенденции социальной сегрегации всех москвичей.

Трансформация городского пространства также обусловлена запросами крупных строительных компаний, которые стремятся обеспечить себя долгосрочными строительными проектами, такими, к примеру, как увеличение площади города посредством создания Новой Москвы.

Противоречие москвичей-немосквичей частично связано с конфликтом существующей в мегаполисе городской цивилизации (высокий уровень коммуникации, темп жизни, обостренная конкуренция, большие возможности в трудовой, образовательной и политической сферах, индивидуализм, неограниченный группой, малая или неполная семья) с клановым, традиционным образом жизни части приезжих из бывших республик СССР и Северного Кавказа. Москва как мегаполис только частично является традиционной городской средой, так как здесь ярко выражены космополитизм, мультиэтничность, мультиконфессиональность, секулярность, постсекулярность.

Современная эпоха — дробление больших и умножение мелких идентичностей как результат ослабления больших нарративов (прежних нарративов об идентичности, в частности — о советском народе — строителе коммунизма, о семье народов, о пролетарском интернационализме). В России в целом, а в Москве в особенности, под влиянием глобализации и в результате распада СССР очевиден процесс роста этнокультурного и этноконфессионального разнообразия общества. Произошла не только эрозия советского общества в результате оживления националистических идеологий, но также началось религиозное возрождение в формально секулярном обществе — прежде всего православия и ислама. В постсоветской России активно происходит этнокультурная и этнорелигиозная идентификация населения, способная обострять политическую жизнь общества. Напомним, что в 2001 г. в связи с этим было на временной основе (до стабилизации политической системы страны) запрещено создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности.

Одним из примеров конфликта идентичностей в России является возникающее в результате миграционных процессов противоречие между местным населением и мигрантами, отличающимися от местных по этнокультурным и этнорелигиозным признакам. При этом этническая и религиозная принадлежность во многом способствует различению своих и чужих. В больших городах, а тем более в столице, это противоречие достигает большого размера, где жители могут опасаться за собственную идентичность и благополучие. Неприятие социальной несправедливости находит свое выражение, в частности, в этнизации этой

проблемы, когда возникает представление о том, что во всех бедах нашего общества виноваты иные, чужие, иноземцы, иноверцы, немосквичи. Эти опасения не безосновательны, так как в отдельных этнических сообществах немосквичей могут исповедоваться радикальные религиозно-фундаменталистские или националистические идеи, приводящие к практике экстремистской и террористической деятельности¹⁴. Зачастую эти группы получают систематическую всестороннюю поддержку со стороны зарубежных государств и организаций, ведущих борьбу против российской идентичности и государственности. Это угрожает стабильности в регионе и в целом национальной безопасности.

Ценностные ориентации молодежи (на основании проведения фокус-групповых исследований в рамках данного гранта)

На примере Москвы можно видеть процесс встраивания локальной идентичности в структуру государственной идентичности в условиях резкого обострения отношений России с коллективным Западом. На этом этапе крайне важна консолидация российского общества, обеспечение соотношения и совместимости разных уровней идентичности. Размежевание *москвичи* — *немосквичи*, как было показано выше, порождает напряжение по нескольким направлениям. Анализ ответов дал возможность сделать ряд выводов.

С какой группой людей вы себя можете соотнести, про кого сказать «мы»? (до 3 ответов)

1 526 ответов

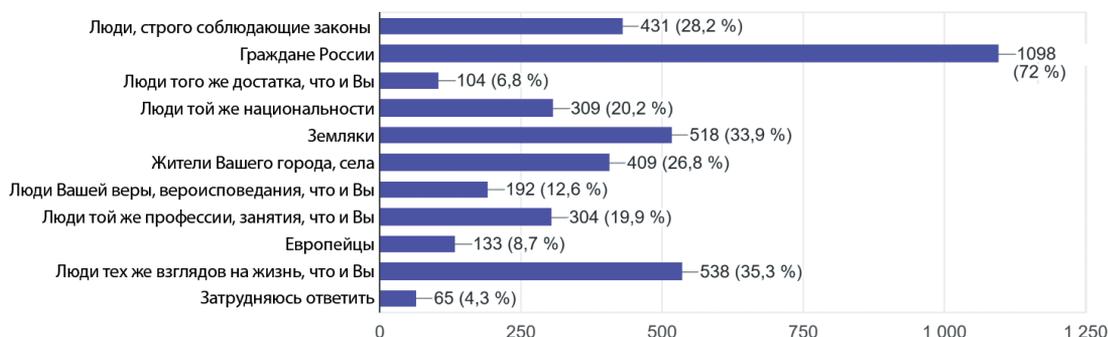

Рис. 1. Ответ на вопрос, с какой группой вы себя отождествляете?

Источник: составлено автором по результатам исследования.

¹⁴ Как подчеркивает И.Л. Прохоренко, анализируя проблемы идентичности в Европе, «особенностью нынешнего миропорядка является все более значимое присутствие исламского мира, а масштабные миграционные потоки (в первую очередь инोकультурной миграции) и сложности интеграции мигрантов в принимающее общество ставят под сомнение принципы светского государства, стимулируют новые конфликты и размежевания [Прохоренко 2018].

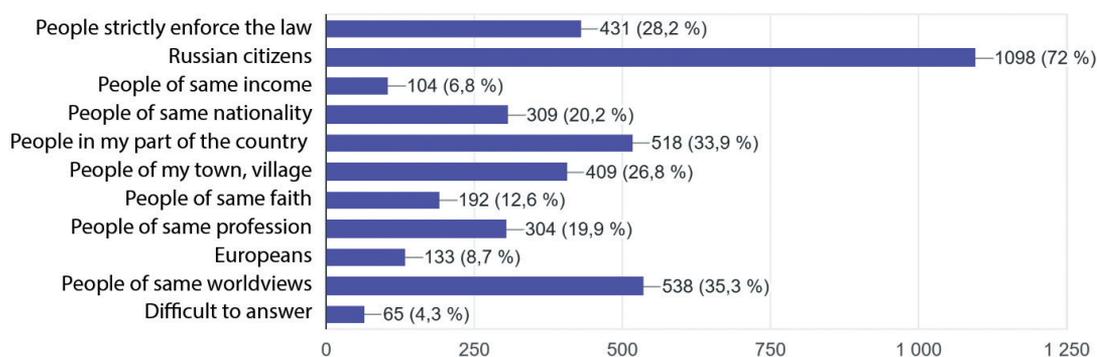

Figure 1. The answer to the question “Which group do you identify with?”

Source: compiled by the author based on the results of the study.

На вопрос о том, с какой группой людей вы себя можете соотнести, про кого сказать «мы», были получены следующие ответы (рис. 1).

Они, на наш взгляд, показывают приоритет общегосударственной гражданской идентичности (72 %) и ценность образа жизни (35,3 %), тесно связанного с идентичностью. На третьем и пятом местах идет также региональная идентичность (земляки — 33,9 %; жители вашего города, села — 26,8 %). На четвертом месте идет отождествление себя с людьми, строго соблюдающими закон (28,2 %). Молодежь явно не придает большого значения идентичности с людьми той же национальности (шестое место — 20,2 %) и религиозной идентичности (восьмое место — 12,6 %). Элемент космополитизма занимает предпоследнее место (европейцы — 8 %). Весьма слабым фактором оказывается причисление себя к людям того же достатка — десятое место (6,8 %).

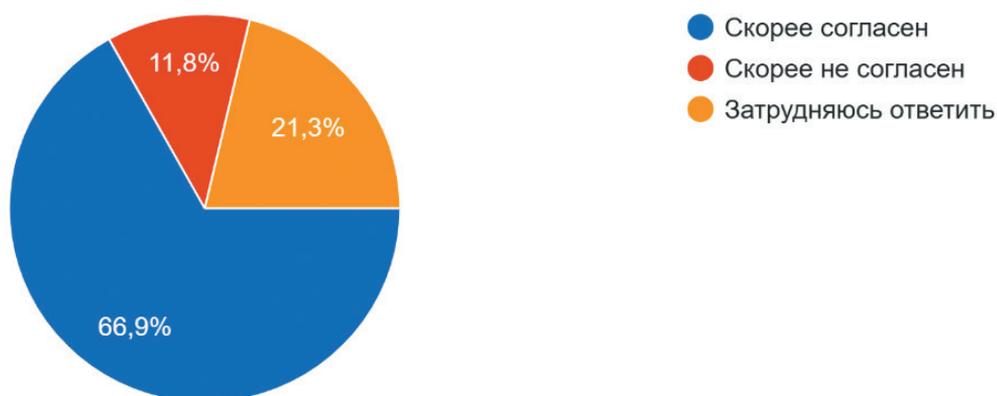

Рис. 2. Ответы на вопрос «Согласны ли вы с утверждением, что было бы справедливо, если бы ресурсы не выкачивались в Москву, а оставались в регионах?», %

Источник: составлено автором по результатам исследования.

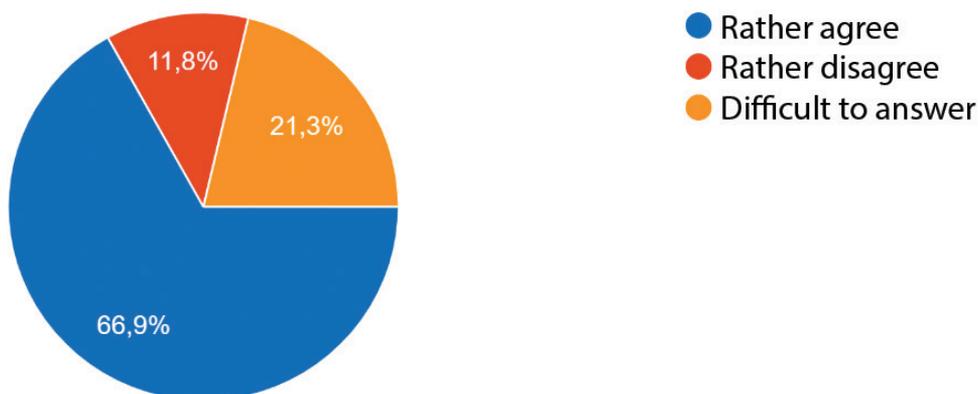

Figure 2. Answers to the question “Do you agree with the statement that it would be fair if resources were not pumped to Moscow, but remained in the regions?”, %

Source: compiled by the author based on the results of the study.

На вопрос «Согласны ли вы с утверждением: „Многие говорят, что было бы справедливо, если бы „ресурсы не выкачивались в Москву, а оставались в регионах“», ответы распределились следующим образом (рис. 2).

Не склонны поддерживать данное утверждение меньше четверти опрошенных, а почти 70 % склонны полагать, что распределение общегосударственных ресурсов в пользу Москвы (центра) является несправедливым. Эти ответы, по нашему мнению, свидетельствуют о реальном расколе *центр — периферия* по поводу распределения бюджетных средств государства. Это проявление недовольства одновременно как федерализмом, так и противоположной тенденцией фактической унитаризации системы государственного управления. Такая моральная оценка показывает одну из уязвимых сторон общегосударственной идентичности.

На вопрос «Что, на ваш взгляд, мешает улучшению взаимопонимания между Москвой и регионами?», ответы распределились следующим образом (рис. 3).

На первый план с большим отрывом вышло экономическое неравенство (69,9 %). Второе и третье место занимают культурный разрыв (37,8 %) и непонимание москвичами проблем регионов (37,3 %). Далее идут стереотипы о москвичах (30 %), централизация власти (26,9 %), поведение москвичей (20,8 %), зависть жителей регионов (15,3 %), статус «столицы» Москвы (12,3 %).

Эти ответы в наибольшей степени свидетельствуют о противоречии москвичей и немосквичей, центра и периферии, федерального центра и субъектов Федерации. Для интересующего нас вопроса о политике идентичности

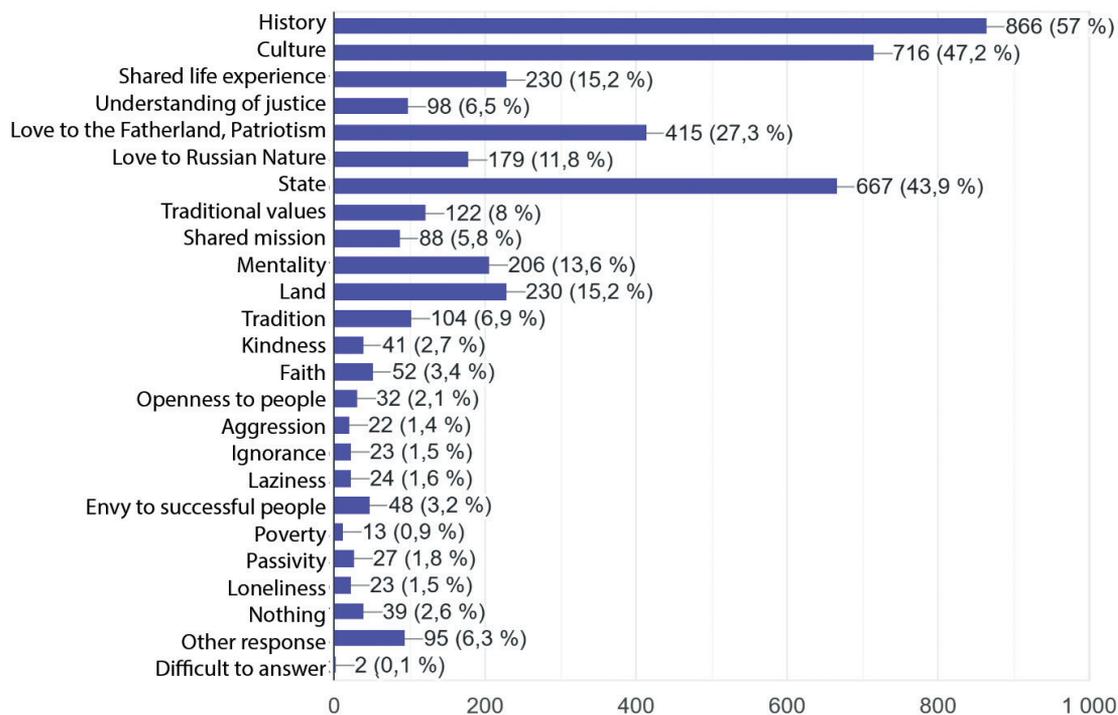

Figure 4. The answer to the question “What unites Moscovites and other Russians?”, number of answers, %
 Source: compiled by the author based on the results of the study.

На вопрос о том, «Что объединяет москвичей и остальных россиян?» (рис. 4) были даны ответы, согласно которым, получившее первое место объединяющее начало (история 57%) уступает по значимости основному разъединяющему началу — экономическому неравенству (69,9%) из предыдущей таблицы. Материальные ценности оказываются приоритетными по отношению к абстрактным нематериальным ценностям. Тем не менее в этой таблице большое значение получили история (57%), культура (47,2%) и государство (43,9%). Для проведения политики идентичности эти показатели весьма важны.

Заключение

На основании проведения фокус-групповых исследований были сделаны выводы о том, что молодые люди разделяют государственно-гражданскую идентичность, склонны к политике памяти, к солидарности в России как семье народов, а также к консолидации общероссийской идентичности как важнейшего фактора полного суверенитета государства. Так, приоритет отдавался общегосударственной гражданской идентичности и ценности образа жизни, связанного с этой идентичностью. Большое внимание молодежи привлекает проблема социальной справедливости в отношениях Москвы и регионов. Их ответы показывают реальный раскол центра-периферии по поводу распределения бюджетных средств государства. Это проявление недовольства одновременно как

федерализмом, так и противоположной тенденцией фактической унитаризации системы государственного управления. Улучшению взаимопонимания между Москвой и регионами мешают такие факторы, как культурный разрыв между Москвой и регионами, непонимание москвичами проблем регионов, централизация власти в Москве и поведение москвичей, которым завидуют жители регионов. Такое объединяющее начало, как история, уступает по значимости место экономическому неравенству между Москвой и регионами. Для молодежи материальные ценности оказываются приоритетными по отношению к абстрактным нематериальным ценностям.

Противоречие москвичей и немосквичей имеет много аспектов, но для нас наиболее важным является то, что оно затрагивает столь важную в настоящее время проблему российской идентичности. Неудачи в попытках государства и общества урегулировать это противоречие могут проявляться в конфликте российской идентичности с множественными идентичностями немосквичей. Это, в свою очередь, может приводить к политизации конфликта идентичностей, к превращению массовой нетерпимости к чужим в инструмент политической борьбы (как собственных движений, так и тех, которыми манипулируют противники России из-за рубежа). Эта агрессивность может перерасти в экстремизм и терроризм, угрожая национальной безопасности. Необходимо осознавать, что политика идентичности тесно связана с профилактикой экстремизма и терроризма. То есть государству и обществу необходимо предупреждать любые проявления экстремизма (этнофобии, ксенофобии) на самых ранних этапах их проявлений. Должно формироваться общественное мнение, осуждающее такие проявления и контролирующее деятельность государства по политической и правовой реакции на экстремизм.

Так как раскол москвичей — немосквичей является одним из вариантов противоречия *центр — периферия (центр — регионы)*, то есть связан с проблемой федерализма, одним из средств преодоления этого раскола может быть активное внедрение в политическую культуру федерализма как ценности, осознавая вместе с тем, что в этом случае мы выходим на другой раскол *федерализм — унитаризм*.

Если Россия и Москва как ее важный элемент не сформируют собственные многоуровневые идентичности, они будут предложены внешними силами. Россия станет ареной борьбы идентичностей, навязываемых Западом и мусульманским миром. Вместо общей, интегрирующей идентичности («идентичность единства») могут быть навязаны множественные идентичности для отдельных этносов, этно-религиозных групп, регионов — «идентичности распада». Кроме того, в условиях высокого социального расслоения российского общества, в частности в столице, ксенофобные, антимигрантские настроения могут приводить к попыткам обвинить в собственных бедах «чужих», немосквичей, мигрантов.

Необходимы практики создания единого ценностного поля (институциональные средства, вклад религиозных организаций, использование дискурса внешней угрозы) для устойчивой системной связи Москвы и всей страны. Те институты, которые осуществляют социализацию молодых поколений россиян, должны планомерно и мотивированно осуществлять как задачу

государственного значения социализацию мигрантов, представляющих иные социумы со своими идентичностями. Необходимо постоянное совершенствование образовательных, политических, экономических, религиозных, правоохранительных институтов и механизмов социализации новых жителей Москвы. Для этого необходимо формирование общественного мнения, создание правовой системы работы с мигрантами. Прежде всего необходимо искоренение коррупции в миграционной сфере.

Если не происходит ассимиляция мигрантов в российское общество, то приезжие неизбежно отвергают (по незнанию или осознанно) ценности российской цивилизации и взамен этого создают собственные экономические, правовые, языковые, религиозные и политические микросоциумы. Это, в свою очередь, усиливает этнофобии местного населения, причем они могут распространяться на все большее число представителей инокультурных этносов, находящихся в мегаполисе. Необходимо исходить из того, что конфликт москвичей и немосквичей носит взаимный характер, он постоянно воспроизводится изменяющимися обстоятельствами жизни мегаполиса, всей страны и мирового сообщества. Но для того, чтобы он не превращался в замкнутый круг, в его разрешении важны постоянные усилия государства и общества.

Поступила в редакцию / Received: 06.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 27.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2024

Библиографический список

- Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. Москва : Весь мир, 2023.
- Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. Москва : Весь мир, 2017.
- Кашкабаши Т.В.* К проблемам московской идентичности // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 139–140.
- Кравчук А.В., Мефодьева С.А.* Международная миграция как политическое явление // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 5А. С. 157–166. <https://doi.org/10.34670/AR.2019.44.5.017>.
- Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю.* Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестник Московского университета. Серия 5. География, 2012. № 2. С. 26–31.
- Морозов В.Е.* Россия и другие: идентичность и границы политического сообщества. Москва : Новое литературное обозрение, 2009.
- Мчедлова М.М.* Идентичность как основание социокультурного суверенитета России // Постсоветская идентичность России и Армении: поиски пути в будущее: монография / М.М. Мчедлова, О.Л. Саркисян, Д.Б. Казаринова, Н.А. Дунамалян, В.В. Таишева; под ред. М.М. Мчедловой. Москва : РУДН, 2024. С. 315–339.
- Нойманн И.* Использование «другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисл. А.И. Миллера. Москва : Новое издательство, 2004.

- Плассро И. Гражданство/национальность на Востоке и Западе Европы: культурные заимствования или концептуальный тупик? // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / В.В. Амелин, Я. Беван, Е. Веттер и др.; под ред. Е.И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия — Телеком, 2018. С. 10–24.
- Прохоренко И.Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах — членах Европейского союза. Москва : ИМЭМО РАН, 2018.
- Прохоренко И.Л. Идентичность как ключ к пониманию мировой политики // Международная аналитика. 2024. Т. 15 (1). С. 11–19. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-11-19>
- Решетников А. Погоня за величию: тысячелетний диалог России с Западом / пер. с англ. Ю. Игнатъевой. Москва : Новое литературное обозрение, 2024.
- «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. Санкт-Петербург : Алетейя, 2019.
- Силантьева В.А. Регулирование миграционных процессов как основа национальной безопасности России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 3–1. С. 22–27.
- Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. Москва : Весь Мир, 2018.
- Todd Э. Поражение Запада. Москва : Изд-во АСТ, 2024.

References

- Gorshkov, M.K., & Tikhonova, N.E. (Eds.). (2018). *Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later*. Moscow: Ves Mir. (In Russian).
- Kashkabash, T.V. (2013). On the problems of Moscow identity. *Theory and practice of social development*, 10, 139–140. (In Russian).
- Kravchuk, A.V., & Methodieva, S.A. (2019). International migration as a political phenomenon. *Theories and problems of political research*, 8(5A), 157–166. <https://doi.org/10.34670/AR.2019.44.5.017> (In Russian).
- Labutina, T.L. (Ed.). (2019). *“Ours” / “Alien” in cross-cultural communications of Western countries and Russia*. St. Petersburg: Aleteya. (In Russian).
- Makhrova, A.G., & Golubchikov, O.Y. (2012). The Russian city in the conditions of capitalism: Social transformation of inner-city space. *Bulletin of the Moscow University. Series 5 “Geography”*, 2, 26–31. (In Russian).
- Mchedlova, M.M. (2024). Identity as the basis of socio-cultural sovereignty of Russia. In M.M. Mchedlova et al., *Post-Soviet identity of Russia and Armenia: The search for a path to the future*. (pp. 315–339). Moscow: RUDN. (In Russian).
- Morozov, V.E. (2009). *Russia and Others: Identity and Boundaries of the Political Community*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Neumann, I.B. (2004). *Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation*. Moscow: Novoe izdatelstvo. (In Russian) [Neumann, I.B. (1998). *Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation*. University of Minnesota Press.].
- Plasseraud, Y. (2018). Citizenship/nationality in the East and West of Europe: Cultural borrowings or a conceptual dead end. In E.I. Filippova & K. Le Torrivellec (Eds.), *Ours and others’. Metamorphoses of identity in the East and West of Europe* (pp. 10–24). Moscow: Hotline — Telecom. (In Russian).
- Prokhorenko, I.L. (2018). *European integration and the problem of separatism in the member States of the European Union*. Moscow: IMEMO RAS. (In Russian).
- Prokhorenko, I.L. (2024). Identity as the key to understanding world politics. *International analytics*, 15(1), 11–19. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-11-19> (In Russian).

- Reshetnikov, A. (2024). *Chasing greatness: On Russia's Discursive Interaction with the West over the Past Millennium*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Semenenko, I.S. (Ed.). (2023). *Identity: personality, society, politics. New contours of the research field*. Moscow: Ves Mir. (In Russian).
- Semenenko, I.S. (Ed.). (2017). *Identity: Personality, society, politics. An encyclopedic publication*. Moscow: Ves Mir. (In Russian).
- Silantieva, V.A. (2016). Regulation of migration processes as the basis of Russia's national security. *Historical and socio-educational thought*, (3–1), 22–27. (In Russian).
- Todd, E. (2024). *La défaite de L'Occident*. Paris: Edition Gallimard.

Сведения об авторе:

Почта Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (e-mail: pochta_yum@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-9600-2665)

About the author:

Yuriy M. Pochta — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation (e-mail: pochta_yum@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-9600-2665)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-807-818
EDN: UYWJWP

Научная статья / Research article

Позитивное развитие идентичностей в условиях перемен

И.А. Туркин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ Ilya.turkin2001@gmail.com

Аннотация. Классическая теория размежеваний уже не может корректно использоваться для анализа актуальной политики. При этом тенденции трансформации идентичностей, появления новых акторов и увеличения конфликтов между группами только усиливаются. В связи с этим актуализируется необходимость превентивного определения возможных размежеваний, которые могут иметь онтологический статус по отношению к акторам. Автор выделяет две тенденции, которые имеют структурный характер в актуальной политике: сужение пространства публичной сферы и секьюритизация памяти. На основании этих двух тенденций определяется два потенциальных размежевания: «элиты/не элиты» и размежевание по линии исторической памяти. Первое размежевание основывается на неучтенных требованиях к политической системе. Второе размежевание основывается на усилившейся трансформации идентичностей и помогает новым политическим группам ответить на вопросы о своем прошлом, своем будущем и политическом настоящем. Преодоление первого размежевания включает разрушение дихотомического деления общества на элиту и неэлиту через поиск объединяющих ценностных установок и расширение публичной сферы. Преодоление второго размежевания включает создание таких проектов памяти, которые формируют общий мемориальный ландшафт, основанный на ценностном единстве общества. Делается вывод о том, что для конструктивного развития идентичностей в России необходимо создавать позитивные проекты общего блага с акцентом на развитии государства.

Ключевые слова: размежевания, ценностное единство, популизм, секьюритизация памяти, раскол по линии исторической памяти, идентичность

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта ЭИСИ-Минобрнауки FSSF-2024-0060 «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к вариантам ценностного консенсуса».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Туркин И.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Туркин И.А. Позитивное развитие идентичностей в условиях перемен // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 807–818. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-807-818>

Positive Development of Identities in the Context of Change

Илья А. Туркин

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ Ilya.turkin2001@gmail.com

Abstract. The classical theory of cleavages can no longer be used correctly to analyze current politics. At the same time, the tendencies of identity transformation, the emergence of new actors and increasing conflicts between groups are only growing. In this regard, the need for a preventive identification of possible cleavages that may have ontological status in relation to actors is actualized. In the article, the author identifies two trends that have a structural character in current politics: the narrowing of the public sphere and the securitization of memory. Based on these two trends, two potential cleavages are identified: «elites/non-elites» and the cleavage along the lines of historical memory. The first cleavage is based on unaccounted requirements for the political system. The second cleavage is based on the increased transformation of identities and helps new political groups to answer questions about their past, their future and their political present. Bridging the first cleavage involves breaking down the dichotomous division of society into elite and non-elite through the search for unifying values and the expansion of the public sphere. Overcoming the second cleavage includes the creation of memory projects that form a common memorial landscape based on the value unity of society. It is concluded that for the constructive development of identities in Russia it is necessary to create positive projects of the common good with a focus on the development of the state.

Keywords: cleavages, value unity, populism, securitization of memory, cleavages along the lines of historical memory, identity

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the EISS, project FSSF-2024-0060 «Identity as a resource for overcoming cleavages in Russia: from preserving the core of values to options for value consensus».

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Turkin, I.A. (2024). Positive development of identities in the context of change. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 807–818. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-807-818>

Введение

Современное российское общество находится в состоянии поиска стабильности. Актуальная комбинация внешних и внутренних угроз препятствует достижению устойчивой идентичности общества. Это связано как с динамикой российской государственности (поиском и укреплением идентичности после распада Советского Союза), сложной внешнеполитической обстановкой, так

и с общей разомкнутостью и динамичностью социальной реальности. Поэтому задача исследователя заключается в выявлении способов ослабления непрекращающегося процесса социальной энтропии и определении каналов по усилению структурности общества, делая упор на ценностную составляющую.

Размежевания в российском обществе

В нашем исследовании мы будем рассматривать социально-политические размежевания в российском обществе с позиции постструктурализма. Данная методологическая позиция постулирует, что для утверждения себя как политического присутствия обществу всегда необходимо проводить процедуру артикуляции субъекта. Субъект формируется в результате короткого замыкания идентичности, когда он начинает отождествлять себя с группой, нацией, ощущать свою близость к каким-либо большим культурным общностям. Для того чтобы общество существовало, ему необходимо на дискурсивном уровне стремиться к определенной тотальности, в которой отсутствуют разногласия и противоречия. Это не означает, что данные разногласия могут быть сняты, но могут быть только замаскированы благодаря комбинации «пустых» и «плавающих» означающих. С помощью таких знаков конструируется гегемония социально разделяемого знания и демаркация границ дискурса. Благодаря сконструированной гегемонии субъект принимает на себя добровольное доминирование со стороны властных структур, которые постулируют важность солидарности, справедливости, традиции, нации или прав человека и демократии. Это не означает, что сами по себе данные означающие не важны, но они способны придавать артикуляционной логике элементы целостности, отсылая к тотальности. Тем самым создаются широкие сети, объединяющие людей в группы для достижения политических целей [Laclau 1996; Laclau, Mouffe 2001].

Так как обществу всегда необходимо представлять себя в качестве последовательной целостности, Э. Лаклау парадоксальным образом провозглашает, что любая тотальность или общность невозможна, но необходима [Laclau 2005: 70]. Такие пределы идентичности указывают нам как на нестабильность дискурсивных сборок единства общества, так и на необходимость стабилизации этих хрупких сборок по представлению мира.

Обращаясь к обозначенной методологии, мы отметим, что ее можно применять для анализа России с учетом цивилизационной специфики. Осторожность должна проявляться в связи с тем, что в своем радикальном варианте постструктурализм может приводить к солипсизму, который будет отрицать любые культурные особенности, а как следствие, и приводить исследователя к ложным результатам.

Одним из инструментов анализа конфликтов в обществе является теория социально-политических размежеваний С. Липсета и С. Роккана. Такие размежевания являются политическими событиями, которые изменяют способы восприятия мира на «до» и «после». Они создают новые формы политических порядков, включающие как старые представления о норме, так и новые образы будущего.

Если такие размежевания на начальной стадии воспринимаются в качестве экзистенциальных, то со временем они «остывают» и создают пространство конкуренции между разными политическими акторами [Lipset, Rokkan 1967]. Таким образом, размежевания носят гораздо более глубокий и конституирующий характер, нежели простые противоречия, то есть размежевания — это укорененные в истории и структурно закреплённые диспозиции отношений (взаимной ориентации) значительных социальных групп [Ильин 2021]. При этом важно заметить, что размежевания не всегда носят деструктивный характер, но также являются основой для создания конкуренции между политическими акторами, что создает почву для потенциального развития общества и государства. В данной работе процесс «остывания» размежеваний и их переход в конструктивную фазу мы будем понимать в качестве позитивных трансформаций идентичностей. Такие трансформации закладывают основу ценностного и гражданского единства.

Говоря о выделении размежеваний, необходимо определить, что сами угрозы обществу могут быть разделены на два больших блока: структурные дисфункции социума и психологические дисфункции [Шестопа, Селезнёва 2018]. Первый блок угроз мы охарактеризуем в качестве внедискурсивных, а второй — в качестве дискурсивных. При этом очевидным образом для исследователей самым сложным является определение не внедискурсивных угроз, таких как экономический кризис или социальное неравенство, но именно дискурсивных угроз, таких как ценностная аномия, неудовлетворенность потребностями и т.д., так как именно они являются наиболее неуловимыми как для граждан, так и для социологического инструментария. Это указывает нам на первый риск при выявлении каналов преодоления размежеваний — субъективная оценка респондентами самих проблем больше определяет их ощущение, нежели показатели, которые претендуют на состояние объективности.

Вторым значимым фактором является проблематика самих размежеваний в обществе. Если классические размежевания, предложенные С. Липсетом и С. Рокканом, корректно описывали контекст Западной Европы и США 1960-х гг., то сегодня политическая ситуация является кардинально отличной. Актуальная поляризация между большими социальными группами проходит не по линии экономических размежеваний, но по линии социокультурного разлома [Мчедлова, Казаринова 2020]. Старый экономический редукционизм не позволяет нам адекватно описывать политику ни одной из стран мира. Это приводит к тому, что многие концепции и понятия теории кливажей не являются вполне адекватными для анализа актуальной социальной реальности [Семененко, Лапкин, Пантин 2021; Ильин, Барсукова 2019]. Поэтому сегодня классические размежевания неприменимы для изучения не только России, но и для актуальной политической ситуации в странах Запада. В этом ключе актуализируется проблема операционализации и выявления свойственных именно российскому контексту размежеваний [Шлыкова 2023].

В современной политике мы можем выделить две большие и взаимосвязанные тенденции, которые являются важными признаками размежеваний

в обществе: сужение пространства публичной сферы и секьюритизация памяти. Обе тенденции являются симптомами неудовлетворенности части населения актуальным политическим представительство, которое, по их мнению, не учитывает требования к системе. Такая депривация выражается в поиске новых или обороне старых идентичностей, которые, по мнению группы, нуждаются в защите. **Цель исследования** — рассмотреть выделенные тенденции в качестве потенциальных размежеваний «элиты/неэлиты» и в качестве размежевания по линии исторической памяти.

Первое потенциальное размежевание возникло в результате снижения пространства публичной сферы и относится к разряду популистских. Ш. Муфф отмечает тенденцию роста числа граждан, которые считают, что классические партии не выражают их интересы. Она связывает это с тем, что доминирующие модели демократии на самом деле боятся принять вызов плюрализма, то есть признать наличие и неискоренимость антагонизма, связанного с ценностными различиями политических акторов [Mouffe 2013]. Это проявляется в том, что распад Советского Союза привел к кратному снижению идеологической конкуренции, что на время даже проявилось в иллюзии конца истории. Временная ситуация идеологической безальтернативности привела к формированию центристского консенсуса, который не позволяет конкурирующим голосам слева или справа быть услышанными, но маркирует их как политически ненормальных, тем самым выводя их за рамки демократической политики и повышая конфликтность в обществе. Это формирует исключенные требования, которые не учитываются политической системой, так как они стигматизируются в качестве недопустимых, что неизбежно ведет к усилению запроса на популистскую политику.

Сам популизм мы будем понимать в качестве специфической логики артикуляции. Такая артикуляция создает «народный» дискурс, который интерпретирует социальное разделение на два лагеря: власть и обездоленных. Причем оба лагеря презентуются в качестве эссенциализированной единой целостности, в которой «власть» наделяется сугубо негативными характеристиками, а «исключенные» предстают в качестве онтологически правильного «народа». Популистская логика позволяет объединить разрозненные требования в одно общее, которое будет пониматься участниками артикуляции по-разному [Лаклау 2009: 59]. При этом популизм является глубоко амбивалентным феноменом. С одной стороны, такая логика артикуляции является нестабильной и потенциально конфликтной. С другой стороны, популизм позволяет обрести представительство депривированным требованиям, тем самым потенциально реабилитируя демократическую политику.

Крайне иллюстративным примером негативной реализации данного размежевания является Евромайдан, который представлял общество разделенным на «прогрессивистов» то есть представителей движения и тех, кто мешает такому пониманию прогресса. Парадокс заключался в том, что под единым флагом движения собирались как сторонники евроинтеграции, так и радикальные националисты, которые выступали как против Европейского Союза, так и против

России. Но широкая цепь эквивалентности, направленная против «недостойной власти» позволила им создать хрупкое и конфликтное единство. О. Байша выделяет четыре узловые точки такого «прогрессивистского» дискурса Евромайдана: во-первых, западное общество предстает в качестве единственно возможной нормальности; во-вторых, люди «не-западного» общества маркируются как варвары; в-третьих, активисты данного дискурса представляют себя в качестве авангарда цивилизации; в-четвертых, принимается западнцентристская цивилизационная телеология, которая представляет данный путь в качестве единственно возможного. В рамках популистского дискурса Евромайдана право говорить от имени «народа» было приватизировано приверженцами движения. Поэтому альтернативные смысловые узлы исключались из нового гегемонистского дискурса [Байша 2021]. Такое популистское размежевание является важным символическим ресурсом, которое используется в процессе политической борьбы, так как позволяет стигматизировать противников непопулярных неолиберальных реформ в качестве предателей демократии и интересов «народа» [Байша 2024].

В контексте России необходимо отметить, что стратегия популизма берется на вооружение не только оппозиционными акторами, но и действующей властью [Минаева 2017]. Само размежевание выражается в борьбе апроприацию понятия «народ» в массовом дискурсе. Если шаблон оппозиционно-либерального дискурса также использует узловые точки, отмеченные О. Байшей, то провластный популизм строится в логике контрдискурса, в котором «Запад» все равно предстает в качестве авторитарного означающего [Mogozov 2015]. Это выражается как в использовании символических пограничников, которые призваны маркировать прозападный дискурс в качестве перверсивного [Рябова, Рябов 2013], так и в противопоставлении «чистого» народа с «прогнившей» элитой, которая, несмотря на декларацию патриотичной позиции, продолжает «низкопоклонствовать» перед Западом. Таким образом, несмотря на разницу идейного содержания политических дискурсов, единой узловой точкой, которая структурирует разлом, является противопоставление «элиты» и «неэлиты».

Мнемоническое размежевание: проблема исторической памяти

Второе потенциальное размежевание непосредственно взаимосвязано с первым. Оно также обусловлено снижением пространства публичной сферы и конфликтом идентичностей. Как отмечает Д.А. Аникин, факт апелляции к травматичному прошлому показывает, что сегодня сама трансформация коллективных идентичностей только усиливается [Аникин 2024]. Данное размежевание характерно для поляризованных обществ, в которых отсутствует конвенциональный образ будущего. Оно не является единственным и самодостаточным, как, например, размежевание «сверхбогатые/остальное население», которое само по себе может быть причиной роста напряженности в обществе, вплоть до применения прямого физического насилия. Размежевание по линии исторической памяти является одним из факторов, который закрепляет противоречия между разными

социальными группами. Оно предстает в качестве потенциальной дискурсивной угрозы временному единству общества, так как с помощью него группы во многом собирают свою идентичность, отвечая на вопросы о своем месте в мире, о своем пути, о своих врагах и т.д. Так конструируется идентичность субъекта, а следовательно, оспаривание таких экзистенциальных нарративов активизирует дилемму мнемонической безопасности [Ефременко 2022].

В международном контексте мы можем отчетливо отметить тенденцию секьюритизации памяти, что является одним из общих симптомов нестабильности мировой системы [Mälksoo 2015]. Сегодня практически не существует режимов мнемонической безопасности, которые объединяли бы акторов в широкую сеть на уровне взаимодействия между государствами с целью достижения долгосрочного блага. В противовес этому современный мемориальный ландшафт приобрел черты атомарности и конфликтности [Туркин 2024]. На этом фоне провести процедуру десекуритизации памяти не представляется реалистичным. Это связано с тем, что позиция секьюритизации является глубоко диалектической, так как она создает долгосрочное благо в лице стабильной идентичности в противовес возможной утрате образа прошлого, будущего и настоящего в случае одностороннего отказа от экзистенциального нарратива.

Одним из вариантов преодоления секьюритизации предстает агонистическая модель памяти, в рамках которой акторы отказываются от одного гегемонистского нарратива в пользу совокупности конкурирующих версий прошлого [Летняков 2022]. Но на практике альтернативные нарративы все равно стремятся занять гегемонистскую позицию в дискурсе, тем самым претендуя на новую тотальность. Резкое увеличение миноритарными группами новых версий прошлого, включающих апелляцию к исторической справедливости, привело к противоположному результату — увеличению количества мемориальных конфликтов [Аникин 2024]. Поэтому для преодоления размежеваний по линии исторической памяти необходимо не только признавать право на существование нарративов, но и создавать общий инклюзивный ландшафт памяти, который должен основываться на ценностном единстве общества.

Проблема исторической памяти в России усугубляется тем, что сама идентичность государства является объектом защиты [Mogozov 2002]. Это связано с двумя факторами: во-первых, длительной и во многом непрерывной тенденцией противостояния России и стран Запада, а во-вторых, деконструирующая протестная активность, в основе которой часто лежит идея виктимности, воспринимается гражданами скорее негативно. Поэтому секьюритизация памяти работает как на уровне внешней, так и на уровне внутренней политики. Во внешней политике это означает усиление на дискурсивном уровне противостояния со странами, которые регулярно оспаривают экзистенциальные нарративы государства. Главными мнемоническими противниками России в области исторической политики выступают страны Восточной Европы. Это связано с тем, что после распада социалистического блока эти страны начали строить свою государственность на этнической основе. В этом ключе историческая политика выступала эффективным инструментом создания «внеисторичного» врага в лице России, которая,

согласно данным нарративам, всегда стремилась подчинить эти страны [Асеев, Шишков 2020]. Данное противостояние переносит символическое насилие с внешнеполитической арены во внутреннюю политику, так как уже происходит секьюритизация не только исторической памяти, но идентичности в целом.

Актуальное состояние размежевания по линии исторической памяти в России сформировалось после распада Советского Союза, когда старый метанарратив распался, но новый так до конца и не оформился, несмотря на государственную политику. Ощущается нехватка консолидирующих праздничных дат, выражающих единство памяти и ценностей: ключевым объединяющим событием является День Победы. При этом оппозиционные мнемонические акторы, несмотря на крайнюю ограниченность их политического и экономического ресурса, часто занимают потенциально конфликтные позиции мнемонических воинов (*mnemonic warriors*), что демонстрирует общую конфликтность мемориального ландшафта [Малинова 2018].

По итогу работы необходимо отметить, что, как показали результаты эмпирических исследований, поиск каналов по смягчению выделенных размежеваний в российском обществе должен основываться на общероссийских ценностных проекциях¹. Сегодня приоритетная объединяющая цель — защита государства и страны (с сильным экологическим акцентом). Эмпирические данные, полученные в результате работы от 2023 г., демонстрируют, что «остывание» размежеваний в российском обществе возможно только через создание позитивных проектов общего блага с акцентом на развитии государства. Как показали результаты фокус-групп в рамках исследования от 2024 г., респондентами усиленно артикулируется запрос на солидарность и сплоченность между гражданами². Этот запрос проявляется как в повышенной вовлеченности респондентов относительно событий в приграничных регионах, так и в общем желании сделать мир лучше через сохранение экологии, помощь беженцам или противостояние русофобии. Такие практики направлены на повышение ощущения общей справедливости в обществе.

Заключение

Подведем итоги данной работы. Для большинства исследователей сегодня стало общим местом, что классические размежевания не могут использоваться для анализа актуальной политики в качестве концептуальной рамки. В контексте России это актуализирует проблематику как обнаружения размежеваний, так и поиска каналов их преодоления и ослабления.

¹ Результаты проекта РУДН, выполнявшегося в рамках проекта ЭИСИ-Минобрнауки FSSF-2023-0032 «Параметры российской цивилизации: суверенитет, солидарность, идентичность» (рук. *М.М. Мчедлова*).

² Результаты проекта РУДН, выполнявшегося в рамках проекта ЭИСИ-Минобрнауки ЭИСИ-Минобрнауки FSSF-2024-0060 «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к вариантам ценностного консенсуса» (рук. *Ю.М. Почта*).

За основу определений возможных размежеваний мы взяли две широкие тенденции: сужение пространства публичной сферы и секьюритизацию памяти. Данные тенденции мы операционализировали в качестве размежеваний «элита/неэлита» и размежевание по линии исторической памяти. Выделенные размежевания имеют структурный характер и могут в дальнейшем стать конституирующими.

Первое размежевание мы определили в качестве популистского. После распада Советского Союза был сформирован центристский консенсус, который во многом исключал требования к политической системе как справа, так и слева. Поэтому исключенные группы во всем мире начали апеллировать к плавающим означаемым, главная цель которых — выразить идею, что актуальный социальный порядок не является справедливым. Преодоление данного размежевания включает разрушение дихотомического деления общества на элиту и неэлику через поиск объединяющих ценностных установок и расширения публичной сферы.

Второе размежевание во многом пересекается с первым, но касается уже исключительно области политики памяти. Мы выделили данное размежевание в качестве отдельного, так как сегодня трансформация идентичностей не ослабевает, а, наоборот, усиливается. Так как память о прошлом является одним из оснований в процессе конструирования субъекта, это означает, что новые идентичности будут артикулировать новые и, возможно, потенциально конфликтные нарративы о прошлом. Преодоление данного размежевания включает создание таких проектов памяти, которые формируют общий мемориальный ландшафт, основанный на ценностном единстве общества.

Для перевода новых идентичностей, которые могут базироваться на выделенных размежеваниях, в русло конструктивного развития необходимо создавать общий позитивный проект государства. Этот проект должен стимулировать ценностное единство общества и удовлетворять общественному запросу на справедливость. Вопреки тому, что «справедливость» является «плавающим означаемым», в основании идентичности российского общества лежит безусловная ценность страны. На практике это означает: несмотря на то, что разные группы могут по-разному понимать справедливость, достижение консенсуса возможно на основе осознания общего дела, воплощенного в идее развития государства.

Поступила в редакцию / Received: 07.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 24.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2024

Библиографический список

- Аникин Д.А.* От политики покаяния к культуре отмены: трансформация исторического забвения в условиях медиатизации прошлого // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 80. С. 74–85. <https://doi.org/10.17223/1998863X/80/7>

- Аникин Д.А.* Дискурс исторической справедливости: этико-политические основания и концептуальные противоречия // *Антиномии*. 2024. Т. 24, №3. С. 55–69. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_55.
- Асеев А.Д., Шишков В.В.* Россия в «войнах памяти»: историческая политика в Восточной Европе // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2020. № 2 (839). С. 9–23.
- Байша О.* Об интегральном измерении украинского кризиса: иллюзия виртуальности и реальность иллюзии. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2024.
- Байша О.А.* Дискурсивный разлом социального поля: уроки Евромайдана. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2371-1>
- Ефременко Д.В.* Память как *casus belli* // *Россия в глобальной политике*. Т. 20. 2022. № 6. С. 119–141. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-119-141>.
- Ильин М.В.* Переоткрытие размежеваний? Эволюционная трактовка кливажей Роккана — Липсета и других размежеваний / ИНИОН РАН. 2021. URL: <https://inion.ru/ru/about/news/iliin-pereotkrytie-razmezhevanii-evoliutsionnaia-traktovka-klivazhei-rokkana-lipseta-i-drugikh-razmezhevanii/>. (дата обращения: 03.09.2024).
- Ильин М.В., Барсукова А.В.* Концептуальная карта Европы Стейна Роккана. Развертывание в пространстве и времени // *Международные процессы*. 2019. Т. 17. №4. С. 6–21. <https://doi.org/10.17994/it.2019.17.4.59.1>
- Лаклау Э.* О популизме // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2009. № 3. С. 54–67.
- Летняков Д.Э.* Режимы исторической памяти: от гегемонизма к агонизму // *Политика и Общество*. 2022. № 1. С. 45–53. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2022.1.37499>
- Малинова О.Ю.* Коммеморация столетия революции(й) 1917 г. в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 2. С. 37–56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04>
- Минаева А.В.* Российский популизм: политическая реальность или перспектива? // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2017. № 4. С. 123–133. <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2017-4-123-133>.
- Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б.* Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // *Политическая наука*. 2020. No 4. С. 13–35. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.01>.
- Рябова Т.Б., Рябов О.В.* «Гейропа»: гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 3 (68). С. 31–39.
- Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И.* Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 5. С. 56–77. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03>.
- Туркин И.А.* «Культура отмены» как инструмент борьбы режимов мнемонической безопасности // *Антиномии*. 2024. Т. 24, № 3. С. 101–114. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_101
- Шестопал Е.Б., Селезнёва А.В.* Социокультурные угрозы и риски в современной России // *Социологические исследования*. 2018. № 10. С. 90–99. <https://doi.org/10.31857/S013216250002161-0>
- Шлык Д.Н.* К проблеме социально-политических размежеваний в современной России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2023. Т. 25. № 4. С.974–985. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-974-985>
- Laclau E. Mouffe C.* *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. N.Y. : Verso, 2001.
- Laclau E.* *On populist Reason*. N.Y. : Verso, 2005.

- Laclau E. *Why do Empty Signifiers Matter to Politics?* London, New York : E // *Emancipation(s)*, London, New York : Verso, 1996. P. 36–46.
- Lipset S.M., Rokkan S. *Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives* / ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. New York : Free Press, 1967. P. 1–64.
- Mälksoo M. «Memory must be defended»: Beyond the politics of mnemonical security // *Security dialogue*. 2015. Vol. 46, iss. 3. P. 221–237.
- Morozov V. *Resisting Entropy, Discarding Human Rights: Romantic Realism and Securitization of Identity in Russia // Cooperation and Conflict*. 2002. Vol. 37, iss. 4. P. 409–429.
- Morozov V. *Russia's Postcolonial Identity. A Subaltern Empire in a Eurocentric World*. London : Palgrave Macmillan, 2015.
- Mouffe C. *Agonistics: Thinking the world politically*. London : Verso, 2013.

References

- Anikin, D.A. (2024). Discourse of historical justice: Ethical-political foundations and conceptual contradictions. *Antinomies*, 24(3), 55–69. (In Russian). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_55.
- Anikin, D.A. (2024). From the politics of regret to cancel culture: The transformation of historical oblivion in the context of the mediatization of the past. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (80), 74–85. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/80/7>.
- Aseev, A.D., & Shishkov, V.V. (2020). Russia in the wars of memory: Historical politics in Eastern Europe. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(839), 9–23. (In Russian).
- Baysha, O.A. (2021). *Discursive fracture of the social field: The lessons of the Euromaidan*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian) <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2371-1>.
- Baysha, O. (2024). *On the integral dimension of the Ukrainian Crisis: The illusion of victuality and the virtuality of illusions*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).
- Ilyin, M.V. (2021). *Rediscovering cleavages? An evolutionary interpretation of Rokkan-Lipset cleavages and other cleavages*. INION RAN. (In Russian). Retrieved 03 September, 2024, from: <https://inion.ru/ru/about/news/iliin-pereotkrytie-razmezhevani-evoliutsionnaia-traktovka-klivazhei-rokkana-lipseta-i-drugikh-razmezhevani/>
- Ilyin, M.V., & Barsukova, A.V. (2019). Stein Rokkan's conceptual map of Europe. *International trends*, 4(17), 6–21. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/it.2019.17.4.59.1>
- Laclau, E., & Mouffe, C. (2001). *Hegemony and socialist strategy. Towards a radical democratic politics*. New York: Verso.
- Laclau, E. (2009). On populist reason. *Lomonosov Political Science Journal*, (3), 54–68. (In Russian).
- Laclau, E. (2005). *On populist reason*. N.Y.: Verso.
- Laclau, E. (1996). Why do empty signifiers matter to politics? In *Emancipation (s)* (pp. 36–46), London — New York, Verso.
- Letnyakov, D.E. (2022). Historical Memory regimes: From hegemonism to agonism. *Politics and Society*, (1), 45–53. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2022.1.37499>.
- Lipset, S.M., & Rokkan, S. (1967). Cleavage structures, party systems and voter alignments: An introduction. In S.M. Lipset & S. Rokkan (Eds.), *Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives* (pp. 1–64). New York: Free Press.
- Malinova, O.Yu. (2018). The commemoration in Russia of the centenary of the 1917 Revolution (s): Comparative analysis of rival narratives. *Polis. Political Studies*, (2), 37–56. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04>

- Mälksoo, M. (2015). “Memory must be defended”: Beyond the politics of mnemonical security. *Security Dialogue*, 46(3), 221–237. <https://doi.org/10.1177/0967010614552549>
- Mchedlova, M.M., & Kazarinova, D.B. (2020). The identity politics: Competition of new theoretical meanings and political strategies. *Political science (RU)*, (4), 13–35. (In Russian). <http://doi.org/10.31249/poln/2020.04.01>.
- Minaeva, A.M. (2018). Russian populism: Political reality or future outlook? *Bulletin of Perm University. Political Science*, (4), 123–133. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2017-4-123-133>.
- Morozov, V. (2002). Resisting entropy, discarding human rights: Romantic realism and securitization of identity in Russia. *Cooperation and Conflict*, 37(4), 409–429.
- Morozov, V. (2015). *Russia's postcolonial identity. A subaltern empire in a Eurocentric world*. London: Palgrave Macmillan.
- Mouffe, C. (2013). *Agonistics: Thinking the world politically*. London: Verso.
- Riabova, T.B., & Riabov, O.V. (2013). «Gayropa»: gender dimension of image of Europe in the practices of political mobilization. *Woman in Russian Society*, (3), 31–40. (In Russian).
- Semenenko, I.S., Lapkin, V.V., & Pantin, V.I. (2021). Social cleavages and political divides in a theoretical perspective: Criteria for assessment and classification. *Polis. Political Studies*, (5), 56–77. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05>
- Shestopal, Ye.B., & Seleznyova, A.V. (2018). Socio-cultural threats and risks in contemporary Russia. *Sociological Studies*, (1), 90–99. (In Russian).
- Shlykova, D.N. (2023). On the problem of socio-political cleavages in modern Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 974–985. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-974-985>
- Turkin, I.A. (2024). Cancel culture as a tool in the struggle of mnemonic security regimes. *Antinomies*, 24(3), 101–114. (In Russian). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_101.
- Yefremenko, D.V. (2022). Memory as casus belli. *Russia in Global Affairs*, 20(6), 119–141. (In Russian). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-119-141>.

Сведения об авторе:

Туркин Илья Андреевич — лаборант-исследователь кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: ilya.turkin2001@gmail.com) (ORCID: 0009-0006-9485-1659)

About the author:

Ilya A. Turkin — research intern, Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: ilya.turkin2001@gmail.com) (ORCID: 0009-0006-9485-1659)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-819-839
EDN: JFHGYG

Научная статья / Research article

Стратегия государства по укреплению российской макрополитической идентичности в цифровом пространстве: динамика и перспективы

А.Н. Иохим

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ Iokhim_annk@pfur.ru

Аннотация. Цель исследования — выявление динамики и перспектив коммуникационной стратегии государства в цифровом пространстве, направленное на укрепление и повышение устойчивости российской макрополитической идентичности в центре внимания научного проекта, результатом которого стало это исследование. Угрозы и риски устойчивости макрополитической идентичности в цифровом пространстве обусловлены как самой спецификой функционирования цифровой среды, так и актуальными реалиями глобального информационно-когнитивного противостояния, в котором находится сегодня российское государство. Проанализирована динамика трансформации структуры цифровых коммуникаций и цифрового медиапотребления россиян в последние два года, а также определены роль и место, которое занимает проблема макрополитической идентичности в указанной структуре. По результатам исследования предложены перспективные подходы к выстраиванию эффективной стратегии государства по обеспечению устойчивости российской макрополитической идентичности.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, цифровое пространство, макрополитическая идентичность, российская идентичность, цифровой суверенитет, государство, социальные сети, Интернет

Благодарности. Исследование подготовлено при финансовой поддержке ЭИСИ, Министерства науки и высшего образования РФ, РАН в рамках научного проекта FSSF-2024–0057 «Технологии цифровых коммуникаций государства и общества как механизм укрепления макрополитической идентичности».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Иохим А.Н. Стратегия государства по укреплению российской макрополитической идентичности в цифровом пространстве: динамика и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 819–839. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-819-839>

© Иохим А.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The State's Strategy to Strengthen the Russian Macropolitical Identity in the Digital Space: Dynamics and Prospects

Andrey N. Iokhim

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ Iokhim_annk@pfur.ru

Abstract. Identifying the dynamics and prospects of the state's communication strategy in the digital space, aimed at strengthening and increasing the stability of the Russian macropolitical identity is in the focus of major research project and this study as its part. To achieve this goal, the study identifies threats and risks to the sustainability of macropolitical identity in the digital space, due to both the very specifics of the functioning of the digital environment and the actual realities of the global information and cognitive confrontation in which the Russian state is today. The dynamics of the transformation of the structure of digital communications and digital media consumption of Russians in the last two years, as well as the role and place occupied by the problem of macropolitical identity in this structure is to be discussed. The promising approaches to building an effective strategy of the state to ensure the sustainability of the Russian macropolitical identity are offered.

Keywords: digital communication, digital space, macropolitical identity, Russian identity, digital sovereignty, state, social networks, Internet

Acknowledgements. The study was prepared with the financial support of the EISI, the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the Russian Academy of Sciences within the framework of the scientific project FSSF-2024–0057 «Digital communication technologies of the state and society as a mechanism for strengthening macropolitical identity».

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Iokhim, A.N. (2024). The state's strategy to strengthen the Russian macropolitical identity in the digital space: Dynamics and prospects. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 819–839. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-819-839>

Введение и методологические пояснения

В условиях интенсивного развития средств информационно-когнитивного воздействия на сознание человека посредством цифровых технологий массовых коммуникаций существенным трансформациям подвергается процесс формирования макрополитической идентичности, что становится новым вызовом для государства и общества. Наличие множества каналов распространения сообщений — от традиционных СМИ до каналов и сообществ в социальных сетях, — упорядочение информации в цифровом пространстве коммуникации с помощью различных алгоритмов и технологий искусственного интеллекта, формирование эффекта «эхо-камер», технологий deep fake, продвижение смыслов и нарративов, сконструированных «цифровой элитой», и т.д. являются неотъемлемой частью процесса формирования общественного

сознания и идентичности индивида на современном этапе. Государству необходимо эффективно применять инструментальный потенциал современных цифровых технологий социально-политической коммуникации для того, чтобы обеспечивать устойчивость и целостность макрополитической идентичности, без которой невозможно сохранение ценностно-смыслового пространства и социальной консолидации.

Политические идентичности в условиях формирующейся цифровой реальности находятся перед вызовами, которые порождены самой цифровой эпохой. Проблема неустойчивости индивидуальных и коллективных идентичностей, взрывной рост практик конструирования «виртуальных идентичностей», кризис традиционных моделей и стратегий политической социализации, угрозы целостности ценностно-смыслового пространства государства в условиях глобального информационного противостояния последних лет — все это представляет существенный риск для устойчивости и безопасности макрополитической идентичности. Особую актуальность указанные тенденции обретают в контексте глобального информационного противостояния, в котором сегодня вынуждена участвовать Россия.

Цель исследования — выявить динамику и перспективы коммуникационной стратегии государства в цифровом пространстве, направленные на укрепление и повышение устойчивости российской макрополитической идентичности. Для достижения указанной цели видится необходимым, с одной стороны, выявить угрозы и риски устойчивости макрополитической идентичности в цифровом пространстве, обусловленные как самой спецификой функционирования цифровой среды, так и актуальными реалиями глобального информационно-когнитивного противостояния, в котором находится сегодня российское государство, а с другой — изучить динамику трансформации структуры цифровых коммуникаций и цифрового медиапотребления россиян в последние два года, а также роли и места, которое занимает проблема макрополитической идентичности в указанной структуре.

В основе исследовательской стратегии данной работы лежит социально-конструктивистский подход к интерпретации феномена макрополитической идентичности. Он предполагает, что идентичность не является фиксированной и неизменной сущностью. Вместо этого она формируется в процессе социального взаимодействия и зависит от контекста, в котором происходит это взаимодействие. В рамках этого подхода макрополитическая идентичность России может рассматриваться как результат сложного взаимодействия различных социальных, культурных и исторических факторов.

Особую ценность в этой связи представляют методы дискурс-анализа, поскольку формирование и трансформацию российской макрополитической идентичности в цифровом пространстве можно проиллюстрировать на примере различных дискурсов, которые активно используются в политической риторике. Например, дискурс «внешних угроз» часто используется для сплочения общества вокруг идеи национальной безопасности. В этом контексте государственные нарративы о «врагах» и «друзьях» помогают

создавать четкие границы между «нами» и «ими», что, в свою очередь, укрепляет внутреннюю идентичность. Поле цифровой коммуникации здесь предстает как пространство дискурсивной и ценностно-смысловой конкуренции различных агентов за определение и изменение ключевых концептов идентичности.

В работе также используются методы политической социологии. Эмпирической базой исследования выступают информационные, социологические и фактологические источники, содержащие сведения о ключевых аспектах динамики цифрового потребления и цифровой коммуникации россиян. Для определения частоты поисковых запросов в Интернете автор использует сервис Яндекс.Вордстат, а в качестве аналитического инструментария для мониторинга публикаций в социальной сети Telegram в работе выступает сервис TGStat.

«Кризис устойчивости» макрополитической идентичности в цифровом пространстве

Цифровое коммуникационное пространство, которое сегодня представлено главным образом разнообразными социальными сетями, мессенджерами и новыми медиа, предоставляет широкие возможности для агентов коммуникации по конструированию и переопределению политических нарративов, базовых ценностно-смысловых концептов, легитимации и делегитимации смыслов, которые формируют «узловые точки» макрополитической идентичности.

Под данным типом идентичности мы, вслед за О.Ю. Малиновой, будем понимать интегрированный образ коллективного «мы», а также «своих» и «чужих»: как отдельную форму идентичности, которая «охватывает все основания идентификации рассматриваемого сообщества, присутствующие в публичном дискурсе» [Малинова 2010].

В.В. Титов справедливо отмечает, что понятия «национально-государственная» и «макрополитическая» идентичности являются почти синонимами, но при этом макрополитическая идентичность — гораздо более широкое явление, представляющее собой некий «знаменатель» для интерпретации различных моделей национальной и государственной идентичности [Титов 2020].

Макрополитическая идентичность нации, государства, того или иного человеческого сообщества, как убедительно показывают в своих работах исследователи-постструктуралисты и дискурс-аналитики [Laclau, Mouffe 1985; Mouffe 2018; Van Dijk 2022; Van Dijk 2023], формируется и воспроизводится в публичном информационном пространстве посредством дискурсивных практик. Более того, любая конкретная модель макрополитической идентичности представляет собой результат дискурсивной борьбы за учреждение и легитимацию доминирования / гегемонии того или иного «режима истины», наполнение смыслами «пустых» универсалий и установление фиксированной картины мира.

Таким образом, дискурсивная природа макрополитической идентичности уже свидетельствует об изначальном «дефиците устойчивости»: та или иная модель идентичности, в том числе национально-государственная, остается жизнеспособной до тех пор, пока она обеспечивает необходимый уровень социальной консолидации, воспроизводит непротиворечивый нарратив описания «нас» и «других», а также легитимирует текущий политический порядок.

Специфика функционирования цифровой среды и сетевой характер цифровой коммуникации формируют сегодня условия, которые можно описать как «кризис устойчивости» идентичности — ситуацию, при которой агенты коммуникации, отдельные индивиды-пользователи или даже целые политические сообщества пребывают в положении постоянного идентификационного выбора, будучи подвержены существенному влиянию внешних субъектов и факторов, способных привести к трансформации ценностно-смыслового пространства и макрополитической идентичности в целом.

Цифровая среда обладает рядом особенностей, которые влияют на процесс формирования идентичностей. Во-первых, она обеспечивает высокую степень анонимности, что позволяет пользователям создавать и поддерживать различные онлайн-персоны, отличные от их реальной личности. Это может привести к размыванию границ между реальным и виртуальным мирами, а также к формированию ложных представлений о себе и окружающих.

Во-вторых, цифровые платформы предоставляют возможность для быстрого распространения информации, что делает возможным создание и распространение новых культурных норм и ценностей. Однако этот процесс может быть использован для манипуляции общественным мнением и создания искусственных конфликтов.

Наконец, цифровая среда способствует глобализации культуры, что приводит к смешению различных культурных традиций и созданию новых гибридных форм идентичности. Этот процесс может угрожать сохранению уникальности национальной идентичности, особенно в странах с богатым культурным наследием.

Рассмотрим ключевые риски, угрожающие макрополитической идентичности в условиях цифровой среды.

1. *Конструирование и навязывание ложных идентичностей.* Одним из самых серьезных рисков является создание и распространение ложных идентичностей и нарративов [Федорченко 2021]. В условиях цифровизации информация может легко и быстро распространяться, что делает ее доступной для широкой аудитории. В результате ложные нарративы, направленные на делегитимацию системообразующих ценностей и концептов макрополитической идентичности, становятся частью общественного дискурса. Это может привести к размыванию исторической памяти и искажению коллективного сознания, что, в свою очередь, подрывает основы национальной идентичности.
2. *Внешние агенты и информационное противостояние.* Вторым важным риском является стремление внешних агентов перехватить политическую

повестку в цифровом пространстве. В условиях информационного противостояния и «дискурсивной борьбы» такие агенты могут манипулировать общественным мнением, навязывая свои интерпретации событий и фактов. Это приводит к монополизации дискурса о прошлом, где «историческая правда» становится инструментом политического влияния. В результате общество может оказаться в состоянии неопределенности, где различные интерпретации истории конфликтуют друг с другом, создавая дополнительные трения в национальной идентичности.

3. *Усиление радикальных локальных и региональных сообществ.* С развитием цифровых технологий наблюдается рост радикальных локальных и региональных сетевых сообществ. Эти сообщества часто отрицают общий исторический нарратив и продвигают сепаратистские модели идентичности, что может угрожать целостности государства. Виртуальная среда предоставляет платформу для распространения таких идей, что делает их более заметными и влиятельными. Это создает риск фрагментации общества, где различные группы начинают воспринимать себя как отдельные идентичности, что может привести к конфликтам и нестабильности.
4. *Мем-культура и идеологии релятивизма.* Распространение мем-культуры и транслирование наихудших образцов массовой культуры также представляют собой серьезную угрозу. Мемы, как форма цифрового контента, могут легко и быстро распространять идеи этического релятивизма и гражданского нигилизма. Эти идеологии обесценивают общенациональные и общецивилизационные ценности, подрывая основы макрополитической идентичности. В результате индивиды могут начать воспринимать ценности своего общества как нечто второстепенное, что в долгосрочной перспективе может привести к утрате чувства принадлежности и ответственности перед своей страной.

В условиях современного цифрового пространства риски, угрожающие устойчивости макрополитической идентичности, становятся все более актуальными. Конструирование ложных идентичностей, манипуляции внешних агентов, рост радикальных сообществ и влияние мем-культуры создают сложный и многослойный контекст, в котором необходимо искать пути защиты и укрепления макрополитической идентичности. Важно осознавать эти риски и активно работать над формированием устойчивого общественного дискурса, который будет способствовать сохранению и развитию ценностей, объединяющих общество.

Проблема макрополитической идентичности в трансформирующейся цифровой коммуникации россиян

Специальная военная операция на Украине (СВО) стала важным фактором трансформации структуры медиапотребления и практики цифровой коммуникации россиян за последние два с половиной года. Существенные

изменения в этой связи произошли и в дискурсе российской макрополитической идентичности, транслируемом в пространстве цифровых коммуникаций.

Уже в первые месяцы проведения СВО в привычной структуре медиапотребления россиян произошли существенные трансформации, связанные с введением ряда ограничительных и запретительных мер. Так, в частности, по решению суда подверглись блокировке популярные социальные сети Facebook* и Instagram¹, а также были признанными экстремистскими и запрещены на территории РФ ряд средств массовой информации. Результатом этих мер стало изменение структуры потребления контента и перераспределение аудитории русскоязычных пользователей.

Помимо указанных последствий исследователи отмечают существенные изменения массовых настроений россиян, связанные со столь неожиданными для них изменениями привычных (повседневных) практик медиапотребления. Отмечается, что блокировка указанных социальных сетей стала своего рода «нарушением привычного эмоционально-информационного и поддерживающего пространства» [Лукина и др. 2022], а у существенной доли молодых россиян и вовсе вызвала «непонимание, неодобрение и социально-психологическую напряженность» [Щекотуров, Зинич 2022].

Ограничительные меры, блокировка отдельных социальных сетей и электронных средств массовой информации более чем оправданы в контексте масштабной информационной войны, одним из «фронтов» которой, несомненно, является цифровое пространство. Распространение по цифровым каналам коммуникации фейков, намеренной дезинформации, вражеской пропаганды — все это в текущих условиях является эффективным инструментом для недружественных России субъектов воздействия на массовое политическое сознание россиян. Несмотря на это, как отмечают В.К. Левашов и О.В. Гребняк, «блокировка и запрет источников информации, морально и нравственно опасных и неприемлемых для социума, ставших, по сути, информационным оружием, воспринимаются некоторыми гражданами в качестве нелегитимной цензуры» [Левашов, Гребняк 2022].

Согласно исследованию ВЦИОМ 2023 г., в ежедневном режиме пользуются социальными сетями или мессенджерами 85 % граждан России. При этом доля молодежи по этому показателю достигает рекордных 92 % у россиян в возрасте от 18 до 24 лет и 94 % — в возрасте от 25 до 34 лет². Показательна в этом отношении доля вовлеченности в такую практику медиапотребления, как просмотр телевизора, которая составляет на сегодняшний день всего лишь 50 %.

¹ Здесь и далее * означает социальные сети, принадлежащие корпорации Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

² Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения // Сайт ВЦИОМ. 2023. 10 Августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 11.11.2024).

Наибольшее количество времени российские пользователи проводят в социальной сети ВКонтакте (129 минут / сутки), тогда как второе и третье место занимают TikTok и Telegram — 125 и 123 минуты в сутки соответственно. Следует отметить, что в период проведения СВО на первое место по популярности среди подписок в социальных сетях вышли новостные сообщества (77 %), которые существенно оторвались от разного рода образовательных (41 %), юмористических (35 %) и развлекательных (33 %) пабликов³.

Данные проекта Mediascope Cross Web также демонстрируют высокую степень цифровой вовлеченности россиян: из 122 млн российских граждан старше 12 лет порядка 100 млн (83 %) пользуются интернетом в ежедневном режиме (в среднем более 4 ч / сут)⁴. При этом, как отмечается в исследовании, среднесуточное потребление социальных сетей у россиян составляет в среднем около 1 ч в сут, а сначала СВО данный показатель демонстрировал неустойчивую динамику: если в феврале-марте 2022 г. интерес к новостным пабликам показал взрывной рост, а после блокировки Facebook* и Instagram*, напротив, время использования социальных сетей сократилось, то уже осенью 2022 г. данный показатель вновь существенно возрос.

На сегодняшний день социальная сеть «ВКонтакте» является крупнейшей по ежемесячному охвату пользователей, тогда как за последние два года лидером по ежедневному охвату стала социальная сеть Telegram, резкий прирост пользователей которого наблюдался после блокировки Facebook* и Instagram*. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в декабре 2022 г. Telegram использовали 51 % россиян старше 18 лет, в то время как в феврале 2022 г. только 29 % заявляли об его использовании⁵.

Изменилось и соотношение практик использования Telegram: порядка 30 % всего времени использования данной платформы приходится на чтение Telegram-каналов⁶, тогда как остальное время тратится на использование площадки в качестве мессенджера для коммуникации.

В Mediascope отмечают значительный рост интереса к новостному контенту, который произошел в 2022 г. С началом специальной военной операции на Украине охваты новостных ресурсов существенно выросли. Пиковые охваты пришлось на первые недели после начала СВО и на период

³ Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения // Сайт ВЦИОМ. 2023. 10 Августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 11.11.2024).

* Продукты компании Мета, признанные в РФ экстремистскими

⁴ Тренды медиапотребления в России // Adindex. 2023, 21 ноября. URL: <https://adindex.ru/publication/analytics/search/2023/11/20/317349.phtml?ysclid=lzcg3tgld980141728> (дата обращения: 11.11.2024).

⁵ ВЦИОМ: каждый второй россиянин использует Telegram // Сайт ТАСС. 2023. 8 февраля. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16998013> (дата обращения: 11.11.2024).

⁶ Там же.

объявления частичной мобилизации. Одной из ключевых цифровых площадок российского медиапотребления в период проведения стал Telegram: пользователи данной социальной сети потребляют преимущественно новостной и политический контент. Как показывают исследования, 43 % ТОП-30 крупнейших по числу подписчиков сообществ в Telegram представляют новостные паблики; 23 % крупнейших по аудитории сообществ Telegram производят контент политической направленности, а 17 % пабликов непосредственно посвящены СВО⁷.

В обозначенных условиях существенных изменений медиапотребления и цифровой коммуникации россиян за последние два с половиной года произошла также трансформация всей виртуальной публичной сферы и дискурса идентичности в частности.

Любопытный анализ на этот счет предлагает Д.С. Мартьянов, который отмечает, что виртуальная публичная сфера русскоязычного цифрового пространства формируется сегодня за счет поляризации дискурса вокруг темы специальной военной операции [Мартьянов 2022]. В большинстве медиасообществ, обсуждающих специальную военную операцию, наблюдается явная тенденция к однородности мнений. Это связано с тем, что участники зачастую стремятся к подтверждению своих взглядов, игнорируя или подавляя альтернативные точки зрения. В таких условиях оппоненты часто подвергаются блокировкам и «затыканию», что создает так называемую «эхо-камеру». В результате, несмотря на наличие разнообразных мнений, реальная коммуникация между противоборствующими сторонами оказывается на грани невозможного.

Одним из наиболее распространенных типов дискуссий является в русскоязычной виртуальной сфере и дискурсе российской идентичности является «патриотический» нарратив, который характеризуется однородностью в восприятии и интерпретации событий. Как отмечает Д.С. Мартьянов [2022], из 93 проанализированных веток дискуссий с патриотическим дискурсом подавляющее большинство (78 веток) было посвящено теме СВО. Это свидетельствует о том, что данная тема занимает центральное место в общественном обсуждении и активно поддерживается различными группами и индивидуумами. Патриотический дискурс, как правило, строится на идеях национальной гордости, единства и поддержки действий государства, что делает его привлекательным для широкой аудитории.

Кроме патриотического существует также «критический» дискурс, направленный на делегитимацию действий государства. Интересно, что большинство критических дискуссий также касались темы СВО. Это подчеркивает важность данной темы не только для патриотических настроений, но и для критического анализа действий властей. В критическом дискурсе участники часто акцентируют внимание на проблемах, связанных с СВО,

⁷ Аудитория Telegram. Отчет по данным Mediascope // Mediascope.net. 2024. Январь. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/0c1/bkerpcp19h48r7e0ifziocun2qq2zhk/Telegram_отчет_январь2024.pdf (дата обращения: 11.11.2024).

таких как последствия для гражданского населения, экономические затраты и международные отношения. Это создает контраст с патриотическим дискурсом, который может игнорировать или минимизировать эти аспекты.

Крайне важным элементом в анализе дискурса идентичности является образ «Другого» / «Врага». Анализ дискурса в двух ключевых социальных сетях демонстрирует значительное количество упоминаний Украины как основного «врага». В «ВКонтакте» зафиксировано 58 кейсов, связанных с Украиной, что указывает на ее центральное место в обсуждениях [Мартыанов 2022]. Однако важно отметить, что не все обсуждения сводятся к «демонизации» Украины. Вместо этого чаще всего наблюдается противопоставление Украины как «другого» в контексте макрополитической идентичности.

Анализ дискурса врага в социальных сетях показывает, что «ВКонтакте» и «Телеграм» представляют собой разные, но взаимосвязанные пространства для обсуждения конфликта. Патриотический дискурс доминирует в «ВКонтакте», в то время как «Телеграм» служит площадкой для более узких и радикальных мнений, включая «западнические» дискуссии. Это подчеркивает важность понимания контекста и платформы при анализе общественного мнения и групповой идентичности в условиях конфликта. Таким образом, социальные сети становятся не просто инструментами коммуникации, но и важными индикаторами общественных настроений, формируя новые идентичности и нарративы в условиях современных конфликтов.

Следует отметить, что интерес к проблеме российской идентичности и ее базовым ценностно-смысловым концептам в цифровом русскоязычном пространстве за последние годы существенно вырос. Так, к примеру, согласно данным сервиса статистики упоминаемости поисковых запросов Яндекс. Вордстат, словосочетание «российская идентичности» искали в поисковой системе Яндекс в период с 1 ноября 2021 г. по 1 ноября 2024 г. 283 660 раз. При этом динамика роста количества поисковых запросов за три года хотя и не была равномерной, но устойчиво демонстрировала положительный показатель (рис. 1).

Рис. 1. Динамика поисковых запросов словосочетания «российская идентичность» в поисковой системе Яндекс в период с 01.11.2021 по 01.11.2024

Источник: Яндекс.Вордстат.

Figure 1. Dynamics of search queries for the phrase «Russian identity» in the Yandex search engine in the period from 01.11.2021 to 01.11.2024

Source: Yandex.Wordstat.

Согласно данным сервиса TGStat, количество публикаций в сообществах мессенджера Telegram, в которых упоминается словосочетание «российская идентичность», в 2024 г. выросло на 66 % по сравнению с аналогичным показателем прошлого года. Если в 2023 г. о российской идентичности писали в Telegram 23 250 раз (рис. 2), то в 2024 г. этот показатель достиг 35 103 публикаций (рис. 3).

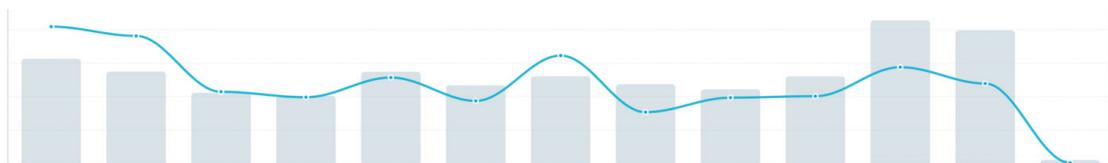

Рис. 2. Динамика публикаций сообщений, включающих словосочетание «российская идентичность», в русскоязычных сообществах Telegram в период с 01.11.2022 по 01.11.2023

Источник: TGStat.

Figure 2. Dynamics of publications of messages including the phrase «Russian identity», in Russian-speaking Telegram communities in the period from 01.11.2022 to 01.11.2023

Source: TGStat.

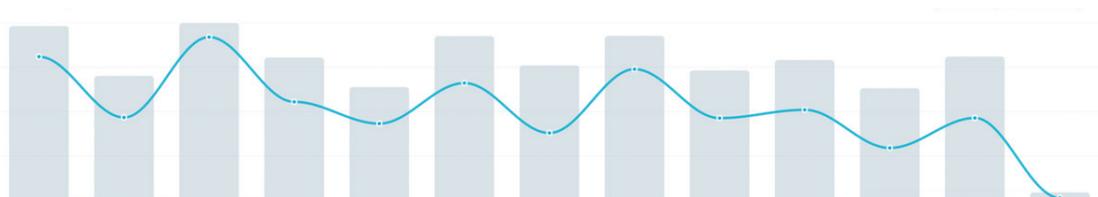

Рис. 3. Динамика публикаций сообщений, включающих словосочетание «российская идентичность», в русскоязычных сообществах Telegram в период с 01.11.2023 по 01.11.2024

Источник: TGStat.

Figure 3. Dynamics of publications of messages including the phrase «Russian identity» in Russian-speaking Telegram communities in the period from 01.11.2023 to 01.11.2024

Source: TGStat.

Существенно вырос интерес русскоязычных пользователей к такому структурообразующему концепту доминирующей сегодня модели макрополитической российской идентичности, как «традиционные ценности». За последние три года это словосочетание искали в поисковой системе Яндекс более 2 338 300 раз. При этом резкий рост интереса к «традиционным ценностям» наблюдается с осени 2022 г. (рис. 4), что, на наш взгляд, связано с утверждением «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁸.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 11.11.2024).

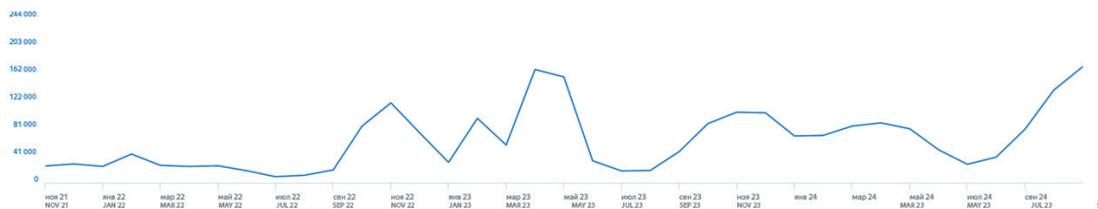

Рис. 4. Динамика поисковых запросов словосочетания «традиционные ценности» в поисковой системе Яндекс в период с 01.11.2021 по 01.11.2024

Источник: Яндекс.Вордстат

Figure 4. Dynamics of search queries for the phrase «traditional values» in the Yandex search engine in the period from 01.11.2021 to 01.11.2024

Source: Yandex.Wordstat

Таким образом, проблематика и нарративы, связанные с дискурсом макрополитической российской идентичности, существенно актуализировались за последние два с половиной года, что связано главным образом с проведением специальной военной операцией и трансформацией всей русскоязычной виртуальной публичной сферы.

Цифровизация и суверенизация: роль государства в укреплении российской идентичности в цифровом пространстве

В современном мире, где информационные потоки стремительно пересекают границы, а цифровизация охватывает все сферы жизни, вопросы национальной идентичности и суверенитета становятся особенно актуальными. В условиях масштабного информационного противостояния, которое наблюдается на международной арене, Россия предпринимает шаги для защиты своей идентичности и укрепления суверенитета. Этот процесс сопровождается консервативно-мобилизационным дискурсом, в основе которого лежат патриотизм и антипозиционирование по отношению к Западу [Иохим, Лагузова 2023].

В 2016 г. Президент России В.В. Путин впервые четко озвучил формулу российской макрополитической идентичности: «У нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо». В этой связи ряд исследователей, в том числе зарубежных [Kratochvíl, Shakhanova 2020], фиксируют состоявшийся в середине 2010-х гг. в России «патриотический поворот»⁹ в дискурсе идентичности и массовом политическом сознании российских граждан, а также появление такого социально-политического феномена, как «повседневный патриотизм» [Goode 2018].

По мнению отечественных и зарубежных политологов, в последнее десятилетие доминирующей моделью макрополитической идентичности России становится концепция «государства-цивилизации» [Багдасарян 2022; Керимов 2023;

⁹ Путин: национальная идея в России — это патриотизм // РИА Новости: сайт. 2016. 3 февраля. URL: <http://ria.ru/society/20160203/1369184806.html> (дата обращения: 11.11.2024).

Tsygankov 2022]. Так, исследователь из Уппсальского университета М. Блэкберн считает [Blackburn 2021], что данная модель воспроизводится в официальном дискурсе с 2012–2014 гг., отождествляя понятия «нации» и государства», а также являясь во многом реакцией на воссоединение Крыма с Россией и антиросийскую санкционную политику Запада.

Концепция «государства-цивилизации» является на сегодняшний день структурообразующим нарративом модели макрополитической идентичности России, которая транслируется в официальных политическом, медиа- и академическом дискурсах [Russia as Civilization... 2020]. Т.В. Беспалова замечает, что «использование цивилизационной теории в качестве одной из основ стратегического планирования приобрело особую актуальность в условиях новых политических вызовов и угроз российской цивилизации... За период с 2012 по 2018 г. в стратегические документы Российской Федерации были введены следующие понятия: российская цивилизация, единый культурный (цивилизационный) код, межцивилизационный диалог, межцивилизационные разломы, Россия как историческое государство-цивилизация и др.» [Беспалова 2020].

Концептуализация и закрепление понятия «государство-цивилизация» на уровне нормативно-правового дискурса свидетельствует о высокой степени секьюритизации цивилизационной модели российской идентичности и заинтересованности государства в формировании условий для защиты и сохранения ценностно-смыслового пространства данной идентификационной модели. Так, в частности, в новейшей Концепции внешней политики РФ (от 31 марта 2023 г.) Россия определяется как «самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава, сплотившая русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»¹⁰.

«Государство-цивилизация» как концепция макрополитической идентичности современной России является, по сути, позитивной альтернативой западно-центричной модели, представляя проект демократического преобразования мировой политики на принципах многополярности и суверенности разнообразных цивилизационно-политических сообществ.

Очевидно, что в условиях глобального информационного противостояния с коллективным Западом и совокупности описанных выше угроз, которые несет в себе повсеместная цифровизация, модель «государства-цивилизации» становится мишенью для пропагандистских устремлений недружественных стран и деструктивно-настроенных негосударственных субъектов [Иохим 2023]. Современные цифровые технологии, в том числе искусственный интеллект и алгоритмы политического кодирования, существенно расширяют

¹⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. 2023, 31 марта. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?ysclid=lozhpiigy771716072> (дата обращения: 11.11.2024).

возможности для политической пропаганды, нацеленной на цивилизационно-мировоззренческие расколы и нанесение ущерба ценностно-смысловому пространству российского общества.

Таким образом, доминирующей и консолидирующей моделью российской макрополитической идентичности в XXI в. стала концепция «государства-цивилизации». Процесс постсоветского нациестроительства представлял собой сложный путь трансформации, переосмысления исторического прошлого, оформления ценностно-концептуальных основ российского общества, реформирования отношений с коллективным Западом и универсалистской западно-либеральной гегемонией. Сегодня перед российским руководством и обществом стоит задача создания условий для обеспечения безопасности и сохранности ценностно-смыслового пространства «государства-цивилизации».

Изменения институционально-правовой среды реализации политического участия россиян и функционирования публичного политического дискурса после 24 февраля 2022 г. связаны с рядом политических решений и законодательных новелл, принятых руководством России и направленных на укрепление национального суверенитета и обеспечение стабильности социально-политической системы в сложившихся непростых для страны условиях.

Так, 4 марта 2022 г. были приняты поправки в АК РФ и УК РФ, устанавливающие административную ответственность¹¹ за публичные действия, направленные на дискредитацию Вооруженных сил РФ, и уголовную ответственность¹² за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации («фейков»), которая включает данные об использовании и действиях Вооруженных сил РФ.

14 июля 2022 г. был принят Федеральный закон № 255 «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»¹³, который стал своего рода обобщающим законом в сфере контроля и регулирования деятельности физических и юридических лиц, которым присвоен статус иностранного агента. Указанный закон, а также пакет законодательных поправок, внесенных Государственной Думой РФ в ноябре 2022 г., по сути, унифицировали систему ограничений и запретов, касающихся деятельности иностранных агентов на территории России. Дополнительно к существовавшему до нововведений реестру иностранных агентов был создан также Единый реестр физических лиц, аффилированных с иностранными агентами.

¹¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67910> (дата обращения: 11.11.2024).

¹² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67908> (дата обращения: 11.11.2024).

¹³ Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48170> (дата обращения: 11.11.2024).

На осень 2024 г. так называемый «список иноагентов» включает в себя 840 юридических и физических лиц, из которых порядка 60 % получили свой статус после 24 февраля 2022 года¹⁴. Отметим, что в условиях проведения СВО существенно пополнился и перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории России. Так, в актуальном перечне нежелательных организаций, размещенном на сайте Минюста РФ¹⁵, около 70 % составляют организации, попавшие в список после начала СВО.

Очевидно, что обозначенные нововведения и тенденции стали фактором существенного ограничения деятельности так называемой российской несистемной оппозиции и ее влияния на массовое политическое сознание россиян, снизив ее протестно-мобилизационный потенциал. Социологические измерения также демонстрируют существенное снижение показателя личного протестного потенциала российских граждан в период после начала СВО. Так, к примеру, согласно данным ВЦИОМ, если в феврале 2022 г. до 18 % опрошенных были готовы принять участие в массовых акциях протеста в своем населенном пункте «против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав и свобод», то, начиная с марта 2022 г., показатель личного протестного потенциала снижается на 7–8 пунктов и на протяжении последних двух с половиной лет не поднимается выше 11 %¹⁶.

Глобальное цифровое пространство является полем борьбы за ценностно-смысловую гегемонию, которая осуществляется посредством конкуренции дискурсивных практик, транслирующих те или иные ценности, концепты, смыслы. В таких условиях, как отмечалось выше, с одной стороны, наблюдается тенденция к универсализации, выраженная в односторонней вестернизации как навязывании западных ценностей и образцов; с другой — кристаллизуются цивилизационные (идентификационные) различия партикулярных политических сообществ.

Согласимся с С.Н. Федорченко в том, что «такого рода цифровая глобализация на самом деле может представляться государствами-цивилизациями как прикрытие односторонней вестернизации — бескомпромиссного навязывания западных ценностей и мировоззрения через разрастание западной цифровой ойкумены. <...> Поэтому со стороны государств-цивилизаций возникает ответная реакция по защите своих мировоззренческих систем в виде культурной и технологической политик, стратегически переплетающихся и поддерживающих друг друга в феномене цифровой ойкумены» [Федорченко 2023].

¹⁴ Реестр иностранных агентов // Министерство юстиции РФ: официальный сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-26072024.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).

¹⁵ Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации // Министерство юстиции РФ: официальный сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/> (дата обращения: 11.11.2024).

¹⁶ Протестный потенциал // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (дата обращения: 11.11.2024).

М. Леван отмечает, что «усовершенствованная цифровая инфраструктура и возросшая цифровая свобода в стране оказывают противоречивое воздействие на доверие людей к государству и их чувство единства как нации, уравновешивая друг друга» [Lewan 2020]. С одной стороны, как отмечает шведский исследователь, развитая цифровая инфраструктура повышает доверие людей к государству за предоставление эффективных инструментов и услуг, но в то же время это также приводит к социальной фрагментации и культурной индивидуализации, ослабляющей национальную идентичность [Ibid].

Защита макрополитической идентичности в цифровом пространстве требует применения целого комплекса мер, направленных на укрепление информационной безопасности, сохранение культурного наследия и воспитание у граждан осознанного отношения к использованию цифровых технологий. Вот некоторые ключевые подходы, которые, на наш взгляд, должны лечь с основу долгосрочной коммуникационной стратегии государства в цифровом пространстве.

1. Правовая база и регулирование:

- 1) законодательство против дезинформации: создание законов, запрещающих распространение ложной информации, особенно той, которая направлена на подрыв национальной идентичности и культурных ценностей;
- 2) регулирование деятельности соцсетей и мессенджеров: требование от крупных технологических компаний соблюдения местных законов и правил, касающихся защиты личных данных и предотвращения распространения экстремистского контента;
- 3) контроль за использованием цифровых платформ: регулирование доступа к иностранным ресурсам, представляющим потенциальную угрозу национальной безопасности.

2. Образование и цифровая грамотность:

- 1) обучение школьников и студентов: включение в образовательные программы курсов по цифровой грамотности, медиаграмотности и информационной безопасности;
- 2) программы повышения квалификации для взрослых: обучение взрослых основам безопасного поведения в Интернете, правилам проверки достоверности информации и способам защиты своих данных.

3. Национальные цифровые платформы:

- 1) создание отечественных аналогов популярных зарубежных ресурсов: развитие собственных социальных сетей, видеохостингов, поисковиков и других цифровых сервисов, которые будут соответствовать местным законам и культуре;
- 2) государственная поддержка стартапов и IT-компаний: инвестиции в отечественные технологические компании, занимающиеся разработкой продуктов и услуг, соответствующих национальным интересам.

4. Мониторинг и аналитика:

- 1) анализ трендов и угроз: постоянный мониторинг изменений в цифровом пространстве, выявление потенциальных угроз и разработка стратегий реагирования;
- 2) работа с экспертами и аналитиками: привлечение специалистов в области кибербезопасности, социологии и культурологии для оценки ситуации и разработки рекомендаций.

5. Гражданская активность и волонтерство:

- 1) общественные инициативы: организация общественных движений и волонтерских организаций, направленных на продвижение национальных ценностей и защиту культурного наследия в цифровом пространстве;
- 2) информирование общественности: проведение кампаний по информированию граждан о рисках и угрозах в Интернете, а также о способах защиты личной информации и противодействия манипуляциям.

Таким образом, развитие технологий коммуникации в интернет-пространстве качественно меняет деятельность государства и его институтов в сфере управления ценностно-смысловым пространством, обеспечения информационной и культурной безопасности. Внедрение новых алгоритмов упорядочивания цифрового пространства усложняет возможность развития коммуникационных процессов в цифровом пространстве, поскольку их количество, их работа и результаты обработки информации все сложнее прогнозировать, что ставит новые риски и вызовы перед государством, которое должно осуществлять управление «обществом черного ящика» [Мартыненко, Добринская 2021. С. 177].

Очевидно, что современное государство может достичь необходимого уровня безопасности своей макрополитической идентичности при условии сбалансированного развития цифровой инфраструктуры и цифровой свободы, а также — посредством сочетания проактивных стратегий расширения своего культурно-цивилизационного влияния с комплексом мер, направленных на формирование защитного барьера, ограждающего собственное ценностно-смысловое пространство от цифрового вмешательства недружественных субъектов, будь то другие государства или корпоративные цифровые агенты.

Заключение

Трансляция нарративов, ценностей, идеалов и идей, которые обеспечили бы формирование устойчивой макрополитической идентичности, в цифровом коммуникационном пространстве является необходимым условием обеспечения развития современного государства, поскольку процессы проектирования и моделирования образа будущего в общественном сознании в реалиях интенсификации информационного воздействия могут быть осуществлены только на основе активного взаимодействия с пользователями в глобальной цифровой реальности.

В этом контексте достижение технологического и цифрового суверенитета и защита ценностно-смыслового пространства от осуществления со стороны

враждебных акторов информационно-когнитивных операций приобретает новый смысл.

Осуществлять собственную информационную политику, направленную на формирование идентичности граждан и макрополитической идентичности общества, невозможно без доступа государства и его институтов ко всем инструментам и механизмам коммуникационного взаимодействия в сетевом пространстве Интернета. Наличие всех компонентов цифровой инфраструктуры от серверов и маршрутизаторов до устройств, от операционных систем до приложений различных социальных сетей является важнейшим условием сохранения субъектности государства в процессах формирования, укрепления и обеспечения устойчивости макрополитической идентичности.

Российское государство сегодня оказывается в ситуации, когда информационно-когнитивное давление извне становится фактором дестабилизации макрополитической идентичности. Базовая стратегия защиты ценностно-смыслового и информационного пространства Российского государства в условиях глобального информационного противостояния и масштабной цифровизации должна в таком случае опираться на формирование культурного и цифрового суверенитета.

Поступила в редакцию / Received: 11.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 23.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2024

Библиографический список

- Багдасарян В.Э.* Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2022. Т. 17. № 6. С. 15–29.
- Беспалова Т.В.* Будущее российской цивилизации: некоторые идеологические контуры // *Вопросы социальной теории*. 2020. Т. 12. С. 131–142. <http://doi.org/10.30936/2227-7951-2020-12-131-142>.
- Иохим А.Н.* Российская идентичность в условиях глобальной цифровизации: к вопросу о цифровом суверенитете // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2023. Т. 1. № 6. С. 58–80. <http://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-58-80>.
- Иохим А.Н., Лагузова М.А.* «Как обустроить Россию»: проблема общественного согласия в дискурсе постсоветской идентичности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2023. Т. 25. № 1. С. 77–96. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-77-96>.
- Керимов О.Ю.* Концепция государства-цивилизации как теоретическая основа модели российской политической модернизации // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2023. Т. 13. № 6 (99). С. 2487–2497. <http://doi.org/10.35775/PSI.2023.99.6.012>.
- Левашов В.К., Гребняк О.В.* Актуальные изменения социальных сетей и цифровой среды в период Специальной военной операции на Украине // *Социальные и гуманитарные знания*. 2022. Т. 8. № 2 (30). С. 211 (С. 204–213). <http://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-204-213>.
- Лукина К.В., Широкова А.С., Захарычева Т.А.* Социологическое измерение реакции пользователей на блокировку Инстаграм: оценка экспертов // *Власть и управление на Востоке России*. 2022. № 3 (100). С. 132–141. <http://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-132-141>.

- Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. № 1. С. 5–28.
- Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171–192. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1807>.
- Мартыанов Д.С. Трансформация виртуальной публичной сферы в условиях специальной военной операции // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 3. С. 20–32. <http://doi.org/10.31429/26190567-23-3-20-32>.
- Титов В.В. Симулятивная реальность как вызов национальной идентичности: теория и российские политические практики // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. Vol. 22, no. 4. С. 590–602. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-590-602>.
- Федорченко С.Н. Государство-цивилизация в цифровой ойкумене // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. № 1. С. 10. <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26>.
- Федорченко С.Н. Формирование новых идентичностей на постсоветском пространстве: между реальным и цифровым миром // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 3. С. 3–15. <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-3-3-15>.
- Щекотуров А.В., Зинич А.В. Медийные источники информации в контексте блокировки социальных сетей (материалы опроса студентов БФУ и ОмГАУ) // Информационное общество. 2022. № 5. С. 56–64. http://doi.org/10.52605/16059921_2023_05_56.
- Blackburn M. Mainstream Russian Nationalism and the “State-Civilization” Identity: Perspectives from Below // Nationalities Papers. 2021. Vol. 49, no. 1. P. 89–107. <http://doi.org/10.1017/nps.2020.8>.
- Goode J.P. Everyday patriotism and ethnicity in today’s Russia // Russia before and after Crimea: Nationalism and Identity / ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud, 2010–17. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2018. P. 258–281.
- Kratochvil P., Shakhanova G. The patriotic turn and re-building Russia’s historical memory: Resisting the west, leading the post-soviet east? // Problems of Post-Communism. 2020. Vol. 68, no. 5. P. 1–13. <http://doi.org/10.1080/10758216.2020.1757467>.
- Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialistic Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London : Verso, 1985.
- Lewan M. The future of the nation-state: how the nation-state can find a way through digitalization // Digital Transformation and Public Services: Societal Impacts in Sweden and Beyond / ed. by A. Larsson, R.L. Teigland. N.Y. : Routledge, 2020. P. 293–318.
- Mouffe C. For a Left Populism. L. ; N.Y. : Verso, 2018.
- Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / ed. by K.J. Mjør, S.L. Turoma. N.Y. : Routledge, 2020.
- Tsygankov A., Tsygankov P. Imaging Russia as a state-civilization: ethnocultural and geoeconomic dimensions // Handbook of Economic Nationalism / ed. by A. Pickel. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2022. P. 315–327.
- Van Dijk T. Analyzing frame analysis: A critical review of framing studies in social movement research // Discourse Studies. 2023. No. 25 (2). P. 153–178. <http://doi.org/10.1177/14614456231155080>.
- Van Dijk T. Ideology in cognition and discourse // Mapping Ideology in Discourse Studies / ed. by S.K. Määttä, M.K. Hall. Berlin : De Gruyter Mouton, 2022. P. 137–157.

References

- Bagdasaryan, V.E. (2022). The concept of the state-civilization: problems of methodology and political implementation. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 6, 15–29. (In Russian).
- Bespalova, T.V. (2020). The future of Russian civilization: some ideological contours. *Issues of social theory*, 12, 131–142. (In Russian). <http://doi.org/10.30936/2227-7951-2020-12-131-142>.

- Blackburn, M. (2021). Mainstream Russian Nationalism and the “State-Civilization” Identity: Perspectives from Below. *Nationalities Papers*, 49(1), 89–107. <http://doi.org/10.1017/nps.2020.8>.
- Fedorchenko, S.N. (2021). Formation of new identities in the post-Soviet space: Between the real and digital world. *Journal of Political Studies*, 3, 3–15. (In Russian). <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-3-3-15>.
- Fedorchenko, S.N. (2023). State-civilization in the digital Ecumene. *Journal of Political Studies*, 1, 3–26. (In Russian). <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26>.
- Goode, J.P. (2018). Everyday patriotism and ethnicity in today’s Russia. In P. Kolstø & H. Blakkisrud (Eds.), *Russia before and after Crimea: Nationalism and Identity* (pp. 258–281). Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Iokhim, A.N. (2023). Russian identity in the context of global digitalization: on the issue of digital sovereignty. *Lomonosov Political Science Journal*, 6, 58–80. (In Russian). http://doi.org/10.55959/MSU_0868-4871-12-2023-1-6-58-80.
- Iokhim, A.N., & Laguzova, M.A. (2023). «How to equip Russia»: The problem of social harmony in the discourse of post-Soviet identity. *RUDN Journal of Political Science*, 1, 77–96. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-77-96>.
- Kerimov, O.Y. (2023). The concept of the State-civilization as the theoretical basis of the model of Russian political modernization. *Issues of national and federal relations*, 6(99), 2487–2497. (In Russian). <http://doi.org/10.35775/PSI.2023.99.6.012>.
- Kratochvíl, P., & Shakhanova, G. (2020). The patriotic turn and re-building Russia’s historical memory: Resisting the West, leading the Post-Soviet East? *Problems of Post-Communism*, 68(5), 1–13. <http://doi.org/10.1080/10758216.2020.1757467>.
- Laclau, E., & Mouffe, C. (1985). *Hegemony and Socialistic Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
- Levashov, V.K., & Grebenyuk, O.V. (2022). Actual changes in social networks and the digital environment during the Special military operation in Ukraine. *Social and humanitarian knowledge*, 2, 204–213. (In Russian). <http://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-204-213>.
- Lewan, M. (2020). The future of the nation-state: How the nation-state can find a way through digitalization. In A. Larsson & R. Teigland (Eds.), *Digital transformation and public services: Societal impacts in sweden and beyond* (pp. 293–318). London, N.Y.: Routledge.
- Lukina, K.V., Shirokova, A.S., & Zakharycheva, T.A. (2022). Sociological measurement of user reaction to Instagram blocking: expert assessment. *Power and management in the East of Russia*, (3), 132–141. (In Russian). <http://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-132-141>.
- Malinova, O.Y. (2010). Constructing a macropolitical identity in post-Soviet Russia. *Political expertise: POLITEX*, 1, 5–28. (In Russian).
- Martianov, D.S. (2022). Transformation of the virtual public sphere in the conditions of a special military operation. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 23(3), 20–32. (In Russian). <http://doi.org/10.31429/26190567-23-3-20-32>.
- Martynenko, T.S., & Dobrinskaya, D.E. (2021). Social inequality in the era of artificial intelligence: from digital to algorithmic gap. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 1, 171–192. (In Russian). <http://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1807>.
- Mouffe, C. (2018). *For a Left Populism*. London; N.Y.: Verso.
- Mjør, K.J., & Turoma, S., (Eds.). (2020). *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia*. London, N.Y.: Routledge.
- Shechoturov, A.V., & Zinich, A.V. (2022). Media sources of information in the context of blocking social networks (materials of a survey of students of BFU and OMGU). *Information Society*, 5, 56–64. (In Russian). http://doi.org/10.52605/16059921_2023_05_56.
- Titov, V.V. (2020). Simulative reality as a challenge to national identity: theory and Russian political practices. *RUDN Journal of Political Science*, 22(4), 590–602. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-590-602>.

- Tsygankov, A., & Tsygankov, P. (2022). Imaging Russia as a state-civilization: ethnocultural and geoeconomic dimensions. In A. Pickel (Ed.), *Handbook of Economic Nationalism* (pp. 315–327). Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Van Dijk, T. (2022). Ideology in cognition and discourse. In S.K. Määttä, & M.K. Hall (Eds.), *Mapping Ideology in Discourse Studies* (pp. 137–157). Berlin: De Gruyter Mouton.
- VanDijk, T. (2023). Analyzing frame analysis: A critical review of framing studies in social movement research. *Discourse Studies*, 25(2), 153–178. <http://doi.org/10.1177/14614456231155080>.

Сведения об авторе:

Иохим Андрей Николаевич — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (e-mail: iokhim_annk@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-8125-6363)

About the author:

Andrey N. Iokhim — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (e-mail: iokhim_annk@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-8125-6363)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-840-852

EDN: KLIVVQ

Научная статья / Research article

Социально-политические размежевания в российском обществе: восприятие молодежи

Д.Н. Шлыкова

Российский университет дружбы народов, Москва,
Российская Федерация

✉ shlykova-dn@rudn.ru

Аннотация. Современное российское общество характеризуется сложной и динамичной социально-политической структурой, отражающейся в многообразии взглядов и ценностных ориентаций. Особое значение в понимании этих процессов приобретает изучение молодежи — поколения, формирующего будущее страны и активно участвующего в общественной жизни. Исследование посвящено анализу социально-политических размежеваний в российском обществе, сфокусированному на восприятии этих процессов молодежью, и опирается на теорию социально-политических размежеваний (cleavage theory). Автор выделяет три ключевых разделения в российском обществе, которые могут усиливаться со временем: «сверхбогатые / остальные», «мегаполис / город / деревня» и «Москва / не Москва». Наличие этих разделений было подтверждено фокус-групповыми исследованиями и массовым опросом среди студентов. Эмпирические исследования показали большую остроту этих размежеваний по сравнению с другими потенциальными линиями конфликтов. Процесс самоидентификации внутри этих разделений продолжается, а потенциал для политической мобилизации оценивается как высокий.

Ключевые слова: социально-политические размежевания, кливажи, поляризация, социальное неравенство, социальная справедливость

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки РФ и ЭИСИ, проект FSSF-2024-0060 «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к вариантам ценностного консенсуса».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шлыкова Д.Н. Социально-политические размежевания в российском обществе: восприятие молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 840–852. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-840-852>

© Шлыкова Д.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Socio-Political Divisions in Russian Society: The Perspective of Young People

Daria N. Shlykova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ shlykova-dn@rudn.ru

Abstract. Modern Russian society is characterized by a complex and dynamic socio-political structure, reflected in the diversity of views and value orientations. Of particular importance in understanding these processes is the study of youth — the generation shaping the future of the country and actively participating in public life. This article is devoted to the analysis of socio-political divisions in Russian society, focused on the perception of these processes by young people. The study is based on the theory of socio-political divisions (cleavage theory) and identifies three key divisions in Russian society that may intensify over time: “the super-rich / the rest”, “megapolis / city / village” and “Moscow / not Moscow”. These divisions were confirmed by focus groups and a mass survey among students, which showed their severity compared to other potential lines of conflict. The process of self-identification within these divisions continues, and the potential for political mobilization is assessed as high.

Keywords: socio-political divisions, socio-political gaps, socio-political cleavages, polarization, social inequality, social justice

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the EISI, project FSSF-2024-0060 «Identity as a resource for overcoming cleavages in Russia: from preserving the core of values to options for value consensus».

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Shlykova, D.N. (2024). Socio-political divisions in Russian society: The perspective of young people. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 840–852. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-840-852>

Введение

Изучение размежеваний в современном российском обществе помогает понять его динамику и выявить причины социальных конфликтов для их возможного разрешения. Теория социально-политических размежеваний берет свое начало в классической работе М. Липсета и С. Роккана [Lipset, Rokkan 1967]. Центральным является тезис о формировании глубинных социально-политических кливажей (cleavage) в западных обществах в процессе перехода к обществу Модерна, на основании которых сформировался и зафиксировался политико-партийный ландшафт. Ключевыми признаками кливажа являются:

- 1) долговременность;
- 2) конфликтность;
- 3) представительство соревнующимися политическими организациями.

Среди ключевых ограничений теории социально-политических размежеваний в изначальном ее виде обозначают:

1. Ориентированность на западное общество и исторические события, сформировавшие европейскую цивилизацию (Реформация, Индустриальная революция и т.д.). Так, экстраполяция теории на другие регионы и исторические контексты часто встречает трудности.
2. Редукция спектра агентов политического конфликта до политических партий — теория уделяет недостаточно внимания роли политических элит и неклассических политических акторов, в том числе транснациональных.
3. Теория описывает размежевания как относительно стабильные и долгосрочные. Однако современный мир характеризуется быстрыми изменениями, появлением новых социальных движений и переопределением старых идентичностей.

При этом следует отметить, что с момента написания классического труда М. Липсетом и С. Рокканом развитие теории социально-политических размежеваний в основном шло по двум направлениям: расширение географического охвата исследуемых случаев и анализ трансформации самих размежеваний. Первое направление сосредоточилось на применении теории к постсоциалистическим странам, где, с учетом специфики политической системы этих государств, она в некоторой степени показала свою применимость [Römmele 1999]. Второе направление исследовало влияние постмодерна на трансформацию существующих размежеваний и формирование новых [Seiler 2009]. Долговременный характер размежеваний, выделенных М. Липсетом и С. Рокканом, позволил также успешно применять теорию для анализа кризиса европейской интеграции [Marks, Attewell, Rovny, Hooghe 2021].

Группа исследователей под руководством И.С. Семененко определила ключевые понятия теории (размежевание, кливаж, раскол и т.д.) и их актуальное к настоящему моменту картирование [Семененко, Лапкин, Пантин 2021, 2023, Пантин 2021]. М.В. Ильин, в свою очередь, делает полную ревизию проблемы. Особую роль в своих публикациях по тематике размежеваний он отводит вопросам темпоральной логики классической теории и возможности ее сохранения с необходимой методологической осторожностью¹ [Ильин, Остапенко 2024].

Размежевания или кливажи?

Рассматриваемая нами теория все еще является методологическим вызовом для отечественной науки, но за десятилетия развития научной дискуссии мы можем определить ключевые точки опоры, которые позволяют нам обратиться к данной теории для анализа социально-политической ситуации уже сейчас, определить ключевые вызовы для российского общества и возможности для развития.

Так, мы можем выделить две ключевые оси рассмотрения линий социального конфликта здесь и сейчас — это глубина (что соотносимо с темпоральным измерением) и острота (в том числе включает в себя процесс идентификации

¹ Ильин М.В. Роккановский момент. URL: <https://present5.com/rokkanovskij-moment-ilinmixail-vasilevich-mikhaililyhn-48-gmail-com/> (дата обращения: 05.11.2023).

конкурирующих групп и формирование политического представительства). В крайнем проявлении глубины и остроты размежевания мы предлагаем определять социальный конфликт как кливаж, в иных случаях обозначать как социально-политическое размежевание. Кроме того, в рамках данного исследования мы будем избегать всей сложной совокупности родственных понятий — поляризации, разрывы и т.д. Следует отметить, что рассматриваемые нами линии конфликтности мы все-таки не спешим называть кливажами и маркировать ими социально-политический ландшафт российского общества, но углубление и продолжение процесса самоидентификации внутри групп свидетельствует в том числе о процессе закрепления этих линий разделения в социально-политический кливаж.

Актуальные размежевания в российском обществе

В рамках исследования 2023 г. на основании фокус-групповых исследований, массового опроса и экспертных интервью нами были определены [Шлыкова 2023] наиболее чувствительные линии конфликтности в российском обществе, а именно «центр / регионы», «мегаполис / провинция» и «сверхбогатые / остальные». Однако все еще крайне актуально уточнение данных размежеваний, более четкое определение их социоэкономических и социокультурных оснований, характер идентификации противостоящих групп и перспективы политического представительства, так же как и их рассмотрение в логике восприятия глубины и остроты размежевания, для определения их места в социально-политической структуре и динамики российского общества. Так, перед нами стоит задача не только уточнения, но и проверки предшествующих результатов.

В 2024 г. в рамках фокус-групповых исследований и массового опроса нами были предложены респондентам уточняющие вопросы относительно их восприятия конфликтности в российском обществе сегодня. Стояла задача уточнения роли социально-экономического разделения и размежеваний в области «сверхбогатые / остальные» и «элита / остальные», размежевание «центр / регионы» нами было уточнено до «Москва / не Москва» в связи со сложившимся дискурсом о «москвичах» и остальных. Размежевание «мегаполис / провинция» также предлагается расширить до трех элементов, включив все-таки отличную от первых двух деревенскую среду. Учитывая потенциальную конфликтность размежевания «Москва / не Москва», в данном случае следует быть аккуратнее с разграничением. Мы предлагаем рассматривать размежевание «Москва / не Москва» в центр-периферийной логике, а «мегаполис / провинция / деревня» через конфликтность наложения укладов, выражающихся в урбанистических процессах.

Описание методики проведения фокус-групп и массового опроса

Были проведены фокус-групповые исследования (полуформализованное, фокусированное интервью, метод «прямой воронки») среди студентов Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы в рамках проекта

ЭИСИ-Минобрнауки FSSF-2024-0060 «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к вариантам ценностного консенсуса» (научный руководитель — профессор, доктор философских наук Юрий Михайлович Почта) в сентябре — октябре 2024 г. Исследование проходило на основании двух гайдов — первый ориентирован на студентов-слушателей курса «Основы российской государственности» профильного (социальногуманитарного) и непрофильного (естественно-научного) направлений; второй — на студентов старших курсов бакалавриата и магистратуры профильного (социально-гуманитарного) направления. Среди целей и задач исследования в том числе проверка исходных гипотез о ключевых противоречиях в российском обществе («Москва / не Москва», «сверхбогатые / остальные», «мегаполис / город / деревня»). Предмет исследования — восприятие состояния конфликтности и размежеванности современного российского общества в условиях урбанизации, повышения запроса на справедливость, и оценка оснований для преодоления противоречий.

Последовавший далее массовый опрос был ориентирован на студентов столичных и региональных университетов. Было получено 1696 ответов, около 80 % респондентов проживают не в Москве и более 62 % не в столичных регионах (Москва и Санкт-Петербург). Относительно рассматриваемой нами проблематики им были заданы следующие вопросы с вариативными ответами:

- 1) *«сверхбогатые / остальные»*: «Как Вы считаете, есть ли обязательства у сверхбогатых россиян по отношению ко всем остальным гражданам России?» (скорее нет / скорее есть / затрудняюсь ответить); «Что, на Ваш взгляд, сегодня объединяет сверхбогатых и всех остальных россиян? (до 3 вариантов ответов)»;
- 2) *«Москва / не Москва»*: «Многие говорят, что было бы справедливо, если бы „ресурсы не выкачивались в Москву, а оставались в регионах“. Вы согласны с данным утверждением?» (скорее согласен / скорее не согласен / затрудняюсь ответить); «Что, на Ваш взгляд, мешает улучшению взаимопонимания между Москвой и регионами? (до 3 вариантов ответов)»; «Что, на Ваш взгляд, объединяет москвичей и остальных россиян? (до 3 вариантов ответов)»; «Как Вы думаете, чему житель большого города может поучиться у жителя провинции? (до 3 вариантов ответов)»; «Как Вы думаете, чему житель провинции может поучиться у жителя мегаполиса? (до 3 вариантов ответов)»;
- 3) *«элита / остальные»*: «Согласны ли Вы с утверждением, что элитой в России являются самые достойные люди?» (Да, совершенно согласен / Да, скорее согласен / Нет, скорее не согласен / Нет, совершенно не согласен / Затрудняюсь ответить).

«Свой / чужой»

Как было отмечено нами ранее [Шлыкова 2023], в том числе на основании выводов других исследователей [Семененко 2021, динамическое развитие структуры социально-политических размежеваний ведет к реактуализации ранних

и даже архаичных линий конфликтности. Таким архаичным разделением является «свой / чужой». Так, в рамках исследования 2023 г. на основании фокус-групповых исследований и экспертных интервью одной из форм реактуализации данного разделения нами было предложено обострение миграционного вопроса. В рамках текущего исследования лишь в одной из трех проведенных фокус-групп «национальный конфликт» был самостоятельно предложен респондентами как острый и глубокий. Отсюда мы делаем предположение, что определенная реактуализация действительно произошла, но конфликтность носит локальный характер, актуальна она не для всего общества и совсем не приоритетна для молодежи как социальной страты.

Так, на данный момент перед нами стояла задача определения более точных маркеров разграничения «свой / чужой». Студентам было предложено оценить по шкале от «0» до «10», где «0» — совсем не важно, «10» — самое важное, признаки, на которые они ориентируются при определении нового человека в своей среде как «своего» или «чужого».

Примечательно, что такие критерии, как национальность, вера (религиозная принадлежность) и регион проживания, были отмечены респондентами как имеющие нулевую важность при определении «свой/чужой». Отсюда мы можем сделать предположение о высоком уровне терпимости и открытости по отношению к представителям другого этноса, конфессии или установки на открытость, а также отсутствие первичной маркировки по региональному признаку.

Критерий профессиональной принадлежности был отмечен как умеренно важный. Стоит упомянуть, что профессиональная идентификация является одной из наиболее устойчивых в российском обществе [Козырева, Смирнов 2021].

Наивысшая оценка — «10», самое важное, дана признаку «по темам разговора». Респонденты при этом также отмечали трудность однозначной оценки незнакомца исключительно по внешним признакам: *«В целом, по поведению видно. Условно, если есть что-то, что ты не приемлешь. <...> Какое-то поведение, зависимости».*

Таким образом, молодежь формирует отношение к новым знакомым на основе оценки поведенческих паттернов и схожести ценностных ориентаций. Это, с одной стороны, свидетельствует о высокой роли эмпатии в социальных взаимодействиях и о плюралистическом восприятии окружения, а с другой стороны, демонстрирует атомизацию российского общества, готовность к открытому взаимодействию только с ближайшим малым кругом, а также сложность самоидентификации себя с большими общностями.

Глубина и острота восприятия разделений

Одной из опрашиваемых групп было предложено прямо определить «остроту» и «глубину» ключевых социальных разделений. В данном случае следует подчеркнуть, что понятие «разделение» используется как максимально нейтральное (без конфликтной и политической окраски) описание линий

разграничений в обществе, включающее в себя и социально-экономические, и социально-культурные аспекты, исключая контекст поляризации и дихотомии. При этом разделения даны в общем виде, исключая исходные формулировки размежеваний. Результаты приведены в табл.

**Восприятие глубины и остроты размежеваний.
Ответ на вопрос «Ощущаете ли вы данное разделение острым и глубоким?»**

Тип размежевания	Острота конфликтности	Глубина конфликтности
Социально-экономическое	+	+
Политическое	+	–
Географическое	–	+
Этническое	–	+
Религиозное	–	–
Урбанистическое (большой город / малый город и деревня)	–	+

Источник: составлено автором по результатам исследования.

**Perception of the depth and acuteness of the divisions.
The answer to the question “Do you feel this separation is acute and deep?”**

Type of division	Acuteness of the division	Depth of the division
Socio-economic	+	+
Political	+	–
Geographical location	–	+
Ethnic	–	+
Religious	–	–
Urban (big city/small town and village)	–	+

Source: compiled by the author based on the results of the study.

И глубоким, и острым респонденты определили социально-экономическое разделение, что подтверждает особую актуальность размежевания «сверхбогатые / остальные». Примечательно, что политическое разделение — из предложенного ряда — определяется как острое, но не глубокое, что может свидетельствовать об интенсивном характере политизации и конфликтности в целом. Вместе с тем респонденты ощущают его ситуативный характер: разделение по линии «либералы / патриоты» и разделение по линии поддержки СВО со временем теряет остроту. Политическое размежевание представляется напряженным в краткосрочном разрезе: *«Оно может вызвать конфронтацию в моменте. Можно поспорить, немножко поругаться. Но во многом оно не влияет на отношения».*

Глубоким, но не острым (то есть не политизированным) разделением респонденты назвали географическое, этническое и урбанистическое, что, с одной стороны, свидетельствует о их долговременном характере и укорененности в социальной структуре российского общества, а с другой — о невысокой текущей конфликтности и отсутствии политического представительства. Фокус-групповые исследования показали необходимость уточнения каналов и характера политизации социальных разделений.

Проекции социально-экономического разделения

Так как социально-экономическое (по уровню доходов) разделение воспринимается молодежной аудиторией как наиболее глубокое и острое, респондентам было предложено описать людей со сверхдоходами. Были названы представители крупного бизнеса — легитимные получатели сверхдоходов, а также нелегитимные — *«те, кто занимаются инфобизнесом», «мошенники», «темзики»², которые непонятно чем занимаются, но что-то зарабатывают*. Богатство и высокие доходы респонденты связывают с политическими и бизнес-элитами; *«<люди> во власти тоже связаны со сверхдоходами», «они, как правило, с бизнесом связаны»*. При этом взаимосвязь власти и собственности, в восприятии молодежи, не содержит негативных коннотаций. Негативный настрой проявляется только в отношении людей, обогащающихся незаконно или способами, воспринимаемыми как мошеннические.

Введение прогрессивной налоговой шкалы большинство респондентов в целом определили как «справедливое». При этом молодежь склонна принимать ситуацию, что социально-экономическое разделение носит универсальный характер.

Результаты массового опроса показали, что 43,4 % опрошиваемых отметили, что скорее согласны с тем, что у сверхбогатых есть обязательство перед другими россиянами, а 37,6 % отметили, что «скорее не согласны». 33,4 % опрошиваемых скорее не согласны с тем утверждением, что элитой в России являются достойные люди, 18,4 % «совершенно не согласны»³ с этим утверждением, в то время как 19,4 и 8,8 % опрошиваемых соответственно «скорее согласны» и «совершенно согласны». Ключевые факторы, которые, по мнению респондентов, объединяют группы «сверхбогатых» и «остальных» россиян — (1) государство, (2) история и (3) культура.

В итоге мы можем сделать вывод, что, несмотря на то, что разделение по социально-экономическому признаку ощущается и острым, и глубоким, крайне аморфными в восприятии молодежи остаются те группы, которые в результате этого разделение формируются. Дискуссия о различиях

² Сленговое определение, обозначающее в современной культуре человека, стремящегося к легкому обогащению с помощью быстрых и нередко нелегальных способов заработка.

³ Здесь и далее даются цифры, полученные по результатам массового опроса студенческой молодежи, онлайн-анкетирования с закрытыми и полукрытыми вопросами, $N = 1696$.

богатых и бедных и попытки определить — кто они? — неминуемо касались смежных сюжетов. В попытках объяснить, как именно выглядит социально-экономическое разделение, респонденты выходили на сюжеты неравномерного развития регионов и политического разделения. Условные обозначения «элиты», «сверхбогатые» воспринимаются зачастую если не тождественными, но синонимичными.

Несмотря на то, что мы не можем говорить о формировании четкой системы идентификации групп внутри социально-экономического разделения и формирования политического представительства данной линии конфликтности, мобилизационный потенциал политизации данного размежевания мы оцениваем как крайне высокий. Налицо запрос на левую повестку и ее адекватное политическое представительство.

Проекция размежевания «мегаполис / город / деревня»

Размежевание по линии «город / деревня» обусловлено наложением укладов и проекцией этого наложения на урбанистические процессы. Вместе с тем разделение «Москва / не Москва» носит иной характер и связано, прежде всего, с неравномерным распределением ресурсов внутри страны, и в том числе властного ресурса. Условно можно сформулировать, что мегаполис, город и деревня являются выражениями традиционного, модернистского и постмодернистского укладов в культурном, социальном и экономическом измерениях. Такие обобщения могут казаться упрощением, но мы исходим из следующих характеристик этих укладов:

- характер локальных коммуникаций, обусловленных плотностью населения;
- доступ к услугам частного и государственного сектора;
- трудовая стратификация в сфере услуг / сфере товарного производства, инновационный бизнес / традиционный бизнес.

Следует отметить, что развитие системы коммуникаций, повышение уровня доступности технологий, широкое распространение федеральных торговых сетей («Магнит», «Пятерочка», Wildberries, Ozon и др.) и расширения сферы государственных услуг во многом сглаживают эти различия. Однако они все еще остаются ощутимыми.

Для оценки параметра идентификации размежевания респондентам был предложен ряд вопросов о различии жителей городов и деревенской местности, больших и малых городов. Респонденты видят эти различия в следующем: 1) отношении к власти, «жители городов более оппозиционны»; 2) уровне образования, паттернах поведения; 3) наличии стремления к развитию, активности и амбициозности.

Различия между жителями больших городов и провинции представляются малозначительными. Эти различия проявляются в поведении, экономической активности, по линии «консерватизм — стремление к современности» («люди из провинции более консервативны»). При этом респонденты уверены, что

«ценности у людей из городов поменьше более весомые. В крупных городах у людей ценности более приземленные, такие как деньги, карьера и, может быть, семья».

Среди факторов, обуславливающих эти различия, респондентами были названы: 1) плотность населения и социальных связей и связанная с этим степень зависимости от мнения окружающих; 2) наличие инфраструктуры и развитости сферы услуг; 3) плюрализм выбора сценариев самореализации.

В поисках стратегий преодоления размежеваний по линии крупных городов/сельских жителей был предложен вопрос о том, чему представители одной группы могли бы научиться у других. Так, по мнению студентов, житель большого города мог бы научиться у жителя провинции:

- 1) умению ценить малое (41,6 %);
- 2) открытости людям (33,3 %);
- 3) доброте (30,9 %);
- 4) солидарности (20,2 %);
- 5) простой жизни (20,3 %);
- 6) искренности (18,4 %);
- 7) традиционным духовно-нравственным ценностям (18,1 %).

При этом житель провинции может научиться у жителя мегаполиса, согласно мнению опрошенных, следующему:

- 1) открытости новому опыту (44,9 %);
- 2) критическому мышлению (34,5 %);
- 3) гибкости и адаптивности (33,5 %);
- 4) инициативности (31,3 %);
- 5) образованности (25 %);
- 6) динамичному стилю жизни (24,5 %);
- 7) финансовой грамотности (23,6 %).

Важно отметить, что предложенный перечень отражал тот ценностный разрыв, который был предложен в рамках фокус-групповых исследований и следует уже обозначенной логике разделения «традиция — современность» и смежных с ней сюжетов. В целом можно говорить об устоявшихся шаблонах восприятия жителей городских и сельских поселений в обозначенной нами логике наложения укладов.

Примечательно, что при ответе на вопрос «Как Вы считаете, что объединяет людей в больших городах и в провинции?» респонденты также выделили 1) историю (52,5 %), 2) культуру (44,7 %) и 3) государство (39,6 %). В данном случае мы видим единство при ответах на вопрос об объединяющих началах.

Заключение

Историческая сложность российского общества, обусловленная его полисоциальным характером, а вместе с этим стремительные изменения общественной жизни на глобальном, национальном, региональном, местном и даже личностном уровнях усложняют анализ больших социально-политических процессов.

В условиях исчерпания познавательного потенциала больших универсальных теорий актуальность рассмотрения картины «на расстоянии» не исчезает. Правильным инструментом в руках исследователя может стать теория среднего уровня, в нашем случае — теория социально-политических размежеваний, которая из нормативной и западно-центристской концепции сегодня продолжает развиваться в актуальную исследовательскую рамку. Этим мы во многом обязаны той детальной научной дискуссии, которая сложилась сегодня в отечественной науке.

Рассмотрение всей сложности российского общества через призму данной теории позволяет нам определить ключевые линии социально-политической конфликтности, чей мобилизационный потенциал способен, с одной стороны, «заморозить» политический ландшафт, а с другой — спровоцировать дестабилизирующие политические события. В этом контексте особенно важно обратиться к восприятию молодежью этих процессов.

Особую роль играет восприятие молодым поколением не только самих линий разделения, их характера и динамики развития, но и оснований если не для полного их преодоления, то поиска объединяющих оснований.

Социально-экономическое разделение во всех проекциях ощущается наиболее острым и глубоким, при этом процесс идентификации групп внутри разделений (например, условные «сверхбогатые», «москвичи» и «провинциалы»), несмотря на то что он не закончен, продолжается и находится на разных этапах. Политизация данных размежеваний через понятных агентов конфликта также проходит по смежным и актуальным текущему дискурсу каналам, то есть находится в логике оси «поддержка власти — оппозиция власти». Потенциал политической мобилизации в таком случае оценивается нами как высокий.

Важно отметить, что относительно всех проекций разделений респондентами были выделены следующие основания объединения и сходства — история, культура, государство, то есть цивилизационные основания российской государственности [Мчедлова, Букин 2023], наиболее устойчивые и не менее глубокие, чем рассматриваемые нами разделения.

Поступила в редакцию / Received: 14.10.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 01.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2024

Библиографический список

Ильин М.В., Остапенко Г.И. Размежевания и идентичности в меняющемся ландшафте мировой политики // *Полис. Политические исследования*. 2024. № 5. С. 46–65. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.04>

Козырева П.М., Смирнов А.И. Особенности и тенденции профессиональной самоидентификации в постсоветской России // *Социологический журнал*. 2021. № 1. С. 28–51. <http://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.1.7843>.

Лунсет М. Политический человек: социальные основания политики. Москва : Мысль, 2016.

- Мелешкина Е.Ю. Концепция социально-политических размежеваний: проблема универсальности // Политическая наука. 2004. № 4. С. 11–29.
- Метаморфозы разделенных обществ / под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. Москва : МГИМО-Университет, 2020.
- Мчедлова М.М., Букин О.А. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 2. С. 445–454. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454>.
- Пантин В.И. Цивилизационные особенности развития России в контексте современных социальных трансформаций // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 4. С. 108–124. <http://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.754>.
- Семенов И.С. Разделенные общества // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семенов. Москва : Весь Мир. 2023. С. 27–35.
- Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 56–77. <http://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05>.
- Шлыкова Д.Н. К проблеме социально-политических размежеваний в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 4. С. 974–985. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-974-985>.
- Bartolini S. La formation des clivages // *Revue International de Politique Comparée*. 2005. Vol. 12, no. 1. P. 9–34.
- Deegan-Krause K. New Dimensions of Political Cleavage // *Oxford Handbook of Political Science* / ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. Oxford-New York : Oxford University Press, 2006. P. 538–556. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0028>
- Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction // *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives* / ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. New York : Free Press, 1967. P. 1–64.
- Marks G., Attewell D., Rovny J., Hooghe L. Cleavage theory // *The Palgrave handbook of EU crises* / ed. by M. Riddervold, J. Trondal, A. Newsom. Palgrave Macmillan, 2021. P. 173–193.
- Römmele A. Cleavage structure and party systems in East and Central Europe // *Cleavages, parties, and voters: Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland, and Romania*. Westport, CT, 1999. P. 3–17.
- Seiler D.-L. Clivages et familles politiques en Europe. Bruxelles : l'Université de Bruxelles, 2009.

References

- Bartolini, S. (2005). La formation des clivages. *Revue International de Politique Comparée*, 12(1), 9–34.
- Deegan-Krause, K. (2006). New dimensions of political cleavage. In R.J. Dalton, & H.-D. Klingemann, *Oxford Handbook of Political Science* (pp. 538–556). Oxford-New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0028>
- Kozyreva, P.M., & Smirnov, A.I. (2021). Professional self-identification specifics and trends in Post-Soviet Russia. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, 27(1), 28–51. (In Russian). <http://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.1.7843>.
- Lipset, S.M., & Rokkan, S. (1967). Cleavage structures, party systems and voter alignments: An introduction. In Lipset, S.M., & S. Rokkan. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives* (pp. 1–64). New York: Free Press.
- Marks, G., Attewell, D., Rovny, J., & Hooghe, L. (2021). Cleavage theory. In M. Riddervold, J. Trondal & A. Newsom (Eds.), *The Palgrave handbook of EU crises* (pp. 173–193). Palgrave Macmillan.

- Römmele, A. (1999). Cleavage structure and party systems in East and Central Europe. In *Cleavages, parties, and voters: Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland, and Romania* (pp. 3–17). Westport, CT.
- Seiler, D.-L. (2009). *Clivages et familles politiques en Europe*. Bruxelles: l'Université de Bruxelles.
- Shlykova, D.N. (2023). Problem of Socio-Political Cleavages in Modern Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 974–985. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-974-985>.
- Semenenko, I.S., Lapkin, V.V., & Pantin, V.I. (2021). Social cleavages and political divides in a theoretical perspective: Criteria for assessment and classification. *Polis. Political Studies*, 5, 56–77. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05>
- Meleshkina, E.Yu. (2004). The concept of socio-political divisions: The problem of universality. *Political Science (RU)*, (4), 11–29. (In Russian).
- Semenenko, I.S. (2023). Divided societies. In I.S. Semenenko (Ed.), *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field* (pp. 27–35). Moscow: Ves' Mir. (In Russian).
- Ilyin, M.V., & Ostapenko, G.I. (2024). Cleavages and identities in the changing landscape of world politics. *Polis. Political Studies*, 5, 46–65. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.04>
- Pantin, V.I. (2021). Civilizational features of the development of Russia in the context of modern social transformations. *Bulletin of Institute of Sociology*, 12(4), 108-124. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.754>

Сведения об авторе:

Шлыкova Дарья Николаевна — стажер-исследователь кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: shlykova-dn@rudn.ru) (ORCID: 0000-0001-8502-8261)

About the author:

Daria N. Shlykova — Research Intern of the Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: shlykova-dn@rudn.ru) (ORCID: 0000-0001-8502-8261)

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-853-859

EDN: IGLFXI

Рецензия / Review article

Идеологическая аргументация внешнеполитической идентичности Соединенных Штатов Америки

Л.А. Фадеева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, *Пермь*,
Российская Федерация

✉ lafadeeva2007@yandex.ru

Аннотация. Идеологическая аргументация внешнеполитической идентичности США может быть проанализирована с опорой на разработанный в отечественной науке категориальный аппарат. Эмпирический материал представлен опубликованными в 2024 г. работами российского и американского авторов, которые анализируют представления о роли, месте и статусе США в контексте политического дискурса об американской идентичности. По мнению автора, эти публикации дают аналитический и фактологический материал для разработки проблематики идентичности во внешнеполитическом контексте.

Ключевые слова: идентичность, идеология, политика, США, внешнеполитическая идентичность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Фадеева Л.А. Идеологическая аргументация внешнеполитической идентичности Соединенных Штатов Америки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. №4. С. 853–859. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-853-859>

Ideological Argumentation of the United States' Foreign Policy Identity

Liubov A. Fadeeva

Perm State National Research University, *Perm, Russian Federation*

✉ lafadeeva2007@yandex.ru

Abstract. Using the categorical apparatus created in Russian Political Science, the author describes the ideological argumentation of the US foreign policy identity. The works by American and Russian authors published in 2024 that examine concepts about the status, role, and place of the

© Фадеева Л.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

United States within the political debate on American identity provide the empirical data. The author claims that these publications offer analytical and factual support for the development of identity issues in the foreign policy context.

Keywords: identity, ideology, politics, USA, foreign policy identity

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Fadeeva, L.A. (2024). Ideological argumentation of the United States' foreign policy identity. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 853–859. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-853-859>

Введение

Идеологическая аргументация понимается в политической науке как конструирование совокупности идей и установок для самолегитимации режима, которая задана элитарными группами с опорой на позицию гражданского населения [Политология. Лексикон 2007: 251]. «Поскольку исследователи международных отношений по-прежнему считают государства главными субъектами мировой политики, — отмечает И.Л. Прохоренко, то идеи и представления... о месте, роли и статусе государства в мире... формируют его внешнеполитическую идентичность» [Прохоренко 2017: 455–456].

Для понимания идеологической аргументации внешнеполитической идентичности США автор представляет анализ двух исследований, на первый взгляд, имеющих не так уж много общего — монографию И.И. Куриллы «Американцы и все остальные. Истоки и смысл внешней политики США» [Курилла 2024] и книгу Генри Киссинджера «Лидерство» [Киссинджер 2024]. Хотя последняя обозначена как научно-популярное издание, она обладает категориальным и справочным аппаратом серьезной научной работы; а монография Куриллы обращена к массовому читателю, поэтому сочетает научную основательность и публицистичность изложения резюмирующих частей. Киссинджер из шести портретов политических лидеров для анализа выбирает лишь один американский — Ричарда Никсона, однако на 600 страницах его текста внешнеполитическая идентичность США в том, что относится к идеям и представлениям о месте, роли и статусе Соединенных Штатов в мире, представлена в полной мере.

Конкурирующие политические дискурсы американской идентичности: взгляд извне

Курилла выбирает стиль повествования, опирающийся на классические исследования, «что американская цивилизация сделала с американцами и для американцев» [Бурстин 1993] (но не копирует его), чтобы донести до современного российского читателя, «как американцы создали нацию», «сочинили внешнюю политику», «попытались пересоздать мир», «победили в холодной войне» и «потеряли покой» [Курилла 2024: 5–6]. Он замечает: «Представления внешнего

мира и самих американцев об Америке никогда не совпадали» [Курилла 2024: 10]. Это справедливо, но в целом характерно для всех стран и народов (не случайно в социальных науках широко используются понятия авто- и гетеростереотипов).

Автор повествует «о том, как на каждом этапе своей истории американцы выстраивали свою идентичность», ставит своей задачей анализ «роли внешней политики в поддержании внутреннего единства и во влиянии американского примера на остальной мир» [Курилла 2024: 12]. По мере повествования неоднократно возникает описание «кризиса идентичности» — от ценностного конфликта конца 1870-х гг. до современных «культурных войн». Курилла предлагает отказаться от стереотипных суждений о причинах американского экспансионизма, предлагая свои объяснения, как происходила «интеграция империализма в идеалы свободы» и поиск идеологических оснований новой внешнеполитической роли США [Курилла 2024: 131]. Он резюмирует: «Если в 1880-е — в середине 1890-х разговор об экспансии за пределы Американского континента был средством возвращения американской веры в собственное предназначение, то в конце века этот комплекс идей вылился в разрыв с традиционной внешней политикой» [Курилла 2024: 137].

Отказ от изоляционизма после Второй мировой войны он объясняет не столько экономической мощью США, сколько идеологическим соревнованием с СССР [Курилла 2024: 212]. Приводит доказательства того, что «ситуация холодной войны с ее бинарным противостоянием наилучшим образом совпала с мифологическим сознанием масс» [Курилла 2024: 236].

Важный элемент очередного кризиса идентичности середины 1970-х гг. охарактеризован в монографии через поиск возвращения американцам веры в себя на основании реальных достижений в стране в области гражданских прав, что позволило американцам заняться критикой других стран за несоблюдение прав человека [Курилла 2024: 260]. Формируемая Рональдом Рейганом «мобилизационная идентичность» «была построена на противопоставлении и противостоянии Советскому Союзу как «империи зла»: переосмысление роли США в мире строилось на том, что «они (американцы. — Л.Ф.) — на стороне света, и их миссия — борьба за правое дело» [Курилла 2024: 262]. Победу в холодной войне автор считает поворотным пунктом к реализму во внешней политике: раз американские ценности уже победили, следует руководствоваться интересами. «Новый экзистенциальный враг» был осознан после событий 11 сентября 2001 г.

Курилла противопоставляет друг другу консервативную и прогрессистскую (предпочитая использовать это определение вместо понятия «либеральная») Америки 2010-2020-х гг. и конкурирующие политические дискурсы относительно места и миссии США в мире — глобальное доминирование, политика вовлечения и др. При том внимании, которое уделено автором идентичности, досадным упущением выглядит его малая осведомленность о результатах работы российских ученых по исследованию идентичности, прежде всего отраженной в двух энциклопедических изданиях «Идентичность. Личность. Общество. Политика». [Идентичность... 2017; Идентичность... 2023]. Трудно согласиться и с тезисом о слабом использовании социального конструктивизма в теории международных

отношений в том, что касается исследования идентичности. Концепция государственной идентичности стала постоянным элементом конструктивистского дискурса в ТМО. Конструктивисты выдвинули аргумент в пользу того, что государства соблюдают нормы не только из-за их собственных интересов, но и путем интернализации их в своей идентичности [Идентичность 2017].

Применительно к обозначенной в этой статье теме вызывает вопросы характеристика цикличности внешнеполитического курса США как чередование вариантов, основанных на ценностях (идеологически аргументированных) или опирающихся на интересы. После чтения работы Киссинджера трудно согласиться с утверждением Куриллы, что подход Киссинджера можно выразить принципом: «...не идеалы, а интересы *raison d'Etat*, должны управлять государственными решениями». О Киссинджере в плане оценок идеологической аргументации внешнеполитической идентичности США особый разговор. В целом использование определения «реидеологизация» применительно к Рейгану и Трампу может быть обосновано во внутривнутриполитическом контексте, и среди множества достоинств монографии Куриллы — представление дифференцированности подходов американских политических и интеллектуальных элит применительно к выработке внешнеполитического курса и оценке внешнеполитической идентичности США. Однако можно ли утверждать, будто в истории Соединенных Штатов были периоды, когда идеологическая аргументация их внешнеполитической идентичности отсутствовала. Блистательное название книги «Американцы и все остальные» делает этот вопрос риторическим. Вероятно, во внешнеполитическом контексте вместо реидеологизации логичнее было бы использовать применительно к идентичности понятие и теорию секуляризации, когда политический актор заявляет о наличии угрозы со стороны Другого, требует применить меры для ее устранения, вплоть до чрезвычайных, лежащих за пределами установленных, процедур [Buzan, Waever 1998].

Идеологическая и политическая аргументация американской идентичности: взгляд изнутри

Генри Киссинджер в предисловии к своей последней книге «Лидерство», опубликованной в США в канун его столетия, говорит о стратегическом лидерстве, отличающемся способностью лидера определить национальную идею и новые горизонты. Шесть политических лидеров, о которых он пишет, опираясь на обширную научную и мемуарную литературу (в списке 900 работ и на все есть ссылки и сноски) и на свой опыт общения с ними, на его взгляд, относятся именно к такому типу. Всем им пришлось сражаться за свои идеи и убеждения, которые близки Киссинджеру, прежде всего, в оценке США.

Разумеется, основное внимание он уделяет тому, какие задачи ставили лидеры и как они их реализовывали с учетом национальной специфики и международной ситуации. Но в каждом случае роль США подчеркивается особо.

О политике Аденауэра: «...стратегия Аденауэра основывалась на политике сдерживания, разработанной Джорджем Кеннаном и реализованной

госсекретарями США Динотом Ачесоном и Джоном Фостером Даллесом» [Киссинджер 2024: 69]; «...достижение целей оказалось возможным благодаря сочетанию стратегии Аденауэра и тактики Кеннеди» [Киссинджер 2024: 78].

В отношении де Голля: «Де Голль был готов к сотрудничеству по всем вопросам, в которых, на его взгляд, интересы французов и американцев совпадали; де Голль смог сохранить автономию в области ядерной стратегии и близкое сотрудничество с США» [Киссинджер 2024: 168].

О Тэтчер: «Она верила, что лидерство США — это залог благополучия Британии и всего мира. Все, что ослабляет Соединенные Штаты, ослабляет мир» [Киссинджер 2024: 457].

В характеристике Анвара Садата как политика: «...приоритет в своей стратегии он отдавал национальному суверенитету и корректировке курса согласно позиции США, а не панарабскому национализму» [Киссинджер 2024: 286].

О роли Ли Куан Ю: «Ли сделался, насколько это позволяли обстоятельства, участником американского процесса принятия решений по вопросам, представляющим интерес для Юго-Восточной Азии» [Киссинджер 2024: 413]; «Ли строил геополитическое будущее своей страны на базе надежного партнерства с США» [Киссинджер 2024: 426].

Однако Киссинджер обращает внимание и на идеологическую аргументацию политики своих героев, которая обосновывала их отношение к США. Стержни убеждения Аденауэра Киссинджер описывает как сдерживание советской мощи, важность нравственности, веры и приверженности демократическим принципам для судеб Германии и Европы [Киссинджер 2024: 77]; «Аденауэр ставил себе задачу восстановления демократических ценностей на основе христианской морали» [Киссинджер 2024: 71]. Принципы де Голля Киссинджер объясняет тем, что, «не желая смириться с характером времени, в которое он жил, де Голль искал единодушия, провозглашая нравственную и политическую важность утерянного национального величия» [Киссинджер 2024: 176]. Ли Куан Ю, по его мнению, видел в американском обществе «определенное величие духа, вызванное смесью страха перед коммунизмом и американского идеализма» [Киссинджер 2024: 412].

Идеалы Тэтчер, на его взгляд, перекликались с идеалами величайших лидеров-консерваторов со времен Дизраэли [Киссинджер 2024: 529], вот почему она так боролась за сохранение национального духа и что придавало ей силы: «Она оказала большое влияние на исход холодной войны, связав воедино противоречивые истины реалистов и идеалистов» [Киссинджер 2024: 490]. «Тэтчер вела себя так, как будто Великобритания была ровней Соединенным Штатам. И чаще всего администрация Рейгана охотно поддерживала эту веру», — замечает он [Киссинджер 2024: 530].

Понятно, что больше всего внимания уделено автором Ричарду Никсону, который пригласил гарвардского профессора в качестве советника по национальной безопасности, а затем и госсекретаря, несмотря на возражения Эйзенхауэра, что нечего университетской профессуре делать у власти. Возражение было связано с тем, что в университетах США доминировали либеральные взгляды.

Киссинджер говорит об этом, описывая первый визит Ли Куан Ю в США в ноябре 1968 г. Выслушав мнения гарвардцев, что они думают о войне во Вьетнаме и как характеризуют Линдона Джонсона — от военного преступника до психопата, Ли заявил: «Меня от вас тошнит». Он объяснил, что выживание Сингапура зависит от уверенности Америки в своей миссии гаранта глобальной безопасности [Киссинджер 2024: 382].

Очерк о Никсоне Киссинджер начинает с оценки ситуации: «Американская история богата на бурные внутренние конфликты, однако положение, с которым столкнулся Никсон, имело одну особенность: зарождающаяся национальная элита (интеллектуальная, университетская. — *Л.Ф.*) пришла к убеждению, что поражение в войне не только стратегически неизбежно, но и желательно в моральном плане. Такое убеждение подразумевало слом векового консенсуса, считавшего национальные интересы законной и даже нравственной целью» [Киссинджер 2024: 186].

Киссинджер напоминает, что написал три тома воспоминаний, и говорит о намерении в этой книге показать образ мысли и характера лидера. Мировоззрение Никсона описывает как непоколебимую убежденность в правильности американского образа жизни, веру в особую миссию Америки по защите свободы во всем мире. Киссинджер характеризует и свои собственные ценности, убеждения в каждом описываемом в книге случае. В частности, он неоднократно говорил немецкому канцлеру: «Если я имею верное представление об американском менталитете, свобода Берлина и всей Европы неотделима от нашей свободы» [Киссинджер 2024: 69]. Рассматривая политику де Голля, утверждает: «Новые американские инициативы (план Маршалла и создание НАТО. — *Л.Ф.*) по-прежнему основывались на представлениях о природе международных отношений, которые были столь же уникальны и неординарны, как вся история Америки (сотрудничество, мир, справедливое разделение труда)» [Киссинджер 2024: 159].

В заключении он характеризует современное состояние международных отношений на основе конкурирующих идентичностей. Так, США «исходят из того, что их ценности универсальны, в конце концов будут приняты всеми на свете» [Киссинджер 2024: 553]. Но у «всех на свете» есть собственные идентичности, которые они готовы защищать: «Ни одно общество не сможет сохранить величие, если оно теряет веру в себя или систематически ставит под сомнение представление о себе» [Киссинджер 2024: 559]. Он выражает сожаление, что сейчас «нарастает потенциал губительной конфронтации, почти в каждом регионе мира США сталкиваются с серьезными взаимосвязанными вызовами своей стратегии и ценностям» [Киссинджер 2024: 280–281].

Он напоминает слова Анвара Садата, сказанные им по поводу получения Нобелевской премии мира: «Мир — это динамичная конструкция, она выходит за рамки слов «у нас» и «у них». Вот почему нужны политики, обладающие видением и воображением, которые, не ограничиваясь настоящим, смотрят в будущее» [Киссинджер 2024: 365]. Характеризуя современную ситуацию на Ближнем Востоке, Киссинджер сожалеет о несбывшихся надеждах: «Представления Садата о международном порядке суверенных государств,

основанном на национальных интересах и выраженном в нравственных категориях, могло бы стать оплотом против бедствий» [Киссинджер 2024: 374]. Завершающие строки его книги: «Без морального и стратегического компаса нынешняя эпоха будет пущена под откос» [Киссинджер 2024: 557].

Заключение

«Внешняя политика страны является частью борьбы за ее самоидентификацию, ее утверждение и подтверждение» — таково резюме исследования И. Куриллы [Курилла 2024: 304] и вместе с тем формулировка побуждения к новым исследованиям. Важный вывод сделан автором и в отношении политического дискурса, который он оценивает как самостоятельный фактор, создающий картину мира. Работа Киссинджера, как и вся его деятельность, — это идеологическое, ценностное и политическое обоснование внешнеполитической идентичности США.

Поступила в редакцию / Received: 14.09.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 22.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2024

Библиографический список

- Бурстин Д.* Американцы: национальный опыт. Москва : Прогресс, 1993.
- Идентичность. Личность. Общество. Политика. Новые контуры исследовательского поля : монография / отв. ред. член-корр. РАН И.С. Семенов. Москва : Весь мир, 2023.
- Идентичность. Личность. Общество. Политика : энциклопедическое издание / отв. ред. член-корр. РАН И.С. Семенов. Москва : Изд-во Весь мир, 2017.
- Киссинджер Г.* Лидерство. Москва : Издательство АСТ, 2024.
- Курилла И.И.* Американцы и все остальные. Истоки и смысл внешней политики США. Москва : Альпина Паблишер, 2024.
- Политология. Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. Москва : РОССПЭН, 2007.
- Прохоренко И.Л.* Внешнеполитическая идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика : энциклопедическое издание / отв. ред. член-корреспондент РАН И.С. Семенов. Москва : Изд-во Весь мир, 2017.
- Токвиль А. де.* Демократия в Америке. Москва : Весь Мир, 2000.
- Buzan B., Waever O., de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. London : Boulder : Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policies / ed. by Ted Hopf. London : Cornell University Press, 2002.

Сведения об авторе:

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук историко-политологического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет (e-mail: lafadееva2007@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-3389-750X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-860-870

EDN: EMRKDP

Рецензия / Review article

**Преодолевая традиционный комплекс неполноценности
русской интеллигенции: рецензия на учебник:
Русская политическая мысль: о государстве, о стране,
о народе / под ред. Г.Т. Сардаряна, Т.А. Алексеевой.
Москва : Аспект пресс, 2024. 807 с.**

М.Д. Бухарин

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

✉ michabucha@gmail.com

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бухарин М.Д. Преодолевая традиционный комплекс неполноценности русской интеллигенции: рецензия на учебник: Русская политическая мысль: о государстве, о стране, о народе / под ред. Г.Т. Сардаряна, Т.А. Алексеевой. Москва : Аспект пресс, 2024. 807 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 860–870. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-860-870>

**Overcoming the Traditional Inferiority Complex
of Russian Intelligence: Review of the Handbook:
Sardaryan, G.T., & Alekseeva, T.A. (Eds.). (2024).
Russian Political Thought: About the State, About the Country,
About the People. Moscow: Aspect Press, 807 p.**

Mikhail D. Bukharin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ michabucha@gmail.com

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Bukharin, M.D. (2024). Overcoming the Traditional Inferiority Complex of Russian Intelligence: Review of the handbook: Sardaryan, G.T., & Alekseeva, T.A. (Eds.). (2024). Russian Political Thought: About the State, About the Country, About the People. Moscow: Aspect Press, 807 p. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 860–870. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-860-870>

© Бухарин М.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Авторы учебника «Русская политическая мысль: о государстве, о стране, о народе...», подготовленного под редакцией Т.А. Алексеевой и Г.Т. Сардаряна [Русская политическая мысль 2024], создали труд, уникальный не только в отечественной, но и в мировой политической науке. До настоящего времени ни в нашей стране, ни за рубежом не было подобной целостной работы по истории отечественной политической мысли. Существовали написанные в эмиграции фундаментальные работы отца В.В. Зеньковского (1881–1962) и Н.О. Лосского (1870–1965) [Зеньковский 1991; Лосский 2007], но они относятся хронологически к середине прошлого века, а концептуально — к истории философии, а не политической мысли. В советское время русская политическая мысль подавалась сквозь призму марксистско-ленинской идеологии: приоритет отдавался революционным демократам начиная от А.Н. Радищева (1749–1802). После распада СССР акцент в изучении русской политической мысли сместился на религиозную философию «Серебряного века» [Новая философская энциклопедия 2010], при этом история отечественной политической философии освещалась по-прежнему фрагментарно. Теперь читателям предложена целостная и последовательно представленная история русской политической мысли.

Хронологический подход, положенный в основу книги, абсолютно верен. В большинстве дореволюционных работ историю русской философии (включая политические идеи) было принято начинать примерно с середины XVIII в. — периода после «Петровской революции». В советской науке история русской мысли начиналась еще позднее — с рубежа XVIII–XIX вв., когда возникло так называемое «освободительное» (т.е. революционное) движение. Однако авторы «Русской политической мысли...» доказывают, что оригинальная политическая философия зародилась еще в Древнерусском государстве и до начала XVIII в. прошла долгий и очень интересный путь развития, переживая периоды взлета, расцвета и упадка. Подобное «удревнение» на шесть веков истории русской политической мысли позволяет переосмыслить многие моменты. В таком ракурсе, например, появление русской религиозной философии в конце XIX в. было не радикальным поворотом, а скорее, восстановлением русских традиций: кратковременный светский период развития русской мысли уместился всего в полтора столетия.

Не менее интересна и верхняя граница повествования. Авторы книги не завершают работу ни 1917 г., ни современностью, как это принято в большинстве монографий по истории русской общественной мысли. Здесь история русской политической философии заканчивается серединой XX в. — примерно концом Второй мировой войны или даже первым послевоенным десятилетием, если взять русское зарубежье. На первый взгляд такой выбор финала кажется не совсем логичным. Однако при некотором размышлении начинаешь понимать его оправданность: в середине XX в. закончилась именно история русской политической мысли. Поколение, жившее в те годы, уже отошло в вечность, заняв свои места рядом с Татищевым, Карамзиным, Достоевским и Кропоткиным. Поколение второй половины XX в. еще живо и оценить, кто из наших современников достоин занять свое место в пантеоне отечественных мыслителей, пока

трудно. Здесь в самом деле проходит граница между историей и современными процессами, и оценку истории русской мысли после примерно 1960 г. авторы оставляют будущему. Вместе с тем современный период отчасти отражен в общих главах, посвященных проблемам интеллигенции и национальной безопасности.

Методологически книга разрывает с марксистской традицией, рассматривавшей политическую философию как фундамент для идеологии, которая в свою очередь, выступает производной от классовых интересов. Для авторов в фокусе внимания выступает Россия как национальное государство, в котором существовало несколько разных трактовок его интересов как целостной и внутренне консенсусной общности. «Речь идет о политической мысли как поиске вариантов стратегии, ибо без нее не может быть ни политики, ни истории», — указывают редакторы в предисловии [Русская политическая мысль 2024: 9]. Сначала спор об интересах Русского государства шел в религиозном формате. Примерно с середины XVIII в. он стал приобретать светскую основу, в следующем XIX в. разделился на привычные нам консервативную, либеральную, левую мысль. Но все это происходило в едином культурно-цивилизационном поле, которое адаптировало иностранные заимствования и отбрасывало их «неусвояемый» для русской культуры пласт.

И вместе с тем предлагаемая работа — не научная монография, а учебник. Она адресована прежде всего студентам и преподавателям, и только потом — специалистам историкам и философам. Задача этого учебного курса — дать представления об истории развития русской политической мысли, как она развивалась от одного памятника к другому. Авторы стремятся изложить материал в доступной для студентов форме, создать специальную «лоцию» текста, отделив разделы «справочно» (минимум знаний) от остального текста. В конце каждого раздела приведена литература (прежде всего новейшая) о персоналии или тематическом блоке. По данному учебнику легко выстроить учебный курс, разделив информацию на лекции и семинарские занятия по обеим полугодиям. Книга также снабжена иллюстрациями: по древнерусскому периоду миниатюрами или более поздними классическими картинами, начиная с XVII в. портретами, позволяющими лучше усвоить образы изучаемых мыслителей.

Между монографией и учебником существует принципиальное различие. Монография предназначена для коллег-ученых и ориентирована в первую очередь на научную аудиторию, если только это не научно-популярное издание типа книг серии «Жизнь замечательных людей». Учебник ориентирован прежде всего на студента и учебный курс. Вот почему так важно изложить материал доступным языком и показать логику эволюции материала. Так поступили и авторы «Русской политической мысли...». Они не стали уходить в длительные терминологические и методологические дискуссии, а показали, как развивалась русская политическая философия. «Кирпичиками» текста здесь выступают сначала произведения, а затем персоналии, которые складываются в общие типологические ряды — определенные этапы эволюции русской политической мысли. Перед нами очень хорошая основа лекционной структуры будущих курсов.

За минувшие тридцать лет в нашей стране вышло немало литературы о природе и характере Русской цивилизации. Их авторы исследовали культурно-историческое поле, лежащее в основе русской идентичности. Однако им всем не хватало исторической основы – истории русской общественно-политической мысли, на которую можно было бы опереться. Работа коллектива авторов под редакцией Т.А. Алексеевой и Г.Т. Сардаряна заполняет эту лауну и позволяет нам лучше понять это поле. Таким образом авторы обосновывают новую и во многом оригинальную схему развития русской политической мысли.

На первом этапе (примерно с XI до конца XVI в.) русская политическая мысль была построена на религиозном фундаменте. Зародившись под византийским влиянием, она осмысляла мир через сложные библейские символы. Как отмечают авторы, русские летописцы писали историю не какой она была, а какой она должна была предстать на Страшном Суде. В XIII в. под влиянием монгольского вторжения древнерусская мысль становится эсхатологичной: ее основу составляли ожидания скорого конца Света. Само монгольское нашествие осмыслялось в Русских землях в библейских категориях похода израильтян, предвещающего последние времена. «Русские книжники искали в событиях первой половины XIII в. знамения, предвещающие «конец времен». Татар воспринимали как полумифический библейский народ, приход которого будет означать приближение последних времен и Страшного суда — смысла жизни христиан» [Русская политическая мысль 2024: 83]. Например, сожжение силами Бату Успенского собора во Владимире в феврале 1238 г. было осмыслено как сожжение Антиохом IV Иерусалимского храма во II в. до н.э. [Русская политическая мысль 2024: 88].

Авторы не забывают о том, что многие памятники древнерусской литературы во многом сконструированы в XIX в. Почти в каждом разделе о древнерусской мысли приведена интересная дискуссия о подлинности памятника и времени его датировки. За этим, полагаю, стоит более серьезная проблема: русские источники имеют слоистую структуру. Они чаще всего осмыляют древнерусское прошлое с эсхатологических позиций XIV–XV вв. Насколько она соответствовала реальному мироощущению русских людей XI–XIII вв., сказать сложно, так как ранние русские летописи до нас не дошли. Книга доказывает нам, что на проблему подлинника и фальсификата можно посмотреть с другой стороны: все древнерусские тексты одновременно и подлинны, и неподлинны, поскольку они осмысливают прошлое с позиций Библии и более поздней эсхатологии [Русская политическая мысль 2024: 76–77].

К концу XIII в. в «Поучениях Серапиона Владимирского» эсхатология стала превращаться в религиозную концепцию символического наказания Руси: мотив, который мы видим и в повестях «Зарайского цикла». Но наказание можно искупить покаянием, о чем говорят нам произведения «Куликовской цикла»: с XV в. начинается возрождение Руси. Авторы соглашаются с известным литературоведом Г.М. Прохоровым, что сама «Повесть о Батыевом нашествии» была написана около 1377 г., т.е. накануне Куликовской битвы [Русская политическая мысль 2024: 86]. В ней великие Владимирские князья уже не просто жертвы вторжения, а борцы за христианскую веру, что и станет основой для спасения.

Авторы подчеркивают, что сама Куликовская битва рисовалась как своеобразный Армагеддон: битва христиан против нехристиан – вплоть до того, что страдания русских воинов напрямую по часам отражались со страданиями Христа [Русская политическая мысль 2024: 126–127]. Это закладывало новую парадигму русской мысли: возрождение после страданий и покаяния. Последнее резко отличало ее от средневековой западноевропейской мысли времен Крестовых походов: европейский рыцарь или монах мог разговаривать с неверными только с позиции силы или возмездия, в то время как русский книжник не стеснялся показать слабость и страдания Русской земли, видя в них христианский подвиг.

В XVI в. эсхатологические мотивы приобретают новое звучание. Процесс возникновения Русского государства происходил на фоне падения Византии, отказа Русской церкви признать Ферраро-Флорентийскую унию с Римско-католической церковью и брак Ивана III с византийской царевной Софьей Палеолог. Все это способствовало не только утверждению в русском обществе взгляда на Русское государство как наследницу и прямое продолжение Византии. Но одновременно в начале XVI в. оформляется образ Русского царства как последнего православного царства в мире, которое должно погибнуть от рук неверных [Русская политическая мысль 2024: 164]. Русское государство как бы получает долг перед остальным миром: отсрочивать наступление последних времен.

Здесь нельзя не обратить внимание на интересный (и, пожалуй, один из самых ярких в книге) раздел о русской мысли периода царствования Ивана IV Грозного (1533–1584). Авторы рисуют его не как царство террора и деспотизма, а, скорее, как «темное время», от которого сохранилось немного первоисточников [Русская политическая мысль 2024: 172]. Взгляд авторов расходится и с либеральной, и с консервативно-государственнической трактовкой времени Ивана IV. Мы читаем, что в период коронации Ивана IV 1547 г. в русском обществе были сильны надежды на приход подлинного «царства», «Нового Иерусалима». Однако в 1560-х гг. что-то пошло не так: внезапно прерывается работа над «Степенной книгой» и «Лицевым летописным сводом» (то есть концепцией русской истории в ее связи с Библией), меняется роспись Архангельского собора – усыпальницы Великих князей Московских, загадочно переписывается «Житие Евфросиньи Суздальской» и возникает не менее темная «Беседа Валаамских чудотворцев», о датировке и смысле которой историки спорят до сих пор, создается «Казанская история», расходящаяся с современными представлениями об истории Казанского ханства. К этому времени относится и «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским», в подлинности которой не без оснований сомневаются современные историки [Русская политическая мысль 2024: 189], но в которой зачем-то излагается вся концепция царствования Ивана Грозного [Русская политическая мысль 2024: 187], запечатленная во множестве романов, повестей, картин и кинолент. Концепция «Москва – Третий Рим» или «Новый Иерусалим» не состоялась, а Русское царство не справилось для современников со своей ролью. Возможно, именно в этом разочаровании и стоит поискать истоки масштабного кризиса конца XVI в., который и привел к Смуте.

Второй этап истории русской политической мысли авторы относят к периоду XVI—XVIII вв. Это само по себе заслуживает внимания, ибо обычно исследователи жестко противопоставляют якобы традиционный XVII в. европеизированному петровскому XVIII в. Но авторы убедительно демонстрируют нам, что «в действительности все было не так, как на самом деле». Семнадцатый век – это век церковного раскола, отбросившего предшествующую русскую культуру как неправильную, еретическую и подлежащую исправлению. Но и раскольники во главе с протопопом Аввакумом звали к простой «русской вере», а не к сложным библейско-эсхатологическим построениям XVI в. Пётр I (1682–1725) не разрушал традиционную русскую культуру: она погибла в период церковного раскола или, как утверждали сами старообрядцы, «ушла под воду как Град Китеж». Скорее, имперский выбор, который предложил России Пётр I, позволил ей выйти из тяжелого религиозного кризиса XVII в.

Книга доказывает, что Пётр I вовсе не прорубал «окно в Европу»: оно было прорублено задолго до него, только в другую Европу. При дворе первых Романовых укреплялась партия, смотрящая на Запад католический – Речь Посполитую, итальянские государства, меньше Францию. Политика патриарха Никона опиралась на Киевскую митрополию, балансировавшую рядом с Греко-католической (униатской) церковью [Русская политическая мысль 2024: 231–233]. При русском дворе колоссальную роль играл воспитанник иезуитов Симеон Полоцкий (1629–1680), затем его ученики-филокатолики Карион Истомина (ок. 1640-х — 1722) и Сильвестр Медведев (1641–1691). (Последний, правда, незаслуженно забыт авторами учебника, что странно, учитывая, какому детальному и интересному разбору подвергнуто творчество Кариона Истомина.) Основой концепции русской истории, связывающей Москву и Киев, стал киевский «Синописис», написанный около 1674 г. предположительно Иннокентием Гизелем на основе источников Речи Посполитой [Русская политическая мысль 2024: 260]. В 1687 г. в Москве открылась Славяно-греко-латинская академия, взявшая за основу программу католического Падуанского университета [Русская политическая мысль 2024: 252]. Во внешней политике Русское государство в 1686 г. заключило «вечный мир» с Речью Посполитой, перенеся усилия на борьбу с Османской империей. Альтернативой петровским реформам были не народные традиции, не Русское царство времен Ивана IV, а модернизация по католическому (точнее, униатскому) образцу.

Пётр I просто развернул Русское государство к протестантской Европе. Эталонами модернизации стали Голландия и Швеция, а сама Русская церковь перестроилась по лютеранскому образцу. Последствием Петровских преобразований стала не «европеизация», а стремительная германизация Российской империи – от появления большого немецкого населения до перевода государственных должностей на немецкий стандарт. Но лютеранство постулировало подчиненность церкви государству: лозунг «чья власть – того и вера» стал основой Германии. («Священник не „Младший Бог“, а лишь чиновник

и консультант» — основа лютеранства.) Под лютеранским влиянием русская политическая мысль отходит от церковной. Толчком к этому становится полузабытый, но хорошо изученный авторами «Феатрон исторический» («Лютеранский хронограф»), привносящий в Россию протестантский взгляд на всемирную и русскую историю [Русская политическая мысль 2024: 284–289]. Этатизм как безоговорочный культ военных побед и территориальной экспансии, восходящий к петровской эпохе, принимает в XVIII в. форму государственной идеологии, достигая максимума при Екатерине II (1762–1796).

Здесь бросается в глаза важный момент: между XVIII и XIX вв. в русской мысли лежит идейная пропасть. В XVIII в. русская власть и большая часть русского общества видели Россию как грандиозный эксперимент, страну с неправильной историей и культурой, которую Пётр I начал преобразовать в «правильную» империю. Отсюда следовала и максима того времени: «Настоящая Россия началась с Петра». Французские просветители и вовсе рекомендовали Екатерине II окончательно заменить якобы «неправильную» старую русскую культуру правильной просветительской – не французской, не английской, не немецкой, а именно абстрактной «цивилизованной» культурой, построенной по античным образцам. Период Екатерины II, Павла I и Александра I – это период имперский идеологии, когда Петербург становится «русской Античностью». Впервые в истории русские победы изображаются в образах античных колонн, росписей олимпийских богов, сама Россия в образе торжествующей Афины, петербургские особняки строятся в псевдо-римском стиле ампир, а вельмож хоронят не с православными крестами, а с древнеримскими надгробиями. Румянцева сравнивают с Помпеем, Суворова с Цезарем, а Отечественную войну 1812 г. — с победой римлян (читай русских) над великим Ганнибалом (Наполеоном). Но этот «русский ампир» не пережил Александра I и стал экзотикой уже для Николаевской России середины XIX в.

В этой связи я не могу до конца согласиться с трактовкой авторами политической философии Н.М. Карамзина (1766–1826). В учебнике он представлен как чуть ли не певец и теоретик самодержавия [Русская политическая мысль 2024: 324–326]. Но именно Карамзин убил это мировоззрение XVIII в., рассматривавшее Россию как страну-эксперимент. Карамзинская «История государства Российского» открыла тысячелетнюю русскую историю, в которой петровская эпоха была лишь одним из эпизодов. В «Бедной Лизе» Карамзин впервые обратится к «народной правде» – пусть пока под наивным лозунгом, что крестьянки чище, добрее и нравственнее дворян. В «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» 1811 г. автор «Бедной Лизы» критикует петровские преобразования и предлагает государю ценить больше мудрость «хранительную», то есть отказаться от просветительского взгляда на Россию. Карамзин – теоретик самодержавия, но не «Петровской империи». (Подобную идеологему можно увидеть и в пушкинском «Медном всаднике»: воспевая во вступлении имперский Санкт-Петербург в духе Ломоносова, поэт дальше показывает, как столицу империи рушит буря). Наоборот, после Карамзина мировоззрение петровской империи становится уже невозможным.

Третий этап авторы датируют XIX в. Именно в это время формируются идеологии консерватизма, либерализма, а во второй половине века и «Левая идея» в ее различных вариантах – от социалистов и народников до анархистов. Однако все эти идеологии были недружественными Российской империи в ее Петровском формате. Авторы не случайно использовали термин «метафоры Руссо» в России [Русская политическая мысль 2024: 335]. Все эти идеологии были антиимперскими. Для консерваторов и славянофилов империя была «слишком немецкой», для либералов — слишком «неконституционной», для левых – социально несправедливой. Защитников имперской парадигмы развития, как отмечал русский философ Г.П. Федотов, уже к середине XIX в. практически не осталось. Авторы верно отмечают, что поворот начался в царствование Николая I (1825–1855), когда министр просвещения С.С. Уваров создал в 1830-х гг. так называемую «теорию официальной народности» как триединую формулу «Православие — самодержавие — народность» [Русская политическая мысль 2024: 364–365]. (Кстати, оба они — и Николай I, и С.С. Уваров находились под сильным влиянием Н.М. Карамзина.) Но эта формула уже не предполагала четвертого элемента — культа империи. Примечательно, что в 1833 г. был сделан выбор в пользу нового гимна «Молитва русского народа» («Боже, царя храни!») вместо полуофициального екатерининского «Гром победы, раздавайся!» Сама власть катализировала процесс, который привел к разрушению имперской идентичности.

Интересный момент — на с. 414 учебника приведен портрет немецкого историка Якоба Филиппа Фальмерайера (1790–1861). На первый взгляд странно, что немецкий историк удостоился места в истории русской политической мысли. Но, как демонстрируют авторы, Фальмерайер занял его вполне заслуженно. Именно он доказывал, что Российская империя была, по сути, империей германской, импортированной на Восток во внегерманские земли. Неимперская Россия должна будет отказаться от «петровского наследия»: вернуться к византийским образцам и стать врагом германской Европы. Друг Фальмерайера — дипломат, поэт и мыслитель Ф.И. Тютчев (1803–1873) — на исходе жизни полностью согласился со своим немецким единомышленником: имперская, германизированная Россия со столицей в Санкт-Петербурге не сможет стать объединителем славян. Для этого России следует вернуться к византийским образцам, вернуть столицу в Москву или даже в Киев (о чем размышлял на исходе жизни сам Тютчев) и снизить роль германизированной элиты [Русская политическая мысль 2024: 428].

Славянофил И.С. Аксаков, вторя Фальмерайеру, писал: «Для них существует Россия – только как Российская империя, а не как Русь, не как Русская Земля, под защитой которой могут находиться области, населенные и другими народностями. Идеал, который немцы проповедуют для России — это воплощение отвлеченной идеи государства, *вне народности*, такая Россия, в которой бы ничего Русского, выдающегося вперед, не было («никакого *Betonen* Русской национальности»)!» совершенное подобие Австрийскому гевамт-фатерланду, где, как мечтал Австрийский министр Бах, по механизму, заведенному Венским правительством,

должна была бы жить и двигаться только одна-единая – *Kaiserlich-königliche Nationalität* – императорско-королевская национальность¹.

Однако и русские либералы, как показано авторами в главе 10, не так далеко ушли от Аксакова, проповедуя «православие и народность», но без самодержавия. Левые XIX в. опять-таки проповедовали «культ народа» и «неправду империи», то есть антиимперский путь развития. Социалист А.И. Герцен и анархист М.А. Бакунин писали статьи, почти в точности повторявшие антиимперские мысли Аксакова. Пожалуй, только Ф.М. Достоевский пытался найти спасительный для империи синтез православия, народности и империи, но его попытка, надо признать, закончилась неудачей. Зато вряд ли случайно, что, как показали авторы, в Германии Достоевский нашел свою «вторую родину»: понять немецкую политическую мысль XX в. без его философии невозможно [Русская политическая мысль 2024: 404].

Не была дружественной империи и русская религиозная философия. В книге посвящено немало места ее основателю — В.С. Соловьеву, который одновременно был филокатоликом. Но Соловьев, верно отнесенный авторами к консерваторам, не был имперцем: он выступал за религиозную миссию России, отвергая ее миссию имперскую. От Соловьева начинается уже противопоставление религии империи, откуда уже прямой путь лежит к православному возрождению начала XX в. с его культом допетровской России. Призыв Соловьева к России стать «востоком Христа, а не Ксеркса» означал отказ от имперского наследия Санкт-Петербурга и возвращение к религиозным скитам и монастырям допетровского Русского царства (кстати, сквозная тема финального романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»). Здесь интересен и парадокс В.С. Соловьева, нередко незаслуженно забытый в наши дни: славянофилы самые нерусские авторы, так как представляют собой импортированный в Россию пангерманизм [Русская политическая мысль 2024: 453].

Соловьев балансировал рядом с католичеством, и вопрос о том, стал ли он католиком, остается открытым. Его последователи (от Д.С. Мережковского и Н.А. Бердяева до отца Павла Флоренского) искали вселенский смысл в русском православии, а не в католичестве, но не находили его. Их православие все сильнее возвращалось к допетровской и близкой к старообрядчеству традиции, отвергая имперскую идентичность. Пушкинская фраза «Люблю тебя, Петра творенье, // Люблю твой строгий, стройный вид» была им уже непонятна: они любили допетровские фрески кремлевских соборов, уносящие в иной мир одновременно скорбной и радостной Руси. (Это хорошо показано на картинах художника М.В. Нестерова, часть которых авторы справедливо выбрали в качестве иллюстраций.) Задолго до революции 1917 г. идейный фундамент Российской империи (в ее петровском качестве) оказался исчерпанным: вопрос заключался в том, что придет ему на смену.

¹ Аксаков И.С. Как понимает остзейский немец идеал России? URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Как_понимает_Остзейский_Немец_идеал_России_\(Аксаков\)/ДО](https://ru.wikisource.org/wiki/Как_понимает_Остзейский_Немец_идеал_России_(Аксаков)/ДО) (дата обращения: 20.10.2024).

Эта проблема исследуется в четвертой части работы, которая посвящена первой половине XX в. — «Русская политическая мысль периода революций и реформ». Авторы сначала рассматривают идейно-политическое наследие русских государственных деятелей начала века (прежде всего С.Ю. Витте и П.А. Столыпина), фиксируя их неспособность спасти империю. Далее следуют главы об идейной борьбе внутри большевизма, завершившиеся победой сталинского проекта как новой формы русской государственности. Идейная борьба смещается в Русское зарубежье, где зародилось евразийство — как проект преобразования Русского государства на новых началах. Евразийский проект окажется востребованным в России уже XXI в., что делает книгу актуальной в наши дни.

В этой части затронута и тема несостоятельности русского либерализма. Авторы доказывают, что либеральная альтернатива самодержавию в начале XX в. не имела никаких шансов на победу. Д.С. Мережковский практически ушел в эмиграции к фашизму, Н.А. Бердяев — в религиозные проблемы, мыслители типа Г.Ф. Шершеневича не выдвинули никаких ярких идей кроме повторения идеала «правового государства» [Русская политическая мысль 2024: 548–549]. Зато либералы совершенно игнорировали подъем мысли на национальных окраинах Российской империи, подробно изученный в работе. Национализм на Кавказе, Украине, в еврейской среде бросал вызов империи, и либералы не могли найти на него ответ. (Только Г.П. Федотов спохватился в эмиграции, написав в 1947 г. программную статью «Судьба империи», когда было уже поздно.) Все это звучит очень современно и дает нам ключи к пониманию трагедии русского либерализма конца XX в., также не сумевшего предложить СССР и России ничего, кроме повторения американских книг пресловутого Р. Пайпса.

Завершают книгу две главы, построенные по проблемному, а не персональному критерию — о русской интеллигенции и проблемах национальной безопасности. Авторы размышляют об этих по-настоящему вечных для России проблемах, показывая, что они остаются актуальными и в наши дни. Книга как бы размыкается в современность, хотя связывающий мост от середины XX в. до наших дней еще, думаю, предстоит возвести.

Все это делает работу «Русская политическая мысль» актуальной для нашей науки. Хочется надеяться, что она вызовет широкий круг дискуссий, породив интерес к русской политической философии. Но главное — она преодолевает традиционный комплекс неполноценности русской интеллигенции, что наша политическая мысль была вторичной. У России, как мы теперь видим, была своя оригинальная и очень богатая политическая философия. В этом отношении книга и как учебник, и как монография на долгие годы останется, полагаю, безальтернативной.

Поступила в редакцию / Received: 12.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 22.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2024

Библиографический список

- Зеньковский В.В. История русской философии: в 4 т. Ленинград : Эго, 1991.
- Лосский Н.О. История русской философии / пер. с англ. Москва : Академический проект, 2007.
- Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В.С. Стёпин. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Мысль, 2010.
- Русская политическая мысль: О государстве, о стране, о народе: учебник для вузов / под ред. Г.Т. Сардаряна, Т.А. Алексеевой. Москва : Аспект Пресс, 2024. 807 с.

References

- Zenkovsky, V.V. (1991). *History of Russian philosophy*. In 4 volumes. Leningrad: Ego. (In Russian).
- Lossky, N.O. (2007). *The history of Russian philosophy*. Moscow: Academic Project. (In Russian).
- Stepin, V.S. (Ed.). (2010). *The New Philosophical Encyclopedia*. Moscow: Mysl'. (In Russian).
- Sardaryan, G.T., & Alekseeva, T.A., (Eds.). (2024). *Russian political thought: About the state, about the country, about the people*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).

Сведения об авторе:

Бухарин Михаил Дмитриевич — академик РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (e-mail: michabucho@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-3590-016X)

About the author:

Mikhail D. Bukharin — Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (e-mail: michabucho@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-3590-016X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-871-883
EDN: FVGKDA

Рецензия / Review article

Либеральный образ жизни как политико-философская проблема: размышления над книгой: Lefebvre A. Liberalism as a Way of Life. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2024. 285 p.

В.А. Гуторов^{1,2} , А.А. Ширинянец^{2,3}

¹Санкт-Петербургский государственный университет, *Санкт-Петербург,
Российская Федерация*

²Институт социологии ФНИСЦ РАН, *Москва, Российская Федерация*

³Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва,
Российская Федерация*

✉ jants@jandex.ru

Аннотация. Книга Александра Лефевра, профессора политологии и философии Сиднейского университета, далеко не случайно вызвала в западном академическом мире и политической публицистике довольно сложную гамму впечатлений сразу же после ее опубликования университетским издательством Принстонского университета. Ученых, несомненно, привлекала и одновременно несколько озадачивала представленная автором нетрадиционная интерпретация феномена либерализма. Если судить по контексту более ранних работ А. Лефевра, то его обращение к проблемам либерализма выглядит довольно неожиданно. Причина внезапного поворота ученого к теме либерализма вызвана рядом теоретических соображений политико-философского характера. Центральную роль в «стратегии» А. Лефевра играют заимствованные из библейской политической риторики понятие и образ «христианского царства» (Christendom). «Либеральное царство» (Liberaldom) представляет собой, по мнению А. Лефевра, смесь либерализма и других идеологий и систем, включая капитализм (с его индивидуализмом, материализмом и инструментализмом), демократию (с ее скрытым популизмом), национализм и интернационализм (с их патриотизмом и часто шовинизмом), меритократию (с ее расчетами ценности и вознаграждения), а также откровенно нелиберальные силы. Такой характер аргументации Лефевра вряд ли может быть воспринят позитивно многими реальными и потенциальными союзниками либерализма. В целом книга А. Лефевра отличается от многих апологетических сочинений, прежде всего, тем, что представленная в ней апология либерального образа жизни спонтанно приобретает откровенно консервативный оттенок.

© Гуторов В.А., Ширинянец А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: либерализм, либеральный образ жизни, консерватизм, христианство, ценности, идеологические дискурсы, политическая теория

Благодарности. Работа выполнена в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 г. по теме «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция и современные тенденции эволюции» (рег. номер ЕГИСУ НИОКТР 124082300044–4) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гуторов В.А., Ширинянц А.А. Либеральный образ жизни как политико-философская проблема: размышления над книгой: Lefebvre A. *Liberalism as a Way of Life*. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2024. 285 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. №4. С. 871–883. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-871-883>

Liberal Way of Life as a Political Philosophical Problem: Review of the Book: Lefebvre, A. (2024). *Liberalism as a Way of Life*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 285 p

Vladimir A. Gutorov^{1,2} , Aleksandr A. Shirinyants^{2,3}

¹St Petersburg University, *Saint Petersburg, Russian Federation*

²Institute of Sociology, *Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

³Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

✉ jants@jandex.ru

Abstract. It is no coincidence that the book by Alexandr Lefebvre, professor of political science and philosophy at the University of Sydney, has caused a rather complex range of impressions in the Western academic world and political journalism immediately after its publication by Princeton University Press. Scientists were undoubtedly attracted and at the same time somewhat puzzled by the author's rather unconventional interpretation of the phenomenon of liberalism. Judging by the context of A. Lefebvre's earlier works, his turn to the problems of liberalism seems quite unexpected. The reason for the scientist's sudden turn to the topic of liberalism is caused by a number of theoretical considerations of a political and philosophical nature. The central role in A. Lefebvre's "strategy" is played by the concept and image of the "Christian kingdom" (Christendom), borrowed from biblical political rhetoric. The "liberal kingdom" (Liberaldom) is, according to A. Lefebvre, a mixture of liberalism and other ideologies and systems, including capitalism (with its individualism, materialism and instrumentalism), democracy (with its latent populism), nationalism and internationalism (with their patriotism and often chauvinism), meritocracy (with its calculations of value and reward), as well as overtly illiberal forces. This character of Lefebvre's argumentation can hardly be perceived positively by many real and potential allies of liberalism. In general, A. Lefebvre's book differs from many apologetic works, first of all, in that the apology for the liberal way of life presented in it spontaneously acquires an overtly conservative shade.

Keywords: liberalism, liberal way of life, conservatism, Christianity, values, ideological discourses, political theory

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the State Assignment of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences for 2024 on the topic “Liberalism and Conservatism in the Political-Theoretical Dimension: Historical Tradition and Modern Evolutionary Trends” (Reg. number EGISU R&D 124082300044–4) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Gutorov, V.A., & Shirinyants, A.A. (2024). Liberal way of life as a political-philosophical problem: Review of the book: Lefebvre, A. (2024). *Liberalism as a Way of Life*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 285 p. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 871–883. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-871-883>

Не в первый раз обращаясь к жанру «интеллектуальной парадоксографии», мы выбираем в качестве объекта своего внимания те издания, которые явно не вписываются в традиционные каноны, вызывая неоднозначную реакцию [Болдин, Карипов, Ширинянц 2022; Гуторов, Ширинянц 2024; Гуторов, Ширинянц 2020; Гуторов, Ширинянц 2022]. В этом плане книга Александра Лефевра, профессора политологии и философии Сиднейского университета, является особенно примечательной. Сразу же после ее опубликования университетским издательством Принстона, она сформировала в западном академическом мире и политической публицистике довольно сложную гамму впечатлений. И это далеко не случайно. Ученых, несомненно, привлекала и одновременно несколько озадачивала представленная автором нетрадиционная интерпретация феномена либерализма. «В этой воодушевленной защите либерализма, — отмечает принстонский политический теоретик Гилфорд Джон Икенберри в своей рецензии в журнале *Foreign Affairs*, — Лефевр прославляет обычные, повседневные добродетели жизни в свободном и открытом обществе. Большинство людей определяют либерализм по его основным институтам, таким как индивидуальные права, верховенство закона, разделение властей, свободные выборы и открытые рынки. Лефевр утверждает, что более важной (и часто игнорируемой) чертой либерализма является его мировоззрение и система ценностей: размытые общественные основы, которые закрепляют разнообразие, толерантность и мультикультурализм. Понятия справедливости, равенства, уважения и открытости новым способам мышления закреплены в либеральной политической культуре. В книге излагаются аргументы с помощью увлекательных историй и зарисовок, демонстрирующих различные способы проявления либеральных принципов в повседневной жизни, включая комиков, высмеивающих политику идентичности, романы, анализирующие динамику власти гендера и класса, а также кодексы поведения для уважительных отношений на рабочем месте» [Ikenberry 2024: 190–191].

Конечно, далеко не все читатели книги были настроены столь благодушно. Например, в своей обширной рецензии в газете *The Washington Post* Бекка Ротфельд, литературный критик и издатель журнала *The Point*, весьма категорично утверждала: «Книга Лефевра, безусловно, забавна и игрива, но аргументы в пользу либерализма, которые он приводит, убедят только тех, кто уже погружен в культуру, которую он описывает. Прав ли он, говоря, что все мы варимся в таком однородном либеральном вареве?»¹.

Вполне возможно, что оба критических суждения по-своему правомерны. Во всяком случае, они вызваны отнюдь не названием работы А. Лефевра, которое, на наш взгляд, вряд ли может стать источником удивления и иных специфических эмоций. Сам по себе термин «либеральный образ жизни» уже на протяжении многих десятилетий является довольно распространенным не только в политической публицистике, но и в академических журналах и монографиях. Его диапазон охватывает практически все стороны либеральной традиции — от экономической жизни, партийных коалиций, парламентских дебатов, групповых идеологических пристрастий и мировоззренческих позиций политических теоретиков вплоть до характеристики методов ведения войны (см., например: [Duffield 2010: 53–76; Pridham 1983: 183–200; Brunet 1955: 570–580]). «В 1977 г., — отмечают М. Диллон и Дж. Рид в работе „Либеральный способ войны: убивать, чтобы заставить жизнь жить“, — выдающийся английский военный историк сэр Майкл Говард, в то время королевский профессор кафедры современной истории Оксфордского университета, прочитал в Кембриджском университете знаменитую серию Тревелияновских лекций. Лекции назывались „Война и либеральная совесть“ (1978)... Почетная дань, воздаваемая Говардом имени, которым были озаглавлены лекции, не помешали ему выступить с классическим обвинительным заключением против того, что мы намерены более прямо назвать „либеральным способом ведения войны“. В дискуссии, охватывающей ренессансный период от Эразма и Макиавелли до атлантического либерализма восемнадцатого века, утилитаристского либерального империализма девятнадцатого века, либерализма Вильсона, последовавшего за первой мировой войной, и, наконец, либерального крестового похода, характерного для холодной войны, Говард проследил возникновение того, что он называл „либеральной совестью“, а не „не просто убеждением или отношением“ и „внутренним побуждением действовать в соответствии с ними“... Джордж Маколей Тревелиян, говорит нам Говард: „...был вполне обычным явлением: чрезвычайно миролюбивый и добрый человек со страстным интересом к военным делам“. „Для него война была, — продолжал Говард, — самой сутью истории, и он без труда примирял ее со своим либерализмом“... Этот характерный портрет задает тональность, а равным образом и предмет критики Говарда. Либерализмом следует восхищаться за его ценности, но осуждать

¹ Rothfeld B. Will liberalism live? And does it deserve to? URL: <https://www.washingtonpost.com/books/2024/07/03/liberalism-way-life-alexandre-lefevre-review/> (accessed: 1.10.2024)

за его идеализм. Его сторонники имеют благие намерения, но их действия лишь усугубляют проблемы мира, чьи правила и динамику они систематически не в силах понять» ([Dillon, Reid 2009: 1–2]; см. также: [Dillon 1996; Dillon 2015: 3; ср.: Briggs 2015: 9–31]).

Если судить по контексту более ранних работ А. Лефевра, то его обращение к проблемам либерализма выглядит довольно неожиданно. В то время как термин «образ жизни» постоянно фигурирует в его предыдущих книгах и статьях (в том числе и в самих названиях), проблема либерализма затрагивается в них довольно условно, хотя возможностей для объединения этих концептов в единую сюжетную линию было немало. Например, в работе «Права человека как образ жизни: о политической философии Бергсона» (2013) А. Лефевр, характеризуя мировоззренческие ориентиры французского философа, в частности, отмечает: «До сих пор остается неизвестным тот факт, что у Бергсона имеется оригинальная концепция прав человека. Это вызывает и удивление, и стыд. Это удивительно, потому что на личном и практическом уровне Бергсон был глубоко предан реализации прав человека. Например, он тесно сотрудничал с администрацией Вудро Вильсона при создании Лиги Наций, а позднее был назначен президентом ее Международной комиссии по интеллектуальному сотрудничеству (предшественницы ЮНЕСКО). И хотя они никогда не встречались, Бергсон оказал глубокое влияние на Джона Хамфри, который был главным автором *Всеобщей декларации прав человека*. Это также постыдно, поскольку акцент на правах человека выявляет наиболее актуальное и сложное измерение политической философии Бергсона: очертания образа жизни, который представляет собой не что иное, как трансформацию восприятия» [Lefebvre 2013: XVI].

Казалось бы, сюжетная линия, позволяющая связать концепт «образ жизни» с идеей либерального интернационализма, родоначальником которого по праву считается именно Вудро Вильсон (см.: [Ikenberry 2009: 71–87; Jahn 2013; Young 2014: 766–769]), «напрашивается» довольно настоятельно. Но А. Лефевр этот момент вполне сознательно опускает, равно как и проблему либерализма как таковую. Отсутствует интерес к либерализму и либеральной политической философии и в других его работах (см., например: [Bergson, politics, and religion 2012; Lefebvre 2013: 206–214; Lefebvre 2017: 2–14; Lefebvre 2018; Interpreting Bergson 2020]).

Тем не менее причина внезапного, на первый взгляд, поворота к теме либерализма, если судить по некоторым комментариям, размещенным на персональном сайте автора, вызвана рядом теоретических соображений именно *политико-философского характера*. Можно также предположить, что основные проблемы А. Лефевра имеют тесную взаимосвязь с философскими проблемами и дилеммами, сформулированными в книге его знаменитого однофамильца Анри Лефевра «Повседневная жизнь в современном мире» [Lefebvre 2024b].

«За последнее десятилетие, — отмечает А. Лефевр, — мои исследования были сосредоточены на одной большой идее: *то, что мы обычно считаем „политическими“ идеями, может и действительно вдохновляет на богатый и полезный*

образ жизни. Это особенно актуально для тех мест в мире, где религия сдает свои позиции. Что-то должно и будет заполнять этот пробел и обеспечивать систему ценностей, связное повествование о себе и мире, а также практики, которые делают это реальным и долгосрочным. Я считаю, что политические идеи и институты часто выполняют эту работу, и я написал три книги на эту тему — *„Права человека как образ жизни: о политической философии Бергсона“* (Stanford, 2013), *Права человека и забота о себе* (Duke, 2018) и *Либерализм как образ жизни* (Princeton, 2024). Мой следующий проект *„Политика и духовное мастерство“* выводит эту идею на глобальный уровень и исследует, каким образом различные режимы (включая Китай, исламские государства, а также популистские и авторитарные страны) сегодня культивируют характер и ощущение собственного „Я“ ... Моя последняя книга *„Либерализм как образ жизни“* (Принстон, 2024) повествует о том, что многие из нас являются либералами до мозга костей и черпают из либерализма свои ценности (и свое понимание того, что хорошо, правильно, нормально, возмутительно, неправильно, смешно, полезно и многое другое)» [Lefebvre].

Возникает естественный вопрос — насколько рецензируемая книга действительно отражает обозначенные автором перспективные замыслы? Уже в предисловии к рецензируемой работе А. Лефевр выражает твердую и предельно нормативную уверенность в том, что большинство его будущих читателей «должны определить *либерализм* как источник своих ценностей: не только своих политических взглядов, но и того, кем они являются во всех отношениях (through and through). Либерализм — это такая вещь, которая формирует на общественном и цивилизационном уровнях все, что может лежать в основе того, кем вы (и я, и мы) являетесь во всех слоях общества — от семьи до работы, от дружбы до вражды, от юмора до поругания и всего, что находится между ними» [Lefebvre 2024a: 6]. В дальнейшем Лефевр даже рассматривает свое представление о либеральном образе жизни как «всеобъемлющую доктрину» (comprehensive doctrine), полностью перекрывающую соответствующее определение Д. Ролза — «то, что имеет ценность в жизни, идеалы личного характера, а также идеалы дружбы, семейных и общественных отношений и многое другое, что должно определять наше поведение и, в конечном счете, нашу жизнь в целом» [Rawls 2005: 13; Lefebvre 2024a: 78]. Однако основным трудом, который, по словам самого автора, стал для него «источником вдохновения», является книга Х. Розенблатт «Утраченная история либерализма: от древнего Рима к двадцать первому веку»: «Розенблатт идентифицирует либерализм как изобретение XIX века. Там, где Розенблатт спрашивает, что означало быть либералом для XIX века, я попытался сделать то же самое для сегодняшнего дня» ([Lefebvre 2024a: 48; см. также: [Rosenblatt 2018: 4–7]).

Согласно Лефевру, принятие либерализма как мировоззрения и системы ценностей неизбежно в западных обществах, поскольку в последние десятилетия он проник не только в СМИ, поп-культуру, государственные школы и университеты, но и в «фундаментальные аспекты повседневного существования», такие как сексуальность, воспитание детей, дружба и профессиональная жизнь

[Lefebvre 2024a: 12]. В качестве доминирующей социальной и политической идеологии за последние два столетия либерализм обрел множество измерений — от «протолиберализма» раннего модерна до классического либерализма XIX в., «либерализма холодной войны», социальной демократии и эгалитаризма вплоть до неолиберализма. «Также существуют отличительные географические традиции, которые следует соблюдать, в том числе американские, британские, французские, немецкие, итальянские и латиноамериканские. Термин может даже означать совершенно разные вещи в зависимости от национального контекста» [Lefebvre 2024a: 20].

Столкнувшись с этим сложным ландшафтом, философы и историки приняли, по мнению Лефевра, две разные стратегии. Одна из них заключается в том, чтобы обозначить идею, характеризующую «истинное ядро либерализма», и далее разрабатывать «историческое повествование», утверждающее аутентичность последнего. «Другой путь вперед — открыть шлюзы и изобразить либерализм как крайне противоречивую сумму его частей. Как утверждает ведущий исследователь этой „контекстуалистской“ стратегии: „Это пластичная, изменчивая вещь, сформированная и переформатированная под влиянием мыслительных практик отдельных индивидов и групп; и хотя она должна иметь приблизительно идентифицируемую модель, чтобы мы могли последовательно называть ее одним и тем же именем ‘либерализм’, она также представляет собой бесчисленное множество вариаций, которые отражают поставленные вопросы и позиции, занятые различными либералами“» [Lefebvre 2024a. P. 21; Freedon 2009: 20].

И все же, на наш взгляд, центральную роль в «стратегии» А. Лефевра играют заимствованные из библейской политической риторики понятие и образ «христианского царства» (Christendom): «Что такое либеральное царство (liberaldom)? То же, что и христианство — компромисс. Христианство — это удобный и полустабильный брак между христианством, светским государством и капиталистическим гражданским обществом. Это также, по словам исследователя творчества Кьеркегора, „малодушная капитуляция перед нехристианскими ценностями, которая грозит разрушить жизнь духа“... Таким образом, либеральное царство представляет собой смесь либерализма и других идеологий и систем, включая капитализм (с его индивидуализмом, материализмом и инструментализмом), демократию (с ее скрытым популизмом), национализм и интернационализм (с их патриотизмом и часто шовинизмом), меритократию (с ее расчетами ценности и вознаграждения), а также откровенно нелиберальные силы (такие как расизм и патриархат), укоренившиеся в наших институтах и установках... Либеральное царство, можно сказать, это трусливая капитуляция перед нелиберальными ценностями, которые грозят разрушить ваш и мой дух... Тем не менее мы без труда понимаем того, кто говорит: „Я христианин“. Почему для либералов планка должна быть выше? Мы „либералы“ в той же степени и глубине, в какой они — „христиане“» [Lefebvre 2024a: 18, 117].

Своеобразным финальным аккордом можно считать следующее откровенное заявление автора: «Эта книга написана не для читателей, которые враждебно

относятся к либерализму. Не потому, что они находятся вне его пределов, а потому, что их высшие ценности низводят ценности либерализма до второсортного статуса или даже хуже» [Lefebvre 2024a: 169].

Следует отметить, что, на наш взгляд, такой характер аргументации Лефевра вряд ли может быть воспринят позитивно многими реальными и потенциальными союзниками либерализма, которые скептически настроены ко многим либеральным теориям и практикам как таковым. Среди последних особенно выделяются труды Реймонда Гойса — одного из наиболее выдающихся современных политических философов. «Конечно, — отмечает Гойс в книге „Не думая как либерал“, — вокабуляр „либерализма“ является доминирующим и практически всепроникающим языком нашей мысли и речи, и я не могу утверждать, что он на меня совершенно не повлиял. Его терминология и концепции определяют даже повседневный язык, который мы используем. Это означает, что такой человек, как я, должен быть постоянно двуглазым и двуязычным. В повседневной жизни я использую термины, которые, как я знаю, вызывают у меня глубокие сожаления или которые я отвергаю, но я не в состоянии, если я хочу избежать постоянного и бессмысленного педантизма или полного непонимания, использовать какие-либо другие с той беглостью и непосредственной очевидностью, которые требуются для легкого повседневного общения. Поэтому, хотя я и атеист, я ловлю себя на мысли, что говорю что-то вроде „Если это произойдет, то да поможет нам всем Бог“, не думая, что это обязывает меня даже верить в существование бога (богов), а тем более в какую-то определенную теологию, в которой предполагаемый бог (боги) был (и) достаточно заинтересован (ы) в судьбах человечества, чтобы имело смысл взывать к его, ее, их или чьей-либо помощи» ([Geuss 2022: 163]; см. также: [Geuss 2005: 11–28; Putnam 2017a: 71–86; Putnam 2017b: 87–107; Bernstein 2013]).

Но в конечном итоге, понять А. Лефевра вполне возможно, учитывая тот непреложный факт, что в последние десятилетия число радикальных противников либерализма постоянно возрастает по многим причинам. Например, характеризуя эволюцию либеральной мысли и политики в последние несколько десятилетий, американский политический теоретик Патрик Денин, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечал: «Почти все обещания, данные архитекторами и создателями либерализма, разлетелись вдребезги. Либеральное государство расширяется, чтобы контролировать практически все аспекты жизни, в то время как граждане считают правительство далекой и неконтролируемой силой, которая лишь усиливает их чувство бессилия, неустанно продвигая проект „глобализации“. Единственные права, которые сегодня кажутся надежными, принадлежат тем, у кого достаточно богатства и положения, чтобы их защищать, а их автономия, включая права собственности, избирательное право и сопутствующий ему контроль над представительными институтами, религиозную свободу, свободу слова и безопасность документов и жилища, все больше подрывается юридическими реалиями или технологическими *fait accompli*. Экономика благоприятствует новой „меритократии“, которая увековечивает свои преимущества посредством преемственности поколений,

подкрепленной образовательной системой, которая неустанно отсеивает победителей от проигравших. Растущая дистанция между заявлениями либерализма и его действительностью все больше подстегивает сомнения относительно этих заявлений, а не порождает веру в то, что разрыв будет сокращен. *Либерализм потерпел неудачу — не потому, что он не оправдал ожиданий, а потому, что он был верен себе. Он потерпел неудачу, потому что он преуспел* [курсив наш — В.Г., А.Ш.]. По мере того, как либерализм „становился все более самим собой“, по мере того, как его внутренняя логика становилась все более очевидной, а его внутренние противоречия — прозрачными, он порождал патологии, которые, будучи деформациями его претензий, тем не менее, одновременно являются реализациями либеральной идеологии» [Deneen 2018: 2–3; см. также: Deneen 2023: 12].

В этих условиях для того, чтобы развивать идею либерального образа жизни, невзирая на многочисленных интеллектуальных оппонентов и откровенных политических противников либерализма и неолиберальных экспериментов, нужно воистину обладать особым умонастроением, в котором кьеркегоровская резиньяция и чувство подвижничества образуют довольно сложную амальгаму. Возможно, А. Лефевр даже не осознает, что у него были довольно древние предшественники. В эпоху Римской империи подобные настроения были очень характерны для ранних христианских апологетов. Например, в «Послании Диогнету» (II в. н.э.) неизвестный автор говорит нам о том, что христиане не отличаются от других «ни по языку, ни по обычаям, которые они соблюдают». Христианское призвание состоит не в том, чтобы создавать свою собственную страну, язык или обычай отдельно от других. «Но, поселившись как в греческих, так и варварских городах, согласно судьбе, предопределенной каждому из них, и следуя обычаям туземцев в отношении одежды, пищи и остальной части их обычного поведения, [христиане] показывают нам свой замечательный и откровенно поразительный способ жизни. Они живут в своих странах, но просто как пришельцы. Как граждане, они разделяют все вещи с другими, но все же терпят всё, как будто они иностранцы. Каждая иностранная страна для них является родной, и каждая земля, где они родились, является словно землей чужеземцев. Они вступают в брак, как и все [другие]; они рожают детей; но они не уничтожают свое потомство [*надо полагать, в войнах народов друг с другом* — ВГ, АШ]. У них есть общий стол, но не общая кровать. Они во плоти, но они не живут по плоти. Они проводят свои дни на земле, но они являются гражданами небес» ([The Apostolic Fathers 2003: 138–139]; см. также: [The Epistle to Diognetus 2024: 15 sq.]).

В целом книга А. Лефевра отличается от многих апологетических сочинений, прежде всего, тем, что представленная в ней апология либерального образа жизни спонтанно приобретает *откровенно консервативный оттенок*. Можно быть почти уверенным в том, что автор легко подписался бы под следующей замечательной характеристикой консервативного образа жизни, представленной в эссе Майла Оукшотта «Что значит быть консерватором», заменив, конечно же, термин «консерватор» термином «либерал». Впрочем, в такой замене нет

особого смысла, поскольку Оукшотт по праву считается одним из наиболее типичных представителей европейского либерального консерватизма: «Общая уверенность в том, — отмечал Оукшотт, — что представляется невозможным (а если это даже и возможно, то обещает слишком мало, чтобы ради этого стоило предпринимать попытку) установить объяснительные общие принципы, на основе которых поведение признается консервативным, не относится к числу тех, которые я разделяю. Вполне возможно, что консервативное поведение не вызывает большого желания артикулировать его на языке общих идей и, следовательно, не возникает особой предрасположенности предпринимать разъяснения такого рода. Однако нельзя представлять дело так, что консервативное поведение является менее предпочтительным по сравнению с любым другим по причине той интерпретации, которой оно заслуживает... Быть консерватором означает стремление думать и вести себя определенным способом. Это означает предпочитать всем другим определенные виды поведения и определенные случаи, порождающие условия человеческой жизни. Это предрасполагает также к определенным видам предпочтений... Общие характеристики такого рода предрасположенности различить нетрудно, хотя их нередко принимают за что-то иное. Центральное положение среди них занимает склонность скорее пользоваться и наслаждаться тем, что доступно, чем желать или стремиться к чему-то другому, испытывать радость от того, что находится в настоящем, а не от того, что было или, возможно, будет. Размышление может пролить свет на причины, вследствие которых мы испытываем подобающую благодарность тому, что приносит нам пользу и, следовательно, признательность за дары и наследство, доставшееся нам от прошлого, но это не означает, что мы будем поклоняться только тому, что уже стало прошлым и исчезло... Быть консерватором означает поэтому предпочитать знакомое неизвестному, предпочитать испытанное неиспробованному, факт — тайне, действительное — возможному, ограниченное — беспредельному, близкое — далекому, достаточное — избытку, подходящее — совершенному, заставляющее смеяться теперь — утопическому блаженству» [Oakeshott 1962: 168–169].

В любом случае получается, что А. Лефевр решительно отказывается (*a priori* и *a posteriori*!) стать политическим теоретиком и внести в развитие современной либеральной мысли вклад, аналогичный тому, что был сделан, например, Робертом Низбетом в работе «Консерватизм: мечта и реальность» [Nisbet 1986]. Скорее, он стремится, причем вполне сознательно и ответственно, выступать в роли своеобразного «культуртрегера», популяризирующего сугубо персональную версию либерального образа жизни, пространно разработанную в его книге. Так или иначе, к либеральной ментальности добавлен еще один заметный штрих, характеризующий ее, на этот раз, отнюдь не с худшей стороны.

Поступила в редакцию / Received: 06.10.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 08.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2024

Библиографический список / References

- Болдин В.А., Карипов Б.Н., Ширинянц А.А., «Значимый другой»: размышления над книгой «„Культура духа“ vs „Культура разума“: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках: коллективная монография / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2022. 1080 с. илл.». *Уральский исторический вестник*. 2022. № 4 (77). С. 188–191.
- Boldin V.A., Karipov B.N., & Shirinyants, A.A. (2022). “The Significant Other”: reflections on the book “Culture of the Spirit” vs “Culture of reason”: intellectuals and power in Britain and Russia in the XVII–XVIII centuries: a collective monograph. Moscow: Aquilon. *Ural Historical Journal*, 4(77), 188–191. (In Russian).
- Гуторов В.А., Ширинянц А.А. Идея конкуренции в международной политической теории: некоторые актуальные аспекты дискуссии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 2. С. 133–144. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.12>
- Gutorov, V.A., & Shirinyants, A.A. (2024). The idea of competition in international political theory: Some current aspects of the discussion. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 29(2), 133–144. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.12>
- Гуторов В.А., Ширинянц А.А. О некоторых особенностях теоретических дискуссий о коммунизме в XXI веке (размышления о книге Коммунизм. Антикоммунизм. Русофобия / авт. кол.: П.П. Апрышко и др. Москва : Мир философии, Алгоритм, 2019. 95 с.) // Вопросы философии, 2020. № 9. С. 64–74.
- Gutorov, V.A., & Shirinyants, A.A. (2020). On some features of theoretical discussions about communism in the XXI century (reflections on the book *Communism. Anti-communism. Russophobia* / P.P. Apyrshko et al. Moscow: The world of philosophy, Algorithm, 2019. 495 p.). *Voprosy Filosofii*, (9), 64–74. (In Russian).
- Гуторов В.А., Ширинянц А.А. Свобода личности против «свободного государства»: иллюзорная дилемма или реальность? (Размышления над книгой Aguila Marchena L. del. *Communism Political Power and Personal Freedom in Marx: Beyond the Dualism of Realms*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021. 282 p.). Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2022, Вып. 79. С. 374–380.
- Gutorov, V.A., & Shirinyants, A.A. (2022). Personal freedom versus “free state”: An illusory dilemma or reality? (Reflections on the book by Aguila Marchena L. del. *Communism, Political Power and Personal Freedom in Mars: Beyond the Dualism of Realms*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021. 282 p.). *Dialogue with Time. The Almanac of Intellectual History*, 79, 374–380.
- Alexandre Lefebvre interviews Paul Patton. (2013). *Contemporary Political Theory*, 12(3), 206–214.
- Bernstein, R.J. (2013). *New constellation: The ethical-political horizons of modernity/postmodernity*. Cambridge: Polity Press.
- Briggs, L. (2015). Imperialism as a way of life: Thinking sex and gender in American Empire. *Radical History Review*, 123, 9–31.
- Brunet, M., & Lower, A.R.M. (1955). This most famous stream: The liberal democratic way of life. Toronto: The Ryerson Press, 1954. 193 p. *Revue d'histoire de l'Amérique Française*, 8(4), 570–580.
- Deneen, P.J. (2023). *Regime change: Toward a postliberal future*. New York: Sentinel.
- Deneen, P.J. (2018). *Why liberalism failed*. New Haven. London: Yale University Press.
- Dillon, M. (1996). *Politics of security: Towards a political philosophy of continental thought*. London; New York: Routledge.

- Dillon, M. (2015). *Biopolitics of security: A political analytic of finitude*. London. New York: Routledge.
- Dillon, M., & Reid, J. (2009). *The liberal way of war: Killing to make life live*. London; New York: Routledge.
- Duffield, M. (2010). The Liberal way of development and the development—security impasse: Exploring the global life-chance divide. *Security Dialogue*, 41(1), 53–76.
- Ehrman, B.D. (Ed.). (2003). *The Apostolic Fathers. Volume II: Epistle of Barnabas, Papias and Quadratus. Epistle to Diognetus. The Shepherd of Hermas*. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press.
- Freeden, M. (2009). *Liberal languages: Ideological imaginations and twentieth century progressive thought*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Guess, R. (2005). Liberalism and its discontents. In Geuss R. *Outside ethics* (pp. 11–28). Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Guess, R. (2022). *Not thinking like a liberal*. Cambridge, Massachusetts; London: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Ikenberry, J.G. (2024). Liberalism as a Way of Life. By Alexandre Lefebvre Princeton University Press. *Foreign Affairs*, May/June 2024, 190–191.
- Ikenberry, G.J. (2009). Liberal internationalism 3.0: America and the dilemmas of liberal world order. *Perspective on Politics*, 7(1), 71–87.
- Jacob Jacob N. (Ed.). (2024). *The Epistle to Diognetus: The greek text with introduction, translation, and notes by Henry G. Meecham*. Cerone. Eugene, Oregon: Pickwick Publications.
- Jahn, B. (2013). *Liberal internationalism: Theory, history, practice*. London: Palgrave Macmillan.
- Lefebvre, A. (2017). The end of a line: Care of the self in modern political thought. *Genealogy*, 1(2), 2–14.
- Lefebvre, A. (2018). *Human rights and the care of the self*. Durham; London: Duke University Press.
- Lefebvre, A. (2024a). *Liberalism as a way of life*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Lefebvre, A. (2013). *Human rights as a way of life: On Bergson's political philosophy*. Stanford, California: Stanford University Press.
- Lefebvre, A. (2024b). *Everyday life in the modern world*. London; New York: Routledge.
- Lefebvre, A., & White, M. (Eds.). (2012). *Bergson, politics, and religion*. Durham; London: Duke University Press Books.
- Lefebvre, A., & Schott, N.F., (Eds.). (2020). *Interpreting Bergson: Critical essays*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nisbet, R. (1986). *Conservatism: Dream and reality*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Oakeshott, M. (1962). *Rationalism in politics and other essays*. London: Methuen.
- Pridham, G. (1983). Not so much a programme—more a way of life: European perspectives on the British SDP/Liberal alliance. *Parliamentary Affairs*, 36(2), 183–200.
- Putnam, R.A. (2017a). Weaving Seamless Webs. In H. Putnam, R.A. Putnam & D. MacArthur (Eds.), *Pragmatism as a way of life: the lasting legacy of William James and John Dewey* (pp. 71–86). Cambridge, Massachusetts; London: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Putnam, R.A. (2017b). Rorty's vision: Philosophical courage and social hope. In H. Putnam, R.A. Putnam & D. MacArthur (Eds.), *Pragmatism as a way of life: the lasting legacy of William James and John Dewey* (pp. 87–107). Cambridge, Massachusetts; London: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Rawls, J. (2005). *Political liberalism*. Expanded Edition. New York: Columbia University Press.
- Rosenblatt, H. (2018). *The lost history of liberalism*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Young, T. (2014). Liberal world orders/liberal internationalism: theory, history, practice. *Cambridge Review of International Affairs*, 27(4), 766–769.

Сведения об авторах:

Гуторов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии СПбГУ; ведущий научный сотрудник, ФНИСЦ РАН (e-mail: gut-50@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8063-2558)

Шириняц Александр Андреевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, ФНИСЦ РАН (e-mail: jants@jandex.ru) (ORCID: 0000-0002-6949-2256)

About the authors:

Vladimir A. Gutorov — Dr.Sc. (Philosophy) Professor, Head of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, St Petersburg University; Leading Researcher of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (e-mail: gut-50@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8063-2558)

Aleksandr A. Shirinyants — Dr.Sc. (Political Science) Professor, Head of the Department of History of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (e-mail: jants@jandex.ru) (ORCID: 0000-0002-6949-2256)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
